UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00322846 7

PG
3453
B7
1913a
t.13

Brjusov, Valerij Jakovlevich I.
(14)

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ

Polnoe sobranie sochinenij i perevodov

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ И ПЕРЕВОДОВЪ

Томъ XIII

АЛТАРЬ ПОБѢДЫ

Повѣсть IV вѣка. (Книги III и IV).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Издательство „Сиринъ"
1913

LIBRARY
AUG 9 1971
UNIVERSITY OF TORONTO

PG
3453
B7
1913a
t. 13

Всѣ права сохранены.

ТОМЪ 12. Алтарь Побѣды. Повѣсть IV вѣка. Книги I—II (1 изданіе). Спб. 1913 г. Стр. 284 + XI.
ТОМЪ 13. Алтарь Побѣды. Книги III—IV. Повѣсть IV вѣка (1-е изданіе).
ТОМЪ 14. Юпитеръ поверженный. (1-е изданіе).
ТОМЪ 15. Драмы: Земля, Путникъ, Протесилай умершій и др. (1-е изданіе).
ТОМЪ 16. Далекіе и близкіе. Статьи и замѣтки о русскихъ поэтахъ отъ Тютчева до нашихъ дней (2-е изданіе, дополненное).
ТОМЪ 17. Статьи біографическія. Статьи по иностранной литературѣ (1-е изданіе).
ТОМЪ 18. Звенья. Статьи теоретическія. Статьи о театрѣ. (1-е изд.).
ТОМЪ 19. Мой Пушкинъ. Изслѣдованія и замѣтки о Пушкинѣ, біографическія, критическія и библіографическія (1-е изданіе).
ТОМЪ 20. За моимъ окномъ. Встрѣчи, впечатлѣнія, мысли (2-е изданіе, значительно дополненное).
ТОМЪ 21. Французскіе лирики XIX вѣка. Переводы (въ стихахъ) и характеристики (2-е изданіе, дополненное).
ТОМЪ 22. Поль Верленъ. Собраніе стиховъ въ переводѣ и критико-біографическій очеркъ (2-е изд., дополн.).
ТОМЪ 23. Эмиль Верхарнъ. Критико-біографическій очеркъ. Собраніе стиховъ въ переводѣ. Елена Спартанская. Драма (2-е изданіе, дополненное).
ТОМЪ 24. Эдгаръ По. Собраніе стиховъ въ переводѣ и критико-біографическій очеркъ (1-е изданіе).
ТОМЪ 25. Разные переводы въ стихахъ (1-е изданіе).

Цѣна по подпискѣ на 25 томовъ при уплатѣ впередъ стоимости всего изданія—25 р. Допускается разсрочка платежа: при подпискѣ вносится 3 руб. и при выходѣ каждаго тома 1 р. 25 к., послѣдніе 2 тома—безплатно. Желающимъ получать съ доставкой, книги высылаются налож. платежемъ, пересылка по дѣйствительной стоимости. Въ отдѣльной продажѣ цѣна каждаго тома 1 р. 75 к.

Подписка принимается въ конторѣ издательства „Сиринъ“ СПБ., Пушкинская, 10.

АЛТАРЬ ПОБѢДЫ

КНИГА ТРЕТЬЯ.

I.

Въ Римъ изъ Медіолана я пріѣхалъ совсѣмъ больнымъ, такъ что плохо сознавалъ даже, что̀ со мной происходитъ. Старикъ Авреліанъ отвезъ меня въ домъ Симмаха, и тамъ жена славнаго оратора, Рустиціана, приняла меня съ истиннымъ участіемъ. Мнѣ дали прекрасную комнату, гдѣ меня уложили въ постель, и ко мнѣ позвали знаменитаго медика Эвсебія, который случайно былъ въ Городѣ.

Эвсебій, тщательно меня осмотрѣвъ и изслѣдовавъ, даже выстукавъ все тѣло молоточкомъ и выслушавъ ухомъ біеніе моего сердца по способу Гиппократа, нашелъ, что я боленъ острой лихорадкой, предписалъ мнѣ лежать покойно въ теченіе десяти дней, ничѣмъ не волноваться и назначилъ мнѣ множество лѣкарствъ, которыя я долженъ былъ принимать поочередно, черезъ равные промежутки времени. Ухаживать за мной Рустиціана приказала тому же Авреліану, который успѣлъ ко мнѣ привыкнуть за дни нашего путешествія, а за тѣмъ, чтобы я правильно принималъ лѣкарства, вызвалась слѣдить Валерія, родственница Рустиціаны, старая дѣвушка, лѣтъ сорока, жившая въ домѣ Симмаха. Первое время я былъ такъ слабъ, что почти неподвижно лежалъ цѣлые дни въ постели, подчинялся, не споря, всѣмъ приказаніямъ медика и въ положенные часы пилъ горькія настойки изъ травъ и глоталъ разныя цѣлительныя снадобья.

Исполняя совѣтъ Симмаха, данный имъ въ письмѣ, Русти-

ціана не извѣстила Тибуртина о моемъ возвращеніи въ Городъ, и никто не зналъ, что я нахожусь въ Римѣ. Жизнь въ домѣ шла очень тихо, такъ какъ Рустиціана, соревнуя въ добродѣтели съ матерью Гракховъ, считала неприличнымъ принимать посѣтителей въ отсутствіе мужа, и даже на утреннее привѣтствіе являлся лишь небольшой кругъ самыхъ близкихъ кліентовъ. Рано вечеромъ двери запирались, вездѣ гасились огни и всѣ расходились по своимъ комнатамъ. Поэтому въ теченіе многихъ дней я въ Римѣ былъ столь же одинокъ, какъ въ своей темницѣ, и у меня было достаточно досуга для размышленій.

Тягостныя событія, пережитыя мною за послѣдніе два мѣсяца, сильно измѣнили мою душу и заставили меня задуматься надъ такими вопросами, къ которымъ я прежде относился съ юношескимъ легкомысліемъ. Воспитанный въ семьѣ, гдѣ благочестиво сохранялись всѣ завѣты отцовъ, гдѣ соблюдались всѣ обычаи старины, гдѣ предъ домашнимъ лараріемъ всегда курился дымъ и ежедневно совершались возліянія,— я съ дѣтства привыкъ чтить боговъ безсмертныхъ, и имъ поклоняться мнѣ казалось столь же естественнымъ, какъ дышать. Потомъ любовь къ величію Рима, ко всему, что было имъ создано въ вѣка его лучшей славы, когда Римляне весь міръ покоряли силой меча и всему міру давали благо своихъ законовъ, любовь къ прекраснымъ стихамъ нашихъ поэтовъ и къ величественнымъ сооруженіямъ нашихъ художниковъ заставила меня видѣть врага во всякомъ, кто поднималъ руку на тѣ вѣрованія, придерживаясь которыхъ, наши дѣды вознесли до звѣздъ славу имени Римскаго. Никогда однако я не пытался измѣрить глубину своей вѣры, подобно тому, какъ моряки измѣряютъ лотомъ глубину воды въ морѣ, и никогда не требовалъ у себя отчета, подлинно ли я вѣрую въ боговъ такъ, какъ христіане вѣруютъ въ своего Христа. Теперь же, когда я лично увидѣлъ ожесточенную борьбу между приверженцами двухъ религій, когда по волѣ Судьбы мнѣ довелось присутствовать на тайныхъ собраніяхъ проповѣдниковъ новой вѣры, когда на примѣрѣ Реи я убѣдился, что всю свою жизнь

можно посвятить служенію святынѣ, — я почувствовалъ, что въ моей душѣ поселился и ядовитыми глазами озираетъ все басилискъ сомнѣнія: истинна ли моя вѣра.

О своихъ тайныхъ думахъ мнѣ не съ кѣмъ было говорить, кромѣ Валеріи, и, какъ только мой недугъ сталъ ослабѣвать, какъ только успокоились постоянныя боли въ головѣ и прояснилось мое сознаніе, я невольно повѣдалъ ей о томъ, что̀ меня въ тѣ дни всего больше занимало. Валерія была некрасива, у нея было сухое лицо темно-сѣраго цвѣта, тонкія безкровныя губы и впалая грудь, но она была образована, какъ рѣдко бываютъ женщины, читала много книгъ, знала медицину и обладала познаніями въ естественной исторіи. Все это, а также то, что она жила въ домѣ Симмаха, знаменитаго ревнителя религіи и преданій предковъ, не мѣшало ей имѣть склонность къ ученію христіанъ, хотя открыто она не принадлежала къ ихъ общинѣ и не посѣщала ихъ храмовъ.

Большею частью разговоры наши происходили поздно вечеромъ, когда все въ домѣ стихало. Валерія приходила ко мнѣ напомнить, что я долженъ принять какое-нибудь вечернее лѣкарство, потомъ садилась около моего ложа, и я начиналъ повѣрять ей свои сомнѣнія. Одѣтая во все черное, Валерія напоминала не то христіанскую монахиню, не то древнюю Сибиллу; она выслушивала меня съ терпѣніемъ и отвѣчала мнѣ медленно, не волнуясь, ровнымъ голосомъ. Ея отвѣты и разсужденія всегда были такъ умны и обстоятельны, что я не могъ не признать ложнымъ мнѣніе древнихъ о томъ, что женщина не способна къ философіи. И иногда приходило мнѣ въ голову, какой замѣчательный былъ бы въ мірѣ мудрецъ, если бы возможно было соединить въ одно умъ тѣхъ четырехъ человѣкъ, съ которыми свела меня судьба: глубокія мысли Энделехія съ блестящими соображеніями Симмаха, изящныя поученія Гесперіи съ обдуманными рѣчами Валеріи.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ я задалъ Валеріи вопросъ, одинакова ли вѣра у приверженцевъ религіи предковъ и у христіанъ.

— Я наблюдалъ и тѣхъ и другихъ, — сказалъ я,—и мнѣ представляется, что не одно и то же разумѣютъ христіане, говоря fides, и мы, говоря opinio dei. Мы воспитаны поэтами и философами, мы о богахъ привыкли думать и принимаемъ ихъ, такъ сказать, умомъ. Христіане, — хотя въ послѣднее время, подражая намъ, они тоже пишутъ философскіе трактаты,—не столько думаютъ о Богѣ, сколько ощущаютъ вѣру въ своей душѣ. Мы въ жизни ищемъ радостей, почестей, славы, а христіане какъ будто не о чемъ другомъ не заботятся, кромѣ прославленія имени Божія: ни о чемъ не хотятъ говорить, кромѣ своей религіи, все на свѣтѣ готовы погубить ради проповѣди своего ученія. Мы чтимъ боговъ, мы имъ поклоняемся, мы имъ приносимъ жертвы, но этому отводимъ лишь часть своей жизни, а христіане всѣ словно помѣшаны и каждую минуту способны перейти въ изступленіе. Въ нашей религіи все ясно и разумно: такова и наша вѣра; христіанское ученіе постоянно твердитъ о чудѣ: такова и ихъ вѣра, непонятная и безумная.

Подумавъ надъ моими словами, Валерія вотъ что̀ отвѣтила мнѣ, словно объясняя урокъ ученику:

— Я полагаю, Юній, что всѣ религіи говорятъ объ одномъ и томъ же. Римляне завоевали весь міръ, и у всѣхъ народовъ нашли вѣру въ Бога. Одни поклоняются Исидѣ, другіе—Баалу, мы—Юпитеру, но всѣ чтутъ божество, θεόν. Есть въ человѣкѣ особое влеченіе къ божеству, изъ чего и возникла религія, какъ есть особое влеченіе къ познанію, создавшее науки, и особое влеченіе къ подражанію, создавшее искусства. Это влеченіе къ божеству не что иное, какъ желаніе постичь сокровенныя тайны вселенной. Религія открываетъ эти тайны, но для каждаго народа открываетъ въ разныхъ, ему доступныхъ образахъ. Подъ одними образами разсказывали народу объ этихъ тайнахъ жрецы въ Египтѣ, подъ другими—намъ наши поэты, Гомеръ и Гесіодъ, подъ третьими—Христосъ своимъ послѣдователямъ. Простые люди видятъ только разсказы, которые между собой отличаются. Философы же понимаютъ, что Осирисъ растерзанный, или Бакхъ страждущій, или Хри-

стосъ распятый—это одно и то же. Поэтому всѣ религіи равны между собой, ни одно ученіе не болѣе истинно и никакая вѣра не болѣе подлинна.

Другой разъ я указалъ Валеріи на то различіе, что боги являлись въ міръ въ отдаленной древности, когда божественное еще смѣшивалось съ земнымъ, а Христосъ жилъ на памяти историковъ, при императорѣ Тиберіи, и по виду ничѣмъ не отличался отъ другихъ людей.

— Все въ разсказахъ о богахъ,—говорилъ я,—прекрасно и воистину божественно; все въ сказаніи о Христѣ низменно и обыкновенно. Боги вмѣшивались въ великія событія, боги помогали въ войнѣ Грековъ съ Троянами. Діоскуриды являлись въ великой битвѣ при Региллѣ, а Христосъ воскрешалъ невѣдомыхъ Евреекъ въ маленькой Палестинѣ и чудомъ насыщалъ случайную толпу при Геннисаретскомъ озерѣ. Осирисъ былъ растерзанъ Тифономъ, тоже божествомъ, а Христосъ судимъ нашимъ прокураторомъ и распятъ, какъ разбойникъ, Римскими легіонаріями. Почему Христосъ, будучи Богомъ, всемогущимъ и всевѣдущимъ, не прошелъ по всей землѣ, черезъ Индію, Ахайю, Африку, Италію, Галліи, вездѣ проповѣдуя свое ученіе? Оно тогда гораздо скорѣе получило бы распространеніе, и истина, — если ученіе Христа истина, — легче стала бы доступна всѣмъ людямъ. Зачѣмъ было для сообщенія человѣчеству величайшихъ откровеній выбирать такой трудный путь, какъ проповѣдь въ маленькой странѣ, языка которой никто за ея предѣлами не знаетъ?

Валерія на это отвѣтила мнѣ такъ:

— Христіане дѣлаютъ ошибку, желая, чтобы ученію Христа слѣдовали всѣ народы безъ исключенія. Истина — одна, но учителей ея много. Христосъ зналъ, какъ должно учить истинѣ Евреевъ; Орфей зналъ, какъ учить ей Грековъ; Зороастръ, какъ учить ей Персовъ. Всѣ, вѣрующіе въ божество, должны, оставивъ распри, слѣдовать ученію своихъ учителей. Кому понятнѣе проповѣдь Христа, пусть слѣдуетъ ей; кому ближе стихи нашего Овидія, тотъ въ нихъ найдетъ то же самое. Когда люди поймутъ это, прекратится вражда изъ-за несо-

гласія въ вѣрѣ, наступитъ снова золотой вѣкъ, и богиня Астрея возвратится на землю.

Меня мучили еще тѣ обѣты, которые я далъ въ темницѣ, когда клялся то принести богатыя жертвы Меркурію, если онъ избавитъ меня отъ смерти, то увѣровать во Христа, если онъ освободитъ меня отъ узъ. Я не зналъ, кого же я долженъ благодарить за свое спасеніе. Но Валерія только посмѣялась надъ такимъ моимъ затрудненіемъ.

— Неужели ты думаешь,—сказала она,—что Христу, если онъ—Богъ, нужно обращеніе, сдѣланное въ исполненіе обѣщанія? Ты словно хочешь ему заплатить долгъ, который проигралъ въ кости. Если ты колеблешься, кого благодарить: Меркурія или Христа, лучше оставь при себѣ свою благодарность.

Я долженъ добавить, что, удивляясь уму Валеріи, я все же далеко не былъ удовлетворенъ всѣми ея объясненіями. Все у нея выходило слишкомъ просто и слишкомъ ясно, а я чувствовалъ, что есть въ этихъ вопросахъ какая-то иная трудность и иная глубина. Поэтому я твердо рѣшилъ не довольствоваться отвѣтами Валеріи, но, какъ только я вернусь къ обычной жизни, найти одного изъ тѣхъ прославленныхъ учителей вѣры, о которыхъ съ такимъ восторгомъ говорятъ христіане, какого-нибудь мудраго отшельника, какіе есть еще и въ наши дни, и изъ его бесѣды постараться узнать, скрывается ли дѣйствительно нѣкая тайна въ ученіи Христа, правъ ли я былъ, считая это ученіе нелѣпымъ и гибельнымъ заблужденіемъ, или ошибался, упрямо закрывая глаза передъ лучами истины, сіявшими вокругъ меня.

Въ ожиданіи того времени, когда это станетъ для меня возможнымъ, я продолжалъ, въ дни моего медленнаго выздоровленія, свои бесѣды съ Валеріей, причемъ, конечно, мы говорили не объ одномъ христіанствѣ, но касались вопросовъ самыхъ различныхъ, и дѣвушка постоянно поражала меня разнообразіемъ своихъ познаній. То она мнѣ говорила о ученіи Индійскихъ брахмановъ, то о воззрѣніяхъ Халдеевъ на значеніе звѣздъ, то объясняла разныя явленія природы, какъ

крутящіеся смерчи на морѣ, которые легко опрокидываютъ цѣлую трирему, или какъ удивительные галисы, свѣтовые круги вокругъ солнца, то, наконецъ, передавала разсказы Плинія о чудесныхъ особенностяхъ нѣкоторыхъ драгоцѣнныхъ камней, какъ, напримѣръ, драконита, который должно вырѣзать изъ черепа спящаго дракона, такъ какъ вынутый изъ головы животнаго убитаго камень теряетъ весь свой блескъ, — и многое другое. Вообще у Валеріи былъ совершенно мужской умъ, за что въ домѣ Симмаха ее часто называли, шутя, не Валерія, а Валерій, и я совершенно забывалъ порою, что она—женщина. Я даже разсказывалъ ей нѣкоторыя исторіи своей жизни, которыя постыдился бы передать дѣвушкѣ,—такъ же просто, какъ разсказалъ бы ихъ товарищу за кубкомъ вина.

Поэтому меня очень удивило, когда я замѣтилъ, что съ нѣкоторыхъ поръ обращеніе со мной Валеріи измѣнилось. Она стала проявлять гораздо больше заботливости обо мнѣ, нежели того требовало мое уже поправлявшееся здоровье, съ излишнимъ усердіемъ устраивала мое изголовье и укладывала меня на подушки. Она особенно часто и охотно клала свои руки мнѣ на лобъ и на грудь, чтобы убѣдиться, что у меня нѣтъ жара, и подолгу не отнимала ихъ. Нѣсколько разъ она цѣловала меня, придавая своимъ поцѣлуямъ такой видъ, словно это поцѣлуи сестры или матери. Сначала такое поведеніе Валеріи только забавляло меня, но потомъ я сталъ сердиться, такъ какъ она была столь некрасива, что у меня не находилось никакого желанія отвѣчать на ея ласки.

„Неужели съ Валеріей у меня повторится то же, что было съ Реей?—думалъ я съ нѣкоторой горечью.—Неужели я принужденъ буду, по своей слабости, ласкать эту высохшую старую дѣвушку, отъ которой, въ свое время, отказались всѣ мужчины? Или былъ правъ мой Ремигій, и я въ самомъ дѣлѣ нравлюсь всѣмъ старухамъ?“

Я всячески старался дать понять Валеріи, что вижу въ ней только пріятнаго собесѣдника и что моя благодарность за ея заботы не идетъ такъ далеко, чтобы отвѣчать на ея

любовныя заискиванія. Иногда я даже выражалъ это довольно грубымъ образомъ, рѣзко вырывая свою руку изъ рукъ Валеріи или отталкивая ее отъ себя, если она ко мнѣ прижималась. Валерія не обижалась на подобные поступки, иногда только краснѣла отъ стыда, отъ чего ея сѣрое лицо дѣлалось еще непривлекательнѣе, но спустя нѣкоторое время опять пыталась, хотя и робко, приблизиться ко мнѣ. Минутами мнѣ становилось жалко бѣдную дѣвушку, за всю свою жизнь не извѣдавшую любовной ласки, но преодолѣть невольное отвращеніе къ ней я былъ не въ силахъ, и спѣшилъ навести разговоръ на какой-нибудь философскій вопросъ.

Однажды вечеромъ мы заговорились слишкомъ долго, не замѣтивъ даже, что миновала полночь. Разговоръ шелъ о томъ, отъ чего происходятъ землетрясенія, и Валерія объясняла мнѣ, что вѣтры проникаютъ въ находящіяся подъ землей пещеры и потомъ, вырываясь оттуда съ шумомъ, колеблютъ почву и разрушаютъ цѣлые города. Краснорѣчиво Валерія изображала различіе между отдѣльными родами землетрясеній, между ректами, когда земля разрывается, и хасматіями, когда земля проваливается, остами, при которыхъ вся почва трясется, и пальмаціями, при которыхъ почва только содрогается, между эпиклинтами, разрушающими все подъ острыми углами, и брастами, разрушающими подъ углами прямыми, оживляя свое объясненіе примѣрами, взятыми изъ исторіи разныхъ странъ и временъ. Объясненія Валеріи были столь занимательны, что я заслушался ихъ, какъ пѣнія сиренъ, и не замѣтилъ, что она совсѣмъ прилегла ко мнѣ на ложе, обняла меня нѣжно рукой и почти шепчетъ мнѣ свои слова на ухо.

Я опомнился лишь тогда, когда почувствовалъ щеку Валеріи около самой своей щеки; невольно вздрогнувъ, я безжалостно оттолкнулъ отъ себя дѣвушку и воскликнулъ въ гнѣвѣ, такъ какъ не могъ сдержать себя:

— Какъ ты можешь, Валерія, такъ стыдить меня передъ хозяевами этого дома! Что, если бы сейчасъ вошла сюда Рустиціана и увидѣла насъ въ такомъ положеніи. Она ска-

зала бы, что я дурно отплатилъ ей за ея гостепріимство, и была бы права, осыпавъ меня самыми жестокими упреками.

Валерія, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, смутилась и покраснѣла, но тоже, вѣроятно, рѣшилась на этотъ разъ высказать все, что̀ было у нея въ душѣ, и жалобно произнесла:

— Я у тебя ничего не прошу, Юній, но почему ты не хочешь позволить мнѣ тебя поцѣловать? Я много тебя старше, и ты могъ бы быть моимъ сыномъ. Я тебя полюбила съ перваго дня, какъ младшаго брата, и мнѣ такъ пріятно ласкать тебя.

— Не притворяйся! — возразилъ я въ негодованіи. — Не брата и не сына ты во мнѣ видишь. Но ты умна и должна понять, что въ твои годы поздно мечтать о любви.

Валерія вся сжалась, какъ побитая палкой собака, и начала плакать, можетъ быть, не столько надъ жестокостью моихъ словъ, сколько надъ всей своей жизнью, которая прошла среди книгъ и умныхъ разговоровъ, но безъ любви и страсти. Въ ту минуту мнѣ стало ясно, какъ безразлично, въ кого вѣрить, въ Юпитера или во Христа, слѣдовать ученію брахмановъ или Орфея, если нѣтъ въ жизни радости любви. „Можетъ ли одна любовь къ Богу наполнить всю жизнь?“ спросилъ я себя, и тотчасъ же отвѣтилъ: нѣтъ, не можетъ, если только эта любовь не будетъ безуміемъ, но безумецъ способенъ наполнить свою жизнь чѣмъ угодно, — увѣренностью, что у него въ головѣ таится птица съ золотыми глазами, что ему даровано умѣніе понимать языкъ деревьевъ, и всѣмъ подобнымъ. Человѣкъ прежде всего хочетъ жить и наслаждаться радостями жизни, и лишь послѣ того думаетъ о Богѣ, о своемъ служеніи Ему. Даже Рея, которую можно признать безумной, — развѣ могла побѣдить въ себѣ всей силой своей вѣры желаніе счастія?

Я смотрѣлъ на бѣдную Валерію, некрасивую старую дѣвушку, похожую на какой-то черный комокъ, которая знала такъ много любопытныхъ вещей и такъ умно разсуждала о Богѣ, но теперь плакала жалкими слезами надъ тѣмъ, что никто не хочетъ ее ласкать и любить, какъ любятъ другъ

друга мужчины и женщины, — и мнѣ опять казались ненужными мои размышленія о истинности той или другой вѣры. Ошибался я или былъ правъ,—думалъ я,—не все ли равно: въ концѣ концовъ вѣдь не изъ ревности къ древней религіи поѣхалъ я въ Медіоланъ и подвергъ себя смертельной опасности, а ради любви къ Гесперіи, которую я считалъ прекраснѣе всѣхъ женщинъ въ мірѣ. И довольно было, чтобы мнѣ желанной стала близость къ Реѣ, чтобы я охотно исполнялъ какіе-то безумные обряды въ честь грядущаго Антихриста.

Кое-какъ успокоивъ плачущую Валерію, я заставилъ ее покинуть мою комнату. Но съ того дня пребываніе въ семьѣ Симмаха мнѣ сдѣлалось тягостно. Къ тому же мое здоровье совсѣмъ возстановилось, и я рѣшилъ вернуться въ домъ дяди.

II.

По моей просьбѣ, Рустиціана сообщила Тибуртину о томъ, что я — въ Римѣ, и я послѣ того пересталъ скрываться въ отдѣльной комнатѣ, началъ обѣдать вмѣстѣ со всей семьей Симмаха, въ большомъ триклиніи, и даже выходить на улицу, хотя былъ еще такъ слабъ, что при первыхъ своихъ прогулкахъ не уходилъ дальше ближайшаго угла.

Симмахъ жилъ тогда въ старинномъ домѣ на Целіи, принадлежавшемъ семьѣ Авреліевъ еще со временъ республики. Домъ нѣсколько разъ перестраивали и расширяли, но все же онъ сохранилъ всѣ особенности старыхъ римскихъ строеній. Кромѣ атрія и перистилія, всѣ другія помѣщенія были маленькія и темныя. Стѣнной живописи почти нигдѣ не было, и единственной роскошью въ убранствѣ была великолѣпная мозаика половъ, очевидно, устроенная позже, и мѣдныя украшенія потолковъ. Впрочемъ, былъ при домѣ особый сферистерій для игры въ шары, которой со страстью предавался, какъ говорятъ, самъ великій ораторъ.

Зато среди обстановки дома было множество вещей удивительной красоты и исключительной цѣнности, причемъ многія изъ нихъ были памятью тѣхъ славныхъ походовъ, которые совершили предки Симмаха, вывозившіе изъ чужихъ странъ богатую добычу. Во всѣхъ комнатахъ стояли на подставкахъ, были прикрѣплены къ стѣнамъ и висѣли съ потолка великолѣпныя лампы, къ которымъ кто-то изъ Авреліевъ питалъ,

должно быть, особое пристрастіе: были здѣсь лампы мѣдныя, серебряныя и одна даже вся изъ золота. Къ мѣсту и совсѣмъ не къ мѣсту были вездѣ размѣщены зеркала Греческія, Брундусійскія и Восточныя. Не менѣе богаты были ложа, кресла, свѣтильники и столы всѣхъ видовъ и для всякаго назначенія: ложа для отдыха и для чтенія, кресла изъ слоновой кости, мраморныя и плетеныя, столы мозаичные, изъ рѣдкаго дерева, круглые, въ формѣ буквы С и всякіе другіе, передъ которыми тотъ знаменитый столъ, за который Цицеронъ когда-то заплатилъ 5.000 сестерцій, показался бы, конечно, бѣднымъ.

Но главной драгоцѣнностью дома была, безспорно, библіотека, составившаяся за нѣсколько столѣтій. Она занимала нѣсколько комнатъ, куда рѣдко кто заглядывалъ, и, вѣроятно, никто на свѣтѣ не зналъ, какія богатства она въ себѣ таитъ. Только незначительная часть свитковъ была расположена по мѣстамъ, въ стѣнныхъ нишахъ и армаріяхъ, множество лежало прямо на полу, грудами, словно груды овощей у уличнаго торговца. Здѣсь въ одну кучу были свалены старыя изданія знаменитыхъ писателей, въ наши дни замѣненныя новыми, какъ увѣряютъ, болѣе исправными, и сочиненія всѣми забытыхъ авторовъ, которыхъ никто не хочетъ перечитывать. Здѣсь же лежали бумаги рода Авреліевъ, собранія старыхъ писемъ къ великимъ предкамъ Симмаха, можетъ быть, исписанныя рукою диктаторовъ и префектовъ, философовъ и поэтовъ, можетъ быть, записки выдающихся людей своего времени, драгоцѣнныя для историковъ. Все это лежало, какъ пожива для мышей и книжныхъ червей, гнило, покрывалось плѣсенью, истлѣвало. Къ библіотекѣ было приставлено нѣсколько рабовъ, но они довольствовались тѣмъ, что время отъ времени пытались стереть накопившуюся пыль да перекладывали груды книгъ съ мѣста на мѣсто.

Впрочемъ, въ оправданіе Симмаха, котораго никто, разумѣется, не заподозритъ въ отсутствіи любви къ старинѣ и литературѣ, я долженъ напомнить, что, кромѣ этого дома на Целіи, у него было въ Городѣ два другихъ, три виллы

подъ самымъ Римомъ и не меньше тринадцати въ разныхъ мѣстностяхъ Италіи. Во всѣхъ этихъ домахъ также были библіотеки, и изъ нихъ одна, которой преимущественно пользовался знаменитый ораторъ, помѣщавшаяся въ его домѣ за Тибромъ, содержалась съ большимъ тщаніемъ. Тамъ нѣкоторыя книги были вставлены въ дорогіе переплеты съ серебряными застежками, а наиболѣе цѣнные свитки были заключены въ особыя, пышно украшенныя мембраны и снабжены изящными умбиликами изъ слоновой кости, съ привѣшенными къ нимъ надписями, на которыхъ значилось не только названіе книги и ея авторъ, но также имя владѣльца, имя ритора, занимавшагося ея эмендаціей, и годъ пріобрѣтенія. Въ этой библіотекѣ я видѣлъ книги, изданныя съ роскошью необыкновенной, писанныя разноцвѣтными чернилами, украшенныя рисунками въ краскахъ и съ золотомъ.

Войдя въ жизнь семьи Симмаха, я, впрочемъ, попрежнему оставался одинокимъ. Послѣ пріема кліентовъ, причемъ почти ежедневно имъ раздавались мелкія денежныя пособія, чѣмъ поддерживался древній обычай спортулы, Рустиціана удалялась въ свою комнату, а къ дѣтямъ приходили ихъ учителя, которые и оставались до самаго завтрака. Послѣ завтрака изрѣдка приходили самые близкіе родственники. За обѣдъ садилось рѣдко больше шести-семи человѣкъ, такъ что громадному числу рабовъ, наполнявшихъ домъ, рѣшительно нечего было дѣлать. Къ тому же старый домоправитель изъ вольноотпущенниковъ, Вулькаціанъ, все держалъ въ такомъ порядкѣ, что жизнь шла, какъ хорошо устроенные водяные часы.

Но въ первый день, послѣ того какъ дядю извѣстили о моемъ пребываніи въ Городѣ, ко мнѣ пришла тетка Меланія и Аттузія, которыя, хотя обычно и не посѣщали дома Симмаха, сочли нужнымъ провѣдать больного племянника и двоюроднаго брата. Тетка для такого посѣщенія даже надѣла какую-то вышитую столу, а сверхъ нея довольно богатую паллу, впрочемъ, отставшія отъ современнаго вкуса на два десятилѣтія и, можетъ быть, принесенныя ею еще въ при-

даное. Аттузія же ничего не измѣнила въ своей обычной одеждѣ темнаго цвѣта.

Рустиціана предупредительно оставила насъ однихъ въ атріи, и я, конечно, постарался привѣтствовать тетку со всей той почтительностью, какая подобала случаю. Но тетка сразу набросилась на меня съ самыми безпощадными упреками.

— Не говорила ли я тебѣ,—начала она,—что твое поведеніе не доведетъ тебя до добра! Я хорошо знаю отца твоего, Тита Юнія, и знаю, что особеннымъ богатствомъ вы похвалиться не можете. Быть декуріономъ въ Лакторѣ это значитъ впятеро больше тратить, чѣмъ получать, а отъ помѣстья вашего, кромѣ расходовъ, вамъ ничего не видать! Тебѣ слѣдовало получше учиться да постараться завести знакомства съ богатыми юношами, у которыхъ отцы имѣютъ мѣсто при дворѣ, тогда ты могъ бы разсчитывать, что устроишь свою судьбу. А теперь, что̀ вышло изъ твоей неразумной поѣздки неизвѣстно зачѣмъ въ Медіоланъ? Время ученія ты пропустилъ, и когда послѣ ты будешь просить, чтобы дали тебѣ какую-нибудь должность, всѣ скажутъ: это какой Юній, не тотъ ли, что̀ ѣздилъ съ Сенаторскимъ посольствомъ? и постараются отъ такого опаснаго человѣка отдѣлаться. Деньги ты растратилъ, доброе имя потерялъ да вдобавокъ расхворался: вѣдь каковъ ты, на тебя смотрѣть жалко!

Изъ словъ тетки я понялъ, что ей о моемъ заключеніи въ тюрьмѣ ничего неизвѣстно, и отвѣчалъ уклончиво, говоря, что я самъ раскаиваюсь въ своемъ поступкѣ и намѣренъ начать жизнь по-новому.

Аттузія, поднявъ на меня свои унылые, рыбьи глаза, сказала наставительно:

— Вотъ, Децимъ, какъ Богъ караетъ тѣхъ, кто не хочетъ внимать святымъ словамъ истины. Ты былъ лишенъ поддержки Господа и потому впалъ въ пучину бѣдствій. Увидь въ этомъ перстъ Провидѣнія, указующій тебѣ путь спасенія. Кто служитъ истинному Богу, молится усердно каждый день утромъ и вечеромъ и слушаетъ слово Божіе въ храмѣ, тотъ всегда имѣетъ своимъ заступникомъ Спасителя нашего, Гос-

пода Іисуса Христа. Неужели и нынѣ ты не понялъ безумія идолопоклонства и неужели послѣ пережитаго ты не прибѣгнешь къ кресту, этой единственной вѣрной надеждѣ въ мірѣ?

Какъ ни желалъ я быть сдержаннымъ и не говорить ничего непріятнаго моимъ посѣтительницамъ, однако не могъ не возразить:

— А развѣ всѣ, вѣрующіе во Христа, во всемъ и всегда преуспѣваютъ, и съ ними никогда не случается никакихъ несчастій? Кажется, и христіане бываютъ больны, такъ же какъ и идолопоклонники, и, напротивъ, иные, не вѣрующіе во Христа, живутъ очень счастливо. Мнѣ думается, что я захворалъ оттого, что простудился, а не оттого, что плохо вѣровалъ.

— Ты легкомысленно кощунствуешь, Децимъ! — строго сказалъ Аттузія. — Болѣзни и горести посылаются христіанамъ, какъ испытанія, и они принимаютъ ихъ съ радостью, а тебѣ твои несчастія ниспосланы были, какъ предостереженіе съ Неба. Если ты не захочешь внять явному гласу Божію, увидишь, въ какія бѣдствія ты еще будешь ввергнутъ.

Я спора не продолжалъ и сталъ разспрашивать о дядѣ и маленькой Наміи. Тетка отвѣтила мнѣ, что дядя сначала очень безпокоился, хотѣлъ въ самомъ дѣлѣ уѣхать изъ Рима въ Азію, но скоро успокоился и вернулся къ своему обычному времяпрепровожденію. Когда же тетка заговорила о Наміи, ея голосъ неожиданно измѣнился, она едва не заплакала, и я, къ своему удивленію, узналъ, что у толстой Меланіи, постоянно занятой только счетомъ денегъ, тоже есть душа и способность любить нѣжно.

— Я не знаю, что̀ дѣлается съ нашей Наміей, — сказала она, отирая глаза. — Одно время мы прямо думали, не помѣшалась ли дѣвочка. Разъ она три дня сидѣла въ своей комнатѣ и никому не хотѣла показаться. А то убѣжала изъ дому и гдѣ-то пропадала нѣсколько часовъ: подумай, какой стыдъ! А Аттузія нѣсколько разъ заставала ее, что она лежитъ у себя въ постели и плачетъ. Или она больна какой-то бо-

лѣзнью, или кто-то ее сглазилъ дурнымъ глазомъ. Я ее пыталась разспрашивать, но вѣдь ты самъ знаешь, можно ли отъ нея чего-нибудь добиться! Прошу тебя, когда ты будешь у насъ, попробуй съ ней поговорить, можетъ быть, ты что-нибудь вывѣдаешь.

— Я ей совѣтовала молиться, — наставительно сказала Аттузія.—Злой духъ боретъ человѣка, если онъ не огражденъ крестомъ и молитвой. Намія въ такихъ годахъ, когда искушеніе близко. Если бы она больше слушала отца Никодима, вся ея болѣзнь давно прошла бы. А ты, матушка, сама виновата, что не принуждала Намію посѣщать храмъ и выполнять всѣ предписанія церкви.

— Боже мой!—воскликнула тетка:—развѣ я о ней не заботилась! Но она пошла въ мою покойкую мать, Олимпію, та была,--упокой Господи душу ея,—такая же взбалмошная и упрямая. Отецъ, бывало, чуть грудь не надорветъ, кричитъ на нее, а она уставится глазами въ стѣну и молчитъ, слова не промолвитъ цѣлыми днями. Не удивительно, что сосѣди считали ее колдуньей.

— Не хорошо говорить дурно о бабкѣ,—заключила этотъ разговоръ Аттузія,—но, кажется, Олимпія, дѣйствительно, занималась грѣховнымъ дѣломъ гаданія. Этотъ ея грѣхъ мы теперь искупаемъ страданіями и должны сносить ихъ безропотно, чтобы облегчить муки ея бѣдной души.

Продолжать разговоръ о Наміи мнѣ не хотѣлось, такъ какъ я догадывался о настоящей причинѣ ея болѣзни, да и тетка скоро опять заговорила обо мнѣ, и еще много умныхъ совѣтовъ услышалъ я отъ нея въ тотъ день. Аттузія же презрительно молчала, съ явнымъ осужденіемъ оглядывая богатую обстановку дома Симмаха. При разставаніи я обѣщалъ, что черезъ день вернусь въ домъ дяди.

— Благодареніе Богу,—сказала мнѣ тетка,—у тебя есть родственники въ Городѣ, и незачѣмъ тебѣ жить изъ милости у чужихъ людей. У насъ для сына Руфины всегда найдется комната, и лишній человѣкъ насъ не стѣснитъ. Живи у насъ сколько хочешь.

Едва я успѣлъ усадить въ носилки тетку и Аттузію, какъ ко мнѣ пришелъ другой посѣтитель: мой другъ Ремигій, откуда-то тоже узнавшій, что я въ Городѣ.

Я давно не видѣлъ Ремигія и очень ему обрадовался, такъ какъ многими чертами своей души онъ мнѣ нравился. Но съ первыхъ же минутъ я замѣтилъ, что съ Ремигіемъ что-то случилось: онъ поблѣднѣлъ и похудѣлъ, и не оставалось слѣда той веселости, которая дѣлала его самымъ желаннымъ предсѣдателемъ на дружескихъ пирахъ. Казалось, что за мое отсутствіе изъ Рима нѣкій гнѣвный богъ подмѣнилъ Ремигія.

— Милый Ремигій, — сказалъ я, — можно подумать, что былъ тяжко боленъ не я, а ты. Объясни мнѣ, что̀ это значитъ. Или какая-нибудь Фракійская волшебница изводитъ тебя чарами?

Ремигій отвѣтилъ мнѣ уныло:

— Ты почти угадалъ. Дѣйствительно, я подпалъ подъ чары волшебницы. Со мной случилось самое плохое, что̀ только можетъ быть съ людьми: я люблю!

— Ну, это еще не такая бѣда, — возразилъ я, смѣясь.— Къ тому же это, кажется, не такъ ново. Ты, вѣдь, можешь всегда повторять стихи Назона:

Прочіе юноши часто влюбляются: вѣчно любилъ я:
Если ты спросишь, что я дѣлаю нынѣ: люблю!

Ремигій, вставъ съ кресла, сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, и въ его движеніяхъ не было прежней самоувѣренности, но какое-то безпокойство и тревога. Онъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ, Юній, именно я былъ въ числѣ тѣхъ, которые часто влюбляются. Было много женщинъ, отъ которыхъ я съ ума сходилъ, — такъ онѣ мнѣ нравились, но которыхъ я забывалъ черезъ мѣсяцъ, какъ тѣнь на перекресткѣ. Я считалъ, что женщины существуютъ для нашего удовольствія, такъ же какъ хорошія вина. Напиться допьяна старымъ Цекубскимъ и добрымъ Каленскимъ или повеселиться ночь съ красивой флейтисткой мнѣ всегда казалось одно и то же.

А вотъ теперь все измѣнилось, и, кромѣ одной женщины, нѣтъ для меня другихъ на свѣтѣ. Я самъ надъ собой смѣюсь, повторяю днемъ и ночью:

Катуллъ несчастный, перестань безумствовать!

и ничего не могу съ собой подѣлать!

Я рѣшительно не узнавалъ Ремигія, хотя онъ и пытался улыбаться, говоря свои грустныя рѣчи, и, конечно, я его спросилъ:

— Кто же эта удивительная дѣвушка, одержавшая побѣду надъ непобѣдимымъ сердцемъ Ремигія? Она смертная или изъ рода боговъ?

Ремигій посмотрѣлъ на меня пристально и отвѣтилъ съ видомъ нѣсколько вызывающимъ, чѣмъ онъ старался прикрыть чувство неловкости или стыда отъ своего признанія:

— Ты бы никогда не угадалъ кто, клянусь Геркулесомъ! Это—дѣвушка, которую ты, вѣроятно, помнишь, та, которую мы съ тобой встрѣтили въ Римскомъ портѣ. Та Галла или Лета, къ которой я тебя водилъ, незадолго передъ твоимъ отъѣздомъ.

Ремигій былъ правъ: этого мнѣ не могло прійти въ голову, и я переспросилъ его съ изумленіемъ:

— И ты говоришь, что любишь безумно Лету? Но, вѣдь, послушай, милый Ремигій, она сдѣлалась достояніемъ всѣхъ; ты самъ покупалъ ее за нѣсколько сестерцій. Она, безспорно, дѣвушка милая и можетъ нравиться, но какъ же ее любить? А ужъ если ты любишь ее, то любовь твоя, по крайней мѣрѣ, счастливая.

— Ты думаешь?—воскликнулъ Ремигій.—Это такое счастіе, что я предпочту муки Тантала, Сисифа и Иксіона, да еще въ придачу всѣхъ грѣшниковъ въ христіанскомъ аду! Всѣ три фуріи гоняются за мной по пятамъ и хлещутъ своими бичами! Такое счастіе, что я желаю его всѣмъ моимъ врагамъ, существующимъ и тѣмъ, которыхъ еще пошлетъ мнѣ судьба!

Волнуясь и безуспѣшно стараясь шутить, Ремигій разска-

залъ мнѣ, что съ нимъ произошло за время моей жизни въ Медіоланѣ.

Сначала Ремигій посѣщалъ Лету просто какъ красивую дѣвушку, но постепенно такъ къ ней привыкъ, что не могъ дня провести безъ нея. Онъ нѣсколько разъ предлагалъ ей покинуть лупанаръ и поселиться съ нимъ вмѣстѣ, но Лета отказывалась, находя, что Ремигій недостаточно богатъ для нея. Ремигій все-таки продолжалъ посѣщать Лету, хотя его и мучила мысль, что онъ принужденъ дѣлить ея ласки со многими другими. Всѣ деньги, какія только были у Ремигія, онъ тратилъ на Лету, она же насмѣхалась надъ его дешевыми подарками. Потомъ богатый подрядчикъ, владѣвшій въ Римѣ нѣсколькими домами, который называлъ себя, безъ всякаго, конечно, на то права, Помпоніемъ, выкупилъ Лету изъ лупанара и поселилъ ее въ своемъ домѣ, за Тибромъ. Послѣ этого положеніе Ремигія стало еще хуже: Лета не отказывала ему въ своихъ ласкахъ, но имъ теперь приходилось прятаться и скрываться. Помпоній былъ очень ревнивъ, и Ремигій могъ видѣться съ Летой лишь украдкой, подкупая рабынь, приставленныхъ къ ней. Кромѣ того, самое сознаніе, что Лета принадлежитъ другому, мучило его нестерпимо.

— Представь себѣ, милый Юній,—жаловался Ремигій,—насмѣшку надъ Тримальхіономъ—вотъ что такое этотъ Помпоній. Онъ толстъ и лысъ, грубъ и невѣжественъ, онъ говоритъ alvus о женщинахъ, lepor вмѣсто lepus и безпрестанно повторяетъ ad instar и memini me fecisse, а когда начинаетъ разсуждать о литературѣ, путаетъ Варрона съ Варіемъ. Это не мѣшаетъ ему мѣтить въ консулы. Галла меня все-таки съ нимъ познакомила, я у него бываю въ домѣ и часами слушаю его глупое хвастовство, а послѣ долженъ уходить, тогда какъ онъ остается съ Галлой! Иной разъ я готовъ разбить ему голову! По счастію, онъ столь же любитъ наживу, сколько ревнивъ, и каждый день, утромъ, самъ отправляется осматривать свои дома и работы и собирать деньги со своихъ жильцовъ, а я тогда именно и прихожу къ Галлѣ. Но вообрази, каково мнѣ приближаться къ тому самому

ложу, на которомъ только-что лежала эта толстая кабанья туша, изъ которой въ Галліяхъ сдѣлали бы великолѣпные окорока! Но что̀ же я могу подѣлать? У Галлы теперь свои носилки, черные рабы, Фригійскія рабыни, золотыя украшенія, шелковыя сто̀лы, а у меня послѣдніе дни нѣтъ и мѣднаго асса. На бѣду была та наша встрѣча въ Римскомъ портѣ, и не будь я Ремигій, если здѣсь дѣло обошлось безъ колдовства!

Я самъ согласенъ былъ думать, что Рея и ея сестра владѣли какими-то тайными чарами, однако приложилъ всѣ старанія, чтобы какъ-нибудь успокоить и утѣшить Ремигія. Не очень вѣря въ то, я напомнилъ ему, что все на свѣтѣ проходитъ, что „время, пожиратель вещей", уничтожаетъ самую сильную любовь, что „тупится сошникъ, на поляхъ, желѣзный" и что весело бываетъ послѣ смѣяться надъ миновавшими горестями. Мои утѣшенія, конечно, мало подѣйствовали на Ремигія, хотя онъ и продолжалъ подсмѣиваться надъ самимъ собой. „Это мнѣ мститъ всемогущая богиня Венера, — говорилъ онъ,—за то, что я смѣлъ сомнѣваться въ ея власти!"

Ремигій взялъ съ меня обѣщаніе, что я посѣщу его, какъ только совсѣмъ поправлюсь, а съ своей стороны обѣщалъ повести меня къ Галлѣ, въ домъ Помпонія. Прощаясь со мной, Ремигій, уже въ дверяхъ дома повторилъ съ притворной улыбкой:

— Me miserum!

III.

На слѣдующій день я сказалъ Рустиціанѣ, что намѣренъ вернуться въ домъ дяди, и усердно поблагодарилъ ее за ея заботы обо мнѣ во время моей болѣзни. Сборы мои были недолги, такъ какъ всѣ мои вещи были уже уложены въ томъ дорожномъ ларѣ, который Симмахъ давно прислалъ мнѣ изъ Медіолана съ однимъ изъ рабовъ. Но вечеромъ въ послѣдній день моего пребыванія въ домѣ Симмаха мнѣ пришлось пережить тягостное объясненіе съ Валеріей.

Валерія, по обыкновенію, пришла ко мнѣ поздно вечеромъ, въ послѣдній разъ дать мнѣ какое-то лѣкарство. Но на этотъ разъ разговоръ у насъ долго не складывался, и я тщетно пытался вызвать Валерію на какія-нибудь общія разсужденія. Наконецъ она сказала печально:

— Неужели, милый Юній, ты больше никогда не вернешься въ нашъ домъ, и я больше никогда тебя не увижу?

Я отвѣтилъ, что непремѣнно вернусь, хотя бы для того, чтобы поблагодарить Симмаха, когда онъ будетъ вновь въ Городѣ, и что вообще никто не помѣшаетъ намъ съ Валеріей встрѣчаться.

— Ты красивый мальчикъ, Юній, — возразила Валерія, — и, вѣроятно, многія женщины тебѣ это говорили. Но скажи мнѣ, что ты не скучалъ со мною въ тѣ часы, которые мы провели вмѣстѣ. Тебѣ были непріятны мои поцѣлуи, но, подумай, я никогда никого не цѣловала: у меня не было ни

сестеръ, ни братьевъ, ни мужа, ни дѣтей... Я тебя люблю нѣжно, и почему бы тебѣ не принять мою любовь? Вѣдь, ты взялъ бы какую-нибудь вещь, если бы я тебѣ ее подарила; неужели любовь не лучше вышитаго пояса или серебрянаго кубка?

— Ты была очень добра ко мнѣ,—проговорилъ я съ нѣкоторымъ усиліемъ,—и, разумѣется, мнѣ было съ тобой хорошо. Я даже не знаю, какъ мнѣ тебѣ отплатить за твои заботы. Я навсегда—твой должникъ.

Видя, что я тронутъ ея словами, Валерія сдѣлалась смѣлѣе; она опять взяла меня за руку и, глядя мнѣ въ глаза заискивающими глазами, стала тихо твердить ласковыя слова, а у меня недоставало силъ заставить ее замолчать. Потомъ Валерія робко, съ потупленнымъ взоромъ попросила у меня позволенія лечь рядомъ со мной на ложе. Я тоже не могъ ей отказать, и она нѣжно приникла ко мнѣ, хотя я съ своей стороны ничѣмъ не отвѣчалъ на ея ласки. Такъ долго мы лежали молча, и я чувствовалъ около себя тѣло дѣвушки, какое-то дряблое и словно покрытое чешуей, а на своей шеѣ дыханіе горячее и прерывистое. Время отъ времени Валерія прикасалась поцѣлуемъ къ моимъ волосамъ, но я не дѣлалъ ни одного движенія, притворяясь, что сплю. Наконецъ, утомленный, я дѣйствительно уснулъ, а когда проснулся утромъ, Валеріи со мною уже не было.

Еще разъ попрощавшись съ Рустиціаной, я приказалъ рабу нести мои вещи и пошелъ черезъ весь Городъ въ домъ Тибуртина. То былъ первый разъ послѣ моей болѣзни, что я видѣлъ передъ собой весь Римъ, и онъ мнѣ казался роднымъ и близкимъ, какъ если бы я въ немъ родился и прожилъ много лѣтъ. Его шумъ и его грязь мнѣ нравились послѣ чистыхъ и безмолвныхъ улицъ Медіолана, я съ наслажденіемъ всматривался въ разноцвѣтную и разноплеменную толпу, двигавшуюся по всѣмъ направленіямъ, и сердце мое вновь билось отъ гордости, когда я видѣлъ передъ собой золотую вершину Капитолія.

„Нѣтъ, я все-таки Римлянинъ!"—повторялъ я самому себѣ.

Мы уже приближались, по всегда пустынной уличкѣ, къ дому дяди, какъ вдругъ я увидѣлъ, что навстрѣчу, со старческой поспѣшностью, бѣжитъ Мильтіадъ, одинъ изъ домашнихъ рабовъ. Такъ какъ въ ту минуту все въ Римѣ мнѣ казалось роднымъ, то и Мильтіаду я обрадовался, какъ давнему другу, и окликнулъ его, спрашивая, куда онъ торопится.

— Ахъ, господинъ,—отвѣтилъ онъ,—у насъ въ домѣ большое несчастіе, а я бѣгу за медикомъ.

Больше онъ не сказалъ ни слова и побѣжалъ дальше, а я ускорилъ шаги и скоро былъ въ вестибулѣ дома Тибуртина. Уже изъ остіи я увидѣлъ, что въ домѣ — тревога, не меньшая, чѣмъ въ памятный день, когда пришло повелѣніе императора объ алтарѣ Побѣды. Въ атріи толпились рабы, а самъ сенаторъ, въ одной туникѣ, безпокойными шагами ходилъ взадъ и впередъ, молча размахивая руками. Замѣтивъ меня, онъ сказалъ коротко:

— Въ несчастный день возвратился ты, Юній! Но къ тебѣ да будутъ благосклонны боги.

Больше я отъ него ничего не могъ добиться,—онъ только махалъ рукой безнадежно. Даже рабы не отвѣчали на мои вопросы, уныло опуская головы. Я бродилъ по дому, самъ охваченный смутнымъ страхомъ, и, наконецъ, повстрѣчалъ Аттузію, которая съ виду была спокойнѣе другихъ: отъ нея я узналъ, что̀ именно произошло.

— Сегодня утромъ,—сказала мнѣ Аттузія,—мы говорили о твоемъ возвращеніи. Вскорѣ послѣ того Намія исчезла изъ дома. Мать такъ испугалась, что всюду разослала рабовъ искать ее. Одинъ дѣйствительно разыскалъ, но — гдѣ! Подумай: дѣвочка бросилась въ Тибръ, чтобы утопиться! Судовщики, бывшіе поблизости, вытащили ее изъ воды и откачали. Но она вся измерзла и теперь чуть жива.

Извѣстіе поразило меня, какъ громъ Юпитера; въ глазахъ у меня потемнѣло, я стоялъ передъ Аттузіей, оцѣпенѣвъ, а она, сложивъ руки молитвенно, добавила:

— И какой грѣхъ: покуситься на свою жизнь, которую даровалъ намъ благой Создатель!

Эти послѣднія слова заставили меня вздрогнуть отъ негодованія; я едва не ударилъ Аттузію, но преодолѣлъ себя, повернулся, пошелъ молча прочь, и, добравшись до комнаты, которая считалась моей, повалился на ложе.

„Неужели это все изъ-за меня!—повторялъ я въ отчаяніи.—Неужели я буду виновенъ въ смерти маленькой, милой Наміи! Ея тѣнь будетъ преслѣдовать меня, какъ убійцу? На горе себѣ и на горе другимъ я пріѣхалъ въ Городъ. Лучше было мнѣ остаться въ родной Аквитаніи, гдѣ жизнь моя текла мирно и тихо. Но что же я совершилъ? чѣмъ я виноватъ? Валерія говоритъ, что я—красивый мальчикъ. Развѣ же это моя вина? развѣ это—преступленіе? Боги сдѣлали меня красивымъ, но я ихъ не просилъ о томъ!"

Мои мысли путались. Я думалъ о Дидонѣ, бросившейся на мечъ послѣ отплытія Энея, думалъ о Федрѣ, удавившейся послѣ отказа Ипполита. Какъ все это красиво у поэтовъ и какъ тягостно переживать это въ жизни! Или я виноватъ тѣмъ, что думаю только о себѣ, о своемъ счастіи, и правы христіане, требуя, чтобы мы душу свою полагали за ближнихъ? Можетъ быть, легче жить, служа другимъ, чѣмъ угождая себѣ? Должно быть, у героевъ древности были иныя души, чѣмъ у насъ: люди того времени умѣли чтить велѣнія боговъ, хотя бы черезъ то они, какъ Эней, какъ Ипполитъ, губили другихъ,—а нашему времени только и подходитъ ученіе Христа, религія любви и всепрощенія! У древнихъ были силы, чтобы исполнять совѣтъ поэта:

> Хранить духъ твердый въ событіяхъ тягостныхъ
> Умѣй и помни!

а мы каждую минуту склонны повторять молитву Распятаго: „да минуетъ меня чаша сія!" Мы выродились, и религія Юпитера-отцеубійцы намъ по силамъ!

Нѣсколько овладѣвъ собою, я сталъ просить позволенія войти къ Наміи, но меня долго къ ней не пускали. Сначала она была безъ сознанія и никого не узнавала. Потомъ пришелъ медикъ, какой-то ученый Грекъ, въ длинномъ гиматіи,

съ бородой, какъ у Антисѳена, но съ глазами, какъ у лисицы. Онъ больше часа провелъ въ комнатѣ Наміи, изслѣдуя ее, потомъ, войдя, сталъ объяснять свои выводы теткѣ, которая слушала его, плача и, какъ кажется, ничего не понимая изъ его ученыхъ разсужденій. Подойдя, я прислушался къ ихъ разговору, но тоже мало что̀ понялъ въ путанныхъ объясненіяхъ служителя бога Эскулапія, и втайнѣ подумалъ, что хитрый Грекъ стремится учеными словами прикрыть свое невѣжество, какъ бѣдняки пестрымъ плащомъ—свою постыдную наготу.

— Я, domina clarissima,—говорилъ онъ,—держусь эмпирической школы, такъ какъ свое искусство изучалъ въ Александріи, гдѣ еще хранятъ мудрыя преданія Филина, Серапіона, Зевкса, передъ которыми и Агаѳинъ, и Аретей, и самъ Галенъ—ничто. Слѣдуя совѣтамъ моихъ учителей, вскрытіе я произвелъ тщательное и могу теперь установить всѣ аналогіи. Теорема въ данномъ случаѣ вполнѣ благопріятна, потому что было много примѣровъ выздоровленія отъ такой болѣзни. Кромѣ того, между настоящимъ состояніемъ твоей дочери и простудой въ холодной водѣ можно найти явный эпилогизмъ. Такимъ образомъ все, что̀ предписываетъ намъ наше искусство,—сдѣлано: причина болѣзни найдена и аналогіи изслѣдованы. Теперь мы будемъ лѣчить твою дочь, и ты увидишь, что̀ значатъ правильные пріемы медицины.

Всѣ дальнѣйшіе совѣты болтливаго медика сводились, однако, только къ тому, чтобы держать Намію въ теплѣ, до чего можно было додуматься и не читавъ великихъ авторитетовъ прошлаго. Тетка на этотъ разъ отказалась отъ своей скупости и тутъ же щедро заплатила хитрому Греку, обѣщавшему прійти и на слѣдующій день. И, какъ ни вздорны были рѣчи медика, все же послѣ его посѣщенія всѣ какъ-то успокоились и начали надѣяться на счастливый исходъ болѣзни.

Послѣ медика къ Наміи провели отца Никодима, несмотря на то, что я просилъ не мучить бѣдную дѣвочку его проповѣдями. Аттузія строго мнѣ возразила:

— Ты такъ говоришь потому, что не знаешь святого писанія. У апостола прямо сказано, что если кто захвораетъ, должно призвать священника, и его молитва исцѣлитъ болящаго лучше всѣхъ лѣкарствъ. Сила молитвы велика, и когда-нибудь ты самъ ее испытаешь.

Только подъ вечеръ мнѣ сказали, что Намія сама зоветъ меня къ себѣ.

Съ сердцемъ, сильно бьющимся, я вошелъ въ маленькую комнатку Наміи. Дѣвочка лежала въ постели, вся закутанная, и по ея пылающему лицу было видно, что у нея жаръ. Я горестно опустился на колѣни передъ ложемъ, Намія же слабо улыбнулась мнѣ и сказала:

— Итакъ, мнѣ пришлось тебя увидѣть еще разъ, братикъ! Я думала, что умру и тебя больше не увижу. Видишь, ты не вѣрилъ, что я брошусь въ Тибръ, а я это сдѣлала. Боги, какая холодная вода въ немъ!

— Сестрица, милая сестрица!—воскликнулъ я:—зачѣмъ ты это сдѣлала! Почему ты не подождала, пока я вернусь: я бы тебѣ все объяснилъ. Ты поняла бы, что ошибаешься. Я тебя очень, очень люблю, милая сестрица.

— Нѣтъ,—возразила Намія,—ты любишь Гесперію. Ты по ея приказанію поѣхалъ въ Медіоланъ, я это узнала. А я не хотѣла жить, если ты меня не любишь.

— Неправда!—простоналъ я,—я Гесперію ненавижу, клянусь тебѣ Юпитеромъ, всѣми богами! Я ее ненавижу, презираю, проклинаю. Я ей отомщу за все, и за себя и за тебя!

Намія неожиданно привстала, сѣла на постели, положила горячую руку мнѣ на шею и заговорила торопливо и порывисто.

— Знаешь, я сначала хотѣла прямо себя убить. Но потомъ подумала: развѣ же это будетъ достаточное для него наказаніе? Тогда я рѣшила тебѣ отомстить по другому. Я пошла къ нашему рабу,—я тебѣ не скажу къ которому,—и заставила его стать моимъ любовникомъ. Да, да! настоящимъ любовникомъ, такъ что я уже не дѣвочка теперь. Потомъ я пошла на улицу, и когда меня позвалъ какой-то про-

хожій, послѣдовала за нимъ, къ нему въ домъ, и онъ тоже былъ моимъ любовникомъ. И такъ я ходила много разъ, и всѣ эти дни жила какъ меретрика. Я даже деньги брала за свои посѣщенія: вотъ онѣ у меня лежатъ тамъ, въ ящикѣ. Я тебя сдѣлаю наслѣдникомъ этихъ денегъ: можетъ быть, это будетъ тебѣ на пользу.

Я не выдержалъ, слушая рѣчи Наміи, зарыдалъ, какъ маленькій мальчикъ, и твердилъ:

— Ты неправду говоришь, Намія! Этого не было! Этого не могло быть!

— Нѣтъ, все было именно такъ, все—правда,—отвѣчала мнѣ она.

Почти не понимая, что̀ я говорю, я пытался утѣшить дѣвочку, твердя отрывочныя слова:

— Это ничего, сестрица! Я тебя люблю. Ты поправишься. Я на тебѣ женюсь. Я вручу тебѣ кольцо. „Гдѣ я, Гай, тамъ будешь и ты, Гайя!“ Мы будемъ счастливы. Feliceter! Да?

— Нѣтъ,—опять возразила Намія, тихо качая головой,— я не выздоровлю, и не хочу выздоровѣть, ты на мнѣ не женишься и я умру. Мнѣ должно умереть. А ты возьми мои деньги, я тебѣ ихъ оставляю въ наслѣдство. Онѣ тебя сдѣлаютъ умнѣе. Ты красивъ, Юній, но недостаточно уменъ. А я была слишкомъ умна и потому должна умереть. Мнѣ одинъ старикъ сказалъ, что я умна, какъ Психея, но я думаю, что я умнѣе ея. Она не умѣла обмануть Амура, а я бы сумѣла. И ты меня не сумѣлъ обмануть, а могъ бы.

Здѣсь рѣчь Наміи стала путаться, и было видно, что къ ея мыслямъ примѣшиваются видѣнія бреда. Ей видѣлись въ постели Гарпіи, оскверняющія одѣяло, и она просила меня прогнать ихъ.

— Юній, милый, — говорила она, — отгони ихъ! Это послѣдняя услуга, которую я у тебя прошу. Неужели и этого ты для меня не сдѣлаешь? Ты ничего для меня не хочешь сдѣлать! Но скоро я умру и больше ни о чемъ просить тебя не буду.

Въ совершенномъ отчаяніи я долженъ былъ позвать

Аттузію. Маленькая Намія билась и кричала, отмахивалась руками отъ незримыхъ птицъ, а потомъ вдругъ начинала говорить безстыдныя слова, заставлявшія ея сестру креститься. Кое-какъ мы снова закутали Намію въ теплыя шерстяныя одѣяла и уложили ее въ постель. Я вышелъ изъ комнаты Наміи съ такимъ чувствомъ, словно все мое сердце было разбито въ мелкіе куски, какъ стеклянный сосудъ, по которому били молоткомъ.

О томъ, чтобы уснуть, я не могъ и думать, и еще долго бродилъ по улицамъ Города, сжимая кулаки и посылая проклятія Гесперіи. Я не переставалъ думать о Гесперіи за все время своего пребыванія въ домѣ Симмаха, но послѣ признаній Наміи та жажда мести, съ которой я вернулся въ Римъ, выросла въ моей душѣ до размѣровъ крайнихъ. Думаю, что самъ Атрей не такъ ожесточенно жаждалъ отомстить Ѳіесту и не болѣе наслаждался мечтами о мести.

„Проклятая Сирена! — говорилъ я самъ себѣ,—все, все я припомню тебѣ: и свои слезы на грязныхъ камняхъ мостовой, когда ты ласкала гнуснаго лизоблюда, Юліанія, и свои мученія въ подземной тюрьмѣ, гдѣ я умиралъ отъ голода и отъ цѣпей, въѣдавшихся мнѣ въ тѣло, пока ты роскошествовала со своими любовниками въ Римѣ, и смерть этой бѣдной, маленькой дѣвочки, если она дѣйствительно умретъ. Ты дала мнѣ кинжалъ, чтобы убить человѣка;—хорошо, я воспользуюсь твоимъ кинжаломъ, я его направлю противъ тебя же! Но раньше я заставлю тебя испытать тысячу оскорбленій, я придумаю безчисленныя униженія, которымъ сумѣю тебя подвергнуть, я сдѣлаю тебя посмѣшищемъ всего Рима. Всю свою жизнь я посвящу этой мести, такъ какъ все равно я уже рѣшился на смерть. Берегись, Гесперія!“

Я находилъ особое наслажденіе въ томъ, чтобы повторять такія слова, я ими упивался, какъ сладкимъ и крѣпкимъ виномъ, и прохожіе, видя, что я разговариваю самъ съ собой, должны были считать меня одержимымъ безуміемъ.

IV.

Утромъ на слѣдующій день, вставъ рано, я долго не могъ сознать, что прошло почти три мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ я покинулъ домъ дяди, что многое за это время измѣнилось, что самъ я уже иной, чѣмъ былъ тогда. Мнѣ все казалось, что я только-что пріѣхалъ въ Римъ и что всю жизнь въ немъ я долженъ начинать сначала. Ахъ, какъ я былъ бы счастливъ, если бы дѣйствительно вся эта зима оказалась лишь длиннымъ и горестнымъ сномъ!

Въ перистиліи, на мраморномъ помостѣ водоема, дремалъ старый павлинъ; я вспомнилъ, какъ встрѣтилъ здѣсь въ первый разъ Намію, и мнѣ опять захотѣлось плакать при этомъ воспоминаніи. Я сѣлъ на скамью, около стѣны, смотрѣлъ на обветшалое убранство дома, которое казалось мнѣ теперь еще болѣе бѣднымъ, съ тѣхъ поръ какъ мнѣ пришлось видѣть роскошь другихъ домовъ, и предавался печальнымъ думамъ. Такъ меня засталъ рабъ, посланный Гесперіей, передавшій мнѣ письмо отъ своей госпожи.

Вотъ что̀ мнѣ писала Гесперія:

„Гесперія Юніо S. D. Мнѣ грустно, что ты, вернувшись въ Городъ, не извѣстилъ меня. Хочу тебя увидѣть непремѣнно. Приходи ко мнѣ сегодня, въ часы передъ обѣдомъ. Не пишу тебѣ больше, потому что словамъ написаннымъ предпочитаю живую рѣчь. Vale“.

Этому письму я обрадовался: оно давало мнѣ поводъ не-

медленно пойти къ Гесперіи и сегодня же положить начало моей мести. „Ты сама отдаешься въ мои руки,—говорилъ я про себя, обращаясь къ Гесперіи.—Смотри, не ошибись въ расчетахъ. Прежде передъ тобой былъ мальчикъ, которымъ ты играла. Теперь къ тебѣ придетъ мужчина, который заставитъ плясать тебя!"

День прошелъ въ домѣ уныло, такъ какъ Намія чувствовала себя совсѣмъ плохо и къ ней никого не допускали. Дядя сидѣлъ, затворившись въ своей комнатѣ, и ни съ кѣмъ не хотѣлъ говорить. Тетка бродила заплаканная, а у меня не было для нея словъ утѣшенія. Всѣ утренніе часы я провелъ въ томъ, что обдумывалъ, какъ я долженъ вести себя съ Гесперіей, какъ съ ней говорить, какъ отвѣчать на ея рѣчи. Сердце мое было твердо, какъ камень, и мнѣ казалось, что никакіе женскіе соблазны не размягчатъ его. „Надо быть мудрымъ, какъ змій", повторялъ я христіанскую поговорку.

Къ назначенному часу я одѣлся, какъ могъ лучше, и по дорогѣ зашелъ въ тонстрину завить волосы: мнѣ не хотѣлось явиться передъ Гесперіей въ непривлекательномъ видѣ. У тонсора, какъ обычно, толпился всякаго рода народъ, щеголи и болтуны, и я охотно обмѣнялся съ какими-то незнакомыми мнѣ юношами нѣсколькими остротами. Той робости, которая прежде овладѣвала мною, когда я шелъ къ Гесперіи, я не испытывалъ вовсе; напротивъ, я чувствовалъ себя смѣлымъ и рѣшительнымъ и былъ увѣренъ въ успѣхѣ.

Жила Гесперія уже не на Холмѣ Садовъ, а въ своемъ зимнемъ домѣ, на Эсквилинѣ, поблизости отъ храма Надежды Древней. Мѣсто было сравнительно пустынное, и у Эліана здѣсь тоже былъ прекрасный домъ, обставленный, можетъ быть, съ меньшей пышностью, чѣмъ его лѣтняя вилла, но зато съ чисто Римской строгостью убранства. Ни внѣ, ни внутри дома не было никакихъ причудъ, все было просто, но величественно и богато.

Домъ охранялся рабами съ тою же бдительностью, какъ и вилла на Холмѣ Садовъ, но когда я назвалъ себя, меня тотчасъ впустили. Хорошенькая рабыня, которая, кажется,

меня узнала, провела меня черезъ обширные пустые покои, назначенные всего для двухъ человѣкъ, къ небольшой комнаткѣ, завѣшенной пестрымъ занавѣсомъ, и произнесла мое имя. Я увѣренно отдернулъ занавѣсъ и вошелъ.

Но въ ту же минуту двѣ руки обвили мою шею, и прямо передъ своимъ лицомъ я увидѣлъ какъ бы мраморное лицо Гесперіи, прекрасное, какъ ликъ богини, настолько совершенное по своимъ чертамъ, что ни Фидій, ни Пракситель не могли бы измыслить въ творческомъ воображеніи ничего удивительнѣе. За мѣсяцы разлуки я не то, чтобы позабылъ Гесперію, но какъ-то утратилъ ясное представленіе о ея красотѣ. Я помнилъ ея слова, ея поступки, но непосредственное очарованіе, вѣявшее отъ ея существа, потерялось и ослабло въ воспоминаніяхъ. Когда теперь я вновь увидѣлъ ее прямо передъ собой, величественную, божественную, въ тонкой циклѣ, осыпанной золотомъ, я вновь испыталъ прежнее чувство почти тѣлесной боли. Я стоялъ передъ Гесперіей, онѣмѣвъ, и думалъ: нѣтъ, нехорошо дѣлаютъ боги, что смертной женщинѣ даютъ такую красоту!

А Гесперія, взявъ меня за руки, увлекла меня въ глубину комнаты, посадила на ложе, рядомъ съ собой, и стала говорить, все тѣмъ же своимъ нѣжнымъ голосомъ, похожимъ на музыку флейтъ:

— Мой Юній! какъ я счастлива, что тебя вижу! Когда Симмахъ написалъ мнѣ о твоемъ заключеніи, я потеряла разумъ. Я дала обѣтъ принести богатыя жертвы Великой Матери, если ты получишь свободу. И когда я думала, что это я послала тебя на такое дѣло, я была готова себя бить и проклинать. Но боги справедливы и спасли тебя для меня.

Такое вступленіе ошеломило меня, такъ какъ его я не ожидалъ вовсе. Я привыкъ, чтобы Гесперія обращалась со мной, какъ царица съ рабомъ или какъ мудрецъ съ ученикомъ, и, слыша теперь отъ нея страстныя слова женщины, не зналъ, что̀ о нихъ думать. Но я заранѣе готовился къ какому-то коварству со стороны Гесперіи и потому, напо-

мнивъ себѣ свое рѣшеніе — уподобиться въ лукавствѣ змію, отвѣчалъ:

— Domina, я зналъ, на что я иду, и ты отъ меня опасности не скрывала. Значитъ, ты передо мной ни въ чемъ не виновата. А я попрежнему готовъ тебѣ служить всѣмъ, чѣмъ могу.

Гесперія порывисто охватила меня, сжала въ объятіяхъ и воскликнула, словно въ самозабвеніи:

— Нѣтъ, Юній, больше ни въ какія опасности я не пошлю тебя. Ты совершилъ довольно, чтобы доказать свое мужество и свою преданность мнѣ. Теперь ты можешь требовать награды, которую я тебѣ обѣщала.

Невольнымъ движеніемъ я высвободился изъ рукъ Гесперіи, такъ какъ принимать притворныя ласки не хотѣлъ, и возразилъ, дыша тяжело:

— Зачѣмъ ты это говоришь! Неужели я могу повѣрить, что я тебѣ такъ дорогъ? Ты надо мной смѣешься?

Гесперія, не выпуская моихъ рукъ, продолжала говорить тѣмъ же ласкательнымъ голосомъ:

— Все это—правда, мой Юній! Теперь я оцѣнила тебя и твою любовь. Я постигла, что боги привели тебя ко мнѣ и что мы должны повиноваться священной волѣ безсмертныхъ.

Я сознавалъ, что мнѣ слѣдуетъ притворяться, слѣдуетъ тоже клясться въ любви, чтобы обмануть эту женщину и усыпить ея подозрѣнія. Но она говорила съ надменной увѣренностью въ томъ, что ея любовь для меня—высшее блаженство, и меня непобѣдимо влекло сказать ей, что это—не такъ, что я съ пренебреженіемъ отказываюсь отъ того дара, который она мнѣ торжественно предлагаетъ; этотъ порывъ чувства оказался сильнѣе голоса разсудка. Я всталъ съ ложа, окончательно освободился отъ рукъ Гесперіи, которая слѣдила за мной недовѣрчивымъ взглядомъ, и отвѣтилъ:

— А я понялъ, что между нами не можетъ быть любви. Я заблуждался, когда говорилъ тебѣ о своей страсти, и беру тѣ свои слова назадъ, отказываюсь отъ нихъ. Впрочемъ, всѣ свои клятвы я помню и, разумѣется, подтверждаю ихъ. Я

клялся Стиксомъ, какъ клянутся боги, и этой клятвы Римлянинъ не нарушитъ никогда.

Мои слова, какъ кажется, на Гесперію произвели впечатлѣніе сильное. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ она смотрѣла на меня, молча, словно не находя словъ. При всей своей самоувѣренности, она потерялась и не знала, какъ держать себя. Но вдругъ также встала и, уронивъ складки своей сверкающей циклы, воскликнула громко:

— Если такъ, то твои клятвы я возвращаю тебѣ. Ты мнѣ ни въ чемъ не клялся. Я не хочу, чтобы ты исполнялъ свои обѣщанія по принужденію. Ты—свободенъ.

— Никто не можетъ освободить меня отъ такой клятвы,— возразилъ я.—Попрежнему ты можешь мнѣ приказывать. Не говори только о любви, потому что это прошло.

Тогда Гесперія подошла ко мнѣ совсѣмъ близко, такъ что я весь былъ охваченъ вѣяньемъ тѣхъ ароматовъ, которыми было умащено ея тѣло, опять протянула ко мнѣ свои словно изъ слоновой кости выточенныя руки и спросила тихо:

— Ты меня разлюбилъ? Ты любишь другую? Отвѣчай: ты далъ обѣщаніе не скрывать этого отъ меня.

— Я никого не полюбилъ, — отвѣтилъ я, такъ какъ это была правда.

Руки Гесперіи вновь опустились на мои плечи, и я задрожалъ отъ этого прикосновенія, какъ, можетъ быть, трепеталъ Анхизъ, когда къ нему приближалась мать его будущаго сына. Но когда медленно алыя губы Гесперіи стали наклоняться къ моему лицу, обѣщая то же пронзающее лобзаніе, какое я извѣдалъ однажды, я, во второй разъ подчиняясь невольному движенію, опять отклонился отъ ея поцѣлуя, отступилъ назадъ, и противъ моей воли у меня вырвался крикъ:

— Не надо! не надо!

Мгновеніе Гесперія стояла одна съ руками, простертыми въ пустоту, потомъ тихо сдѣлала нѣсколько шаговъ и упала на ложе, какъ изнеможенная. Никогда не видѣлъ я гордой Гесперіи въ такомъ состояніи, потому что она была похожа на пантеру, раненую на аренѣ амфитеатра, и если бы я могъ

повѣрить въ искренность ея поведенія, я уже могъ бы наслаждаться началомъ своей мести. Послѣ недолгаго молчанія Гесперія заговорила подавленнымъ голосомъ:

— Ты меня отвергаешь? Тебѣ разсказали обо мнѣ что-нибудь дурное? Тебѣ сказали, что я жила постыдной жизнью? Что у меня было много любовниковъ? Что многихъ я обманывала? Что я гублю тѣхъ, кто мнѣ довѣряется?

— Мнѣ никто ничего не говорилъ о тебѣ,—возразилъ я.

— Все равно! — воскликнула Гесперія, вновь вставая во весь свой ростъ: — все равно! Все, что̀ тебѣ говорили и что̀ могли сказать и многое другое, — все правда! Я хуже той молвы, которой окружено мое имя. Да, я прожила постыдную жизнь. Я перемѣнила трехъ мужей. Я знала сотни мужчинъ. Я отдавалась наѣздникамъ, мимамъ и рабамъ. Я продавала себя за деньги. Я подражала въ развратѣ женѣ Клавдія. И я многихъ погубила, кто меня любилъ. Я первая скажу тебѣ про себя все дурное, что̀ было, и многое такое, что̀ не знаетъ въ мірѣ никто, кромѣ меня. Но все это было въ прошломъ. Уже давно я живу ради одного: ради того нашего дѣла, о которомъ ты знаешь. Постыдную жизнь я искупаю, служа богамъ и Риму. А когда я увидѣла тебя, когда я нашла тебя, я подумала, что, можетъ быть, еще возможно для меня и счастіе жизни. Потому что я полюбила тебя, Юній, любовью настоящей и, клянусь тебѣ, первой въ моей жизни. Вотъ я отдала себя въ твою власть, ты меня можешь оскорбить и унизить; ты меня можешь оттолкнуть въ наказаніе за то, что когда-то я оттолкнула тебя. Поступи, какъ хочешь: я не хитрю съ тобой, не притворяюсь, я, какъ простая дѣвочка, говорю тебѣ: люблю!

Гесперія произносила эти слова въ величайшемъ волненіи,— по крайней мѣрѣ такъ казалось: ея лицо разгорѣлось, на глазахъ были слезы, а я слушалъ ее какъ помѣшанный. Я не зналъ, что̀ мнѣ думать объ этихъ безумныхъ признаніяхъ. Было ли это коварство, игра, доведенная до высшаго совершенства, какъ у иныхъ акторовъ, умѣющихъ плакать на сценѣ, изображая страданія Октавіи, Медеи или Канаки? Была ли

то новая прихоть женщины, не вѣдающей препятствій своимъ желаніямъ и пожелавшей ласкъ „красиваго мальчика", какъ меня называла Валерія? Или то было истинное чувство, внезапно посѣтившее гордую повелительницу Рима, месть богини Венеры, мстящей тѣмъ, которые смѣютъ презирать ея власть? То, о чемъ я мечталъ прежде, какъ о недоступномъ, немыслимомъ счастіи,—любовь Гесперіи,—было передо мной: мнѣ стоило только сдѣлать одно движеніе, сказать одно слово, и она была бы въ моихъ рукахъ, стала бы меня цѣловать и обнимать. Но въ эту минуту передо мной какъ бы всталъ призракъ маленькой Наміи, лежащей въ смертельной болѣзни на своей дѣвичьей постели, и я съ новымъ порывомъ возразилъ рѣшительно:

— Гесперія, я не имѣю права тебя осуждать за твою жизнь. Я о ней ничего не знаю и ничего не хочу знать. Но сейчасъ я тебѣ ничего не могу отвѣтить на твои слова и вотъ почему. Сообщили ли тебѣ, что твоя сводная сестра, маленькая Намія, вчера бросилась въ Тибръ и теперь лежитъ больная и, вѣроятно, умретъ? И извѣстно ли тебѣ, почему она это сдѣлала? Я тебѣ скажу: Намія полюбила меня, а я любилъ тебя, и вотъ она предпочла умереть. Какъ же ты хочешь, чтобы я говорилъ тебѣ о любви, когда она умираетъ.

Все лицо Гесперіи при моихъ словахъ измѣнилось. Она опять упала на ложе и простерла руки, какъ для молитвы. Мнѣ показалось, что она сейчасъ потеряетъ сознаніе.

— Боги безсмертные! — вскричала она. — Неужели это правда? Намія бросилась въ Тибръ? И мы съ тобой въ томъ виноваты? Побѣжимъ тотчасъ къ ней, я прикажу позвать Эвсебія, я выпишу лучшихъ медиковъ изъ Константинополя, я отдамъ всѣ свои деньги: мы ее должны спасти! Разскажи мнѣ немедленно все подробно! Вотъ когда я требую съ тебя исполненія твоей клятвы: ты обѣщалъ ничего отъ меня не скрывать. Разскажи,—какъ ты узналъ, что она тебя любитъ? Какъ узнала она, что ты меня любишь? Говори все! Бѣдная маленькая дѣвочка, я ее такъ любила!

Я разсказалъ все, что̀ зналъ, не скрывъ ничего, не утаивъ

ни ночного прихода Наміи ко мнѣ передъ днемъ моего отъѣзда, ни тѣхъ страшныхъ признаній, какія сдѣлала мнѣ Намія вчера, разумѣется, взявъ съ Гесперіи обѣщаніе, что она никому другому не перескажетъ этого. Гесперія слушала мой разсказъ съ напряженнымъ вниманіемъ, нѣсколько разъ прерывая его восклицаніями горести, и, когда я кончилъ, сказала:

— Теперь я тебя понимаю, Юній! Вотъ что̀ было у тебя на душѣ, когда ты пришелъ ко мнѣ! Да, не время намъ было говорить о любви. Но теперь мы обмѣнялись признаніями: когда-то ты говорилъ мнѣ, что меня боготворишь, сегодня я тебѣ призналась, что ты мнѣ сталъ дорогъ. Предоставимъ отнынѣ нашу жизнь волѣ трехъ Парокъ,—пусть онѣ сучатъ свои нити, золотыя и черныя, хотя бы уже близко было къ одной изъ нихъ лезвее ножницъ. Когда-нибудь мы возобновимъ рѣчи о нашихъ чувствахъ. Теперь мы должны обратиться къ другому, что̀ важнѣе и твоей жизни и моей, что̀ выше, чѣмъ наша бѣдная и маленькая любовь: къ судьбамъ Рима. Здѣсь, на этомъ пути, ты не долженъ и не смѣешь покидать меня. Немного насъ, вѣрныхъ великимъ завѣтамъ старины, служителей боговъ безсмертныхъ, но тѣмъ тѣснѣе должны мы сплотиться въ одинъ кругъ. Мы должны продолжать нашу борьбу съ безуміемъ христіанства, грозящимъ погубить все прекрасное и все величественное, что̀ создано въ мірѣ. Одно сраженіе нами проиграно, но война еще не окончена. Ганнибалъ нѣкогда подступалъ къ самымъ семи холмамъ, но кончилось тѣмъ, что исполнилось пожеланіе Катона, и Карѳагенъ былъ разрушенъ. Намъ предстоитъ разрушить Карѳагенъ новой религіи, откуда новые Ганнибалы грозятъ намъ участью болѣе страшной, чѣмъ та, которая грозила республикѣ послѣ Каннъ. Чтобы грядущимъ поколѣніямъ сохранить мудрость Платона, чтобы въ будущемъ опять могли жить Вергиліи и Аполлоніи, Суллы и Траяны, — останемся столь же тверды послѣ неудачи, какъ слѣпой Аппій. Я—женщина, ты—юноша, но я попрежнему вѣрю, что вдвоемъ мы можемъ больше сдѣлать, чѣмъ умные сенаторы и искусные

вожди народа. Въ этомъ дѣлѣ дай мнѣ руку, останься моимъ союзникомъ и повтори свои клятвы: умереть за Римъ!

Свою длинную рѣчь Гесперія произнесла торжественно и строго, и въ эту минуту она опять стала похожа на ту прежнюю Гесперію, уму и рѣшимости которой я удивлялся. Лицо ея напоминало въ эту минуту лицо Діаны-охотницы, и вся она казалась чистой и неприступной, такъ что странно было вспомнить ея недавнія признанія. Потомъ она добавила:

— А теперь иди къ Наміи и скажи своему дядѣ, что я немедленно пришлю къ дѣвочкѣ лучшихъ медиковъ Города. Мы ее спасемъ, потому что она не должна умереть. Этого не будетъ, „если что̀ боги правые могутъ"!

Наклонясь, Гесперія меня поцѣловала въ лобъ, и я уже не сопротивлялся этому поцѣлую.

Выйдя изъ дома Эліана, я долго не могъ собрать мыслей. Все произошло совершенно иначе, нежели я того ожидалъ, и къ тому, что̀ мнѣ пришлось пережить, я вовсе не былъ подготовленъ. Неспѣшной походкой возвращаясь домой, я, какъ бы „по обычаю пиѳагорейцевъ", припоминалъ, слово за словомъ, все, сказанное мною и Гесперіей, всѣ наши движенія и поступки. Я старался вникнуть въ ихъ смыслъ и разгадать Гесперію, которая предстала передо мною опять въ новомъ обликѣ, чѣмъ я ее зналъ раньше.

„Если все это съ ея стороны притворство, — говорилъ я себѣ, — то какова же его цѣль? Зачѣмъ было Гесперіи унижаться предо мною, обвинять себя въ низкихъ поступкахъ, называть себя подобной женѣ Клавдія? Что̀ можетъ она получить отъ меня, человѣка безъ состоянія, безъ власти, безъ особенныхъ дарованій? Предположимъ, что она хочетъ опять овладѣть мною, но чѣмъ же я могу быть ей полезенъ?"

Однако, повѣрить въ искренность признаній Гесперіи я все-таки не могъ: слишкомъ невѣроятнымъ казалось мнѣ, чтобы гордая Гесперія, привыкшая къ поклоненіямъ, могла внезапно полюбить, и такъ изступленно, бѣднаго юношу, который недавно самъ вымаливалъ у нея одинъ ласковый взглядъ. Какую-то ловушку, какую-то хитрость я чувствовалъ

въ поведеніи Гесперіи, но не умѣлъ разгадать, въ чемъ онѣ состояли. Я мысленно сравнивалъ поведеніе Гесперіи, во время разговора со мной, съ движеніями змѣи, которая извивается, свертывается въ кольца, отползаетъ назадъ, пытается напасть и оттуда и отсюда и вдругъ, усмотрѣвъ незащищенное мѣсто, бросается впередъ и жалитъ. Но зачѣмъ она вела эту хитрую борьбу со мной, я не понималъ.

А въ самой глубинѣ души, наперекоръ всѣмъ тѣмъ обѣщаніямъ, какія я давалъ самому себѣ, наперекоръ всѣмъ моимъ клятвамъ мести, запечатлѣннымъ мною даже на стѣнѣ подземной тюрьмы въ Медіоланскомъ священномъ дворцѣ,— тайная сладость баюкала мои мечты. Такъ прекрасна была Гесперія, такое очарованіе исходило отъ ея существа, словно опьянительный ароматъ, что я опять чувствовалъ себя во власти ея чаръ: опять казалось мнѣ невозможнымъ жить безъ Гесперіи, опять мнѣ представлялось, что всюду, гдѣ нѣтъ ея,—пустыня, а тамъ, гдѣ она,—тѣ „бѣлыя лиліи", что окружаютъ блаженныхъ. И это тайное чувство, которое я всячески старался подавить въ себѣ, какъ тонкій ядъ проникало во всѣ мои мысли, отравляло ихъ смертельнымъ и гибельнымъ соблазномъ. „Сильна ты, Афродита, богиня Книдская!"—готовъ я былъ воскликнуть.

Дома я засталъ всю семью за обѣдомъ. Никто меня не спросилъ, гдѣ я былъ, да и вообще никто почти не произнесъ ни слова за все время обѣда, кромѣ отца Никодима, который нѣсколько разъ начиналъ-было разсказывать городскія новости, но, не встрѣчая сочувствія, скоро умолкалъ. Впрочемъ, когда рабы уже подали сладкое, дядя угрюмо сообщилъ мнѣ:

— Скоро возвращается Симмахъ. Онъ ничего не добился. Сенатъ останется безъ статуи Побѣды. Горе будетъ теперь, если Готы опять подымутся на насъ. Потерять намъ тогда Гемимонтъ, Европу, Родопію, Дарданію, Македонію, Эпиръ...

— Господь Богъ заступится за свое вѣрное воинство,— вставилъ о. Никодимъ.

Дядя сурово посмотрѣлъ на него и отвѣтилъ:

— Завоевывали эти земли не Господь Богъ, но Метеллъ

и Муммій, а что̀ завоевалъ Господь Богъ, мы еще не видѣли.

О. Никодимъ тонко улыбнулся и, беря себѣ нѣсколько сладкихъ пирожковъ, произнесъ:

— Онъ завоевалъ весь міръ, но не силой меча, а силой истины и любви.

Дядя не возразилъ ничего: ему не охота была спорить.

Послѣ обѣда мнѣ позволили зайти къ Наміи. Она была почти безъ сознанія, впрочемъ узнала меня и спросила:

— Ты сегодня былъ у Гесперіи?

— Нѣтъ,—солгалъ я, не желая огорчать дѣвочку,—я у нея не былъ и не пойду къ ней.

— Ты ее не будешь цѣловать?—опять спросила Намія.

— Не буду.

— Поклянись мнѣ.

Что̀ мнѣ было дѣлать, какъ не поклясться, хотя я и чувствовалъ, что, можетъ быть, скоро окажусь клятвопреступникомъ. Я произнесъ торжественно:

— Клянусь тебѣ, что не буду Гесперію цѣловать никогда.

Намія вытащила изъ-подъ подушки маленькое серебряное зеркальце и яростно бросила его въ уголъ комнаты.

— Это она мнѣ прислала сегодня утромъ въ подарокъ, узнавъ, что я больна. Но я не хочу ея подарковъ, не хочу! Сломай его, братикъ, растопчи ногами, брось въ огонь. Я его ненавижу, я ее ненавижу! Я изъ-за нея умираю. Она — проклятая!

Меня поразило это признаніе, и, хотя съ Наміей разговаривать не слѣдовало, въ виду ея болѣзни, я невольно спросилъ:

— Гесперія прислала тебѣ утромъ зеркало? Значитъ, она знала, что ты больна?

— Она мнѣ прислала зеркало,—отвѣчала дѣвочка,—проклятое зеркало, заколдованное, чтобы я умерла скорѣе, но я, можетъ быть, еще не умру! Я теперь не хочу умирать. Въ Тартарѣ страшно, тамъ темно, тамъ тѣни!

Дѣвочка начала метаться и говорить безсвязныя слова, и

я не могъ добиться отъ нея, знала ли Гесперія, посылая ей подарокъ, о ея болѣзни. Все же темное подозрѣніе поселилось въ моей душѣ. „Неужели, — спрашивалъ я себя, — Гесперія раньше была извѣщена о несчастіи съ Наміей и передо мною притворялась, дѣлая видъ, что̀ услышала о томъ отъ меня впервые? Кто же она: всегда играющая на сценѣ или безумная, не понимающая, что̀ говоритъ, какъ бѣдная Реа? Или же душа женщины — пучина Харибды, въ которую не дано заглянуть мужскому взору?"

Я долго сидѣлъ у Наміи и вмѣстѣ съ теткой старался то согрѣть ея коченѣющіе члены, то охладить сжигающій ее внутренній огонь. Дѣвочка томилась и плакала и все чаще повторяла: „Я не хочу умирать, не хочу умирать!" Мы ее поили лѣкарствами, приготовленными ученымъ Грекомъ, но Наміи отъ такого питья дѣлалось только хуже, и было видно, что жизнь покидаетъ ея худенькое тѣло. Чудилось, что страшная Либитина уже стоитъ у дверей нашего дома.

Поздно ночью ушелъ я изъ комнаты Наміи, оставивъ мать у постели умирающей дочери. Уходя, при слабомъ свѣтѣ лампады, я замѣтилъ, что въ волосахъ Меланіи за эти дни появились сѣдыя пряди. И впервые я почувствовалъ къ теткѣ нѣжность и уваженіе.

V.

Болѣзнь маленькой Наміи продолжалась шесть дней, и эти дни были для меня, можетъ быть, тягостнѣе, чѣмъ мѣсяцы моего заключенія въ подземной тюрьмѣ.

Я считалъ себя виновнымъ въ болѣзни дѣвочки, и, видя ея страданія и близость ея конца, часто готовъ былъ воскликнуть въ отчаяньи, вмѣстѣ съ Эдипомъ: „Земля, разверзнись!“ Съ каждымъ днемъ ослабѣвая и какъ бы растаивая, подобно горсти бѣлаго снѣга, Намія все болѣе страстно желала жить, и, плача, повторяла, въ тѣ часы, когда была въ сознаніи: „Вылѣчите меня! я не хочу умирать! я боюсь умереть! спасите меня!“ Она цѣловала руки Грека и другого медика, котораго, дѣйствительно, прислала къ ней Гесперія, и умоляла ихъ помочь ей, но тѣ понемногу теряли свою самоувѣренность и все чаще совѣтовали надѣяться на помощь боговъ.

Тетка разыскала гдѣ-то въ Городѣ старуху-Ѳессалійку, которая лѣчила заклинаніями. То была сморщенная женщина, одѣтая грязно, съ нечесаными волосами, бормотавшая на какомъ-то странномъ діалектѣ Греческаго языка, который я едва понималъ. Едва войдя въ комнату Наміи и едва взглянувъ на дѣвочку, метавшуюся въ бреду, старуха тотчасъ объявила, что знаетъ, кто наслалъ болѣзнь: одна Египтянка, живущая по сосѣдству, которая издавна не взлюбила весь домъ Тибуртина. Потомъ лѣкарка долго обѣими руками рас-

тирала тѣло дѣвочки, шептала надъ ней непонятные заговоры, надѣла ей на шею амулетъ, зашитый въ тряпичку, и ушла, увѣривъ, что болѣзнь перейдетъ теперь на самоё Египтянку, тогда какъ Намія черезъ два дня будетъ совсѣмъ здорова. Однако, о. Никодимъ, узнавъ о посѣщеніи знахарки, крайне разсердился, пригрозилъ теткѣ муками ада за сношеніе съ ворожеей, что̀ осуждаютъ законы церковные и законы имперіи, и, при содѣйствіи Аттузіи, снялъ съ Наміи ладанку, такъ что мы и не узнали, принесла ли она какую-нибудь пользу больной.

Особенно мучило меня то, что я принужденъ былъ постоянно лгать умиравшей дѣвочкѣ. Гесперія, съ непонятнымъ упорствомъ, каждый день присылала за мною раба и заставляла приходить къ ней, можетъ быть, и потому, что мужъ ея былъ въ отсутствіи. Отказаться отъ этихъ приглашеній у меня недоставало воли, такъ какъ все же сладостно было мнѣ проводить часы наединѣ съ Гесперіей, дышать благоуханіями, которыми было пропитано ея платье, видѣть близко отъ себя ея лицо съ восковой нѣжностью кожи. Хотя всегда наши разговоры начинались съ предметовъ общественныхъ, съ обсужденія тѣхъ способовъ, какими можно ниспровергнуть власть Граціана и возвести на тронъ Цесарей человѣка, готоваго защищать древнюю религію,—очень скоро мы переходили къ нашимъ чувствамъ, къ тѣмъ вопросамъ, которые вѣдаетъ Цитерея и ея крылатый сынъ. И когда красавица Гесперія вкрадчивымъ голосомъ опять повторяла мнѣ, что въ ея сердцѣ загорѣлась страсть ко мнѣ, что, впервые послѣ многихъ обманчивыхъ влеченій, она испытываетъ подлинную любовь, что я—ея послѣдній и вмѣстѣ съ тѣмъ первый истинный избранникъ, хотя тысячи другихъ тщетно добиваются одного ея ласковаго взгляда, — трудно мнѣ было устоять и не поддаться соблазну. Я уже не отрицалъ, что любовь къ Гесперіи жива въ моей душѣ, но, чувствуя, что и недавняя ненависть только задремала на время, можетъ воскреснуть каждую минуту, едва въ поступкахъ этой женщины снова проглянетъ коварство, уклонялся упорно отъ рѣшительныхъ признаній.

— Ты не любишь меня, Юній?—спрашивала меня Гесперія, держа меня за руки и какъ бы погружая свой взоръ въ мои глаза.

— Можетъ быть, я люблю тебя, а можетъ быть, нѣтъ,— отвѣчалъ я тоскливо.

— Нѣтъ! нѣтъ! ты меня любишь, ты долженъ меня любить, я такъ хочу!—говорила она, какъ если бы ея желаніе было волей безсмертной богини.

Не разъ Гесперія привлекала меня къ себѣ и начинала цѣловать поцѣлуями острыми, какъ укусъ змѣи, вкладывая кончикъ языка въ мои губы,—что̀ Греки называютъ γλῶττομα,— а я отъ такихъ ласкъ терялъ обладаніе собой и, обезсилѣвъ, оставался въ объятіяхъ женщины, какъ трупъ, которымъ она можетъ распоряжаться по своей прихоти. Гесперія находила слова нѣжности необыкновенной, ласкающія, какъ журчаніе ручья, наполняющія слухъ, какъ отдаленный говоръ вѣтра въ лавровыхъ листьяхъ. Она, словно мать ребенку, говорила мнѣ, наклоняя надо мной свои большіе глаза съ расширившимися зрачками:

— Мой маленькій, мой милый, мой единственный! Ты именно то, о чемъ я мечтала долго. Дай мнѣ свою молодость и возьми у меня весь мой опытъ жизни. Давай любить другъ друга, и вдвоемъ мы достигнемъ такого счастія, какого еще не бывало на землѣ. Сами Олимпійцы позавидуютъ намъ, и будущіе поэты станутъ называть наши имена рядомъ съ именами Протесилая и Лаодаміи, Геро и Леандра, Канаки и Макарея!

— Гесперія,—слабо возражалъ я,—сколько разъ въ жизни ты говорила тѣ же слова!

— Такъ что же! — отвѣчала она. — Я буду твоей первой истинной любовью. Ты — моя послѣдняя истинная любовь! Быть первымъ и быть послѣднимъ одинаково прекрасно! Послѣдняя любовь, это значитъ — любовь вѣчная, конца которой не будетъ.

И, зная множество стиховъ наизусть, она начинала страстно-дрожащимъ голосомъ декламировать передо мною письмо Федры изъ „Героидъ“ Насона:

Я уже не стыжусь молить, униженно, покорно.
Горе, гдѣ гордость моя? дерзкія рѣчи? ихъ нѣтъ.
Вѣрилось мнѣ, что я долго буду бороться, что страсти
Я не поддамся вовѣкъ; вѣрнаго что̀ есть въ любви!
Побѣждена, умоляю, царскія руки къ колѣнямъ
Я простираю твоимъ. Все позволяетъ любовь!
Я разучилась краснѣть, и Стыдъ покинулъ знамена,
Сжалься, когда сознаюсь, гордое сердце возьми!

Слушая такія рѣчи, я въ самомъ дѣлѣ готовъ былъ воображать себя сыномъ Тесея.

А придя отъ Гесперіи домой, я шелъ въ комнату Наміи, садился у ея постели, оберегалъ ея безпокойный, лихорадочный сонъ или успокаивалъ ея мучительный бредъ. Чувства гордаго царевича Ипполита или страстнаго любовника Геро умирали въ моей душѣ, и ихъ замѣняла безмѣрная жалость къ бѣдной, страдающей дѣвочкѣ. Намія же, когда приходила въ себя, каждый разъ, съ упорствомъ болѣзни, спрашивала одно и то же:

— Ты не былъ сегодня у Гесперіи? Ты не пойдешь къ ней? Ты не будешь съ ней цѣловаться? Ты ее не любишь?

И я клялся Наміи, что у Гесперіи не былъ, не пойду къ ней, съ ней не цѣловался, не люблю ее. Намія успокаивалась на минуту, но скоро, быть можетъ, забывъ о моемъ отвѣтѣ, снова начинала тревожиться и снова повторяла тѣ же вопросы, слабымъ, но настойчивымъ голосомъ:

— Скажи, ты не любишь Гесперіи?

Почти постоянно мучимая видѣніями бреда, Намія уже не могла хранить тайну своей любви ко мнѣ и часто начинала говорить о ней въ присутствіи матери и сестры. Тетка, наполовину потерявшая разумъ отъ горя, едва ли понимала эти признанія дѣвочки, но Аттузія хорошо ихъ запомнила и, конечно, сдѣлала изъ нихъ свои выводы. Одинъ разъ она даже заговорила со мною о томъ грѣхѣ, какой принимаетъ на душу тотъ, кто соблазняетъ единаго изъ малыхъ сихъ. Но я отвѣтилъ ей рѣзко, что Намія просто бредитъ и что вообще я не считаю Аттузію въ правѣ давать мнѣ какія-либо наста-

вленія. Сжавъ свои тонкія губы, Аттузія ничего не возразила и на время оставила меня въ покоѣ.

Между тѣмъ силы Наміи все слабѣли. Она уже не могла сама приподыматься и почти всѣ часы проводила неподвижно, безъ сознанія, иногда выговаривая, среди стоновъ, отдѣльныя слова. Оба медика объявили намъ, что на выздоровленіе они болѣе не надѣятся, и что дѣвочкѣ осталось жить не болѣе сутокъ. Во всемъ нашемъ домѣ распространилось уныніе, и даже рабы, которые любили маленькую Намію, сдѣлались угрюмыми и порой отирали слезы.

Вечеромъ Гесперія опять прислала за мной, сообщая въ письмѣ, что у нея есть ко мнѣ очень важное дѣло. Прочтя письмо, я велѣлъ рабу передать Гесперіи, что прійти не могу, но когда онъ ушелъ съ такимъ моимъ отвѣтомъ, я почувствовалъ безпокойство и тоску. Мнѣ стало мучительно жаль потерять лишній случай увидѣть Гесперію, и, послѣ долгихъ колебаній, я все же не устоялъ передъ соблазномъ. Обѣщавъ себѣ, что у Гесперіи я пробуду только нѣсколько минутъ, я вышелъ изъ дому и побѣжалъ черезъ Циспій на Лабиканскую улицу.

Гесперія не удивилась, увидя меня, хотя рабъ уже передалъ ей мой отвѣтъ; она ждала меня и была, повидимому, увѣрена, что я приду, несмотря на свой отказъ. Какъ и всегда, она меня встрѣтила не какъ любовника, но какъ сообщника, и, доставъ только-что полученное ею письмо Симмаха, начала объяснять, что̀ произошло новаго. Она говорила спокойнымъ, дѣловымъ голосомъ, подробно выясняла всѣ мелочи, и трудно было бы подумать, что черезъ нѣсколько минутъ она способна заговорить рѣчами обезумѣвшей отъ страсти Федры.

Симмахъ писалъ въ письмѣ, которое онъ просилъ немедленно уничтожить, что онъ отъ достовѣрныхъ людей узналъ о готовящемся возмущеніи среди легіоновъ Британніи. На этомъ отдаленномъ островѣ войско уже давно было недовольно тяготами службы, несправедливостями начальниковъ, отсутствіемъ тѣхъ наградъ, которыя нерѣдко достаются на долю легіоновъ, расположенныхъ въ Галліяхъ и Италіи. Нашлись люди,

которые рѣшили воспользоваться этимъ недовольствомъ воиновъ и убѣдить ихъ провозгласить новаго императора. Всѣ тѣ, которые почему-либо не добились почестей при Граціанѣ или, наоборотъ, получили уже столько милостей, что не могли надѣяться на новыя, рады были случаю возвести на тронъ новаго человѣка, который долженъ былъ бы осыпать своихъ приближенныхъ и новыми щедротами. Заговоръ пока извѣстенъ лишь небольшому числу людей, но втайнѣ уже дѣлаются приготовленія къ военному походу, и слѣдуетъ расчитывать, что весной разразится гражданская война.

Письмо кончалось слѣдующими странными словами, смысла которыхъ я сразу не понялъ: „Si princeps non vult appellari pontifex admodum brevi pontifex maximus fiet". Гесперія истолковала мнѣ эти слова, сказавъ, что рѣчь идетъ о нѣкоемъ Максимѣ, родомъ Испанцѣ, родственникѣ императора Ѳеодосія, опытномъ и любимомъ легіонами военачальникѣ. Максимъ проживаетъ въ Британніи, наполовину занимая почетную должность при расположенныхъ тамъ войскахъ, наполовину въ качествѣ изгнанника, такъ какъ Граціанъ опасается его вліянія и значенія. Очевидно, этотъ Максимъ и намѣченъ заговорщиками, какъ будущій императоръ.

Давъ мнѣ эти объясненія, Гесперія поднесла таблички, присланныя Симмахомъ, къ огню и ждала, пока весь воскъ растаетъ и все написанное не обратится въ безформенную гущу.

— Тебѣ не жалко поступать такъ съ письмомъ Симмаха!— воскликнулъ я.

— Милый Юній,—возразила Гесперія,—такого письма достаточно для того, чтобы даже мнѣ, хотя я—жена сенатора и, какъ говорятъ, красивѣйшая женщина въ Городѣ, отрубили голову. Когда надо сдѣлать выборъ между краснорѣчіемъ и благомъ имперіи, я, не задумываясь, принесу въ жертву искусство. Если бы у насъ недостало боевыхъ снарядовъ, я не поколебалась бы заряжать баллисты головами статуй Праксителя!

Она сказала это съ такимъ видомъ, словно сзади стоялъ писецъ, который обязанъ былъ записывать ея изреченія.

— Чѣмъ же это возстаніе Максима можетъ быть полезно для нашего дѣла?—спросилъ я.

— Еще не знаю,—отвѣтила Гесперія, но думаю, что воспользоваться имъ будетъ возможно. Недовольство противъ Граціана растетъ. Сенаторы каждый день, видя пустое мѣсто тамъ, гдѣ прежде стояла статуя богини Побѣды, вновь переживаютъ нанесенное всѣмъ намъ оскорбленіе. Аріане раздражены преслѣдованіями, какія воздвигъ на нихъ неистовый Амвросій. Простой народъ втайнѣ любитъ своихъ боговъ, и въ деревняхъ поселяне съ уныніемъ смотрятъ на то, что храмы, у которыхъ отняты ихъ земли, обѣднѣли и разрушаются. Кромѣ того, бѣдняки всегда недовольны существующимъ правленіемъ и вѣрятъ, что при другомъ имъ будетъ легче жить. Съ виду всѣ покоряются гнету сына Валентиніана, но я убѣждена, что, затворивъ дверь своего дома, каждый гражданинъ посылаетъ ему проклятія. Его ненавидятъ всѣ, отъ Океана до Верхняго моря, а можетъ быть и до границъ Персіи. Пусть только Максимъ выступитъ открыто, мы тотчасъ поднимемъ противъ Граціана всю Италію и всю Паннонскую діэцесу: тамъ у насъ много друзей. А потомъ можно будетъ сговориться, что̀ дастъ намъ Максимъ въ обмѣнъ за нашу поддержку!

— Значитъ, ты согласилась бы на то, чтобы императоромъ сталъ Максимъ? — спросилъ я съ замираніемъ сердца, потому что въ ту минуту подумалъ о Юліаніи.

— Что дѣлать, можетъ быть, пришлось бы согласиться временно и на это,—сказала въ отвѣтъ Гесперія.

— А твой Юліаній? — произнесъ я, и почувствовалъ, что при этомъ имени краснѣю, какъ маленькій мальчикъ.

Гесперія весело разсмѣялась и отвѣтила мнѣ такъ:

— Неужели ты думалъ, что мы, въ самомъ дѣлѣ, надѣнемъ когда-нибудь діадему Діоклеціана на эту тряпичную куклу, отполированную пемзой и украшенную поддѣльными волосами? Нѣтъ, мой Юній, мы бережемъ его только на самый крайній случай. Полезно имѣть въ запасѣ потомка Констанція Хлора,—подобное имя дѣйствуетъ на народъ. А кромѣ

того, Юліаній можетъ пригодиться намъ и для другого. Если бы при дворѣ Граціана дознались о нашихъ замыслахъ, мы отдали бы имъ Юліанія, какъ главнаго зачинщика заговора, и этимъ, можетъ быть, спасли бы себя.

Гесперія говорила о послѣднемъ предположеніи съ такой доброй улыбкой, какъ если бы рѣчь шла не о томъ, чтобы предать человѣка на позоръ, на пытки и на казнь, но о милой шуткѣ. Глядя на ея спокойное лицо, я невольно подумалъ: вотъ та твердость духа, та aequa mens, о которой я мечталъ недавно. Именно такъ долженъ смотрѣть на людей тотъ, кто хочетъ направлять дѣла всей имперіи. Такъ смотрѣли на людей Сулла и Цесарь, Августъ и Константинъ. Что была для нихъ жизнь человѣка, или даже тысячи людей, если ставился вопросъ о выполненіи ихъ замысловъ! Вотъ истинно Римскій духъ, утраченный нашимъ временемъ, утраченный и мною, — мною, плачущимъ о смерти маленькой, ничего не значащей дѣвочки!

„Нѣтъ, я не Римлянинъ,—съ отчаяніемъ подумалъ я,—я—христіанинъ".

Но, пользуясь оборотомъ разговора, я подавилъ свое волненіе и спросилъ Гесперію, глядя ей прямо въ лицо:

— Ты такъ легко жертвуешь Юліаніемъ. Но скажи мнѣ: развѣ тебѣ самой онъ не дорогъ? А мнѣ казалось, что вы съ нимъ... близкіе друзья.

Гесперія опять засмѣялась,—не для того ли, чтобы скрыть смущеніе,—и договорила мой вопросъ до конца:

— Ты хочешь узнать, не мой ли любовникъ Юліаній?

Я пробормоталъ что-то неясное, а Гесперія продолжала, уже строго:

— Нѣтъ, Юній! Юліаній моимъ любовникомъ никогда не былъ и никогда не будетъ! Мнѣ было бы противно прикоснуться губами къ его лицу, раскрашенному дешевыми красками. И ты долженъ вѣрить, что мои слова — правда. Я не скрыла отъ тебя, что за свою жизнь я уступала мольбамъ многихъ, но этотъ Юліаній не былъ въ ихъ числѣ. Хотя бы тысячи доказательствъ говорили тебѣ другое, все же вѣрь

не имъ, даже не собственнымъ глазамъ, а моей клятвѣ. Есть причины, почему я дѣлаю видъ, будто и теперь окружена возлюбленными, но это лишь обманчивая внѣшность. Уже давно, много раньше, чѣмъ я поняла, что люблю тебя, Юній, я отвергла всѣхъ мужчинъ. Мой мужъ—болѣе не мужъ мнѣ, а только товарищъ общаго нашего дѣла; всѣ другіе, окружающіе меня—только мои друзья и помощники. Кто похвалится бо̀льшимъ, тотъ солжетъ. Подобно жрицамъ Круглаго храма, я тоже дала обѣтъ, и, если я нарушила его, пусть со мной поступятъ, какъ съ той изъ нихъ, кто провинилась передъ богиней!

Я не зналъ, что̀ думать, слушая Гесперію, которую молва называла самой развратной женщиной Города и которая равняла себя съ весталками. Какъ всегда, казалось, что ея рѣчь идетъ изъ самой глубины души, что она говоритъ съ простосердечіемъ ребенка, ея большіе глаза смотрѣли открыто, а грудь поднималась, словно отъ негодованія при мысли, что я могу ей не повѣрить. Между тѣмъ я помнилъ хорошо, что Юліаній самъ съ постыдной похвальбой говорилъ мнѣ о своей близости съ Гесперіей, я помнилъ, что видѣлъ самъ, какъ онъ вошелъ къ ней въ домъ вечеромъ и вышелъ изъ него лишь рано утромъ, качаясь отъ сладкаго утомленія. Повѣрить благороднымъ клятвамъ Гесперіи—значило показать себя прирожденнымъ простакомъ, но какъ было не повѣрить ея вкрадчиво-ласковому голосу, ея ясному взору, ея рѣшительнымъ утвержденіямъ, притомъ когда было такъ сладостно вѣрить всему тому, въ чемъ она увѣряла?

Чтобы сдѣлать свои слова еще болѣе убѣдительными, Гесперія, продолжая свои клятвы, обвила мою шею рукою и, наклонясь къ моему уху, снова стала шептать мнѣ свои нѣжныя признанія, говоря, что я — тотъ единственный, кого она любитъ, кому согласна отдать свои ласки. Сознаніе мое затемнилось, словно завѣсой тумана, я забылъ всѣ свои безпощадныя мысли о Гесперіи, всѣ свои обѣщанія—отомстить ей за себя и за Намію. Я ощущалъ лишь одно, что близъ меня—женщина, быть можетъ, прекраснѣйшая въ мірѣ, та

самая, которая недавно казалась мнѣ столь же недоступной, какъ свѣтлая Діана среди облаковъ, что она твердитъ мнѣ о любви и готова принять меня въ свои объятія. Въ моей душѣ слабо еще раздавался голосъ, говорившій мнѣ объ осторожности, напоминавшій о извѣданномъ мною самимъ коварствѣ этой женщины, совѣтовавшій мнѣ помедлить, не отдавать себя опять въ ея опасную власть; но другой голосъ какъ бы отвѣчалъ первому: „Послѣ! послѣ! обо всемъ этомъ я подумаю послѣ! теперь же хочу одного—воспользоваться этой минутой, которая, кто знаетъ, повторится ли когда-нибудь! Нѣтъ бо̀льшаго счастья на землѣ, какъ узнать ласки Гесперіи, и я возьму это счастіе, чѣмъ бы мнѣ ни пришлось заплатить за него!"

Въ ту минуту я утратилъ всякую осторожность, которой такъ настойчиво требовалъ отъ себя, потерялъ способность выбирать слова, не думалъ объ томъ, къ чему приведутъ мои безумныя признанія. Дрожа всѣмъ тѣломъ отъ порыва страсти, путающимся языкомъ, самъ еще не зная, что̀ я скажу, я сталъ говорить Гесперіи о своей любви. Я опять сталъ на колѣни передъ ней, обнялъ ея колѣни, какъ алтарь божества, и твердилъ, глядя на ея лицо, словно изъ глубины на небо:

— Конечно, и я люблю тебя, Гесперія. Когда я говорилъ иное, я лгалъ. Ни одинъ мигъ я не переставалъ любить тебя, ни въ тюрьмѣ, ни у постели умирающей Наміи! Всѣ прежнія клятвы я повторяю тебѣ, потому что въ душѣ я никогда не отказывался отъ нихъ! Я виноватъ передъ тобой, Гесперія, виноватъ въ томъ, что посмѣлъ скрывать отъ тебя свою любовь къ тебѣ!

Гесперія, слушая меня, нѣжно гладила рукою мои волосы, и эта тихая ласка бросала въ мою страсть больше искръ, чѣмъ то сдѣлали бы самые пламенные поцѣлуи. И тогда, не въ силахъ сдержать порыва своей откровенности, я разсказалъ Гесперіи, какъ проклиналъ ее въ дни своего заключенія, какъ поклялся мстить ей, какъ въ Медіоланѣ проводилъ дни съ Реей и какъ измѣнялъ клятвамъ своей любви въ

объятіяхъ этой странной дѣвушки. Сбивчиво, спутанно я разсказалъ все, что̀ пережилъ и перечувствовалъ за послѣдніе мѣсяцы, говоря безсвязно, переходя отъ одного къ другому и возвращаясь къ уже сказанному, но не утаивая ничего, открывая самую глубину своей души. И при послѣднихъ словахъ, отъ напряженности чувства и отъ томительной радости, заплакалъ дѣтскими слезами, приникъ лицомъ къ груди Гесперіи и воскликнулъ:

— Теперь не знаю, кому изъ боговъ мнѣ молиться! Я много мучился, но мнѣ не жаль моихъ мученій и я ихъ не помню. Ты мнѣ сказала, что любишь меня, и это такое блаженство, въ которомъ все прошлое потонуло, какъ маленькіе ручьи въ Океанѣ. Гесперія, я былъ безуменъ, когда отказывался отъ счастія твоей любви! Возьми меня, потому что я — твой навсегда!

Плача, я обнималъ Гесперію и искалъ губами ея губъ, которыми она въ часы нашихъ послѣднихъ свиданій сама обжигала меня, но на этотъ разъ Гесперія высвободилась изъ моихъ рукъ, какъ змѣя или увертливая пантера. Я остался, стоя на колѣняхъ на полу, съ простертыми руками, а она, отступивъ на нѣсколько шаговъ и закрывая лицо ладонями, проговорила:

— Нѣтъ, нѣтъ, Юній! Мы еще не должны отдаваться любви вполнѣ. Это будетъ нашей наградой за успѣхъ. Если мы достигнемъ своей цѣли, мы получимъ право на счастіе, но пока у насъ его нѣтъ.

— Это безуміе, Гесперія! — воскликнулъ я, пораженный ея словами. — Ты мнѣ сказала, что любишь меня; я знаю, что люблю тебя безконечно. Зачѣмъ мы будемъ закрывать себѣ дорогу къ радости? Развѣ счастіе любить другъ друга не дастъ намъ новыхъ силъ для того же нашего дѣла?

Гесперія отрицательно покачала головой и отошла въ самую глубину комнаты.

— Мы не должны прикасаться къ счастью,—сказала она.— Наша богиня не Венера, съ своимъ чудеснымъ поясомъ ра-

достей, но мудрая Минерва, съ высокимъ копьемъ. Слѣдуй ея указаніямъ и забудь пока о Павіи.

Минуту передъ тѣмъ я былъ убѣжденъ, что стоило мнѣ лишь выразить согласіе, чтобы Гесперія стала моей, и я долго не могъ повѣрить, что она дѣйствительно отказываетъ мнѣ въ своихъ ласкахъ. Я умолялъ ее, убѣждалъ ее, снова пытался привлечь ее въ свои объятія, но Гесперія все суровѣе отстраняла мои руки и все рѣшительнѣе запрещала мнѣ къ себѣ приближаться. Ея лицо опять приняло выраженіе неприступной строгости, и она повторяла мнѣ уже повелительно:

— Этого не должно быть, Юній. Я такъ хочу. Оставь меня.

Понявъ, наконецъ, что она непреклонна, я, въ новомъ порывѣ чувства, зарыдалъ снова, но уже слезами горечи и обиды.

— Зачѣмъ ты меня такъ мучишь, Гесперія! — воскликнулъ я.

— Мученія намъ нужны, — возразила она, — мученія очищаютъ душу, какъ огонь золото. Знай, что я буду тебя мучить еще больше. Теперь уходи — тебѣ давно пора быть около Наміи.

Съ этими словами Гесперія выскользнула изъ комнаты, и я остался одинъ. Подумавъ минуту, я направился къ выходу. „Она играетъ тобою, какъ мышью кошка, — говорилъ я себѣ. — Глупый, глупый! ты опять попался въ разставленную ловушку! ты разболталъ ей все, что̀ скрывалъ долгое время. Ей только этого и надо было. Только этого она и добивалась отъ тебя своей притворной искренностью. Теперь она знаетъ тебя всего, знаетъ, что̀ можно отъ тебя ждать, и будетъ пользоваться тобой, какъ рыбакъ лодкой, которую самъ оснастилъ!"

Съ самыми невеселыми думами брелъ я по улицѣ, но, вдругъ вспомнивъ объ умирающей Наміи, охваченный стыдомъ при мысли, что тратилъ время на унизительныя мольбы, когда дѣвочка мучилась предсмертными страданіями, бро-

сился бѣжать къ дому дяди. Былъ уже поздній часъ; та часть Города, по которой лежалъ мой путь, была почти пустынна, и никто не мѣшалъ мнѣ пробѣгать подъ портиками, какъ состязающемуся на аренѣ цирка. Задыхаясь, вошелъ я въ домъ, и по строгой тишинѣ, царившей тамъ, сразу понялъ, что послѣдняя минута близка.

Я осторожно вошелъ въ комнату Намія. Вокругъ постели умирающей собралась вся семья, въ томъ числѣ нѣкоторые кліенты и рабы. Дѣвочка лежала, протянувшись во весь свой маленькій ростъ, навзничь, съ закрытыми глазами, неподвижно. Она, повидимому, была безъ сознанія. Дядя употреблялъ всѣ усилія, чтобы сохранить спокойствіе, подобающее истинному Римлянину, который долженъ, подобно Бруту древнему, безъ слезъ смотрѣть на казнь своихъ дѣтей. Тетка, не переставая, плакала, отирала слезы и плакала вновь. Аттузія, ставъ на колѣни, молилась по-христіански. О. Никодимъ, стоя въ головахъ постели, произносилъ какія-то молитвы, и никто не обращалъ на него вниманія.

Замѣтивъ, что я появился, Аттузія встала съ колѣнъ, подошла ко мнѣ и сказала:

— Она много разъ звала тебя, но тебя нигдѣ не могли найти. Но, благодареніе богу, о. Никодимъ успѣлъ окрестить ее, и душа ея очистилась отъ грѣховъ. Теперь она вознесется прямо къ дверямъ Рая, и такой кончины мы всѣ можемъ желать себѣ.

„Желаю такой кончины тебѣ, и поскорѣе!"—едва не сказалъ я вслухъ, но сдержался, стиснувъ зубы. Однако въ выраженіи моего лица было, должно быть, что-то злое, потому что Аттузія, не дождавшись отвѣта на свои слова, поспѣшила отойти отъ меня и снова опустилась на колѣни. Я занялъ мѣсто около дяди и стоялъ, пристально глядя на искаженное лицо дѣвочки, по губамъ которой время отъ времени проходила судорога.

Такъ стояли мы въ безмолвіи довольно долго, какъ вдругъ Намія слабо зашевелилась и пріоткрыла помутнѣвшіе глаза. Она обвела взоромъ всѣхъ присутствующихъ, словно стараясь

понять въ чемъ дѣло. Потомъ этотъ взоръ сдѣлался сознательнымъ, и что-то вродѣ улыбки показалось на губахъ Намiи. Дѣлая большое усилiе, едва слышно, но совершенно разумно и даже чуть-чуть шутливо она произнесла:

— Отецъ, мать, я васъ очень люблю, но, кажется, я умираю, мнѣ очень плохо... Мои деньги отдайте Юнiю, въ наслѣдство, онъ глупый и отъ нихъ поумнѣетъ... А мои игрушки — Венерѣ, потому что я — какъ бы невѣста... Ахъ, мнѣ хотѣлось бы выйти замужъ...

При звукѣ этого почти замогильнаго голоса никто уже не могъ сдержать слезъ; тетка зарыдала громко, отчаянно, съ вскрикиванiями, дядя заплакалъ глухо, навзрыдъ, я тоже чувствовалъ, что родникъ моихъ слезъ не изсякъ у Гесперiи, но что онѣ заливаютъ мои щеки.

— Намiя, моя дѣвочка, ты не умрешь, не умрешь!—выкрикивала тетка.

Намiя, истомленная усилiемъ, какое она сдѣлала, чтобы произнести свою рѣчь, нѣсколько минутъ лежала молча, потомъ начала тихо и жалобно стонать. Этого почти невозможно было вынести, и я готовъ былъ убѣжать изъ комнаты, заткнуть уши, спрятаться въ подушки, только бы не слышать этого тихаго, но въ сердце впивающагося стона. Страдала ли она нестерпимо или страшно ей было разставаться съ жизнью, но она продолжала стонать, однообразнымъ голосомъ, безъ словъ, безъ опредѣленнаго звука, устремивъ глаза въ потолокъ и прiоткрывъ ротъ, какъ брошенная на пескѣ рыба. Но внезапно стонъ прекратился, Намiя словно еще разъ очнулась, еще разъ посмотрѣла на насъ, и мнѣ показалось, что она слабо улыбнулась именно мнѣ. Потомъ она произнесла, и это были ея послѣднiя слова:

— Мы должны принести въ жертву Эскулапiю пѣтуха...

Еще черезъ минуту языкъ, повидимому, пересталъ повиноваться дѣвочкѣ, она затряслась, стала биться на постели, хотя раньше не въ силахъ была пошевелиться, стала рвать тунику на груди, какъ если бы задыхалась, ея глаза расширились, и съ глухимъ стономъ, съ хрипомъ, она какъ-то вся

запрокинулась. Мы бросились къ самой постели, кто цѣловалъ ея одѣяло, кто пытался ее поддержать, кто просто рыдалъ, прижавшись головой къ ея подушкѣ. Только о. Никодимъ произносилъ какія-то слова своихъ молитвъ, но я оттолкнулъ его, не говоря ни слова, отъ постели, и упалъ подлѣ нея на колѣни.

Отъ слезъ, застилавшихъ мои глаза, я больше ничего не видѣлъ. А когда я взглянулъ снова на маленькую Намію, она уже была неподвижна, и было на ея лицѣ то выраженіе прекратившихся страданій, какое даетъ благая Просерпина, обрѣзая волосъ на головѣ обреченнаго на смерть.

Нѣсколько мгновеній въ комнатѣ, которая сразу показалась пустой, хотя была наполнена людьми, слышались только рыданія тетки да всхлипыванія рабынь, считавшихъ долгомъ плакать погромче, но вдругъ дядя, вспомнивъ старинный обычай и овладѣвъ собой, обратился къ умершей съ троекратнымъ возгласомъ, тотчасъ подхваченнымъ нѣкоторыми изъ присутствующихъ:

— Намія! Намія! Намія!

Но отвѣта уже не было.

VI.

Уныло стало въ домѣ Тибуртина послѣ смерти маленькой Наміи. Никогда я не думалъ, что такъ любили дѣвочку и дядя, который, казалось, не обращалъ на нее вниманія, и тетка, которая, казалось, всегда была занята только денежными расчетами. Оба они предавались печали неутѣшной, и если тетка рыдала, какъ самая добросовѣстная плакальщица, то еще тягостнѣй было видѣть отчаяніе сенатора, цѣлые дни проводившаго въ какомъ-то окаменѣніи, не желавшаго ни съ кѣмъ и ни о чемъ говорить, сразу постарѣвшаго на много лѣтъ. Только неизмѣнная, какъ сушеная рыба, Аттузія довольствовалась тѣмъ, что подымала глаза вверхъ и повторяла: „Что̀ Богъ далъ, то Онъ въ правѣ и взять".

Начались томительныя приготовленія къ похоронамъ.

Тяжелый споръ пришлось выдержать дядѣ изъ-за того, хоронить ли̇ Намію по обряду христіанъ, или согласно съ древними Римскими обычаями. Аттузія, съ криками, настаивала на томъ, что Намія—христіанка, потому что надъ ней, на смертномъ ложѣ, была совершена тайна крещенія. О. Никодимъ угрожалъ, что онъ пойдетъ жаловаться, черезъ какого-то Іеронима, котораго называлъ святымъ человѣкомъ и великимъ писателемъ, самому архіепископу Римскому Дамасу на то, что христіанку насильственно хотятъ похоронить по обряду идолопоклонниковъ. Но дядя, во всемъ остальномъ предоставлявшій дѣлать въ домѣ, что̀ угодно, въ этомъ отно-

шеніи проявилъ волю непреклонную. Ударивъ кулакомъ по столу, онъ опять напомнилъ, что онъ отецъ семейства и что въ его домѣ онъ одинъ имѣетъ право отдавать приказанія. Онъ даже удивилъ меня своей твердостью, и таковъ былъ его голосъ, что и Аттузія не посмѣла возражать далѣе.

Призвавъ къ себѣ меня, дядя далъ мнѣ довольно значительную сумму денегъ и поручилъ всѣ хлопоты по похоронамъ именно мнѣ. Онъ желалъ непремѣнно, чтобы тѣло Наміи было сожжено на кострѣ, какъ то обыкновенно дѣлалось въ вѣка свободной республики, а не погребено въ землѣ, какъ то предпочитаютъ многіе въ наши дни, можетъ быть, безсознательно подражая христіанамъ. Кромѣ того, дядя поставилъ такимъ же непремѣннымъ условіемъ, чтобы погребеніе совершилось ночью, какъ то было въ обыкновеніи у нашихъ предковъ и какъ то вновь установилъ божественный августъ Юліанъ.

По счастію, помогать мнѣ вызвался Эліанъ, вернувшійся въ Городъ на другой день послѣ смерти Наміи, потому что безъ его содѣйствія мнѣ было трудно справиться съ горестнымъ порученіемъ, возложеннымъ на меня. Мы вмѣстѣ вели переговоры съ либитинаріями и вмѣстѣ подробно обдумали весь порядокъ печальнаго обряда. Немного странно было мнѣ находиться въ постоянномъ общеніи съ мужемъ той женщины, отъ поцѣлуевъ которой столько разъ разгорались мои щеки и губы, но онъ держалъ себя со мною съ достоинствомъ и дружественно. Мнѣ кажется, онъ не былъ неосвѣдомленъ о моихъ частыхъ посѣщеніяхъ его дома и догадывался о ихъ причинѣ, но о Гесперіи онъ говорилъ со мною такъ же просто, какъ обо всѣхъ другихъ.

Поллинкторъ натеръ безжизненное тѣло Наміи ароматными маслами, такъ что тлѣніе не касалось ея, и она лежала на пышно убранномъ ложѣ, поставленномъ въ атріи, такой же миловидной, какой была при жизни; даже на ея губахъ, несмотря на предсмертныя страданія, сохранялось подобіе лукавой улыбки. Дѣвочка была одѣта въ свое лучшее праздничное платье, вокругъ ложа были разсыпаны вѣтки кипа-

риса и цвѣты, на маленькомъ алтарѣ, поставленномъ подлѣ, постоянно курились ароматы. А у самаго входа въ домъ, надъ дверью, тоже грустно колыхалась вѣтка кипариса, указывая всѣмъ, что смерть посѣтила эту семью.

За три дня, что̀ тѣло Наміи было выставлено въ атріи, домъ Тибуртина посѣтило множество родственниковъ, которые раньше никогда не появлялись здѣсь. Между другими приходила двоюродная сестра дяди, слѣдовательно, также моя тетка, Нумерія, вдова консуляра и бывшаго префекта Африки. Нумерія хорошо знала мою мать и пожелала меня видѣть.

Старая, толстая женщина, очень богатая, какъ увѣряютъ, но скупая, Нумерія со всѣми привыкла говорить рѣзко и повелительно. Меня она встрѣтила суровыми упреками:

— Что же ты, племянникъ, цѣлую зиму въ Городѣ, а не выбралъ времени навѣстить меня? Гордиться тебѣ особенно нечѣмъ: если твой отецъ — декуріонъ въ какой-то Лакторѣ, то мы видали людей званіемъ куда повыше. А если ты своими достоинствами гордъ, такъ погоди, пока другіе похвалятъ. Хотя я и старуха и вдовая, а все-таки у меня въ домѣ ты могъ бы увидѣть людей, которые тебѣ потомъ пригодились бы. Пришелъ бы да поклонился бы, можетъ быть, я что-нибудь для тебя и сдѣлала бы. Теперешняя молодежь кланяться разучилась, а въ наше время спины не жалѣли и выходили въ люди.

Я, конечно, отвѣтилъ, что не былъ у Нумеріи не изъ гордости, а потому, что не хотѣлъ ее тревожить безъ надобности и потому, что былъ очень занятъ своимъ ученіемъ въ школѣ. Старуха тотчасъ стала бранить всѣ школы и сказала, что въ ея время учились не у реторовъ, а въ консисторіяхъ префектовъ и въ войскѣ, зато и получались люди, вродѣ ея покойнаго мужа, способные занимать кресло консула и управлять цѣлой префектурой. Потомъ Нумерія набросилась на тетку Меланію и съ крайней безжалостностью стала обвинять ее въ смерти дочери.

— Отъ хорошей жизни,—говорила она,—не побѣжитъ дѣ-

вочка топиться въ Тибръ. Должно быть, не весело жилось ей въ родномъ домѣ! А теперь плакать поздно,—что̀ было, не воротишь.

Что-то непріятное сказала она и дядѣ, попрекнувъ его, что онъ кичится своимъ званіемъ сенатора и не ищетъ должности при императорѣ.

— Давно пора понять,—объявила Нумерія, — что Сенатъ оставленъ какъ рабъ-придверникъ, сидящій на цѣпи, и что все его дѣло — возглашать имена новыхъ императоровъ. А если посягнутъ сенаторы на что-либо большее, такъ и ихъ пошлютъ въ каменоломни, не побоятся! Дожилъ ты до сѣдыхъ волосъ, а ума не нажилъ, воображаешь, что дѣло дѣлаешь, подавая никому ненужный голосъ!

Всѣ были рады, когда свирѣпая старуха сѣла въ свои носилки и удалилась, грозно покрикивая на своихъ напуганныхъ рабовъ. Но развѣ не удивительно то, что старикамъ годы ихъ молодости всегда кажутся золотымъ вѣкомъ? Надменная Нумерія искренно считала, что правленіе великаго лицемѣра Констанція, когда имперія, какъ муравейникъ муравьями, кишѣла доносчиками, было временемъ торжества Римской доблести, еще нетронутой испорченностью новыхъ дней!

Нѣсколько разъ приходила, конечно, и Гесперія, но я избѣгалъ встрѣчаться съ ней: мнѣ было страшно взглянуть въ ея глаза передъ тѣломъ бѣдной Наміи, умершей, можетъ быть, именно изъ-за нея. Посѣтила домъ и Валерія, хотя она не была въ родствѣ съ нами, заплакала, смотря на безжизненное тѣло дѣвочки, и долго томила меня выраженіями сочувствія, предлагая свою поддержку, чтобы перенести ударъ Фортуны. Наконецъ, пришелъ и мой Ремигій, котораго Намія почему-то не любила: онъ былъ блѣденъ и худъ, и когда я спросилъ его, что̀ измѣнилось въ его жизни, отвѣтилъ словами Вергилія:

— „Будь жребій твой лучше!“

Такъ какъ особо назначенные рабы ходили по всему Городу, извѣщая всѣхъ родственниковъ и знакомыхъ о смерти дочери Тибуртина, то въ самый день похоронъ, къ вечеру,

въ домъ собралась цѣлая толпа людей, среди которой были, конечно, и параситы, никому изъ семьи не знакомые. Большинство называло себя кліентами сенатора, хотя многихъ изъ нихъ мнѣ никогда не приходилось видѣть на утреннихъ привѣтствіяхъ, и можно было быть увѣреннымъ, что также охотно они называютъ своимъ патрономъ любого сенатора или просто богатаго человѣка. Всѣ собравшіеся считали своей обязанностью громко выражать свою скорбь, а женщины — даже плакать, играя роль добровольныхъ префикъ.

Было уже темно, когда изъ дому началось шествіе, порядокъ котораго устанавливалъ опытный и ловкій десигнаторъ. Дядя, Эліанъ, старикъ кліентъ Бебіанъ и я—вчетверомъ несли носилки съ тѣломъ Наміи, которыя казались такими легкими, словно на нихъ не лежало ничего. За нами шли рабы съ факелами, причудливо освѣщавшими темныя улицы и заставлявшими ночныхъ гулякъ какъ-то робко прятаться въ тѣнь, и музыканты, игравшіе во все время пути веселые напѣвы. Еще дальше вели подъ руку тетку, и шла вся толпа провожающихъ. Мужчины были въ шляпахъ, какъ если бы они отправлялись въ дальнее путешествіе, а женщины, напротивъ, съ распущенными въ знакъ скорби волосами. Аттузіи въ числѣ провожающихъ не было, такъ какъ о. Никодимъ запретилъ ей участвовать въ изоломоклонническомъ обрядѣ.

Итти пришлось далеко, почти черезъ весь Городъ, потому что семейная гробница Бебіевъ Тибуртиновъ находилась на Латинской дорогѣ, и около Большого рынка я все же почувствовалъ такую усталость, что долженъ былъ уступить свое мѣсто за носилками, а самъ присоединился къ толпѣ. Здѣсь ко мнѣ подошелъ человѣкъ, съ всклокоченной бородой, въ длинномъ плащѣ философовъ, и назвалъ меня по имени. Что-то знакомое показалось мнѣ въ его лицѣ и въ его голосѣ, но я не могъ вспомнить, сразу, гдѣ встрѣчалъ его.

— Конечно, Юній Норбанъ не узналъ меня, — сказалъ мнѣ онъ,—но однажды мы вмѣстѣ услаждались дарами Ліея, равно освобождающаго отъ заботъ земнородныхъ и безсмертныхъ. Я—поклонникъ славнаго Тибуртина, одного изъ

послѣднихъ ревнителей нашей великой старины, и его семейное горе—для меня горе собственное. Вотъ почему я пришелъ воздать послѣднія почести безвременно похищенной Лахесой дѣвицѣ, въ лицѣ которой, можетъ быть, сошла въ царство Орка новая Клелія, не успѣвшая совершить своего подвига.

Пока мой собесѣдникъ говорилъ, я узналъ въ немъ Фестина, того нищаго оратора, котораго мы съ Ремигіемъ встрѣтили на Римскомъ форумѣ и потомъ угощали виномъ въ ближайшей копонѣ, въ одинъ изъ первыхъ дней моего пребыванія въ Городѣ. Чудакъ тогда понравился мнѣ своей преданностью древности и своимъ безкорыстнымъ служеніемъ музѣ Кліо. Поэтому я отозвался на его рѣчь привѣтливо; онъ же, ободренный моимъ вниманіемъ, тотчасъ началъ одно изъ тѣхъ своихъ поученій, какія, повидимому, всегда были у него наготовѣ.

На этотъ разъ онъ, какъ то и приличествовало случаю, заговорилъ о погребальныхъ обрядахъ, горько жалуясь, что наше время измѣнило прекраснымъ обыкновеніямъ старины. Онъ искренно негодовалъ на отсутствіе на современныхъ похоронахъ священныхъ пеній, высказывалъ огорченіе, можетъ быть, еще болѣе искреннее, на то, что выводится обычай устраивать немедленно по сожженіи тѣла силицерній, на которомъ могли участвовать всѣ, провожающіе тѣло покойнаго, описывалъ всѣ разнообразнѣйшіе виды похоронъ, какіе только были въ употребленіи у нашихъ предковъ, выяснялъ преимущества „bustum“ передъ „rogus“, истолковывалъ особенности всѣхъ надмогильныхъ памятниковъ, простого „tumulus“, отдѣльнаго „loculus“, „кондиторія“ надземнаго и подземнаго, саркофага, мавсолея, кенотафія, циппа и всего подобнаго; кстати онъ поминалъ всѣ прославленныя похороны прошедшихъ вѣковъ, начиная съ похоронъ Патрокла, друга Ахилла, продолжая похоронами, какія устроилъ своему убитому брату Ромулъ, но не доходя далѣе похоронъ Валерія Публиколы, погребеннаго на общественный счетъ. Когда я слушалъ увѣренную рѣчь Фестина, пересыпанную подлин-

ными словами древнихъ писателей, мнѣ опять казалось, что передо мной какой-то оживший Авлъ Геллій, и мнѣ грустно было видѣть, въ какомъ бѣдственномъ положеніи находится человѣкъ, обладающій столь неисчерпаемымъ запасомъ познаній.

Когда я уже собирался освободиться отъ сообщества Фестина, онъ сказалъ мнѣ:

— У меня есть къ тебѣ еще одно важное дѣло. Послѣ того, какъ усмотрѣніе Фортуны свело меня съ тобой, и я узналъ, что ты—племянникъ достойнаго сенатора, пришло мнѣ на мысль посвятить свой досугъ разслѣдованіямъ о происхожденіи того знаменитаго рода, къ которому принадлежитъ твой дядя и котораго нынѣ ты, за смертью его дочери, остаешься, хотя и по женской линіи, послѣднимъ представителемъ. Всѣ зимніе мѣсяцы употребилъ я на эту работу и, вновь пересмотрѣвъ не мало книгъ, изъѣденныхъ червями, могу теперь возстановить всю исторію Тибуртиновъ, отъ временъ древнѣйшихъ до дней святости августа Граціана. Я хочу просить тебя, чтобы ты помогъ мнѣ представить этотъ трудъ, не безынтересный и для тебя, сенатору, который, конечно, захочетъ и издать его для поученія потомству и наградить человѣка, отдавшаго много недѣль на прославленіе имени Бебіевъ Тибуртиновъ.

Чтобы доказать мнѣ свои познанія въ исторіи нашего рода, Фестинъ тотчасъ сталъ объяснять мнѣ, что послѣ битвы у Трифана, когда Манлій разбилъ войско Латиновъ и принудилъ ихъ отдать Риму часть земель, — изъ Латинскаго города Тибура вышелъ знатный гражданинъ,—имени его не сохранилось,—который въ Городѣ своимъ патрономъ избралъ Бебія, предка того трибуна, который прославился, къ сожалѣнію, не чѣмъ инымъ, какъ своей подкупностью въ Югуртинскую войну: отсюда будто бы и пошли Бебіи Тибуртины. Разумѣется, достаточно было бы указать на то обстоятельство, что Бебіи были родомъ плебейскимъ, чтобы опровергнуть все хитро построенное Фестиномъ зданіе. И все остальное, что онъ говорилъ мнѣ, было такимъ же нагроможде-

ніемъ не то что выдумокъ, но отважныхъ и сомнительныхъ догадокъ. Но, съ одной стороны, у меня тогда не было охоты спорить, а съ другой—я зналъ, что и всѣ другія родословныя, которыми гордятся наши современные роды, нисколько не болѣе основательны и также сочинены досужими историками, добивающимися щедрой подачки отъ того „новаго человѣка", происхожденіе котораго они стараются возвеличить. Поэтому я удовольствовался тѣмъ, что далъ Фестину нѣсколько неопредѣленныхъ обѣщаній, сказавъ, что дядя сейчасъ слишкомъ подавленъ скорбью, чтобы заниматься такимъ дѣломъ.

Тѣмъ временемъ шествіе приблизилось къ семейной гробницѣ Тибуртиновъ, около которой уже былъ возведенъ высокій костеръ, такъ какъ особаго устрина при гробницѣ не было. При красноватомъ свѣтѣ факеловъ все кругомъ имѣло видъ странный и таинственный; изваянія на сосѣднихъ памятникахъ казались живыми, и можно было подумать, что давно умершія лица, суровые Римляне, изображенные рядомъ со своими супругами, безбородые, съ глубокими морщинами на высокомъ лбу, привѣтствуютъ юную Римлянку, явившуюся сюда, чтобы спать вѣчнымъ сномъ съ ними рядомъ; по открытому полю убѣгали и колыхались вытянутыя тѣни; лица присутствующихъ были то неестественно блѣдны, то зловѣще красны. На минуту настала тишина, только слышался откуда-то лай собаки да топотъ запоздалаго путешественника съ Латинской дороги. Мы были похожи скорѣе на заговорщиковъ, сошедшихся въ пустынной мѣстности, чѣмъ на участниковъ печальнаго обряда похоронъ.

Старый жрецъ изъ храма Венеры Либитины, добродушный, толстый человѣкъ, началъ произносить формулы соотвѣтственныхъ моленій. Эліанъ приблизился къ костру, на который были поставлены носилки съ тѣломъ маленькой Наміи, и, отвративъ лицо, зажегъ положенную внизу связку соломы. Когда загорѣлся огонь и его алые языки, изогнувшись, взбѣжали по сухимъ бревнамъ, еще причудливѣе и еще страшнѣе стало все окружающее. Звѣзды на небѣ словно померкли.

Освѣтилась окрестность и означились въ полѣ какіе-то домики; можетъ быть, жившіе въ нихъ христіане, завидя свѣтъ погребальнаго костра, спѣшили въ ту минуту оградить себя отъ грѣха своими молитвами. Раздались рыданія тетки и другихъ женщинъ. Мужчины, тоже отвращая лица, бросали въ костеръ цвѣты и принесенныя съ собой игрушки дѣвочки. Какъ кажется, всѣмъ было жутко и тяжело.

Уже снова музыканты заиграли на флейтахъ какую-то веселую пѣсню, какъ вдругъ, протиснувшись черезъ плотные ряды родственниковъ и кліентовъ, передъ костромъ оказался незнакомый человѣкъ, одѣтый такъ, какъ одѣваются христіанскіе монахи. При яркомъ пламени костра можно было видѣть, что черты его лица скорѣе Греческія, чѣмъ Римскія: у него былъ прямой носъ, высокій лобъ и смѣлый взоръ. Онъ заговорилъ голосомъ, покрывшимъ звуки музыки, страстно, но довольно плавно, дѣлая нѣкоторыя ошибки въ произношеніи, но совершенно правильнымъ языкомъ.

„Бѣдные безумцы! — воскликнулъ онъ.—Зачѣмъ вы пытаетесь воскресить то, что̀ уже умерло? Что̀ вы хотите доказать, устраивая идолопоклонническій обрядъ въ имперіи, признавшей ученіе истиннаго Бога? Васъ собралось здѣсь человѣкъ сто, вы призываете имя Гекаты и другихъ подземныхъ боговъ, но развѣ сами вы вѣрите и въ свою Гекату, и въ этого подземнаго Плутона, и даже въ свой Тартаръ? Вы сами давно считаете ихъ баснями поэтовъ, а здѣсь устроили театральное представленіе, не подумавъ, что дѣло идетъ о живой душѣ, только-что почившей! Какъ на сценѣ, изображаете вы похороны, вмѣсто того чтобы оказать какую-либо помощь той, чья душа, обманутая вашими ложными мудрствованіями, теперь въ испугѣ видитъ передъ своими очами иной міръ"...

Первое время всѣ были такъ ошеломлены появленіемъ незнакомца, что стояли какъ бы оцѣпенѣвъ, и онъ могъ свободно произнести начало своей рѣчи. Даже музыканты при звукахъ его громкаго голоса перестали играть и слушали, опустивъ флейты. Однако, опомнившись, мужчины, въ ярости,

бросились на оратора, не думая объ томъ, что служители христіанской вѣры находятся подъ особымъ покровительствомъ святости императора. Почтенные сенаторы, словно уличные буяны, забывая приличіе, забывая, что передъ нами погребальный костеръ, кричали грубыя ругательства, хватали незнакомца за его одежду, подымали на него кулаки. Онъ же, выполняя требованія своей религіи, не оборонялся, не пытался убѣжать, но, среди угрозъ и протянутыхъ къ нему рукъ, стоялъ спокойно, не уклоняясь отъ ударовъ.

Первымъ одумался, кажется, Эліанъ, который загородилъ собою незнакомца, отвелъ устремленные на него кулаки и громко закричалъ всѣмъ присутствующимъ:

— Это, товарищи, конечно, сумасшедшій, оставьте его въ покоѣ, не обращайте вниманія на его бредни. Должно быть, онъ пришелъ въ Городъ изъ какой-нибудь дальней страны, потому что не знаетъ его обычаевъ. Мы здѣсь исполняемъ наши обряды съ разрѣшенія божественнаго августа, и никто не въ правѣ мѣшать намъ. Отпустимъ его, пусть онъ идетъ съ миромъ, и будемъ продолжать наше дѣло.

Спокойная рѣчь Эліана подѣйствовала, поднятые кулаки опустились, всѣмъ стало почти стыдно своего ребяческаго порыва.

— Уходи прочь!—крикнулъ кто-то незнакомцу: — ты не былъ приглашенъ и права не имѣешь вмѣшиваться въ наше общество.

— Уходи, — строго повторилъ Эліанъ, — ты видишь, что тебя не желаютъ слушать.

Незнакомецъ обвелъ глазами все собраніе, не сказалъ болѣе ни слова и медленно, не ускоряя шага, сталъ удаляться. По знаку Эліана музыканты вновь поднесли флейты къ губамъ, и зазвучала веселая пѣсня, славящая сборъ винограда. Всѣ снова обратились къ костру, который уже пылалъ со всѣхъ сторонъ, закрывъ пламенемъ и дымомъ носилки съ тѣломъ.

Но я, поколебавшись нѣсколько минутъ, послѣдовалъ за незнакомцемъ и догналъ его, когда онъ уже вышелъ на Ла-

тинскую дорогу. Было что-то въ лицѣ оратора, что̀ заставило меня отнестись къ нему съ довѣріемъ: у меня мелькнула мысль, что у него я могу найти отвѣтъ на тѣ вопросы, которые смущали меня послѣднее время. Пройдя нѣсколько шаговъ сзади незнакомца, я его окликнулъ. Онъ остановился.

— Я одинъ изъ тѣхъ,—сказалъ я, — къ кому ты только-что собирался обратиться съ рѣчью. Тебя не стали слушать, но я готовъ тебя выслушать, если ты объяснишь мнѣ, почему ты считаешь религію Юпитера и другихъ безсмертныхъ умершей. Потому ли только, что многіе примкнули къ ученію Христа, и христіанъ теперь, можетъ быть, больше, чѣмъ оставшихся вѣрными религіи предковъ? Но тогда вспомни, что было время, когда христіанъ было весьма немного: итакъ, не числомъ послѣдователей опредѣляется истинность вѣры. Потому ли, что ты самъ вѣруешь въ Христа Іудейскаго? Но понятно, что каждому его религія кажется истинной, и какъ вы, христіане, обличаете ложность нашей вѣры, такъ будутъ обличать ложность вашей—Персы, вѣрующіе въ Ормузда, или Индійцы, признающіе только своихъ сторукихъ боговъ. Откуда ты взялъ, что мы сами считаемъ баснями сказанія о Гекатѣ? не изъ того ли, что наши философы пытаются вскрыть ихъ потаенный смыслъ? Но развѣ ваши философы не поступаютъ такъ же со сказаніями о Адамѣ и Евѣ и о самомъ Христѣ? Если ты можешь мнѣ отвѣтить на эти вопросы, я буду слушать твою рѣчь.

Незнакомецъ выслушалъ меня внимательно, не перебивая, но въ темнотѣ мнѣ не было видно его лица. Когда я смолкъ, онъ заговорилъ, спокойно и увѣренно:

— Юноша, я вижу, что ты говоришь не легкомысленно. Слѣдовательно, и моя рѣчь не пропала даромъ. Изъ брошенныхъ мною сѣмянъ одно упало на добрую почву и дало ростокъ. Важно теперь, чтобы не прилетѣли птицы и не погубили слабаго растенія, которое нуждается въ заботливомъ уходѣ. Иди за мной, и я открою тебѣ все, что̀ знаю, и ты самъ увидишь, на чьей сторонѣ истина. Въ немногихъ сло-

вахъ я не могу показать тебѣ всю бездну премудрости Божіей: надо для этого время и подходящее устроеніе духа.

Я возразилъ, что не могу покинуть похоронъ близкаго мнѣ лица и что поэтому не могу сейчасъ же итти за незнакомцемъ.

— Ты не знаешь словъ Спасителя, — возразилъ онъ:— „оставь мертвымъ погребать своихъ мертвецовъ". И еще: „никто, возложившій руку свою на рало, и озирающійся назадъ, не благонадеженъ для царствія Божія". Иначе ты не колебался бы ни минуты, ибо что̀ важнѣе: похоронить умершаго, уже узрѣвшаго тайну жизни, или самому познать истину, нужную для руководства всей жизни? Вспомни апостоловъ Симона и Андрея: услышавъ зовъ Учителя: „идите за Мною", тотчасъ они, оставивъ сѣти, послѣдовали за нимъ.

Такая самоувѣренность незнакомца и разсердила и нѣсколько разсмѣшила меня.

— Я не Симонъ и не Андрей,—сказалъ я,—да и ты—не тотъ Учитель. Поэтому не знаю, почему я долженъ поступать подобно имъ. Я только прошу, чтобы ты объяснилъ мнѣ то, что̀ я почитаю страннымъ въ рѣчи твоей, а ты ли откроешь мнѣ истину или я тебѣ, это еще не предрѣшено.

Незнакомецъ, какъ мнѣ показалось, горестно вздохнулъ и, подумавъ минуту, сказалъ:

— Пусть будетъ по-твоему, юноша. Если ты захочешь меня видѣть и слушать, приди ко мнѣ въ басилику святого Климента, близъ амфитеатра Флавіевъ, что̀ воздвигнута недавно на мѣстѣ стараго храма вашего Митры. Ты найдешь меня тамъ каждый день: спроси только служителя Николая, и тебя проводятъ ко мнѣ. Я же буду ждать тебя и молиться о тебѣ.

— Хорошо, я приду,—сказалъ я просто, потомъ быстро повернулся и пошелъ прочь, не оглядываясь.

Когда я вернулся къ нашему обществу, костеръ уже былъ залитъ, и либитинаріи ловко собирали прахъ бѣдной Наміи въ грубую урну, изъ которой онъ долженъ былъ перейти въ другую, изящной Греческой работы, уже заготовленную у

насъ дома. Тетка, сидя на ступеняхъ гробницы, все продолжала плакать, и Гесперія, съ которой я во все время похоронъ не обмѣнялся ни однимъ словомъ, нѣжно утѣшала ее. Наконецъ, жрецъ торжественно возгласилъ обычное:

— Illicet!

Мы сказали праху Наміи наше послѣднее vale, и урна была поставлена въ гробницу; женщины сѣли въ носилки, рабы съ факелами пошли впередъ, и началось обратное шествіе въ Городъ. Всѣ были крайне утомлены и шли молча. Со мною шелъ Ремигій, но и намъ не хотѣлось разговаривать. Онъ только напомнилъ мнѣ мое обѣщаніе пойти съ нимъ къ Галлѣ, на одинъ изъ ея обѣдовъ.

— Черезъ два дня,—сказалъ онъ,—Помпоній устраиваетъ праздникъ въ честь дня своего рожденія. Я сдѣлаю такъ, что къ тебѣ пришлютъ раба — звать тебя. Приходи непремѣнно: мнѣ хочется, чтобы ты самъ увидѣлъ, въ какихъ лапахъ находится Галла.

Я обѣщалъ прійти, такъ какъ втайнѣ я надѣялся, что у Галлы есть какія-либо вѣсти о Реѣ, судьба которой очень меня тревожила.

Въ домѣ дяди насъ ждало еще похоронное угощеніе, родъ того силицернія, объ исчезновеніи котораго такъ скорбѣлъ Фестинъ. Но лишь у немногихъ достало силъ принять въ немъ участіе. Среди этихъ отважныхъ былъ, конечно, и философъ, несмотря на то, что на его появленіе въ домѣ всѣ посматривали съ недоумѣніемъ. Мнѣ стало жаль бѣдняка, и я взялъ его подъ свое покровительство, объявивъ, что хорошо его знаю.

Фестинъ былъ единственный, кто въ этотъ поздній часъ рѣшился еще произнести рѣчь. Съ кубкомъ въ рукахъ, онъ воскликнулъ, обращаясь къ сенатору:

— Великій Эпаминондъ, умирая, сказалъ, что покидаетъ жизнь не бездѣтнымъ, но оставляетъ двухъ дочерей — Левктры и Мантинею. Такъ не скорби и ты, славный потомокъ Бебіевъ Тибуртиновъ! Безжалостныя Парки обрѣзали нить жизни твоей возлюбленной дочери, но у тебя остается дру-

гая дочь, я смѣю сказать, болѣе прекрасная: Римъ! Ее люби и ей посвяти остающіеся годы жизни, кои да продлятъ безсмертные боги, на пользу Города и какъ примѣръ юношеству истинно Римской доблести. Двѣнадцать коршуновъ явилось Ромулу, когда онъ заложилъ свой городъ, и это залогъ того, что человѣкъ, любящій Римъ, никогда не будетъ одинокъ!

Вѣроятно, Аврора уже будила бѣлокураго Феба, когда уходили изъ нашего дома послѣдніе гости. Мнѣ пришлось на этотъ разъ исполнять обязанности хозяина и провожать ихъ до дверей, такъ какъ дядя и тетка незамѣтно удалились въ свои комнаты. Когда, наконецъ, разошлись всѣ, и я остался одинъ, среди усталыхъ рабовъ, убиравшихъ, подъ наблюденіемъ Мильтіада, остатки пиршества, я уныло оглядѣлъ атрій, въ которомъ мнѣ болѣе никогда не суждено было встрѣтить черноголовую дѣвочку, съ язвительными словами и ласковой улыбкой, и уныло побрелъ въ свою спальню, куда никогда болѣе не должна была тайно прокрасться маленькая Намія, требовавшая, плача, чтобы я любилъ ее, „какъ любятъ мужчины женщинъ“.

VII.

„Велика сила привычки",—говоритъ Цицеронъ, и не было сомнѣнія, что постепенно тетка и дядя примирятся съ тѣмъ, что не раздается болѣе звонкій голосъ Наміи въ ихъ дряхлѣющемъ домѣ, что, подобно юной Просерпинѣ, похищена она со свѣтлой земли въ темную преисподнюю, но первые дни тягостно было видѣть постоянное уныніе, владѣющее ими, слѣдить, какъ малѣйшій случай напоминаетъ имъ объ умершей дочери, вызывая слезы на ихъ глазахъ. Угрюмое молчаніе стояло въ домѣ съ утра до вечера, и даже словоохотливый о. Никодимъ не смѣлъ разсказывать о городскихъ новостяхъ, хотя попрежнему приходилъ ежедневно, тщательно выбритый и старательно надушенный. Поэтому я радъ былъ, когда, дѣйствительно, явился ко мнѣ черный рабъ, объявившій мнѣ, что его господинъ, Секстъ Помпоній, человѣкъ щедрый и гостепріимный, домъ котораго убранъ статуями великихъ Греческихъ ваятелей, приглашаетъ меня сегодня принять участіе въ обѣдѣ, устраиваемомъ имъ, въ знаменательный день его рожденія, для своихъ друзей и для друзей искусства.

Передавъ рабу благодарность за приглашеніе и сказавъ, что на обѣдѣ буду непремѣнно, я постарался принять самый щегольской видъ, какой только могъ, понимая, что только этимъ могу оказать на Помпонія хорошее впечатлѣніе. Въ ближайшихъ термахъ я далъ хорошенько умастить свое тѣло,

завилъ волоса и надѣлъ свое лучшее платье, сшитое мнѣ уже въ Городѣ, у веститора, котораго мнѣ въ свое время указалъ Юліаній. Къ назначенному часу за мной зашелъ Ремигій, и мы вдвоемъ отправились въ домъ Галлы, всю дорогу поминая незабвенный пиръ Тримальхіона.

— Ты увидишь,—говорилъ мнѣ Ремигій,—ожившими картины изъ сатиръ Петронія. Старайся только не смѣяться слишкомъ громко. А если Помпоній начнетъ читать свои стихи,—онъ имѣетъ притязаніе быть также любимцемъ Музъ,—хвали ихъ, не стѣсняясь. Конечно, заснуть за ихъ чтеніемъ не такъ опасно, какъ когда-то подъ декламацію Нерона, но удачной лестью ты мнѣ можешь оказать добрую услугу. А въ общемъ, увѣряю тебя, намъ на этомъ пирѣ будетъ не скучно, а скорѣе весело, какъ на представленіи мимовъ.

Я ничего не возразилъ Ремигію, но втайнѣ подумалъ, что если Помпонію суждено быть архимимомъ, то самъ Ремигій играетъ при немъ не другую роль, какъ моріона.

Домъ, въ которомъ Помпоній поселилъ Галлу и который онъ, по ея словамъ, подарилъ ей, былъ невеликъ, но построенъ въ хорошемъ, старомъ вкусѣ. Онъ стоялъ на довольно пустынной уличкѣ, но на этотъ разъ передъ входомъ шумѣла цѣлая толпа рабовъ, доказывая, что приглашенія были разосланы самымъ щедрымъ образомъ. Ежеминутно прибывали новыя носилки и подходили приглашенные. Несмотря на то, что было еще свѣтло, надъ дверью были зажжены фонари и внутри дома повсюду горѣли луцерны.

Мы объявили привратнику наши имена, и номенклаторъ побѣжалъ по комнатамъ, громко ихъ выкликивая. Я замѣтилъ, что онъ съ особеннымъ рвеніемъ провозглашалъ при моемъ имени:

— Племянникъ свѣтлѣйшаго мужа, сенатора Авла Бебія Тибуртина!

Вслѣдъ за Ремигіемъ я прошелъ рядъ комнатъ, убранныхъ съ показной роскошью и частью уже наполненныхъ приглашенными, и мы оказались въ небольшомъ триклиніи, предназначенномъ исключительно для того, чтобы пить вино.

Мальчики безпрерывно черпали ціатами изъ нѣсколькихъ огромныхъ кратеровъ, стоявшихъ тамъ, наполняли кубки и подавали всѣмъ желающимъ. Комната была освѣщена двумя высокими канделябрами, изображавшими пляшущихъ сатировъ. Здѣсь же на особомъ креслѣ, имѣвшемъ видъ настоящаго трона, сидѣлъ, въ обществѣ трехъ или четырехъ, повидимому, наиболѣе почетныхъ гостей, самъ хозяинъ дома, Секстъ Помпоній, одѣтый въ пышную кокцину изъ гавсапы.

Когда Ремигій назвалъ меня, Помпоній сказалъ, стараясь улыбаться привѣтливо или, какъ, вѣроятно, онъ самъ думалъ, благосклонно:

— Очень радъ, что ты пришелъ на мой скромный праздникъ. Мнѣ моя дорогая Галла разсказывала, что ты, вмѣстѣ съ Ремигіемъ, оказалъ ей важную услугу во время ея путешествія. Будь желаннымъ гостемъ.

Помпоній указалъ мнѣ на свободное мѣсто около себя, и мнѣ оставалось только повиноваться и присоединиться къ бесѣдѣ.

Разговоръ шелъ о падающемъ значеніи знати, и Помпоній, съ самодовольнымъ лицомъ, продолжалъ излагать свои мысли, впрочемъ, считая долгомъ иногда какъ бы извиняться передо мной.

— Да, друзья мои, — говорилъ Помпоній, — сенаторскіе роды должны уступить мѣсто новымъ людямъ. Прости, любезный Юній, я говорю, что̀ думаю, и нисколько этимъ твоего дядю обидѣть не хочу. Нобилитетъ былъ когда-то нуженъ Риму и сдѣлалъ для него многое. Разные тамъ Сципіоны Африканскіе спасли въ свое время Городъ отъ Галловъ и отъ другихъ враговъ. Но теперь другія времена. Теперь осталась только одна сила: деньги. Тотъ долженъ властвовать въ имперіи, кто богаче. Все можно купить и кто способенъ будетъ скупить все, тотъ и будетъ владѣть всѣмъ.

Я не почелъ приличнымъ выступить съ возраженіемъ, но одинъ изъ собесѣдниковъ, судя по наружности, родомъ изъ Египта, осмѣлился робко замѣтить:

— Ты, конечно, правъ, какъ всегда, Помпоній, однако

какъ же быть съ обороной границъ: вѣдь не пошлешь противъ варваровъ, вмѣсто легіоновъ, денежные переводы на мѣстныхъ аргентаріевъ?

— Ошибаешься, другъ,—гордо заявилъ хозяинъ дома,— именно всего лучше и вѣрнѣе послать противъ враговъ мѣшки съ авреями. Цесарь утверждалъ, что для веденія войны надо прежде всего деньги, потомъ деньги и въ-третьихъ деньги. А я скажу, что больше ничего и не надо. Дайте мнѣ власть, и вы увидите, что никакой опасности на Рейнѣ не станетъ: я куплю вѣчный миръ, вотъ и все! А еще того лучше куплю вѣчную войну между Германцами, и они перерѣжутъ одни другихъ!

Хотя Помпоній и спуталъ Алцибіада съ Цесаремъ, какъ раньше Галловъ съ Пунами, то, что̀ онъ говорилъ, не показалось мнѣ ни нелѣпымъ, ни смѣшнымъ, и я слушалъ его далѣе уже съ любопытствомъ, онъ же продолжалъ:

— И развѣ вы дѣйствительно думаете, что нынѣшніе нобили годятся для военнаго дѣла? Посмотрите на юношей тѣхъ семей, гдѣ стѣны домовъ увѣшаны восковыми изображеніями предковъ: какіе это все заморыши! Они способны только проживать земли, полученныя по наслѣдству, да произносить въ Сенатѣ рѣчи, которыхъ никто не слушаетъ! Не то мы, люди, занятые настоящимъ дѣломъ, держащіе въ своихъ рукахъ торговлю по всему Внутреннему морю! Это— крѣпыши, у которыхъ и дѣти будутъ крѣпкими и сильными! Возьмите въ примѣръ хотя бы меня: у меня столько денегъ, что я могъ бы купить себѣ царство и цѣлые дни не выходить изъ пиршественной залы,—а я, чуть заря, уже за работой, иду въ свою таберну на форумѣ и пересчитываю деньги, посѣщаю янусъ, чтобы узнать всѣ новости, обхожу свои дома и собираю плату съ жильцовъ, за всѣмъ смотрю самъ, всѣмъ самъ распоряжаюсь и ни одного аса не пропущу безъ счета! Былъ Римъ патриціевъ, былъ Римъ нобилей, а теперь будетъ Римъ—нашъ!

Гости покрыли рѣчь хозяина восторженными восклицаніями въ честь его мудрости и, хлопая въ ладоши, потребо-

вали вина, чтобы выпить за его здоровье. Такъ какъ въ эту минуту къ Помпонію подошли новые посѣтители, то я, воспользовавшись общимъ замѣшательствомъ, тихо покинулъ свое мѣсто и отправился разыскивать Галлу, съ которой мнѣ хотѣлось переговорить безъ лишнихъ свидѣтелей. Однако, она оказалась тоже окруженной какими-то женщинами, въ которыхъ не трудно было угадать, несмотря на ихъ богатые наряды и въ изобиліи навѣшанныя на нихъ драгоцѣнности, бывшихъ киѳаристокъ и флейтистокъ или даже особъ еще низшаго разбора.

Напротивъ, въ Галлѣ, одѣтой тоже роскошно, небрежно развалившейся на удлиненномъ креслѣ, выставляющей руки, унизанныя драгоцѣнными перстнями, нарочно позванивавшей жемчужными кроталіями, оттѣнявшими нѣжно-розовый цвѣтъ ея ушей, не оставалось ничего похожаго на ту дѣвушку, которую еще недавно всѣ могли купить за нѣсколько сестерцій и которую я нѣсколько мѣсяцевъ назадъ видѣлъ совершенно обнаженной въ убогой комнаткѣ дешеваго лупанара. Привѣтствовавъ меня кивкомъ головы, Галла предложила мнѣ нѣсколько вопросовъ такимъ голосомъ, словно мы встрѣчались съ ней только въ самыхъ благородныхъ домахъ Города и словно она всю жизнь привыкла имѣть дѣло только съ женами сенаторовъ и префектовъ.

— Ты, какъ я слышала,—сказала она,—былъ недавно въ Медіоланѣ. Вотъ городъ, который я никогда не видѣла и который мнѣ хотѣлось бы посмотрѣть. Понравился ли онъ тебѣ?

Я отвѣтилъ, что Медіоланъ мнѣ понравился, но добавилъ:

— Кстати сказать, я встрѣтилъ тамъ твою сестру, Рею. Не имѣешь ли ты отъ нея извѣстій?

По лицу Галлы было видно, что упоминаніе о Реѣ ей непріятно, и она отозвалась очень сдержанно:

— Нѣтъ, мы не обмѣниваемся съ нею письмами.

И тотчасъ, чтобы не дать мнѣ возможности продолжать настоянія, обратясь къ одной изъ своихъ собесѣдницъ, заговорила о чемъ-то другомъ.

Покинувъ Галлу, я воспользовался временемъ, чтобы оглядѣть домъ. Въ немъ было, дѣйствительно, нѣсколько хорошихъ статуй Греческой работы, сносная живопись на стѣнахъ, содержаніе которой предупредительно объяснялъ посѣтителямъ атріенсій, неимовѣрной величины клепсидра, устроенная такъ, что она точно показывала часы дня и стражи ночи, зимой и лѣтомъ, рядъ армаріевъ съ разными диковинами и другія вещи, явно помѣщенныя тамъ за тѣмъ, чтобы ихъ разсматривали. Впрочемъ, я замѣтилъ, что нигдѣ не было видно ларарія, изъ чего заключилъ, что хозяинъ дома—христіанинъ. Подобно мнѣ, нѣсколько человѣкъ гостей, должно быть, также попавшихъ въ домъ Помпонія впервые, бродило по заламъ, разглядывало выставленныя на показъ рѣдкости и громогласно выражало свое восхищеніе.

Однимъ изъ послѣднихъ появился въ домѣ Юліаній, котораго я не видѣлъ со времени моего отъѣзда изъ Города. Юліаній былъ одѣтъ особенно роскошно, хотя и въ тогу, но не бѣлаго, но лиловаго цвѣта, что, вѣроятно, привело бы въ негодованіе Катона, и пальцы его были унизаны перстнями, вѣроятно, съ поддѣльными каменьями. Меня Юліаній встрѣтилъ, какъ самаго близкаго друга, хотѣлъ даже обнять, только я уклонился отъ его поцѣлуя,—и, отведя въ сторону, сталъ разспрашивать о происшедшемъ со мною въ Медіоланѣ, дѣлая намеки, будто ему все, что касается меня, извѣстно. Я, разумѣется, не разсказалъ ему ничего и на всѣ его дружественныя зазыванія отвѣчалъ кратко и строго, показывая ему, что вовсе не считаю его близкимъ.

Когда мы такъ разговаривали, къ намъ приблизился Ремигій, и Юліаній, у котораго всегда въ запасѣ были слова, какъ у хорошаго стрѣлка стрѣлы, немедленно перевелъ рѣчь на любовь и сталъ нескромно похваляться расположеніемъ къ себѣ многихъ изъ присутствующихъ здѣсь женщинъ. Намъ съ Ремигіемъ непріятно было слушать эти вольные панегирики самому себѣ, но Юліаній, не довольствуясь тѣмъ, вдругъ заговорилъ о хозяйкѣ дома:

— Посмотрите, мои друзья, какъ расцвѣла domina Галла!

Хорошее дѣло взялъ на себя Помпоній, и хоть на что-нибудь да пригодился! Прежде мы отдавали собственные квинаріи за ласки этой милой дѣвушки; теперь же онъ одинъ платитъ за всѣхъ, а мы пользуемся все тѣмъ же!

При такихъ словахъ Ремигій поблѣднѣлъ и, раньше чѣмъ я успѣлъ его остановить, воскликнулъ:

— Ты лжешь, Юліаній! Теперь ты ничѣмъ не пользуешься у Галлы! Постыдно такъ клеветать на женщину!

Какъ ни обидны были слова моего друга, но Юліаній просто засмѣялся, вмѣсто отвѣта, и спокойно возразилъ:

— Объ этомъ всегда знаютъ только двое, а третій—богъ, котораго иные поэты признаютъ слѣпымъ.

Не желая слушать такія рѣчи, Ремигій стремительно повернулся спиной къ Юліанію и отошелъ прочь, а я послѣдовалъ за моимъ другомъ, стараясь успокоить его негодованіе. Юліаній же тотчасъ нашелъ другого слушателя и, какъ если бы ничего не случилось, началъ ему что-то оживленно разсказывать, можетъ быть, клевеща на насъ.

Между тѣмъ появились рабы, выкрикивающіе приглашеніе возлечь за столъ. Слѣдуя за другими, я прошелъ въ большой триклиній, находившійся въ самой задней части дома, гдѣ былъ накрытъ громадный столъ и гдѣ въ глубинѣ была сцена для мимовъ и музыкантовъ. По счастію, меня посадили рядомъ съ Ремигіемъ, и въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Юліанія, такъ что во время безконечно тянувшагося обѣда я былъ не одинокъ и могъ обмѣниваться своими замѣчаніями съ другомъ.

Послѣ того торжественнаго пиршества, на которомъ я участвовалъ въ Медіоланѣ, въ домѣ Тита Коликарія, я не могъ ожидать ничего для себя невиданнаго, но признаюсь все-таки, что изобрѣтательность поваровъ Помпонія иногда поражала всѣхъ присутствующихъ. Всѣ блюда были имъ приготовлены такимъ образомъ, что невозможно было угадать, что̀ это такое. Изъ дичи онъ дѣлалъ подобіе кабана, изъ рыбы—маленькихъ птичекъ, въ яйцахъ оказывались фрукты, заяцъ былъ начиненъ улитками, и все было въ

этомъ родѣ. Къ этому надо добавить, что столъ былъ уставленъ дорогой серебряной посудой, такъ что всякій маленькій ацетабулъ стоило разсматривать поближе, что вина въ самомъ дѣлѣ были хороши и подавались въ изобиліи, и станетъ ясно, что пиръ Помпонія выгодно отличался отъ пира Тримальхіона. Къ тому же на сценѣ то петавристаріи, со своими головоломными упражненіями на высоко протянутомъ канатѣ, то неистово кружащіяся плясуньи, то киѳаристки, то, наконецъ, мимы, исполнившіе цѣлое представленіе, безпрерывно занимали наше любопытство.

Не слушая рѣчей, которыя велись на почетномъ концѣ стола, гдѣ возсѣдалъ самъ Помпоній рядомъ съ Галлой, державшей себя величественно, и гдѣ поминутно раздавались восторженныя восклицанія паразитовъ: „какъ это умно сказано!" или даже просто „Sophos!" я съ удовольствіемъ бесѣдовалъ съ Ремигіемъ, съ которымъ мнѣ давно не случалось поговорить вволю, и остался бы вполнѣ доволенъ пріятно проведеннымъ вечеромъ, если бы онъ не закончился происшествіемъ, которое омрачило, какъ туча Юпитера, весь пиръ, нарушивъ веселое расположеніе духа всѣхъ гостей и мое въ особенности.

Дѣло въ томъ, что въ теченіе всего вечера Ремигія, взволнованнаго между прочимъ похвальбой Юліанія, явно раздражало и то пренебреженіе, какое въ присутствіи постороннихъ считала нужнымъ оказывать ему Галла, и обращеніе съ ней Помпонія, который, не стѣсняясь тѣмъ, что находится въ многолюдномъ обществѣ, или даже желая похвалиться передъ нимъ своей красивой наложницей, неоднократно со смѣхомъ принимался обнимать свою подругу, щекотать и цѣловать ее. Видя это, Ремигій съ излишнимъ усердіемъ опорожнялъ за кубкомъ кубокъ и, все болѣе возбуждаясь, довольно громко высказывалъ самыя злобныя сужденія о хозяинѣ дома. Пиръ уже подходилъ къ концу, когда Помпоній захотѣлъ къ удовольствіямъ, приносимымъ Комомъ и Бакхомъ, присоединить радости Пегасидъ и, подстрекаемый одобрительными возгласами сидѣвшихъ рядомъ съ нимъ

гостей, объявилъ, что продекламируетъ нѣсколько своихъ недавно имъ написанныхъ стихотвореній.

— Ну, теперь мы увидимъ пляшущаго верблюда,—произнесъ Ремигій такъ, что это слышали наши сосѣди по столу.

— Говори тише,—шепнулъ я ему, но онъ въ отвѣтъ только гнѣвно тряхнулъ плечами.

Помпоній разгладилъ свою длинную, красиво завитую бороду, придававшую ему видъ Халдейскаго мага, всталъ съ осанкой оратора, и взялъ изъ рукъ раба принесенный серебряный ларецъ, въ которомъ хранились его творенія. Ремигій не преминулъ шепнуть мнѣ, что Помпоній держитъ при себѣ особаго писца, ловкаго Грека, по имени Мнесилохъ, обязанности котораго состоятъ будто бы въ томъ, чтобы переписывать стихи своего господина, а на дѣлѣ въ томъ, чтобы исправлять ихъ. Но Помпоній, прежде чѣмъ начать чтеніе, почелъ необходимымъ произнести такое предисловіе.

— Я не учился у реторовъ,—сказалъ онъ,—и не жалѣю объ этомъ. Поэтомъ быть нельзя научиться, какъ о томъ вѣрно говоритъ Цицеронъ. Все дѣло въ прирожденной способности и въ покровительствѣ Музъ. Я никакихъ правилъ стихосложенія не знаю, а иногда могу написать въ одинъ вечеръ двадцать эпиграммъ. Думаю, что и самому Марціалу это было бы не подъ силу.

Гости шумно выразили свое изумленіе передъ поразительнымъ дарованіемъ хозяина, увѣряя его, что не только Марціалъ, но и самъ Гомеръ не совладалъ бы съ такой задачей. Помпоній же, опираясь на плечо раба, что̀, вѣроятно, крайне ему мѣшало, началъ декламацію, подражая плохимъ акторамъ въ усиленномъ означеніи метра.

Говорятъ, что стихи ученика Сенеки, столь осмѣянные его современниками, не были особенно плохи, и весьма жаль, что ни одинъ изъ авторовъ не захотѣлъ сохранить ихъ до нашихъ дней. Подобно этому и эпиграммы Помпонія не показались мнѣ столь нелѣпыми, какъ я могъ ожидать, хотя ихъ авторъ, или его Греческій писецъ, и пользовались слишкомъ широко правиломъ грамматиковъ, гласящимъ, что иные слоги

могутъ быть либо долгими, либо краткими, смотря по тому, какъ ты ихъ хочешь поставить.

Первая изъ прочитанныхъ эпиграммъ говорила о семи небесныхъ сферахъ, и она была настолько замысловата, что я рѣшительно подозрѣваю въ ней скорѣе твореніе Мнесилоха, скромно удовольствовавшагося денежнымъ подаркомъ, взамѣнъ сосноваго вѣнка, а не нашего амфитріона. Сколько я запомнилъ, эта эпиграмма читается такъ:

Семь священныхъ планетъ, къ семи прикрѣпленныя сферамъ,
По непреложнымъ законамъ, свершаютъ свое обращенье.
Фенона первая сфера, съ зловѣщей звѣздою Сатурна;
Имя второй—Фаэтонъ и на ней сверкаетъ Юпитеръ;
Третья дана Пироенту: тамъ блещетъ Марсъ красноватый;
Стильбонъ названье четвертой, съ которой свѣтитъ Меркурій;
Фосфора пятая сфера, гдѣ утромъ сіяетъ Венера;
Феба—сфера шестая, послѣдняя сфера—Діаны;
Это она отдѣляетъ небо отъ далей эѳира.

Гости, конечно, привѣтствовали такіе стихи самыми восторженными восклицаніями, и любопытно было наблюдать, какъ Юліаній игралъ двойную игру: онъ кричалъ похвалы чуть ли не громче всѣхъ, но въ то же время успѣвалъ подмигнуть мнѣ, намекая, что онъ понимаетъ все ничтожество тщетныхъ попытокъ разбогатѣвшаго неуча соперничать съ Апулеемъ. А Помпоній, досыта насладившись льстивыми восторгами паразитовъ, досталъ изъ ларца новый свитокъ и опять, усиленно скандируя, сталъ читать другія эпиграммы, воспѣвающія то знаки Зодіака, то различные вѣтры, то разныя формы любовныхъ объятій, причемъ послѣднее стихотвореніе своимъ нескромнымъ содержаніемъ вызвало особенно бурные восторги уже полупьяныхъ слушателей. Наконецъ, Помпоній приступилъ къ элегіи о Гигантахъ, начинавшейся, кажется, такъ:

Вышній эѳиръ захватить когда-то пытались Гиганты
И на Олимпа царя руки взносили свои.

Далѣе, какъ водится, говорилось о томъ, что попытка Гигантовъ не имѣла успѣха, что Юпитеръ сокрушилъ ихъ

молніей, но что въ наши дни новые Гиганты, люди труда и ума, къ которымъ Помпоній относилъ и самого себя, намѣрены начать борьбу за обладаніе міромъ; они громоздятъ не Пеліонъ на Оссу, но мѣшки съ золотомъ одинъ на другой, скоро взберутся по этой лѣстницѣ до неба, захватятъ въ свою власть всѣ должности имперіи, всѣ почести, будутъ обладать всѣми сокровищами древности, лучшими статуями и любовью красивѣйшихъ женщинъ.

Когда Помпоній закончилъ чтеніе своей элегіи, по меньшей мѣрѣ любопытной, хотя въ ней и попадались выраженія, которыя умѣстны были бы только въ устахъ какого-нибудь Франка, едва научившагося Латинской рѣчи, и все собраніе привѣтствовало счастливаго поэта настоящимъ громовымъ раскатомъ рукоплесканій,—Ремигій внезапно, потерявъ обладаніе собой, воскликнулъ такъ громко, что его голосъ покрылъ общій шумъ:

— Почести ты, можетъ быть, и скупишь, но любовь не продается. Ты можешь купить дѣвушку и запереть ее въ золотой тюрьмѣ, но ея сердце останется на свободѣ. „Если хочешь быть любимымъ, люби!" а не довольствуйся тѣмъ, что кидаешь солиды.

Я всячески пытался успокоить моего друга, и Помпоній первую минуту, нѣсколько смутившись, готовъ былъ сдѣлать видъ, что онъ не слышитъ словъ Ремигія, но тотъ, словно побуждаемый какимъ-то демономъ, оттолкнулъ мою руку и съ еще бо̀льшимъ возбужденіемъ сталъ говорить:

— Стыдно намъ, граждане, что мы здѣсь слушаемъ этого начиненнаго золотомъ каплуна, который похваляется, что всѣхъ насъ купитъ! Римляне попрежнему носятъ свое право на оконечности мечей. Омерзительно слушать, будто они стали народомъ торгашей, какими-то Грекулами.

Такъ неожиданны были такія рѣчи въ устахъ Ремигія, всегда склоннаго относиться къ жизни и къ вопросамъ чести легко, что я не зналъ, какъ себя держать съ нимъ. Конечно, тотчасъ нашлось множество защитниковъ у щедраго хозяина, которые не только осыпали дерзкаго проповѣдника бранью,

зло укоряя его въ томъ, что онъ сначала наѣлся и напился на счетъ Помпонія, а потомъ уже вздумалъ обличать его, но и готовыхъ кулаками доказать свою преданность поэту-мнемону. Особенно неистовствовалъ при этомъ Юліаній, который обрадовался случаю отомстить моему другу за недавнюю обиду. Однако все происшествіе еще можно было бы какъ-нибудь уладить, если бы Ремигій не сдѣлалъ послѣдняго шага, вдругъ обратившись къ Галлѣ съ такой рѣчью:

— И тебѣ, Галла, стыдно оставаться въ обществѣ человѣка, который открыто хвастался тѣмъ, что пріобрѣлъ твою любовь за деньги. Докажи, что ты, хотя и жила въ лупанарѣ, честная дѣвушка. Плюнь этому негодяю въ его завитую бороду и уходи сейчасъ же отсюда со мной!

Такихъ оскорбленій Помпоній уже не могъ стерпѣть. Въ одинъ мигъ пропали у него тѣ пріемы благородства, которыми онъ пытался щеголять, сразу онъ превратился въ грубаго подрядчика, привыкшаго кричать на рабовъ и рабочихъ, и съ яростными ругательствами, весь поблѣднѣвъ отъ злобы, задыхаясь и брызгая слюной, онъ сталъ угрожать, что немедленно прикажетъ слугамъ схватить Ремигія и высѣчь его на глазахъ всѣхъ присутствующихъ, какъ негоднаго школьника. Ремигій, совсѣмъ пьяный, покачиваясь, но стараясь принять гордый видъ, возражалъ, что онъ Римскій гражданинъ и что никто не въ правѣ, безъ суда, прикоснуться къ нему пальцемъ. Но уже Юліаній, усердствовавшій больше другихъ и зная, что его поддержатъ рабы Помпонія, схватилъ Ремигія за плечи, готовый повлечь его передъ лицо раздраженнаго хозяина, и между ними началась настоящая борьба, безобразная и непристойная.

Я былъ въ полномъ отчаяніи и не представлялъ, какъ спасти своего друга отъ поруганія, потому что разъяренный Помпоній способенъ былъ, не обращая вниманія ни на какіе законы божескіе и человѣческіе, дѣйствительно приказать рабамъ избить своего оскорбителя, и тѣ, конечно, исполнили бы такое повелѣніе безъ колебанія. По счастію, мнѣ на помощь пришла сама Галла: съ начала ссоры она, вмѣстѣ

со всѣми, выражала свое негодованіе на грубіяна, но, должно быть, въ глубинѣ души желала спасти его отъ побоевъ или иныхъ обидъ. По крайней мѣрѣ, среди общаго шума и смятенія она нашла способъ уладить дѣло наилучшимъ способомъ: показывая видъ, что она крайне разгнѣвана, она повелительно закричала рослымъ Пафлагонцамъ, бывшимъ поблизости, чтобы они тотчасъ же вытолкали дерзкаго крикуна за двери дома. Рабы повиновались и, схвативъ все еще отбивавшагося Ремигія за руки, поволокли его къ выходу. Я, разумѣется, послѣдовалъ за нимъ, и черезъ минуту мы оказались на темной улицѣ, тогда какъ за нами слышался негодующій голосъ Помпонія, какъ видно, жалѣвшаго, что его оскорбитель отдѣлался такъ дешево.

— Что̀ ты надѣлалъ, Ремигій! — горестно восклицалъ я, поспѣшно уводя его какъ можно дальше отъ опаснаго сосѣдства съ домомъ аргентарія-поэта.

— Все равно!—отвѣчалъ мнѣ Ремигій:—я больше такую жизнь выносить былъ не въ силахъ. Пусть она остается со своимъ Крезомъ! Я радъ, что сказалъ имъ всѣмъ въ лицо то, что̀ было у меня въ душѣ.

— Но тогда незачѣмъ было итти на этотъ пиръ, — замѣтилъ я, сколько кажется, вполнѣ справедливо. — А кромѣ того, будь увѣренъ, что Помпоній не забудетъ этой обиды: онъ сумѣетъ тебѣ отомстить.

— Я первый отомщу ему,—возразилъ Ремигій, — клянусь Геркулесомъ, ему не пройдетъ даромъ то, что онъ укралъ у меня счастіе. Я ему докажу, что его безстыдная философія не права! Но еще раньше я отомщу этому щеголю, гнусному паразиту, выдающему себя за потомка императоровъ! Я кое-что знаю о Юліаніи,—такое, что ему не сдобровать! Призываю въ свидѣтели васъ, звѣзды, что я не позволю ему долго оскорблять землю своимъ присутствіемъ!

Долго еще, пока я велъ Ремигія по темнымъ улицамъ, онъ продолжалъ выкрикивать какія-то непонятныя мнѣ угрозы, намекая на то, что у него есть важныя улики противъ Юліанія, которыми онъ теперь воспользуется. Я не могъ рѣшить,

есть ли у него основанія, чтобы такъ говорить, или его языкомъ владѣетъ Бакхъ, часто бывающій во враждѣ съ правдой. „Вино возжигаетъ гнѣвъ“, говоритъ поговорка, и я ожесточеніе Ремигія прежде всего объяснялъ числомъ кубковъ, дно которыхъ онъ разглядѣлъ, но въ глубинѣ души не имѣлъ ничего противъ того, чтобы онъ взялъ на себя трудъ избавить меня и имперію отъ сомнительнаго сына божественнаго Юліана.

Прощаясь съ пьянымъ Ремигіемъ у дверей дома, гдѣ онъ жилъ, я думалъ:

„Можетъ быть, эта глупая ссора послужитъ мнѣ на пользу; кто знаетъ, гдѣ иногда таится наше благо; вѣдь—

Въ навозной кучѣ пѣтушокъ молоденькій,
Ища, что̀-бъ съѣсть ему, нашелъ жемчужину!“

VIII.

Послѣ этого горестнаго приключенія въ моей жизни на нѣсколько недѣль наступило затишье, какое бываетъ въ морѣ послѣ бури, позволившее мнѣ вздохнуть свободно, такъ какъ душа моя была измучена безпрерывнымъ рядомъ событій, быстро слѣдовавшихъ одно за другимъ съ самаго дня моего вступленія на почву благословенной Авсоніи. Я, проведшій свою юность счастливо и безмятежно въ кругу родной семьи, близъ отца, бывшаго мнѣ какъ бы другомъ, матери, любившей меня нѣжно, и младшей сестры, которую нѣжно любилъ; я, ѣхавшій въ Городъ съ единственной цѣлью — учиться и, самое большее, надѣявшійся на нѣсколько веселыхъ встрѣчъ въ копонахъ Рима съ дѣвушками, привыкшими расточать свои ласки, — оказался какъ бы героемъ разсказа въ духѣ Апулея и чувствовалъ себя до глубины потрясеннымъ всей этой стремительной смѣной опасностей, заговоровъ, ночныхъ собраній, любовныхъ признаній, восторговъ, отчаяній. Поэтому, когда я узналъ, что Гесперія, вокругъ которой, какъ вокругъ центра круга, располагались событія моей жизни, съ той внезапностью, какая была свойственна всѣмъ ея поступкамъ, покинула Городъ и съ Эліаномъ уѣхала въ одно изъ своихъ помѣстій въ Кампаніи, даже не извѣстивъ меня о томъ, я испыталъ какъ бы какое-то облегченіе.

Повинуясь совѣтамъ дяди, который ежедневно за кубками домашняго вина, облегчавшими его неутѣшную печаль, не

переставалъ упрекать меня за бездѣлье и ставить мнѣ въ примѣръ жизнь знаменитыхъ мужей древности, я рѣшилъ возобновить свои посѣщенія школы реторики, тѣмъ болѣе, что и самъ понималъ, какъ еще несовершенно мое образованіе, и нисколько не думалъ, какъ то дѣлаютъ многіе въ наши дни, ограничиться однимъ пребываніемъ въ числѣ учениковъ и принять, подобно современному консулу, honorem sine labore.

Хотя зимніе мѣсяцы уже были на исходѣ, я все же, — не безъ робости, конечно, — пошелъ къ своему учителю Энделехію, чтенія котораго покинулъ такъ неожиданно, съ намѣреніемъ просить его вновь принять меня въ число своихъ слушателей. Оказалось, однако, что мои опасенія были не безосновательны, и старый реторъ встрѣтилъ меня съ такой же суровостью, какъ бывало встрѣчали Лаконскія женщины измѣнниковъ. Онъ не хотѣлъ слушать никакихъ моихъ оправданій, и на всѣ объясненія моего отсутствія, по необходимости сбивчивыя и смутныя, отвѣчалъ мнѣ одно:

— Кто намѣренъ посвятить себя философіи, долженъ оставить всѣ другія заботы. Для тѣхъ же, кто отдаетъ наукѣ только свой досугъ, нѣтъ мѣста въ моей школѣ. Если въ тебѣ желаніе слушать меня не пересилило другихъ влеченій, значитъ, я—учитель не для тебя.

Никакими доводами нельзя было уговорить упрямаго философа, и мнѣ пришлось уйти изъ его школы съ позоромъ. Если сознаваться во всѣхъ своихъ чувствахъ, то я долженъ добавить, что было у меня побужденіе потребовать съ ретора обратно отданную ему мною впередъ плату за ученіе, такъ какъ въ тѣ дни я ощущалъ большой недостатокъ въ деньгахъ, но у меня недостало смѣлости заговорить объ этомъ съ профессоромъ. Добавлю еще, что при всей возвышенности своихъ поученій Энделехій всегда умѣлъ извлекать изъ своихъ учениковъ наибольшую выгоду.

Мнѣ не оставалось ничего иного, какъ обратиться къ другому профессору, и, по совѣту Ремигія, я пошелъ въ школу Лименія, который, по словамъ моего друга, умѣлъ преподавать такъ легко, что вся реторика проглатывалась учениками

незамѣтно, какъ кусокъ сахара. Въ школѣ Лименія надъ дверями была сдѣлана довольно длинная надпись, воспроизводящая слова изъ одного письма Плинія: „Среди людей всѣхъ искреннѣе, всѣхъ проще, всѣхъ лучше ученый". Обставлена школа была пышно, и вездѣ на стѣнахъ читались другія надписи, заимствованныя изъ разныхъ философовъ, древнихъ и новыхъ. Судя по нимъ, можно было подумать, что этотъ домъ—вмѣстилище всей мудрости міра.

Самъ Лименій оказался сравнительно еще молодымъ человѣкомъ, одѣтымъ весьма изысканно, очень любезнымъ и, повидимому, очень гордящимся тѣмъ, что онъ занимаетъ мѣсто ретора въ Римѣ. Въ разговорѣ со мною онъ постоянно поминалъ имя славнаго Либанія, у котораго самъ учился въ Антіохіи, и, всячески выхваляя реторику, высыпалъ мнѣ цѣлую груду мнѣній разныхъ прославленныхъ людей. Послушать Лименія, можно было подумать, что выше реторики нѣтъ въ мірѣ ничего, и даже весь міръ едва ли не для того былъ созданъ, чтобы процвѣло искусство краснорѣчія.

— Ты хорошо сдѣлалъ,—говорилъ онъ, — что перешелъ ко мнѣ отъ Энделехія. Я не хочу порочить своего сотоварища, но долженъ сказать, что молодымъ людямъ нужна не философія, но реторика. Отъ нея, какъ учитъ насъ Сенека, легокъ переходъ ко всѣмъ искусствамъ. Великій Квинтиліанъ, источникъ всякой мудрости, давно и прекрасно сказалъ, что реторика—царица вещей и что она—доблесть. А божественный Юліанъ, въ бытность свою Цесаремъ, въ одномъ декретѣ, назначенномъ для всеобщаго свѣдѣнія, добавилъ даже, что литература есть высшая изъ доблестей. Кто знаетъ реторику, способенъ ко всему, и мой учитель Либаній любитъ повторять, что только тотъ знаетъ искусство управлять, кто умѣетъ говорить.

На мое робкое замѣчаніе, что зима уже кончается и что мои сотоварищи по школѣ должны были узнать многое, мнѣ еще неизвѣстное, Лименій завѣрилъ меня, что это ничего не значитъ, что онъ быстро и кратко объяснитъ мнѣ все, что

изучили другіе его ученики, такъ что для меня не составитъ труда продолжать ученіе съ ними вмѣстѣ.

Дѣйствительно, я скоро убѣдился, что въ школѣ Лименія заниматься гораздо легче, нежели у суроваго Энделехія, а главное — гораздо веселѣе. Лименій заставлялъ своихъ учениковъ писать разсужденія на заданныя имъ темы, потомъ произносить эти трактаты по всѣмъ правиламъ декламаціи передъ товарищами и защищать высказанныя сужденія въ живомъ спорѣ. Профессоръ при этомъ поправлялъ и произношеніе, и слогъ, училъ и красивымъ движеніямъ рукъ, и изящному сочетанію словъ, а также вставлялъ свои замѣчанія и поясненія. Когда я вошелъ въ школу, нѣкоторые изъ учениковъ уже достигли большого искусства въ такихъ диспутахъ, и мнѣ стоило нѣкотораго усилія поравняться съ ними. Однако соревнованіе только возбуждало охоту прилежнѣе отдѣлывать свои рѣчи, и возможность ежедневно представлять свой трудъ на судъ учителя и товарищей давала охоту работать постоянно.

Я, по крайней мѣрѣ, посѣщалъ школу Лименія съ истиннымъ удовольствіемъ, и часы, проведенные въ ней, мнѣ казались скорѣе пріятнымъ отдыхомъ, чѣмъ работой. И все же не безъ грусти я вспоминалъ чтенія моего перваго учителя, въ которыхъ многое оставалось для меня непонятнымъ, но которыя открывали уму новыя дали и съ которыхъ каждый разъ я возвращался домой взволнованный множествомъ новыхъ мыслей, пробужденныхъ во мнѣ вдохновенными разсужденіями философа. За словами Энделехія чувствовалось безконечно многое, что онъ зналъ, но не счелъ нужнымъ сказать намъ; поученія Лименія явно исчерпывали весь кругъ его мудрости. Если первый былъ глубокимъ колодцемъ, дна котораго нельзя разсмотрѣть, хотя и черпаешь изъ него живительную воду, то второго слѣдуетъ сравнить съ кубкомъ хорошаго вина, который можно осушить до дна.

Болѣе мѣсяца я прожилъ такой мирной жизнью прилежнаго ученика, не знающаго въ Городѣ ничего другого, кромѣ своей школы, круга товарищей и чтеній профессора. Я со-

шелся съ нѣкоторыми изъ другихъ учениковъ Лименія, вступилъ въ образованное ими общество „Совы", въ которомъ всего болѣе занимались изученіемъ сравнительнаго достоинства винъ, и охотно принималъ участіе въ ихъ дружескихъ пирушкахъ въ маленькихъ копонахъ у Тибра. Страсти моей души успокоились, и единственнымъ темнымъ облакомъ на кругозорѣ моей жизни тѣхъ дней было постоянное уныніе Ремнія, который все же оставался моимъ самымъ близкимъ другомъ. Послѣ несчастнаго пира въ домѣ Помпонія онъ лишился возможности встрѣчаться съ Галлой, и это его такъ удручало, что онъ утратилъ всю свою обычную веселость, сталъ задумчивъ, какъ математикъ, и часто повторялъ, что ему не милъ свѣтъ солнца. Цѣлые дни онъ проводилъ неизвѣстно гдѣ, занятый мечтами о мести Юліанію и Помпонію, свелъ знакомство съ людьми подозрительными, и, когда я звалъ его выпить, какъ бывало, секстарій фалерна, отвѣчалъ одно:

— Вино болѣе меня не веселитъ. У меня осталась еще одна задача въ жизни, а тамъ я помогу старой пряхѣ перерѣзать запутавшуюся нить моей жизни. Какъ Александръ, я развязать узелъ не умѣю и разрублю его!

Но и мнѣ та же пряха, повидимому, не была намѣрена предоставить жить долго procul negotiis, и новыя приключенія неутомимо подстерегали меня, какъ охотники убѣгающаго отъ нихъ оленя.

Я узналъ, что въ Городъ возвратился Симмахъ, и поспѣшилъ къ нему, чтобы принести ему благодарность за всѣ его заботы обо мнѣ.

Въ домѣ на Целіи меня встрѣтили, какъ родного, и я видѣлъ, какъ покрылось алой краской лицо Валеріи при моемъ появленіи. Съ ней, однако, говорить мнѣ не пришлось, потому что тотчасъ послѣ обмѣна обычными вѣжливыми рѣчами Симмахъ позвалъ меня къ себѣ, въ таблинъ, чтобы переговорить наединѣ. Симмахъ мнѣ показался постарѣвшимъ и очень утомленнымъ. Прервавъ новыя изъявленія благодарности, вновь начатыя мною, онъ мнѣ сказалъ:

— Ты выпутался счастливо, Юній, но знай, что есть при дворѣ люди, которые тебя не забыли и, можетъ быть, еще припомнятъ прошлое, но пока оставимъ это. Точно также я не буду тебѣ говорить о томъ, чего удалось достичь Сенаторскому посольству послѣ твоего отъѣзда, потому что Гесперія, какъ она мнѣ призналась, передала тебѣ содержаніе моего длиннаго письма къ ней. Случилось, однако, нѣчто другое, что̀ я не совсѣмъ понимаю и ключъ къ чему, быть можетъ, ты мнѣ поможешь подобрать. За самые послѣдніе дни нашего пребыванія въ Медіоланѣ въ городѣ начались большія волненія среди христіанъ изъ-за какого-то новаго ученія, которое всюду проповѣдовала неизвѣстная дѣвушка, умѣвшая съ большой силой увлекать сердца слушающихъ. Ты знаешь, что я не особенный знатокъ ученія христіанъ, такъ какъ книги ихъ писателей отвращаютъ меня неряшливостью своего слога и дѣтской неумѣлостью своихъ силлогизмовъ, такъ что мнѣ трудно было ясно представить, о чемъ шла рѣчь. Повидимому, эта дѣвушка объявила какого-то христіанскаго юношу новымъ Христомъ, вторично пришедшимъ къ людямъ, говоря по-нашему, какъ бы воскресшимъ Діонисомъ, и, какъ это ни удивительно, нашлись многіе, кто этому повѣрилъ. Происходили тайныя собранія христіанъ, на которыхъ новообращенные покланялись этому юношѣ и — что̀ самое важное — въ то же время именовали его императоромъ и преемникомъ Граціана...

Уже съ первыхъ словъ я догадался, что рѣчь идетъ не о комъ другомъ, какъ о Реѣ, и отъ волненія едва могъ стоять, но когда услышалъ, что нашъ Ганимедъ объявленъ Августомъ, что̀ для него могло быть лишь ступенью къ топору палача, невольно, прервавъ Симмаха, я воскликнулъ:

— Что̀ же? ихъ схватили? они въ тюрьмѣ?

Симмахъ внимательно посмотрѣлъ на меня и отвѣтилъ:

— Нѣтъ, когда посланные воины, окруживъ указанный имъ домъ, гдѣ будто бы собирались мятежники, проникли въ него, тамъ никого не оказалось. Всѣ сумѣли и успѣли скрыться по подземному ходу, и никого изъ нихъ до сихъ

поръ разыскать не удалось. Но нѣсколько рабовъ, захваченныхъ стражей, подъ пыткой признались, что всѣ разсказы о тайныхъ собраніяхъ справедливы, что, дѣйствительно, эти послѣдователи новаго Христа намѣрены убить императора и что они своего дѣла не оставятъ. Но страннѣе всего то,— добавилъ Симмахъ, продолжая смотрѣть мнѣ въ глаза,—что одинъ изъ нихъ сообщилъ, будто на какомъ-то собраніи присутствовалъ юноша, пріѣхавшій изъ Рима и, по многимъ признакамъ, мнѣ показалось, что онъ говорилъ о тебѣ!

Самыя разнородныя чувства волновали въ ту минуту мою душу: и радость отъ извѣстія, что Реа находится, хотя бы до срока, на свободѣ, и стыдъ передъ Симмахомъ, который могъ считать меня измѣнникомъ, ведущимъ двойную игру, и, наконецъ, самый сильный страхъ при мысли, что мое имя включено въ списокъ мятежниковъ, угрожающихъ жизни Августа. Нѣкоторое время я не могъ говорить отъ смущенія, а Симмахъ продолжалъ:

— Узнавъ объ этомъ отъ достовѣрныхъ людей, я почелъ нужнымъ все разсказать тебѣ и спросить тебя, дѣйствительно ли ты принималъ участіе въ этомъ сообществѣ.

Что̀ могъ я говорить? Лгать было безполезно, да Симмахъ и усмотрѣлъ бы легко мою неумѣлую ложь, но и сознаться во всемъ, что̀ со мною было, я не смѣлъ. Дрожащимъ голосомъ и путающимися словами я передалъ Симмаху часть пережитаго мною, утаивая многое, на другое только намекая, но не скрывъ, что я, дѣйствительно, былъ близокъ съ Реей и зналъ о ея отчаянномъ замыслѣ, изобразивъ все какъ юношеское увлеченіе женщиной, понравившейся мнѣ. Но, едва закончивъ разсказъ, я былъ охваченъ новымъ порывомъ стыда, вспомнивъ, что моя любовь къ Гесперіи — не тайна для Симмаха, и что теперь великій ораторъ будетъ меня считать лицемѣромъ, клянущимся въ вѣчной любви одной женщинѣ и въ то же время сближающимся съ другой и исполняющимъ всѣ ея прихоти. Какъ звѣрь, загнанный облавой въ кругъ охотниковъ, я метался безнадежно; мнѣ казалось, что со всѣхъ сторонъ на меня наведены луки и на-

правлены дротики, и я не видѣлъ никакого выхода. Покраснѣвъ, въ послѣднемъ смущеніи, я стоялъ, опустивъ голову, передъ Симмахомъ, и тотъ, щадя мое самолюбіе, сказалъ только:

— Берегись, Юній! Ты такъ неостороженъ въ жизни, что можешь попасть въ великую бѣду. Твое счастіе, что, какъ кажется, пока я одинъ разгадалъ, кто такой этотъ пріѣзжій юноша. Если объ этомъ додумаются другіе, и у меня не будетъ силъ спасти тебя.

Я поспѣшилъ покинуть домъ Симмаха, такъ какъ мнѣ тяжело было оставаться въ немъ. Съ пылающей головой я бродилъ по Целію, обдумывая свое положеніе, и опять колебался, не должно ли мнѣ бѣжать изъ Города и временно скрыться гдѣ-нибудь въ маленькомъ селеніи Аквитаніи или Новемпопуланы. Я предвидѣлъ, что та тихая жизнь, къ которой я едва обратился, должна опять разрѣшиться бурями и смятеніемъ.

Будучи въ такомъ волненіи, я остановился около одной недавно отстроенной христіанской базилики. Строеніе было некрасивое и дурного вкуса. Жалко было смотрѣть на его убогій фронтонъ, на неровныя колонны съ нехитрой капителью, на плохой камень, изъ котораго была сложена лѣстница, ведущая ко входу, когда вдали, изъ-за крышъ сосѣднихъ домовъ вздымались торжественныя очертанія храма божественнаго Клавдія, величественныя стѣны термъ Траяна и сама необъятная громада амфитеатра Флавіевъ. Глядя на жалкое зданіе, около котораго еще были видны остатки мощныхъ стѣнъ какого-то стариннаго храма, которое строители базилики не были въ силахъ даже разрушить до основанія, я невольно подумалъ о безсиліи новой вѣры, неспособной даже своему Богу создать достойныхъ святилищъ, и мнѣ захотѣлось узнать точнѣе, что̀ именно я вижу.

У дверей сосѣдняго дома стоялъ бородатый ремесленникъ, праздно разглядывавшій сновавшихъ мимо прохожихъ; я обратился къ нему за разъясненіями, и онъ, будучи, вѣроятно, христіаниномъ, тотчасъ отвѣтилъ мнѣ, что передо мною —

базилика святого Климента, построенная на развалинахъ идолопоклонническаго (какъ онъ сказалъ) святилища проклятому демону Митрѣ. Такой отвѣтъ зажегъ всю мою кровь, такъ какъ нестерпимо слышать отъ Римлянина подобныя сужденія о богахъ, однако названіе базилики показалось мнѣ уже знакомымъ, и я вспомнилъ, что именно здѣсь долженъ жить тотъ странный проповѣдникъ, который пытался помѣшать похоронамъ бѣдной Наміи. Преодолѣвъ себя, я снова спросилъ ремесленника, знаетъ ли онъ о. Николая.

— Конечно, знаю, — откликнулся онъ, — ловкій человѣкъ, что̀ говорить! Еще никто не могъ устоять противъ него въ спорѣ! Всѣхъ побиваетъ,—кого однимъ способомъ, кого другимъ, одного, скажемъ, кулакомъ прямо въ грудь, другого повалитъ подножкой! Истинный Грекъ! Третій годъ онъ у насъ живетъ, и сколько къ нему приходитъ народа, и простые, и духовные, бываютъ и епископы: желаютъ послушать, — счесть нельзя, и всѣ остаются довольны. Недавно приходилъ самъ Іеронимъ, что̀ при архіепископѣ Дамасѣ состоитъ, говорятъ,—святой жизни человѣкъ,—а тоже пришелъ учиться у нашего Николая!

Я попросилъ проводить меня къ этому дивному проповѣднику, и бородачъ охотно согласился. Онъ указалъ мнѣ, въ двухъ шагахъ оттуда, старый, уже разваливающійся домъ, населенный, очевидно, бѣднымъ людомъ, и сказалъ, что о. Николай живетъ тамъ въ нижнемъ этажѣ, занимая всего одну комнату у старушки, отдающей жильцамъ комнаты и углы. Я былъ въ такомъ состояніи духа, что ничего не могло быть для меня болѣе подходящимъ, какъ разговоръ о вопросахъ важныхъ и глубокихъ, который успокоилъ бы мое смятеніе, и потому я тотчасъ же постучался въ указанную мнѣ дверь.

О. Николай, который самъ отворилъ мнѣ, сразу меня узналъ, хотя мы видѣлись только нѣсколько минутъ и притомъ въ темнотѣ. Напротивъ, я не безъ труда призналъ смѣлаго ночного проповѣдника, самоувѣренный голосъ котораго во мракѣ ночи звучалъ строго и властно, въ невысокомъ

человѣкѣ, неряшливо одѣтомъ, съ нерасчесанной бородой и лицомъ, попорченнымъ оспой. Въ немъ не было того очарованія, какое придавали ему необычность обстановки, напряженность моихъ чувствъ, кровавый свѣтъ погребальныхъ факеловъ и костра.

— Я ждалъ тебя и зналъ, что ты придешь,—сказалъ мнѣ о. Николай,—входи ко мнѣ. Ты приходишь, какъ Никодимъ къ Учителю, тайно: будь же и столь вѣрнымъ ученикомъ, какимъ сталъ этотъ евангелистъ, принесшій составъ изъ смирны и елея, чтобы умастить тѣло Іисусово.

— Ты ошибаешься, Николай, — возразилъ я,—я прихожу къ тебѣ вовсе не тайно: мнѣ не передъ кѣмъ скрывать свои поступки. То, что́ я дѣлаю, я дѣлаю открыто. Притомъ, я пришелъ къ тебѣ съ тѣмъ, чтобы оспаривать твои сужденія, а не для того, чтобы покорно слушать твою проповѣдь и учиться у тебя, какъ у обладающаго истиной. Если тебѣ это непріятно, если ты хочешь только поучать и ждешь безсловеснаго слушателя, лучше разойдемся, не приступая къ разговору.

О. Николай, какъ мнѣ показалось, грустно оглядѣлъ меня, вздохнулъ и возразилъ:

— Я не въ правѣ отказывать никому, кто ищетъ моего слова. Зажегши факелъ, не должно скрывать его подъ сосудомъ. Входи, и мы будемъ говорить.

Онъ пригласилъ меня сѣсть на простую деревянную скамью, потому что такова была вся обстановка его жилья, сѣлъ противъ меня и, пристально глядя мнѣ въ глаза, принялся меня разспрашивать, кто я, въ какой семьѣ выросъ, у кого учился и какова моя религія. Мнѣ представилось обиднымъ, что меня допрашиваютъ, какъ школьника, и я рѣшилъ дать своему собесѣднику должный урокъ. Отвѣтивъ ему съ учтивостью на его вопросы, я, въ свою очередь, сталъ задавать ему такіе же: кто онъ, гдѣ учился и подобное. Однако, о. Николай нисколько этимъ не смутился и охотно удовлетворилъ мое любопытство, разсказавъ мнѣ всю свою жизнь.

— Я родомъ изъ Пессина, въ Галаціи,—такъ началъ онъ.—

Отецъ мой былъ небогатый торговецъ, занимался скупкой шерсти, которую перепродавалъ Греческимъ купцамъ. Онъ придерживался ученія евсевіанъ, за что̀ насъ жестоко преслѣдовали, и я съ ранняго дѣтства наслышался споровъ объ истинности той или другой вѣры. Въ концѣ концовъ отца, за его приверженность осужденному ученію, бросили въ тюрьму, и мы разорились. Мнѣ пришлось, еще будучи мальчикомъ, самому зарабатывать свой хлѣбъ, и я бродилъ по городамъ Малой Азіи, занимаясь разными ремеслами. Работалъ въ мастерскихъ ткацкихъ и золотошвейныхъ, былъ башмачникомъ и золотыхъ дѣлъ мастеромъ, одно время даже просто пастухомъ. Но я постоянно размышлялъ надъ тѣмъ, кто правъ: люди, вѣровавшіе одинаково съ моимъ отцомъ, или его гонители. Поэтому я никогда не упускалъ случая ознакомиться съ новымъ ученіемъ и вездѣ, гдѣ встрѣчалъ общину вѣрующихъ, просилъ принять меня въ свое число. Такъ, я долго жилъ съ восточными валентиніанами, и они открыли мнѣ свое ученіе, какъ изъ Божества родились четы божественныхъ эоновъ: Разумъ и Истина, Слово и Жизнь и другія, и какъ Мудрость, ниспавъ изъ плеромы, породила Деміурга, творца міра видимаго. Потомъ манихеи поучали меня, что есть два отдѣльныхъ начала: Богъ въ царствѣ свѣта и Демонъ въ царствѣ мрака, и что Христосъ пришелъ съ тѣмъ, чтобы побѣдить мракъ. Когда послѣ я попалъ къ донатистамъ, они сказали мнѣ, что всѣ другіе христіане заблуждаются, что истина—только у нихъ, и что я долженъ наложить на себя тяжкую епитимію во искупленіе своихъ прежнихъ вѣрованій и вторично креститься, чтобы поистинѣ стать христіаниномъ. Покинувъ ихъ, я нашелъ пріютъ въ одномъ монастырѣ, близъ Иконія, тамъ жилъ больше двухъ лѣтъ и читалъ много книгъ, желая понять, на чьей же сторонѣ истина. Въ томъ же монастырѣ жилъ старецъ, по имени Филофилъ, которому я полюбился. Онъ согласился быть моимъ наставникомъ, и мнѣ вдругъ все стало ясно. И когда я понялъ, что знаю правду, я сказалъ себѣ, что скрывать ее не въ правѣ. Я пошелъ ходить по всѣмъ городамъ имперіи,

и вездѣ проповѣдовалъ ученіе истины. Въ Константинополѣ былъ я въ дни Собора и на улицахъ возглашалъ слово Божіе. Нашлись люди, имѣющіе силу въ этомъ мірѣ, которые позвали меня пріѣхать въ Римъ. И вотъ здѣсь, въ этой крѣпости идолопоклонниковъ, я исполняю свое дѣло, учу и проповѣдую.

О. Николай говорилъ совершенно просто, безъ декламаціи, такъ дружественно, какъ если бы мы были съ нимъ давно близки. Но мнѣ его разсказъ живо напомнилъ бредни Реи, пророчившей о явленіи въ міръ Антихриста, и нелѣпые вымыслы змѣепоклонниковъ, путавшихъ высокія идеи основателя Академіи съ восточными сказками. Я подумалъ о томъ, что христіане дѣлятся на два рода: одни изъ нихъ въ сущности не обращаютъ на религію вниманія и придерживаются ученія Христа только потому, что такъ вѣровали ихъ родители, или потому, что въ нашъ вѣкъ выгоднѣе слѣдовать вѣрѣ Августа; другіе же, истинно занятые вопросами вѣры, никакъ не могутъ удовлетвориться наивнымъ ученіемъ о томъ, что Богъ былъ распятъ Римскими легіонаріями, ищутъ въ своей религіи несуществующихъ въ ней глубинъ, примѣшиваютъ къ ней откровенія нашихъ мистерій и, выставляя множество разнообразныхъ ученій, безнадежно враждуютъ между собою. Я это и высказалъ моему собесѣднику, добавивъ:

— Мнѣ кажется, ты плохо началъ проповѣдь, разсказавъ свою жизнь. Ты явно показалъ мнѣ, что вы сами, христіане, не умѣете согласиться между собой, чему именно учитъ ваша религія. Такъ не лучше ли вамъ сначала порѣшить это, а уже потомъ проповѣдовать ее другимъ?

О. Николай какъ будто только и ждалъ такого моего возраженія. Мнѣ показалось, что глаза его радостно забѣгали, какъ у рыбака, у котораго заколыхался поплавокъ заброшенной имъ удочки. О. Николай придвинулся ко мнѣ ближе, словно онъ собирался сказать мнѣ какую-то тайну, которую не должны были слышать посторонніе, и заговорилъ тихонько:

— Ты—юноша умный, и съ тобой можно говорить открыто.

Иному я не сказалъ бы того, что̀ скажу тебѣ. Нарочно я разсказалъ тебѣ и исторію своей жизни, и о тѣхъ общинахъ, которыя привлекали меня къ своему ученію. И я сознаюсь тебѣ,—а ты мои слова замѣть хорошенько,—что я не знаю также, кто правъ въ своемъ ученіи: Аѳанасій ли, или Арій, или Мани, или Донатъ. И никто этого не знаетъ и не узнаетъ никогда. Но развѣ же ты не видишь, какъ ихъ споры доказываютъ, что христіанская религія есть религія живая? О чемъ спорятъ, за что̀ борются? — за нѣчто живое. А о мертвецѣ, будь онъ даже прекрасенъ, нѣтъ пререканій. Такъ ваше идолопоклонство, со всѣми великими поэмами, написанными вашими поэтами, и великолѣпными статуями, уцѣлѣвшими отъ работъ древнихъ ваятелей, — не болѣе какъ мертвецъ. Можно любить умершаго и оберегать его тѣло, но онъ не встанетъ, не заговоритъ, не сдѣлаетъ движенія. Вотъ почему вы между собою согласны, гостепріимно принимаете на свой Олимпъ и Фригійскую Цибелу, и Египетскаго Осириса, и Финикійскую Астарту. Что̀ живетъ, то измѣняется, вотъ почему христіане каждый годъ создаютъ новыя ученія и борются другъ съ другомъ, преслѣдуютъ и изгоняютъ одни другихъ. Не говори мнѣ о томъ, что ваше ученіе мудро и прекрасно, я не буду съ этимъ спорить, но оно умерло, это я знаю и вижу. Не все ли равно, гдѣ истина, если явно суждено всему міру стать христіанскимъ? Съ кѣмъ быть: съ красивымъ мертвецомъ или съ живымъ, хотя бы и не достигшимъ зрѣлости ученіемъ?—вотъ какой выборъ стоитъ теперь передъ каждымъ, иного нѣтъ. Выбирай и ты: останешься ли хоронить тѣло почившей древности, или покоришься духу новаго времени и станешь въ ряды тѣхъ, кто служитъ жизни!

Такой рѣчи я отъ скромнаго о. Николая не ожидалъ никакъ, и въ первую минуту былъ ею пораженъ и сбитъ съ пути. Всѣ мои заготовленныя возраженія оказались излишними передъ этимъ страннымъ проповѣдникомъ христіанства, готовымъ признать, что истина, можетъ быть, не на его сторонѣ. Нѣкоторое время я только смотрѣлъ въ лицо моего собесѣдника, не зная, кто передо мною, — христіанинъ или

тайный сторонникъ религіи отцовъ, искушающій меня, но потомъ отвѣтилъ рѣшительно:

— Да, я предпочитаю быть вмѣстѣ съ красотой, хотя бы этотъ міръ и оказался столь презрѣннымъ, что она не въ силахъ была жить въ немъ. Я предпочитаю быть вмѣстѣ съ истиной, хотя бы всему міру и суждено было пойти вслѣдъ за ложью. Я останусь вѣренъ богамъ безсмертнымъ, потому что въ ихъ смерть не вѣрю: они жить будутъ вѣчно. Какъ навожденіе злой волшебницы пройдетъ ваша вѣра, и люди вернутся къ поклоненію истиннымъ богамъ, существованіе которыхъ требуется природою вещей. Ты не убѣдилъ меня своими доводами, и отъ тебя я выйду такимъ же, какимъ вошелъ.

О. Николай лукаво улыбнулся и отвѣтилъ:

— Мои стрѣлы не сразу убиваютъ: но ты раненъ, и эту рану почувствуешь послѣ.

Разумѣется, я только еще разъ посмѣялся надъ самоувѣренностью проповѣдника, но мы продолжали съ нимъ говорить, хотя ничего важнаго болѣе не было имъ высказано. И, несмотря на то, что я пришелъ къ нему съ тѣмъ, чтобы спорить и опровергать, мнѣ о. Николай понравился, какъ острый діалектикъ и собесѣдникъ пріятный. Я не пожалѣлъ, что случай вторично свелъ меня съ нимъ, и, прощаясь, обѣщалъ, что наше свиданіе не было послѣднимъ.

Бесѣда съ о. Николаемъ вернула меня отъ тихихъ занятій реторикой къ тѣмъ великимъ вопросамъ, которые раньше занимали мой умъ, и во мнѣ возгорѣлось новое одушевленіе — бороться съ коварствомъ христіанъ и защищать всѣми силами истинность древне-Римской вѣры. Мнѣ уже казалось постыднымъ, что извѣстіе, сообщенное Симмахомъ о преслѣдованіи Реи и ея сторонниковъ, меня встревожило и испугало. „Все равно, — говорилъ я себѣ, — съ безумной дѣвушкой и змѣепоклонниками, во имя Антихриста пришедшаго, или съ мудрой Гесперіей и сенаторами, во имя Юпитера Статора, но только бы бороться противъ Граціана, гонителя боговъ и сторонника христіанъ!“ Мнѣ опять захотѣлось открытой борьбы и, не

наученный жестокимъ опытомъ, я былъ готовъ снова съ кинжаломъ за пазухой прокрадываться въ священный дворецъ.

И вотъ, какъ если бы боги услышали мои безсловесныя мольбы, на другой день въ нашемъ домѣ появился хорошо знакомый мнѣ рабъ Гесперіи, съ письмомъ отъ нея. Вернувшись изъ поѣздки, Гесперія писала мнѣ, кратко и безъ объясненій, что я долженъ быть у нея въ тотъ же день, въ полночь. „Какъ войти, ты знаешь", говорилось въ письмѣ, которое заканчивалось просьбой никому не говорить о приглашеніи и немедленно стереть написанное.

Я понялъ, что въ полночь должны собраться въ домѣ Эліана участники заговора, и первое чувство, которое я испыталъ, читая письмо, было—гордость отъ сознанія, что я какъ равный принятъ въ средѣ сенаторовъ. Но тайная дрожь все-таки пробѣжала по моимъ членамъ, когда я подумалъ, къ какимъ новымъ бурямъ поведетъ меня новое приближеніе къ Гесперіи.

IX.

Чтобы не подать повода къ подозрѣніямъ, я вышелъ изъ дома рано, вечеръ провелъ на Агрипповомъ полѣ, среди праздношатающихся и влюбленныхъ, издавна облюбовавшихъ это мѣсто для своихъ свиданій, потомъ сидѣлъ въ какой-то копонѣ, наблюдая, какъ одѣтые въ одну тунику судовщики съ Тибра, на мѣдныя деньги, играютъ въ кости, и, въ концѣ концовъ, къ назначенному часу опоздалъ. Была уже третья стража, когда я стучалъ у дверей дома Гесперіи и произнесъ условныя слова „Іисусъ распятый", опять чудодѣйственно открывшія мнѣ доступъ. Снаружи весь домъ казался мирно спящимъ, но когда меня провели черезъ темные покои въ отдаленный триклиній, входъ въ который былъ плотно закрытъ тяжелой занавѣской, я увидѣлъ за большимъ столомъ, уставленнымъ кратерами съ виномъ и кубками, цѣлое общество.

Здѣсь было восемь человѣкъ, изъ которыхъ я зналъ пятерыхъ: Гесперію и Эліана, моего покровителя и спасителя Симмаха, старика Претекстата, когда-то поучавшаго меня вѣрности, и Юліанія, присутствіе котораго на этомъ тайномъ собраніи поразило меня непріятно, но который меня встрѣтилъ такъ, словно бы между нами ничего не произошло. Изъ числа трехъ, мнѣ незнакомыхъ, двое не обращали на себя особаго вниманія: одинъ—почти старикъ, въ сенаторской тогѣ, угрюмый, съ недвижнымъ лицомъ заговорщика,—чело-

вѣкъ, о которомъ невольно думалось, что среди заговоровъ и козней всякаго рода онъ долженъ чувствовать себя, какъ рыба въ водѣ (я припомнилъ, что уже видѣлъ его въ домѣ Гесперіи въ тотъ незабвенный день, когда она вручила мнѣ пугіонъ, предназначавшійся для страшнаго дѣла); другой—тоже немолодой, съ лицомъ незначащимъ, но одѣтый съ большимъ щегольствомъ, выбритый тщательно, съ пальцами въ перстняхъ; волосы у него были тщательно зачесаны на лобъ, чтобы скрыть лысину,—единственная черта, сближавшая его съ „лысымъ прелюбодѣемъ", какъ побѣжденные Галлы называли божественнаго Юлія. Позднѣе я узналъ, что имя сенатора было Рагоній, а щеголя—Цесоній.

Зато послѣдній изъ присутствующихъ, словно Гераклейскій камень желѣзную иглу, сразу приковалъ къ себѣ мои взоры. Онъ также былъ одѣтъ въ сенаторскую тогу, еще не старъ, хотя его лицо обличало опытъ долгихъ лѣтъ жизни, крѣпокъ, силенъ, съ движеніями властными, со взглядомъ повелителя. Есть лица, которыя сама Природа опредѣлила людямъ выдающимся, такъ какъ нельзя вообразить Александра, покорителя Индіи, или Сципіона, побѣдителя Ганнибала, съ наружностью копониста, и тотъ, кого я увидѣлъ, отъ рожденія, самымъ своимъ лицомъ, былъ предназначенъ для великаго. Если бы я встрѣтилъ его на улицѣ, среди прохожихъ, я сказалъ бы себѣ: вотъ будущій вождь, завоеватель, императоръ. И теперь, прежде чѣмъ мнѣ назвали его имя, я уже зналъ, что предо мною Вирій Никомахъ Флавіанъ, о которомъ я такъ много слышалъ.

Замѣтивъ меня, Гесперія пошла мнѣ навстрѣчу, упрекнула за то, что я опоздалъ, потомъ сказала, обращаясь ко всѣмъ, голосомъ, не допускающимъ возраженій:

— Вы всѣ знаете, кто это. Это—Юній, участвовавшій въ Сенаторскомъ посольствѣ. Свою преданность намъ онъ доказалъ такъ явно, что нѣтъ надобности подвергать его испытаніямъ, какъ неофита, и требовать съ него клятвъ. Отъ Юнія у насъ не можетъ быть тайнъ: что̀ извѣстно намъ, можетъ узнать и онъ. Отнынѣ наше число заполнено, и обще-

ство наше, по образцу Піеридъ, состоитъ изъ девяти членовъ.

Мнѣ показалось, что нѣкоторые глаза продолжали смотрѣть на меня недовѣрчиво, что во взглядѣ Цесонія было даже что-то враждебное, а Флавіанъ долго и упорно разсматривалъ меня, какъ бы желая проникнуть въ глубь моей души, но возможно, что такъ подсказывала мнѣ лишь моя мнительность, потому что тотчасъ бесѣда, прерванная моимъ приходомъ, возобновилась.

Заговорилъ Симмахъ, заканчивая рѣчь, произнесенную до меня. Какъ всегда, онъ говорилъ спокойно, не повышая голоса, красиво округляя періоды, не забывая и въ дружескомъ кругу пріемовъ оратора. Его слушали внимательно, но безъ увлеченія, и было похоже на то, что заранѣе всѣ съ нимъ не согласны.

— Я дѣлаю выводъ,—сказалъ онъ. — На опытѣ Сенаторскаго посольства мы видѣли, къ чему приводятъ мѣры торопливыя и недостаточно обдуманныя: къ усиленію враговъ нашихъ и къ торжеству противниковъ религіи отцовъ. Униженіе, испытанное послами Сената, съ которыми императоръ не пожелалъ даже говорить, пало и на самый Сенатъ. Приходится намъ отказаться отъ надежды на успѣхъ скорый и близкій, приходится стремиться не ко временному тріумфу, но къ достиженіямъ прочнымъ, медленно подготовлять почву для будущихъ побѣдъ. Какая бы участь ни была суждена темнымъ Рокомъ Риму въ далекомъ грядущемъ, ему стоять на своихъ холмахъ не десятилѣтія, но вѣка, и не съ нашей быстротечной жизнью кончится существованіе Города Вѣчнаго, и потому не того мы должны добиваться, чтобы своими глазами увидѣть алтарь Побѣды вновь посреди Куріи и пороги храмовъ вновь тучными отъ сжигаемыхъ жертвъ, но къ тому, чтобы слѣдующія за нами поколѣнія неизмѣнно видѣли отверстыми жилища Олимпійцевъ и чтобы въ другіе вѣка ни у кого не возникало сомнѣнія, должна ли крылатая богиня парить надъ собраніемъ отцовъ-конскриптовъ. Неспѣшно, но твердо подготовлять, терпѣливо сѣять и радоваться, что жатву

соберутъ наши дѣти, не спѣшить съ открытой борьбой, въ которой мы можемъ потерять и то немногое, что̀ еще сохраняемъ, но воспитывать умы и вербовать воиновъ для будущихъ битвъ,—вотъ что̀ я предлагаю, товарищи и друзья!

Симмахъ говорилъ стоя и, окончивъ рѣчь, сѣлъ, и кругомъ наступило молчаніе. Всѣ переглядывались, предлагая, безмолвно, одинъ другому дать отвѣтъ на доводы знаменитаго оратора. Только Юліаній процѣдилъ сквозь зубы, но такъ, что было слышно всѣмъ:

— Festina lente!

Молчаніе прервала Гесперія, воскликнувъ:

— Не довольно ли мы медлили, отцы сенаторы! Какъ бы намъ не ошибиться въ расчетѣ! Такъ мы подготовимъ не свое торжество, а чужое. Мы дадимъ народу привыкнуть къ мысли, что молиться надо итти къ христіанамъ. Мы дадимъ ему увѣриться въ томъ, что мы всѣ, и Сенатъ въ томъ числѣ, безсильны. И когда наши дѣти, которымъ Симмахъ столь самоотверженно уступаетъ честь дѣла и славу побѣды, найдутъ, наконецъ, что настала пора, и кликнутъ кличъ, уже никто не отзовется!

Вслѣдъ за Гесперіей поднялся Флавіанъ, и таково было его значеніе, что тотчасъ все замерло и всѣ словно окаменѣли, ожидая его рѣчи. Тяжело опираясь обѣими руками на столъ, Флавіанъ сталъ говорить, бросая изреченіе за изреченіемъ, какъ грузные камни изъ баллисты:

— Прежде всего, спросимъ самихъ себя: вѣримъ ли мы въ боговъ безсмертныхъ? Если вѣримъ, почему же боимся отдать въ ихъ руки наше дѣло? Потомъ спросимъ себя: вѣримъ ли мы, что народъ Римскій за насъ и за боговъ? Если вѣримъ, почему колеблемся народу предоставить рѣшеніе спора? Осторожность въ дѣлѣ общественномъ—добродѣтель. Но когда она переходитъ въ нерѣшительность, она становится порокомъ. Всѣ средства въ борьбѣ съ коварнымъ врагомъ хороши: дурно одно—не пользоваться никакими средствами. Удачной минуты выжидать должно, но и не слѣдуетъ удачную минуту упускать. Когда встрѣтится снова такое счастливое

стеченіе обстоятельствъ, какъ теперь? Римъ раздраженъ святотатствомъ, учиненнымъ надъ алтаремъ Побѣды. Народъ оскорбленъ униженіями, которымъ подвергнуты храмы боговъ. Холодная зима и запоздавшая весна предвѣщаютъ дурной урожай, и по всей имперіи не будетъ недостатка въ людяхъ голодныхъ и недовольныхъ. Въ Медіоланѣ, какъ только-что намъ разсказывалъ достойнѣйшій Симмахъ, въ средѣ самихъ христіанъ мятежъ. Въ Британніи легіоны—въ открытомъ возмущеніи, и ихъ вождь, Максимъ, ищетъ союзниковъ въ Италіи. Граціанъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Или никогда, или теперь намъ должно дѣйствовать рѣшительно. Я предлагаю немедленно вступить въ сношенія съ Максимомъ. Я предлагаю немедленно дать знать всѣмъ вѣрнымъ намъ легіонамъ, чтобы они были наготовѣ. Едва гражданская война разразится, мы должны власть въ Городѣ взять въ свои руки, Сенатъ назначитъ новаго императора, воля народа довершитъ остальное. Я знаю, что жребій будущаго лежитъ въ темной урнѣ. Но навѣрняка выигрываетъ лишь тотъ, кто играетъ въ нечестныя кости. Римлянинъ всегда готовъ умереть за благо родины. Кто Римлянинъ, тотъ чувствуетъ, какъ я. Dixi.

Не безъ изумленія я слушалъ эти рѣчи сенаторовъ, изъ которыхъ одинъ щеголялъ изяществомъ оборотовъ и полнотою періодовъ, а другой выставлялъ напоказъ намѣренную небрежность какъ бы неотдѣланнаго слога, но которые оба и здѣсь, на тайномъ собраніи заговорщиковъ, играя своей жизнью, не забывали правилъ реторики и, кажется, больше заботились о томъ, чтобы побѣдить другъ друга въ краснорѣчіи, чѣмъ, чтобы убѣдить слушателей. „Правъ Лименій,—подумалъ я,—въ наши дни тотъ знаетъ искусство управлять, кто умѣетъ говорить. Царица міра — реторика!" И, какъ бы въ подтвержденіе моимъ мыслямъ, восторженныя восклицанія раздавались вокругъ всего стола, завершая искусную рѣчь Флавіана.

Эліанъ одобрительно кивалъ головой. Гесперія, съ глазами, зрачки которыхъ обратились въ двѣ искры, протянула ора-

тору свои руки, словно желая объятіями наградить его за смѣлый призывъ. Щеголь, съ волосами зачесанными на лысину, полузакрылъ глаза, какъ бы въ сладострастномъ упоеніи, и повторилъ за Флавіаномъ: „Умремъ!“ Даже Юліаній почелъ долгомъ, поднявъ высоко кубокъ съ виномъ, изобразить на своемъ лицѣ восторгъ и тоже театрально воскликнулъ:

— Moriamur!

И добавилъ:

— „Тотъ царь, кого не страшитъ ничто!“

Впрочемъ, послѣ перваго порыва общаго сочувствія послышались и возраженія: старикъ Рагоній, начавъ изреченіемъ Саллустія, что „слова не прибавляютъ храбрости“, посовѣтовалъ на другой день, съ трезвой головой, обдумать еще разъ, дѣйствительно ли всѣ мы согласны подвергнуть опасности и свою жизнь, и занимаемое каждымъ положеніе въ обществѣ ради сомнительной удачи; Симмахъ напомнилъ слова великаго историка, что „не всегда отвага бываетъ счастливой“; даже Эліанъ, какъ человѣкъ дѣла, предложилъ не торопиться и подождать, пока въ гражданской войнѣ перевѣсъ окажется на сторонѣ мятежниковъ. Но эти осторожные совѣты потонули въ настойчивыхъ крикахъ Цесонія, Юліанія и самой Гесперіи.

Флавіанъ, державшійся, какъ предсѣдатель собранія, предложилъ подать голоса, и такъ какъ Симмахъ объявилъ свое „non liquet“, а я не посмѣлъ противорѣчить мнѣнію Гесперіи, то единодушно было рѣшено, что настало время начинать открытую борьбу съ Граціаномъ, который явно веетъ имперію къ гибели и стремится съ корнемъ вырвать вѣру отцовъ, какъ засохшій кустъ. Когда Флавіанъ объявилъ подсчетъ голосовъ, его сторонниковъ охватило буйное ликованіе, словно они уже одержали рѣшительную побѣду надъ врагомъ, и сенаторы дали, наконецъ, волю своей ненависти противъ угнетателя Сената, осыпая въ рѣчахъ императора бранью, достойной только грузовщиковъ, таскающихъ кули съ хлѣбомъ на баркахъ. „Тираннъ!“, „Измѣнникъ!“, „Амбросіевъ рабъ!“, „Скиѳскій лучникъ!“—такія и еще болѣе жестокія

восклицанія раздавались ежеминутно, намекая на послѣдніе суровые законы императора, на его обращеніе со своимъ бывшимъ учителемъ, Авсоніемъ, на довѣріе, оказанное имъ Амбросію, на его пристрастіе къ Скиѳской одеждѣ...

Потомъ перешли къ обсужденію подробностей предпринимаемаго опаснаго дѣла, и тогда страсти воспламенились еще больше, такъ какъ поднятъ былъ вопросъ о распредѣленіи должностей. Симмахъ, не встрѣчая возраженій, заявилъ, что онъ возьметъ на себя префектуру Италіи; Флавіанъ оставлялъ себѣ должность префекта Города и желалъ получить консулатъ; Претекстатъ, ссылаясь на свою дряхлость, отъ власти отказывался, но былъ намѣренъ удержать за собою званіе великаго понтифика; Эліану предлагали префектуру Галлій, но на нее выставлялъ притязанія и Рагоній, не хотѣвшій удовольствоваться Віенненскимъ викаріатомъ; Цесоній, напротивъ, скромно соглашался на мѣсто викарія діэцесы Африки; наконецъ, Юліаній, съ наглостью, которая почти ошеломила, заявилъ, что считаетъ себя законнымъ наслѣдникомъ императорскаго трона, который занимали его предки. Начался шумный споръ, причемъ всѣ отстаивали свои требованія такъ настойчиво, словно, въ самомъ дѣлѣ здѣсь происходила раздача первыхъ должностей въ имперіи, а не шла рѣчь о возможностяхъ, которыми играетъ перворожденная дочь Юпитера, не разстающаяся съ рулемъ, символомъ зыбкости.

Комната наполнилась гуломъ все возвышавшихся голосовъ, и сенаторы, только-что произносившіе умныя рѣчи, позабывъ о реторическихъ прикрасахъ, стали попрекать другъ друга, переругиваясь, какъ простые легіонаріи.

Старикъ Протекстатъ, съ жаромъ, неподобающимъ его лѣтамъ, гнѣвно сказалъ Флавіану:

— Намъ всѣмъ извѣстно, что̀ такое твоя приверженность богамъ! Въ лучшемъ случаѣ суевѣріе, въ худшемъ лицемѣріе. Развѣ мы не знаемъ, что одинъ разъ ты, чтобы въ точности исполнить обязанности понтифика, заставилъ вмѣсто себя поститься другого!

— Молчи, старикъ,—грубо возразилъ Флавіанъ,—а про тебя разсказываютъ, что ты сказалъ Дамасу: „Назначьте меня Римскимъ епископомъ, и я тотчасъ сдѣлаюсь христіаниномъ!"

Когда же Юліаній сталъ слишкомъ громко настаивать на своихъ правахъ, тотъ же Флавіанъ открыто назвалъ его безроднымъ подкидышемъ, клевещущимъ на свою мать, чтобы выдать себя за сына императора Юліана.

— Мы сдѣлаемъ изъ тебя то, что хотимъ,—сказалъ Флавіанъ.—Будь благодаренъ, если дадимъ тебѣ претуру.

— Не знаю, кѣмъ вы меня можете сдѣлать,—гордо возразилъ Юліаній,—но сдѣлать такъ, чтобы я не былъ законнымъ наслѣдникомъ трона Константина, вы не можете!

Симмахъ угрюмо молчалъ. Гесперія металась отъ одного къ другому, безуспѣшно пытаясь всѣхъ успокоить и примирить.

Вдругъ, среди общаго шума, Эліанъ бросился неожиданно къ двери и исчезъ стремительно за занавѣской. Тотчасъ же мы услышали шумъ ногъ, какой бываетъ при борьбѣ двухъ человѣкъ, и гнѣвный крикъ Эліана. Опомнившись, мы всѣ, тѣсня другъ друга, поспѣшили за нимъ и увидѣли, что въ темномъ проходѣ передъ триклиніемъ онъ держитъ за горло одного изъ домашнихъ рабовъ, который, объятый ужасомъ, и не пытается сопротивляться.

— Негодяй подслушивалъ!—воскликнулъ Эліанъ, побагровѣвъ отъ ярости.—Это—доносчикъ, который завтра же разсказалъ бы въ консисторіи префекта о нашемъ собраніи. Смотрите, онъ и не отрекается!

Мгновенно наступила полная тишина, и, вѣроятно, всѣ, какъ я, почувствовали, что холодъ и трепетъ ужаса пробѣжалъ по всему тѣлу, словно рой скользкихъ, извилистыхъ змѣй. Мы вдругъ, во всей очевидности, поняли, что наше собраніе—не дружеская шутка и не игра, и что гибель и смерть, о которыхъ здѣсь столько говорилось,—не ораторская фигура, а грозящая намъ всѣмъ дѣйствительность. Эта смерть смотрѣла прямо на насъ изъ выкатившихся глазъ

раба, которому Эліанъ сжималъ горло рукою, оказавшейся неожиданно сильной.

Съ полминуты длилось молчаніе, и Флавіанъ первый, какъ бы отдавая приказаніе, подалъ мысль:

— Убить нечестивца!

— И подумать, что это—рабъ-мооонъ!—съ горечью и презрѣніемъ объяснялъ Эліанъ.—Я знаю его съ дѣтства, баловалъ его, когда онъ былъ мальчишкой, женилъ на самой красивой изъ своихъ рабынь! Я бы ему свою жизнь довѣрилъ!

— Что̀ ты можешь сказать въ свое оправданіе?—спросилъ раба Флавіанъ.

Эліанъ нѣсколько разжалъ пальцы, тѣмъ болѣе, что Юліаній уже схватилъ раба сзади за руки, а Цесоній держалъ его за плечи. Рабъ мутнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на насъ, но вдругъ, съ наглостью обреченнаго, сказалъ:

— Нечестивцы! Идолопоклонники! Слуги діавола! За христіанскаго императора умру съ радостью! Пострадаю за вѣру Христову! Пріиму вѣнецъ мученическій! Но и вамъ не миновать палача! Сегодня—я, завтра—вы! Не удалось мнѣ, удастся другому! Найдется у меня преемникъ, вѣрьте! Боже правый, помилуй меня грѣшнаго!

Рабъ продолжалъ выкрикивать бранныя слова, угрожая намъ небесными карами, но Юліаній силой зажалъ ему ротъ. На̀скоро былъ составленъ военный совѣтъ, и всѣ присутствовавшіе единодушно подали голосъ за казнь. Рѣшительнѣе всѣхъ высказался Юліаній:

— Доносъ,—сказалъ онъ,—самое гнусное изо всѣхъ преступленій. Доносчикъ—отвратительнѣе жабы. Убить его—пріятно, какъ раздавить мокрицу. На крестъ раба!

Гесперія произнесла холодно:

— Онъ долженъ умереть.

Такъ какъ спросили и меня, я отвѣтилъ:

— Иного средства нѣтъ. Если мы не уничтожимъ его, онъ погубитъ насъ.

Симмахъ осмотрительно напомнилъ императорскіе декреты, Адріана, Марка и божественнаго Константина, запрещающіе

самовольное убійство раба, и даже прочелъ самый законъ Корнелія, примѣняемый въ этихъ случаяхъ, по которому убійца раба приравнивался разбойнику. Но въ отвѣтъ всѣ замахали руками, въ знакъ того, что сейчасъ не время было вспоминать о законахъ. Однако, когда мы стали обсуждать, какъ привести нашъ приговоръ въ исполненіе, оказалось, что это не просто. Всѣ были согласны съ тѣмъ, что не должно вмѣшивать въ это дѣло другихъ рабовъ, а изъ среды насъ никто не вызывался взять въ свои руки топоръ палача. Мы переглядывались въ нерѣшительности, пока Гесперія не сказала:

— Ты, Юліаній, только-что говорилъ, что убить доносчика—пріятно. Докажи это на дѣлѣ.

Юліаній явно поблѣднѣлъ и, утративъ всю свою обычную непринужденность, не могъ найти, что̀ возразить, а Гесперія повторила твердо:

— Я этого требую отъ тебя!

Лицо Юліанія изъ зеленовато-блѣднаго стало, или такъ казалось при слабомъ свѣтѣ одной луцерны, освѣщавшей всю сцену синеватымъ, какъ у мертвеца, и онъ хрипло пробормоталъ:

— Если ты требуешь...

— Я приказываю,—сказала Гесперія, и потомъ добавила:— Вернемся въ триклиній, а они исполнятъ, что̀ должно...

Юліаній, Эліанъ и Цесоній остались съ рабомъ, приговореннымъ къ смерти, а всѣ остальные возвратились въ комнату, гдѣ происходило совѣщаніе. Но всѣ мы были какъ-то подавлены свершившимся, избѣгали смотрѣть другъ на друга, и никто уже не пытался возобновить недавній шумный споръ о распредѣленіи должностей. Видимо желая ободрить другихъ, старикъ Претекстатъ, какъ отецъ, поучающій дѣтей, сталъ напоминать намъ, какъ смотрѣли на рабовъ наши предки:

— Наши отцы понимали,—говорилъ онъ, то, что̀ хорошо объяснилъ Аристотель: что есть люди, по природѣ свободные, и есть—по природѣ рабы. Мудрый Катонъ зналъ, что̀ дѣлалъ,

когда совѣтовалъ бережливому хозяину продавать старыхъ быковъ, ломаное желѣзо и больныхъ рабовъ. Старинный законъ Аквилія не дѣлалъ разницы между раной, нанесенной рабу и домашнему животному. Смотрѣть на раба, какъ на человѣка, значитъ поддаваться пагубной заразѣ христіанскаго ученія...

Несмотря на эти успокоительныя объясненія, я чувствовалъ какую-то непреодолимую тоску въ душѣ, и, кажется, ее раздѣляли со мной всѣ другіе, такъ какъ всѣ угрюмо смотрѣли внизъ, не возражая, но и не поддерживая оратора. Я уныло думалъ: что̀ сталось съ нами? Гдѣ тѣ Римляне, которые, подобно Ведію Полліону, бросали провинившагося раба въ садокъ съ муренами? Титъ Манлій Торкватъ казнилъ собственнаго сына за то только, что тотъ нарушилъ его приказаніе, хотя и остался побѣдителемъ! А мы дрожимъ и смущаемся, осудивъ на заслуженную казнь раба, готовившагося предать своего господина! Или мы всѣ, сами того не подозрѣвая,—христіане?

Тѣмъ временемъ возвратился Эліанъ и его спутники, и никто не спросилъ ихъ, какъ была свершена казнь; только легкимъ кивкомъ головы сенаторъ далъ понять, что приговоръ исполненъ. Юліаній оставался желтовато-блѣднымъ, какъ Египетскій папирусъ, и я не въ силахъ былъ на него смотрѣть: онъ мнѣ казался еще отвратительнѣе, чѣмъ всегда. Впрочемъ, и самъ онъ притихъ, больше за весь вечеръ не вымолвилъ ни слова и ушелъ раньше всѣхъ, скрывшись незамѣтно.

Вернуть все общество къ обсужденію нашего дѣла взяла на себя Гесперія; она сказала, предлагая всѣмъ занять свои мѣста:

— Итакъ, мы рѣшили дѣйствовать. Но наша главная надежда—на Британнское возстаніе, и потому мы должны войти въ ближайшія сношенія съ Максимомъ. Мы должны не только согласовать свои движенія съ его дѣйствіями, но и обратить его въ своего союзника, или, лучше того, въ своего слугу. Надобно добиться, чтобы Максимъ, думая, что стремится къ

своимъ цѣлямъ, осуществлялъ нашу волю. Изъ этого слѣдуетъ, что одному изъ насъ необходимо немедленно отправиться въ Британнію, пока дороги еще свободны.

Глаза всѣхъ обратились на Симмаха, но онъ возразилъ поспѣшно и горячо:

— Что до меня, я отъ такой задачи отказываюсь. Общему рѣшенію собранія я подчинюсь покорно, помня ту клятву, которую далъ: дѣлить успѣхъ, дѣлить и опасность. Но ѣхать въ Британнію къ сомнительному союзнику—я себя обязаннымъ не почитаю. Можетъ быть, возстаніе Максима будетъ подавлено въ самомъ началѣ, а между тѣмъ, явившись въ лагерь мятежниковъ, я навсегда закрою себѣ пути въ Городъ, погублю себя, свою жену и дѣтей. Разумныя жертвы я готовъ принести, но на безразсудныя не согласенъ. „Отвага рѣдкимъ въ пользу, большинству—на зло!"

— Никто и не ждалъ, что въ Британнію поѣдешь ты,— отвѣтила Гесперія.—Ты намъ нужнѣе въ Городѣ. Поѣду—я.

Заявленіе Гесперіи всѣхъ изумило крайне. Я успѣлъ замѣтить, что Гесперія была истинной руководительницей всего заговора, его душою, что безъ ея упорства всѣ давно отказались бы отъ этой опасной игры на самомъ порогѣ тюрьмы, но мнѣ никогда не приходило въ голову, что Гесперія сама можетъ на себя взять исполненіе какого-либо труднаго дѣла. Одну минуту я готовъ былъ думать, что она сдѣлала свой вызовъ только за тѣмъ, чтобы мы поспѣшили отговорить ее. Цесоній, какъ кажется, такъ же понявшій ея слова, сейчасъ же возразилъ настойчиво:

— Нѣтъ, domina, мы не допустимъ, чтобы Городъ остался безъ твоего присутствія: онъ осиротѣетъ. Ѣхать въ Британнію, въ пасть звѣря,—дѣло небезопасное, а если съ тобой случится малѣйшее несчастіе, мы никогда не простимъ этого себѣ.

Эліанъ тоже заявилъ рѣшительно:

— Это не женское дѣло. Ты, Гесперія, увлекаешься. Но я не отпущу тебя.

Гесперія окинула своего мужа высокомѣрнымъ взглядомъ и отвѣтила:

— Ты думаешь, что можешь меня не пустить? Съ какихъ поръ я стала твоей рабой? И почему это не женское дѣло? Развѣ Семирамида, въ древности, не предводительствовала сама своими войсками? Клеопатра не царила въ Египтѣ? Меса и Мамея не правили всей имперіей? Я покажу вамъ, что̀ можетъ сдѣлать женщина! Звѣзды мнѣ свидѣтели, что менѣе, чѣмъ черезъ два мѣсяца, Максимъ будетъ слушаться каждаго моего слова. Его легіоны будутъ итти туда, куда прикажу я. Оставайтесь здѣсь, медлите, раздумывайте, а я ѣду въ Британнію и одна возьму на себя все наше дѣло!

Опять начался шумный споръ, причемъ Эліанъ сердился и угрожалъ Гесперіи, Симмахъ пытался ее образумить, Цесоній упрашивалъ ее почти со слезами. Она же твердо повторяла, что исполнитъ свой замыслъ, и понемногу всѣмъ стало казаться, что онъ не такъ безуменъ, какъ это намъ представилось сначала. Дѣйствительно, отъѣздъ кого-либо изъ сенаторовъ тотчасъ былъ бы всѣми замѣченъ, тогда какъ Гесперія могла уѣхать въ Галлію, не возбуждая особыхъ подозрѣній. Постепенно перешли къ обсужденію подробностей замысла Гесперіи, и Симмахъ спросилъ:

— Но не одна же ты предпримешь это далекое путешествіе. Кого ты возьмешь въ свои спутники?

— Приказывай, domina, — воскликнулъ Цесоній,—я буду счастливъ раздѣлить съ тобой всѣ труды и опасности.

Гесперія отрицательно покачала головой и сказала, еще разъ изумляя всѣхъ своимъ рѣшеніемъ:

— Я поѣду съ Юніемъ.

Не знаю, что̀ я испыталъ бы нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, когда, одинокій, я рыдалъ, лежа на камняхъ мостовой, передъ домомъ Гесперіи, если бы мнѣ объявили, что она выбираетъ меня въ спутники своего далекаго путешествія. Я могъ бы тогда потерять разсудокъ отъ радости, благодарилъ бы безсмертныхъ боговъ съ большей пламенностью, чѣмъ юный полководецъ, впервые удостоившійся оваціи,— но все пережитое мною измѣнило мою душу и, услышавъ слова Гесперіи, я вздрогнулъ скорѣе отъ дурного предчув-

ствія. Сразу, словно кольца длинной цѣпи, мнѣ представились дни всевозможныхъ мучительствъ, униженій и оскорбленій, подвергать которымъ съ такимъ искусствомъ умѣла Гесперія. Я видѣлъ, что взоры всѣхъ обратились ко мнѣ, что Цесоній смотритъ на меня съ открытой завистью, что Эліанъ съ трудомъ скрываетъ негодованіе или ревность, что Симмахъ лукаво подсмѣивается, но только съ трудомъ я заставилъ себя проговорить:

— Domina, я недостоинъ и такой чести и такого счастія...

Не обращая вниманія на мое присутствіе, другіе стали громко обсуждать предложеніе Гесперіи, указывая на мою молодость, мою неопытность, мое легкомысліе. Я упорно въ этомъ спорѣ не принималъ участія и видѣлъ, что, изумленная моимъ молчаніемъ, Гесперія нѣсколько разъ взглядывала на меня съ тревогой и недоумѣніемъ. Наконецъ, рѣшено было, что воля Гесперіи должна быть исполнена, и такъ какъ болѣе никакихъ вопросовъ не оставалось, Флавіанъ предложилъ расходиться. Онъ сказалъ, на прощаніе, торжественно:

— Мнѣ не надо напоминать вамъ, въ какой тайнѣ должно хранить все, происходившее между нами въ эту ночь, которую опишутъ будущіе анналисты. Вы всѣ понимаете, что одно лишнее слово можетъ стоить жизни всѣмъ намъ. Но уже недолго осталось намъ таиться и притворяться. Спѣши въ Британнію, наша Гесперія, заключи союзъ Сѣвера съ Италіей противъ общаго врага! Какъ только ты дашь намъ знакъ, что время пришло, мы сбросимъ лисьи шкуры и въ нашемъ настоящемъ образѣ явимся передъ нечестивцами, сквернящими алтари боговъ. Мы очистимъ себя священнымъ тавроболіемъ, въ торжественномъ шествіи, со статуями безсмертныхъ въ рукахъ, пройдемъ по улицамъ Города и принесемъ благодарственную жертву у ногъ крылатой богини Побѣды!

Испытывая крайнюю усталость послѣ безсонной ночи, потому что уже давно отсвѣты зари проникали даже въ нашъ удаленный триклиній, я тоже хотѣлъ проститься, но Гесперія удержала меня, сказавъ, что ей надо еще говорить со мною.

Гесперія казалась неутомимой, и, глядя на нее, опять невольно вспоминалась мать Энея, которая предъ героемъ „проблистала розовой шеей", но такое изнеможеніе было въ моихъ костяхъ, такъ всѣмъ происшедшимъ была измучена душа, что неохотно я послѣдовалъ на зовъ въ знакомую мнѣ комнату, гдѣ я вѣдалъ минуты и счастія и отчаянія. Гесперія, угадывая мое утомленіе, сказала коротко:

— Юній! Еще не поздно. Откажись ѣхать со мною, если въ тебѣ нѣтъ прежней страсти. Твои клятвы я тебѣ возвратила, и ты ничѣмъ не связанъ. Помни, что со мной тебя ждетъ, можетъ быть, худшее, чѣмъ смерть. Къ своей цѣли я пойду всѣми путями, какіе только есть, и тебѣ придется забыть тѣ слова любви, которыя мнѣ говорилъ ты и я говорила тебѣ.

Тутъ мнѣ стало ясно, на чемъ Гесперія основывала свои замыслы, и я спросилъ ее безстыдно:

— Ты хочешь обольстить Максима любовью? А на что же нуженъ тебѣ я?

— Ты будешь стоять на стражѣ у дверей кубикула,— такъ же безстыдно отвѣтила Гесперія,—чтобы не вошелъ посторонній.

„Значитъ, императорскую діадему, которая соблазняетъ тебя, ты хочешь купить цѣной своего красиваго тѣла!"—подумалъ я, но, какъ то всегда бывало со мной въ присутствіи Гесперіи, губы мои, словно не по моей волѣ, проговорили другое:

— Я—навѣки твой рабъ, душой и тѣломъ. По твоему приказанію исполню все, даже то, что страшнѣе смерти.

Улыбнувшись, Гесперія привлекла меня къ себѣ, поцѣловала тихо и нѣжно, безъ той ожесточенной страсти, какую умѣла влагать въ свои поцѣлуи, и прошептала загадочно, оставляя возможность тысячи самыхъ сладостныхъ надеждъ:

— Ты потомъ узнаешь, Юній, какъ я тебя люблю.

И я, возвращаясь домой въ бѣломъ свѣтѣ ранняго утра, опять не зналъ, люблю ли я Гесперію или ненавижу, поклоняюсь ей или презираю ее.

X.

Послѣ этого ночного совѣщанія Гесперія, словно вспомнивъ обо мнѣ, опять почти каждый день стала присылать за мною раба и проводить со мною цѣлые часы вдвоемъ въ своей комнатѣ. Если она и не любила меня съ той силой, какъ это иногда утверждала, то все же, несомнѣнно, я ей нравился, я ее забавлялъ, какъ дѣтей новая игрушка. Она то приближала меня къ себѣ, опьяняла страстными признаніями и нѣжными прикосновеніями, заставляла меня, когда я терялъ обладаніе собой, давать ей самыя неумѣренныя клятвы, то снова меня отталкивала, становилась твердой, какъ Марпесская скала, насмѣхалась надо мною и подвергала меня всяческимъ униженіямъ.

Самыя разнородныя чувства къ Гесперіи сплетались въ моей душѣ въ клубокъ ядовитыхъ змѣй: часто я ее ненавидѣлъ съ той же яростью, какъ въ Медіоланской тюрьмѣ, иногда, забывая все, подчиняясь красотѣ, ласкамъ, дружескому обхожденію, опять любилъ со всѣмъ пыломъ юности; порой я вѣрилъ, что Гесперія относится ко мнѣ, какъ старшая сестра, заботливо и внимательно, но сейчасъ же она являлась предо мной, какъ недоступная царица, и съ безпощадной жестокостью напоминала мнѣ, что я — ничѣмъ непримѣчательный юноша, провинціалъ, не отличающійся, на ея взглядъ, ни умомъ, ни красотой. Гесперія доходила до того, что безжалостно высмѣивала все то, что̀ я въ порывѣ

откровенности разсказалъ ей о Реѣ и ея встрѣчахъ со мною въ Медіоланѣ и о бѣдной маленькой Наміи, тайно ночью пробиравшейся ко мнѣ въ спальню, и тутъ же похвалялась своими прежними возлюбленными, перечисляя консуловъ, префектовъ, знаменитыхъ ораторовъ, пословъ Персидскаго царя и многихъ другихъ, которые ее любили. Гесперія дразнила меня такими признаніями, какъ сторожъ звѣринца раскаленнымъ желѣзомъ дразнитъ медвѣдя, а когда я, доведенный до отчаянья, вскакивалъ, кричалъ ей въ лицо оскорбительныя слова, клялся, что уйду съ тѣмъ, чтобы не возвращаться никогда,—она вдругъ дѣлалась похожей на скромную дѣвочку, плакала и умильно просила у меня прощенія, повторяя каждый разъ:

— Юній, иногда я сама не знаю, что̀ говорю. Нѣкій Демонъ владѣетъ мною. Прости меня, Юній, я клевещу сама на себя. Есть злыя силы, витающія вокругъ людей, которыя иногда порабощаютъ ихъ. Я совершу возліяніе свѣтлой Минервѣ, и безуміе отпуститъ меня.

Она проливала на полъ нѣсколько капель вина и начинала говорить спокойно и разумно о нашемъ путешествіи, о своихъ замыслахъ, о судьбахъ Города и имперіи.

Съ отъѣздомъ изъ Города Гесперія не спѣшила, такъ какъ желала раньше собрать различныя подробности о ходѣ возстанія въ Британніи и о мѣстопребываніяхъ Максима, а кромѣ того ей хотѣлось непремѣнно присутствовать на торжественныхъ играхъ въ Большомъ Циркѣ, которыя въ это время подготавливались, и въ видѣ великой милости она мнѣ объявила, что я ее буду сопровождать на этотъ праздникъ.

Игры давалъ новый префектъ Города, Авенцій, смѣнившій Басса, и весь Городъ былъ полонъ слухами объ этомъ торжествѣ, причемъ говорили, что устроенъ будетъ бой гладіаторовъ, котораго давно уже не видѣлъ Римъ, можетъ быть, вслѣдствіе противодѣйствія христіанскихъ епископовъ, считающихъ грѣхомъ все, что̀ возбуждаетъ мужество и жажду жизни. Хотя эти слухи не оправдались, все же оказалось, что

префектъ не пожалѣлъ денегъ, чтобы его праздникъ былъ достоинъ Города, гдѣ игры устраивали великіе императоры— Неронъ, Домиціанъ, Каракалла: рѣдкостные звѣри были привезены изъ Африки и Испаніи, собраны были лучшіе стрѣлки, вызваны самые знаменитые мимы и привлечены къ участію прославленнѣйшія квадриги со своими агитаторами. Нѣсколько дней не было въ Городѣ другого разговора, какъ о предстоящихъ играхъ, и даже о. Никодимъ за завтракомъ не могъ сообщить иныхъ новостей, кромѣ того, что прибыла новая клѣтка со львами или захромала лѣвая пристяжная у Центуріона.

Гесперія приказала мнѣ зайти за ней, такъ какъ хотѣла выйти изъ дому вмѣстѣ со мной, предоставивъ Эліану отправиться въ циркъ въ обществѣ другихъ сенаторовъ. Однако, когда я не безъ смущенія, съ какимъ всегда входилъ теперь въ домъ Эліана, пришелъ къ назначенному часу, оказалось, что Гесперія еще не одѣта, и она—не знаю, съ лукавствомъ или простодушно — распорядилась, чтобы меня провели къ ней въ комнату. Войдя, я увидѣлъ Гесперію въ одной легкой и прозрачной туникѣ, съ обнаженными руками и плечами, сидящей въ глубокомъ креслѣ передъ большимъ зеркаломъ, тогда какъ орнатрицы и цинераріи хлопотали около нея, убирая ея волосы. Гесперія не забыла при этомъ взять въ руку длинную иглу, которой женщины обычно колютъ провинившихся прислужницъ, и, торопя рабынь, прикрикивала на нихъ гнѣвно и злобно. На этотъ разъ передо мною была не мудрая Гесперія, разсуждающая о прирощѣ боговъ, и не хитрая руководительница тайнаго заговора, поставившаго себѣ цѣлью видоизмѣнить жизнь всей имперіи, но обыкновенная женщина, которую всего болѣе заботила ея наружность, ея прическа и ея платье. На меня Гесперія бросила бѣглый взглядъ, сказала, чтобы я подождалъ ее, и продолжала одѣваться, безъ смущенія показывая мнѣ свои мраморныя руки, свои ноги снѣжной бѣлизны, всю прелесть своего божественно-совершеннаго тѣла.

Поневолѣ мнѣ пришлось стать свидѣтелемъ всѣхъ тайнъ

женской красоты, и съ намѣреннымъ безстыдствомъ черта за чертой Гесперія открывала мнѣ, какими средствами она достигаетъ дивнаго очарованія своей наружности. Ея волосы, частью завитые каламистромъ, были потомъ собраны на затылкѣ въ пышный тутулъ, обвитый голубыми шелковыми повязками; потомъ на золотыхъ криналяхъ были укрѣплены на вискахъ особые цинцинны, тщательно подобранные подъ цвѣтъ собственныхъ волосъ Гесперіи, и эти локоны красиво облегли ея маленькія уши; надо лбомъ было укрѣплено великолѣпное фронтале, украшенное крупной бирюзой. Причесанная такимъ образомъ, голова Гесперіи сдѣлалась истиннымъ созданіемъ искусства, на которое можно было любоваться, какъ на мраморъ Лисиппа, и, право, ловкимъ рабынямъ можно было присудить лавровый вѣнокъ за ихъ искусство. Послѣ волосъ настала очередь лица, и передъ Гесперіей появился цѣлый кругъ всевозможныхъ ампуллъ и унгвентаріевъ, склянокъ, глиняныхъ, мраморныхъ и серебряныхъ сосудовъ для различныхъ притираній, духовъ и красокъ. Уже другія рабыни, въ совершенствѣ знавшія свое дѣло, маленькими губками растерли щеки, носъ и подбородокъ Гесперіи, подкрасили ей губы въ ярко-алый и уши въ нѣжно-розовый цвѣтъ, сдѣлали еще болѣе черными ея широкіе брови и еще болѣе длинными ея глубокія рѣсницы. Ея лицо, прекрасное само по себѣ, послѣ этихъ заботъ пріобрѣло ту неземную красоту, которая при взглядѣ на нее каждый разъ заставляла вспоминать о безсмертныхъ богиняхъ. Далѣе выступили рабыни-обувальщицы, которыя облекли ступни Гесперіи въ роскошныя маленькія алуты съ жемчужинами и оплели ноги до самыхъ колѣнъ шелковыми лентами. Затѣмъ съ большой осторожностью, какъ драгоцѣнность была принесена новая шелковая стола, складки которой были заранѣе намѣчены и разглажены, и начался обрядъ облаченія, совершавшійся съ такимъ благоговѣніемъ, словно одѣвалась жрица передъ жертвоприношеніемъ. Послѣ всего этого не малый срокъ занялъ выборъ фибулы, подходящей къ цвѣту столы, и еще большій—выборъ ожерелья, серегъ, браслетовъ и колецъ изъ

нѣсколькихъ серебряныхъ ларцовъ, поставленныхъ передъ Гесперіей на столѣ.

Только въ эту минуту Гесперія, наконецъ, обратила свое вниманіе на меня и, примѣривая золотое ожерелье съ гіацинтами, спросила меня, идутъ ли эти камни къ цвѣту ея лица. Я, разумѣется, отвѣтилъ, что на ней все—прекрасно, а она, оглядѣвъ меня съ головы до сандалій, замѣтила насмѣшливо:

— Однако, сегодня и ты, Юній, принарядился! завился, какъ Асійскій барашекъ!

Чтобы не обижать Гесперію, я не отвѣтилъ ей ничего, хотя и подумалъ, что ей всего менѣе подобаетъ упрекать другого въ заботахъ о своей наружности, такъ какъ времени, потраченнаго ею на одѣваніе, Цесарю, конечно, достаточно было бы для того, чтобы разбить отрядъ мятежныхъ Галловъ.

Когда въ концѣ концовъ Гесперія бросила послѣдній взглядъ въ зеркало, въ послѣдній разъ подправила какой-то непокорный локонъ и провела послѣднюю черточку подъ лѣвымъ глазомъ, она сама же стала меня торопить:

— Идемъ, Юній, нашъ второй спутникъ, навѣрное, дожидается насъ.

„Неужели это — Юліаній", съ досадой подумалъ я, но въ атріи среди небольшого круга посѣтителей, ожидавшихъ Гесперію, его не оказалось. Зато съ изысканной вѣжливостью поспѣшилъ къ ней Цесоній, съ которымъ я познакомился на ночномъ совѣщаніи, и напомнилъ, что должно спѣшить, если мы хотимъ застать начало игръ. Довольно было взглянуть на Цесонія, чтобы догадаться, что онъ на свое одѣваніе употребилъ не меньше стараній, чѣмъ сама Гесперія, потому что его тога,—издѣліе какого-нибудь знаменитаго браккарія,—располагалась вокругъ его стана самыми причудливыми складками, а его лицо было раскрашено, какъ восковая статуя. Рядомъ съ нимъ и съ Гесперіей я долженъ былъ имѣть видъ не только скромный, но и жалкій, и это меня нѣсколько смущало и дѣлало неловкимъ. Наединѣ съ Гесперіей въ ея комнатѣ я чувствовалъ себя равнымъ ей, смѣлъ говорить съ ней рѣзко и властно, но, появляясь съ ней передъ глазами дру-

гихъ, я ясно сознавалъ себя человѣкомъ другого круга, втершимся не въ свое общество. Мнѣ даже показалось, что Цесоній привѣтствовалъ меня и обращался со мною какъ-то свысока, словно снисходя ко мнѣ лишь потому, что меня по своей прихоти избрала Гесперія, и это чувство еще болѣе раздражало меня.

Сказавъ нѣсколько любезныхъ словъ другимъ посѣтителямъ и обѣщавъ встрѣтиться съ ними въ циркѣ, Гесперія Цесонія и меня позвала слѣдовать за собой. Хотя дни стояли уже теплые, сверхъ столы она накинула легкую паллу, а волосы, какъ весталка, закутала тонкой тканью. У дверей Гесперію дожидались богатыя носилки и толпа рабовъ; Цесоній, ловко опередивъ меня, помогъ ей сѣсть и опустилъ занавѣски; рабы размѣреннымъ шагомъ двинулись впередъ, а мы пошли вслѣдъ, и мнѣ поневолѣ пришлось разговаривать съ моимъ спутникомъ. Но разговоръ этотъ состоялъ въ томъ, что Цесоній покровительственно разспрашивалъ меня, давно ли я въ Городѣ, что̀ въ немъ видѣлъ, у какого профессора слушаю чтенія и все подобное, заставляя меня, какъ ученика, отвѣчать ему. Вспоминая, что даже Симмахъ бесѣдовалъ со мною, какъ равный съ равнымъ, я тутъ же въ душѣ далъ себѣ клятву никогда не вмѣшиваться въ чуждое мнѣ общество знати.

По мѣрѣ того, какъ мы приближались къ Большому Цирку, стеченіе народа все увеличивалось, и скоро рабамъ стало уже не легко прокладывать себѣ дорогу черезъ сплошные ряды идущихъ людей. Передъ нашими глазами словно разыгрывалась въ лицахъ картина, нарисованная сатирикомъ, такъ какъ, дѣйствительно, жители всего земного круга тѣснились къ Римскому амфитеатру, всѣ въ своихъ народныхъ одеждахъ, и съ бѣлыми тогами квиритовъ смѣшивались пестрые плащи Индійцевъ, полосатые — Персовъ, желтые — Мидійцевъ, причудливое одѣяніе Египтянъ, Аравитянъ, Африканцевъ, Скиоскіе мѣха, Британнскія шапки, украшенія изъ перьевъ на обитателяхъ дальнихъ острововъ. Такъ много было иностранцевъ въ этой разноцвѣтной толпѣ, что Римъ казался только

наполовину населеннымъ Римлянами, причемъ всѣ говорили, кричали и ругались на своемъ языкѣ, и самыя странныя, непонятныя восклицанія раздавались кругомъ, по-Гречески, по-Египетски, по-Германски, гортанные говоры народовъ Африки, изнѣженный распѣвъ жителей Востока, птичьи звуки, исходящіе изъ устъ Индійцевъ,—нарѣчія всѣхъ странъ, надъ которыми только пробѣгаетъ колесница Феба.

Около самаго цирка стеченіе народа было еще замѣтнѣй, и рабы, бѣжавшіе впереди носилокъ Гесперіи, должны были упорно работать локтями и даже кулаками, чтобы подвигаться впередъ, въ отвѣтъ на что насъ осыпали градомъ разноязычной брани. Хотѣлось повторить молитву дочери Аппія Слѣпого, высказавшей пожеланіе, когда ее слишкомъ стѣснила толпа, выходившая изъ театра, чтобы ея братъ воскресъ и проигралъ еще одно морское сраженіе, погубивъ столько же гражданъ, сколько въ первомъ! Проникнуть къ самымъ входамъ въ циркъ казалось совершенно невозможнымъ, потому что около каждаго изъ нихъ происходили маленькія сраженія между стражами и толпой, пытавшейся ворваться насильно. Ежеминутно возникали буйныя ссоры по поводу того, что кто-нибудь пытался войти безъ тессеры или не съ того входа, который былъ указанъ на его тессерѣ, слышались угрозы и ругательства. Наконецъ, носилки рѣшительно остановились, такъ какъ мы оказались передъ сплошной толпой народа, и Гесперія, высунувшись на минуту, спросила недовольнымъ голосомъ:

— Что же это такое? Не стоять же мнѣ цѣлый часъ посреди площади! Цесоній, устрой это дѣло!

Что до меня, то я былъ въ этомъ отношеніи совершенно безпомощенъ и только старался держаться ближе къ носилкамъ, чтобы озлобленная толпа не отомстила мнѣ за тѣ толчки и удары, которые направо и налѣво раздавали рабы Гесперіи. Но Цесоній мужественно втиснулся въ самую гущу народа, подвергая крайней опасности свою изысканную тогу, добрался до десигнатора, стоявшаго у входа, и потребовалъ у него защиты женѣ сенатора. Десигнаторъ тотчасъ же отпра-

вилъ къ намъ на помощь двухъ стражей, рослыхъ Пафлагонцевъ, и они благополучно проводили насъ всѣхъ троихъ до ближайшаго вомиторія, черезъ который мы безпрепятственно и проникли въ циркъ.

За всю зиму, проведенную мною въ Городѣ, мнѣ еще не пришлось побывать въ циркѣ, и понятно, что я съ величайшимъ любопытствомъ разсматривалъ открывшееся передо мною зрѣлище. Намъ были предоставлены мѣста въ первомъ меніанѣ, поблизости отъ подія, тотчасъ за сенаторскими, и притомъ въ кунеѣ, приходившемся какъ разъ противъ первой меты, такъ что самыя важныя части состязанія должны были происходить прямо передъ нами. Вмѣстѣ съ тѣмъ намъ былъ виденъ весь необъятный циркъ, дивное созданіе Домиціана, заставившее поэта воскликнуть въ восторгѣ:

Варварскій пусть не твердитъ пирамидъ о чудѣ намъ Ме́мфисъ,
Ревностный пусть Вавилонъ стѣнъ не возноситъ своихъ;
Нѣжные пусть Іонійцы не хвалятся храмомъ Діаны,
Выю да склонитъ алтарь, что̀ изъ роговъ возведенъ;
И Мавсолей, уходящій въ открытое небо, Карійцы
Черезмѣрной хвалой пусть не возносятъ до звѣздъ!

Слѣва отъ меня былъ „городокъ“, красивое строеніе, гдѣ находились комнаты для участниковъ состязаній, конюшни для бѣговыхъ лошадей, клѣтки для звѣрей; прямо—тянулась спина, уставленная обелисками, колоннами, фа̀лами, статуями; кругомъ, словно холмы, опоясавшіе долину, возвышались кавеи, уже усѣянныя все прибывавшими толпами народа. Надъ рядами головъ поднимались новые ряды, людскія волны колыхались, кричали, шумѣли, какъ волны морскія. Головы на самыхъ верхнихъ ярусахъ казались маленькими мячиками и на противоположной намъ, солнечной, сторонѣ сливались въ длинное, смутное пятно. Я подумалъ о томъ, сколько тайныхъ радостей таится въ этомъ человѣческомъ морѣ, сколько соединено здѣсь счастливыхъ паръ, и мнѣ вспомнился стихъ Насона, совѣтующій пользоваться амфитеатромъ для сближенія съ своей милой:

Можешь къ ней въ тѣснотѣ даже прижаться совсѣмъ!

Но, разумѣется, это не относилось къ тѣмъ рядамъ, гдѣ находился я, гдѣ всѣ держали себя чинно и строго, словно въ консисторіи принцепса. Каждую минуту мимо насъ проходили сенаторы и сановники, всѣ они почтительно привѣтствовали Гесперію, здоровались съ Цесоніемъ, останавливались, чтобы сказать нѣсколько словъ, и изумленно посматривали на меня, а я себя чувствовалъ почти несчастнымъ, попавъ на непринадлежащее мнѣ мѣсто.

Такъ какъ мы пришли поздно, то вскорѣ послѣ того, какъ мы заняли свою скамью, раздались звуки трубъ, раскрылись ворота помпы, и началось торжественное шествіе всѣхъ участвующихъ въ играхъ и состязаніяхъ. Впереди ѣхалъ устроитель игръ, новый префектъ Города, Авенцій, одѣтый въ тогу, подобную тріумфальной, на колесницѣ, запряженной бѣлыми лошадьми, сопровождаемый толпою друзей, кліентовъ и служащихъ своей консисторіи. За нимъ шли музыканты-энаторы, наполнившіе всю арену звуками тубъ и букцинъ; далѣе на колесницахъ, запряженныхъ четверкой,—знаменитые агитаторы, собиравшіеся оспаривать другъ у друга побѣду, одѣтые въ цвѣта своей партіи, синіе и зеленые, похожіе на куколъ, такъ какъ они были словно спеленаты широкими лентами, не позволяющими имъ ничѣмъ зацѣпиться во время бѣга; еще далѣе—охотники, которые должны были показать сегодня свою ловкость и силу въ борьбѣ съ дикими звѣрями, въ причудливыхъ одеждахъ разныхъ странъ и со своимъ оружіемъ въ рукахъ; наконецъ, сзади всѣхъ, мимы, плясуны и петавристаріи, которымъ предстояло закончить представленіе. Шествіе медленно обходило спину, такъ чтобы всѣ зрители могли подробно разсмотрѣть его, и Цесоній, съ видомъ знатока, называлъ Гесперіи по именамъ всѣхъ участниковъ и даже всѣхъ лошадей, особенно фуналъ.

Я не буду описывать подробно всѣхъ игръ, которыми наслаждался, быть можетъ, съ излишнимъ любопытствомъ провинціала, вызывая явно насмѣшливыя улыбки Цесонія, и

скажу только, что этотъ день поддержалъ давнюю славу Римскаго цирка, являющагося образцомъ такого рода состязаній для всей имперіи.

Какъ только Авенцій бросилъ на песокъ красную маппу, подавъ тѣмъ знакъ къ началу состязаній, какъ одно зрѣлище за другимъ, словно рядъ чудесъ, стали представать предъ восхищенными взорами зрителей. Мы забавлялись ловкостью, съ какой опытные охотники захватывали петлей шеи дикихъ сернъ, пролетавшихъ по аренѣ, какъ дуновеніе степного вѣтра; смотрѣли съ замираніемъ сердца, какъ цѣлая свора свирѣпыхъ медвѣдей металась вокругъ спины, и какъ одинъ за другимъ изъ нихъ падалъ подъ мѣткимъ дротикомъ отважныхъ Иберійцевъ; любовались громадными скачками могучихъ рыжихъ львовъ, на которыхъ были выпущены еще болѣе сильные быки, поднимавшіе на рога царей животныхъ; женщины взвизгивали отъ страха и восторга, когда растворились дверцы клѣтки, и появились изящные леопарды, полосатая шкура которыхъ красиво оттѣнялась на мраморѣ колоннъ и статуй, а противъ этихъ опасныхъ соперниковъ выступили смѣлые Индійцы, вооруженные только тонкимъ лукомъ съ губительными стрѣлами; когда, однако, одинъ изъ охотниковъ не успѣлъ уклониться отъ яростнаго прыжка звѣря и тотъ, ринувъ его на землю, впился зубами въ его шею, радостный гулъ пробѣжалъ по всѣмъ меніанамъ, и я понялъ, что еще не угасъ въ народѣ древній Римскій духъ, позволяющій смотрѣть въ глаза смерти! Еще много было показано намъ другихъ чудовищъ, привезенныхъ изъ Галльскихъ лѣсовъ, со снѣжныхъ уступовъ Альпъ, изъ дебрей Гетуліи, изъ пустынь Мавританіи, и зрители вдоволь могли насладиться и видомъ рѣдкихъ животныхъ, и искусствомъ охотниковъ, и страшнымъ зрѣлищемъ убійства.

Когда кончилась первая часть представленія и на арену вышли служители, чтобы замести слѣды крови и убрать валяющіеся трупы, Гесперія предложила мнѣ съ Цесоніемъ сопровождать ее подъ аркады, гдѣ посѣтители проводятъ время перерыва между представленіями и расправляютъ члены,

уставшіе отъ долгаго сидѣнія. Едва мы оказались въ пестрой толпѣ прогуливающихся, въ которой сновали торговцы съ фруктами и прохладительными напитками, какъ тотчасъ Гесперію окружили ея знакомые, въ шитыхъ золотомъ трабеяхъ, завитые, блистающіе золотомъ перстней, и затрещала, какъ крепитакулъ, та легкая бесѣда, въ которой я не могъ принять участія, такъ какъ говорили о людяхъ, мнѣ незнакомыхъ, о событіяхъ, мнѣ неизвѣстныхъ: о чьихъ-то свадьбахъ, похоронахъ, о назначеніяхъ на разныя должности, о предстоящихъ обѣдахъ, обо всемъ, чѣмъ живетъ кругъ сенаторовъ и всадниковъ. Съ досадой въ душѣ я плелся сзади Гесперіи, какъ вдругъ услышалъ свое имя и, оглянувшись, къ еще большему неудовольствію, увидѣлъ Юліанія. Опять, какъ если бы ничего не случилось, онъ самоувѣренно взялъ меня подъ руку и началъ разспрашивать, какъ понравились мнѣ игры. Хотя я отвѣчалъ нехотя и очень кратко, Юліаній продолжалъ свою болтовню и спросилъ меня, поставилъ ли я какой-нибудь закладъ на предстоящее состязаніе квадригъ.

— Я держу громадный закладъ за зеленаго, — сказалъ Юліаній, — и совѣтую тебѣ сдѣлать то же. За него платятъ пять противъ одного, но онъ долженъ прійти первымъ. Я вчера всю ночь провелъ въ конюшняхъ и знаю лошадей, какъ свою ладонь. Хочешь, я устрою тебѣ закладъ? Ставь смѣло всѣ деньги, сколько съ тобою есть.

Я, разумѣется, отказался отъ заклада уже по одному тому, что денегъ у меня почти совсѣмъ не было, и тогда Юліаній, понизивъ голосъ, попросилъ у меня взаймы, говоря, что хочетъ поставить еще и на второй бѣгъ, тригъ, чтобы окончательно обезпечить себѣ выигрышъ. Когда же я и въ этомъ довольно рѣзко отказалъ Юліанію, онъ, пожавъ плечами, съ оскорбленнымъ видомъ отошелъ отъ меня, чему я былъ очень радъ. Но сейчасъ же около меня оказался Ремигій.

— Какъ тебѣ не стыдно, — сказалъ онъ, — продолжать знакомство съ этимъ негодяемъ, недавно оскорбившимъ меня! Это не по-товарищески!

Я не успѣлъ отвѣтить Ремигію, какъ онъ продолжалъ:

— Конечно, это—твое дѣло. Но все же я хочу съ тобой посовѣтоваться именно объ этомъ твоемъ пріятелѣ. Квинтиліанъ гдѣ-то говоритъ, что нѣтъ ничего слаще мести, и я съ нимъ согласенъ вполнѣ. Ты удивлялся, гдѣ я пропадалъ эти послѣдніе дни. Теперь я могу тебѣ сказать, что употребилъ ихъ на то, чтобы выслѣдить моихъ обидчиковъ. Какъ самый добросовѣстный соглядатай, я разузналъ все, что только можно было, о Помпоніи и о Юліаніи, и, наконецъ, обоихъ ихъ держу въ своихъ рукахъ, какъ паукъ мухъ въ паутинѣ. Первая очередь за Юліаніемъ, который кстому же самъ, во всѣхъ копонахъ, болтаетъ про себя столько, что не стоитъ большого труда вывернуть его жизнь наизнанку.

Отведя меня подъ аркаду, гдѣ стояла какая-то статуя, Ремигій, спѣша и путаясь, сталъ передавать мнѣ все то, что онъ разузналъ про Юліанія. Я не зналъ, куда смотрѣть, когда Ремигій, какъ великую тайну, сообщилъ мнѣ, что Юліаній участвуетъ въ заговорѣ, направленномъ противъ жизни божественнаго августа. Но мое смущеніе и мое негодованіе на болтливость Юліанія перешли въ настоящее негодованіе, когда Ремигій приступилъ ко второй части своихъ сообщеній. По его словамъ, у Юліанія были несомнѣнныя сношенія съ консисторіей префекта и даже непосредственно съ чинами школы agentium in rebus. Не разъ видѣли, какъ Юліаній тайно пробирался въ консисторію префекта и какъ въ малопосѣщаемыхъ копонахъ онъ велъ бесѣды съ подозрительными людьми, по всему похожими на императорскихъ соглядатаевъ. Замѣчали при этомъ, что послѣ посѣщенія префекта у Юліанія появлялись деньги, причемъ онъ объяснялъ, что получилъ ихъ изъ Виѳиніи отъ своего дяди, котораго, по всей вѣроятности, у него вовсе не было.

— Я не сомнѣваюсь, — закончилъ Ремигій, — что этотъ Юліаній нарочно заманиваетъ различныхъ лицъ въ свой заговоръ, чтобы послѣ выдать ихъ префекту. Онъ—предатель по природѣ, и его темной душѣ низкіе поступки столь же пристали, какъ Геркулесу его дубина или Амуру его лукъ. Мнѣ доносить — противно, но я думаю, что сдѣлаю доброе

дѣло, если обличу Юліанія раньше, чѣмъ онъ приведетъ въ исполненіе свои постыдные замыслы.

Въ крайнемъ волненіи я не зналъ, что̀ отвѣчать Ремигію, такъ какъ, ревностно преслѣдуя Юліанія, онъ могъ тѣмъ самымъ погубить меня, Гесперію и всѣхъ насъ. Но сказать этого Ремигію я не могъ и удовольствовался тѣмъ, что сталъ уговаривать его помедлить, настаивая, что всякій доносъ, даже съ добрыми цѣлями,—дѣло недостойное Римскаго гражданина. Ремигій возразилъ мнѣ:

— Не думаю, чтобы медлить было умѣстно. Я знаю много другого о Юліаніи: знаю, что онъ запутанъ въ долгахъ до послѣдняго волоска. Недавно онъ представилъ одному аргентарію заемное письмо отъ богатаго торговца изъ Коринѳа. Аргентарій, провѣривъ подпись, заплатилъ деньги. А теперь оказывается, что подпись была поддѣльная. Юліанію грозитъ позоръ и тюрьма, если онъ не вернетъ деньги. Ты понимаешь, что въ виду этого онъ самъ не будетъ медлить, и я тоже долженъ поторопиться, если хочу предупредить его.

Нашъ разговоръ былъ прерванъ звуками трубъ, объявлявшихъ начало бѣга. Разставшись съ Ремигіемъ, я пошелъ на свое мѣсто, обезпокоенный и встревоженный, но долгое время не могъ выбрать минуты, чтобы передать все Гесперіи. Она сначала была всецѣло занята болтовней съ окружавшими ее знакомыми и только изъ вѣжливости обращала ко мнѣ отдѣльныя слова, а потомъ съ не меньшимъ любопытствомъ увлеклась зрѣлищемъ бѣга, такъ какъ держала крупный закладъ за квадригу синихъ. Она рукоплескала избранному ею агитатору, кричала ему привѣтствія вмѣстѣ съ чернью верхнихъ рядовъ и во время самаго бѣга даже привстала съ мѣста, чтобы лучше слѣдить за его ходомъ. Лицо ея подъ слоемъ румянъ раскраснѣлось, глаза разгорѣлись, и можно было подумать, что въ жизни ничто, кромѣ конскихъ ристаній, ея и не занимаетъ.

Что до меня, то, въ своемъ волненіи, я уже не могъ слѣдить съ прежнимъ вниманіемъ за происходящимъ на аренѣ. Въ этотъ день было лишь два заѣзда, причемъ въ одномъ

изъ нихъ участвовало четыре квадриги, а въ другомъ пять тригъ, но то были лошади, снискавшія всесвѣтную славу въ амфитеатрахъ Италіи, Галліи и Испаніи, и на колесницахъ стояли наѣздники, имена которыхъ съ благоговѣніемъ произносились всѣми любителями этого рода состязаній. Въ самомъ дѣлѣ, трудно представить себѣ зрѣлище болѣе красивое, болѣе увлекательное, чѣмъ стремительный бѣгъ этихъ новыхъ Триптолемовъ, которые, стоя неподвижно, какъ бронзовыя статуи, сохраняли на всемъ лету полное присутствіе духа, правили, натянувъ вожжи, всѣми четырьмя лошадьми, и на поворотахъ, огибая обѣ меты, когда колесницы наклонялись къ землѣ почти подъ прямымъ угломъ, умѣло выбрасывали впередъ свою четверню. Лошади, явно понимая, что отъ нихъ требуютъ, напрягали всѣ свои силы, вытягивали шеи, и казалось, что ихъ ноги не касаются земли, что еще мигъ—и эти Пегасы взлетятъ на воздухъ, оспаривая первенство у крылатыхъ драконовъ Медеи. Не обошлось безъ неудачи, и одна колесница, облетая на седьмомъ кругѣ вторую мету, со всего размаха опрокинулась на песокъ, но я видѣлъ, какъ наѣздникъ во-время взмахнулъ лѣвой рукой, въ которой держалъ острый ножъ, однимъ ударомъ обрубилъ вожжи, крѣпко намотанныя на его правую руку, и тѣмъ спасся отъ неминуемой гибели, потому что упалъ въ сторонѣ, отброшенный силой паденія на нѣсколько шаговъ, а не подъ ноги лошадей, и не былъ повлеченъ дальше. Пока я засмотрѣлся на эту сцену, въ которой проявилось поразительное самообладаніе и ловкость человѣка, шумные клики и гулъ рукоплесканій показали мнѣ, что состязаніе окончено: противъ ожиданія всѣхъ, побѣдили, какъ предсказывалъ Юліаній, зеленые, которые давно уже не были первыми у меты, и громадное большинство зрителей проиграло свои заклады. Съ привѣтственнымъ гуломъ смѣшивались восклицанія недовольныхъ, и раздавались крики, обвинявшіе наѣздниковъ въ обманѣ. Гесперія, также проигравшая, разсердилась не въ шутку и, когда я попробовалъ заговорить съ ней, отвѣчала мнѣ гнѣвно, что я ей мѣшаю.

Недовольство зрителей возрастало и грозило перейти въ открытое буйство, и когда возничій-побѣдитель появился на своей колесницѣ передъ рядами, чтобы, согласно съ обычаемъ, торжественно объѣхать вокругъ арены, его встрѣтили свистками и негодующими восклицаніями: „обманщикъ", „мошенникъ". Распорядители поспѣшили со вторымъ бѣгомъ, и на аренѣ быстро появились триги, не менѣе красивыя и не менѣе знаменитыя, чѣмъ только-что бѣжавшія квадриги. Снова повторилось захватывающее духъ зрѣлище летящихъ лошадей, и такъ какъ на этотъ разъ побѣдилъ общій любимецъ, агитаторъ Центуріонъ, то циркъ понемногу успокоился. Послѣ второго бѣга слѣдовали любопытныя упражненія десульторовъ, которые скакали, стоя, на неосѣдланныхъ лошадяхъ, выѣзжали сразу на двухъ лошадяхъ, то перепрыгивая съ одной на другую, то стоя каждой ногой на спинѣ одной изъ нихъ, наконецъ, прыгая, на всемъ скаку лошади, сквозь обручи и черезъ протянутые канаты. Это представленіе примирило всѣхъ съ проигрышемъ, и когда былъ объявленъ второй перерывъ, народъ опять съ веселымъ шумомъ хлынулъ волнами подъ аркады.

Только въ эту минуту я нашелъ время пересказать Гесперіи то, что̀ мнѣ сообщилъ Ремигій, но того впечатлѣнія, какое мои слова на нее произвели, я не ожидалъ. Сразу сбѣжала у нея съ лица та привѣтливая улыбка, съ которой она не разставалась въ циркѣ, сразу пропала ея легкомысленная веселость, и я опять увидѣлъ передъ собой ту Гесперію, которую зналъ. Нахмуривъ брови, она мнѣ сказала:

— Я давно подозрѣвала, что Юліаній замышляетъ предательство, но думала, что мы обезпечены тѣми уликами, какія есть въ нашихъ рукахъ противъ него. Однако проигравшійся игрокъ иногда ставитъ на-конъ, какъ въ Индійскихъ сказкахъ, свою жизнь. Если твой другъ правъ, и Юліаній точно вступилъ въ сношенія съ префектурой, — намъ можетъ грозить большая бѣда. Необходимо въ самомъ скоромъ времени сдѣлать это все яснѣе зеркала.

Я объяснилъ Гесперіи причины, почему въ этомъ дѣлѣ

былъ дорогъ каждый часъ, и она нахмурилась еще больше. Въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній, забывъ, что она находится въ циркѣ, что на нее устремлены тысячи глазъ, Гесперія, стоя у колонны, раздумывала, видимо, ища выхода изъ затрудненія. Въ это самое время я увидѣлъ, что къ намъ приближается Эліанъ, но Гесперія уже подняла голову съ прояснившимся взоромъ, обмѣнялась съ мужемъ какими-то незначащими словами, ничего ему не сказавъ о моемъ сообщеніи, и потомъ отозвала меня опять въ сторону.

— Юній, — сказала она мнѣ, — ты долженъ немедленно достать мнѣ дощечки и стиль: мнѣ надо написать письмо.

Я понялъ, что отказываться нельзя, и, не возразивъ ни слова, пошелъ на поиски. По счастію, мнѣ пришло въ голову обратиться въ „городокъ", и, такъ какъ нѣсколько мелкихъ монетъ у меня съ собою было, я скоро вернулся къ Гесперіи и, торжествуя, передалъ ей то, что̀ она просила. Даже не поблагодаривъ меня, она наклонилась къ окну, выходившему на площадь, быстро написала нѣсколько строкъ, а потомъ вновь обернулась ко мнѣ.

— Видѣлъ ты,—спросила она меня,—противъ насъ, во вторыхъ рядахъ, юношу, курчаваго, съ буллой на поясѣ, особенно негодовавшаго послѣ проигрыша синяго? Я знаю, что онъ служитъ въ консисторіи префекта, и слышала, что онъ давно мечтаетъ о знакомствѣ со мною. Я тебѣ сейчасъ укажу его, а ты передашь ему мое письмо.

Мы вернулись на наши мѣста, и Гесперія показала мнѣ на завитого щеголя, похожаго скорѣе на торговца ароматами, чѣмъ на будущаго сановника имперіи. Я все еще недоумѣвалъ, не понимая, что̀ намѣрена сдѣлать Гесперія, она же, замѣтивъ это, съ легкой усмѣшкой, прежде чѣмъ запечатать таблички, подала ихъ мнѣ.

— Если хочешь, прочти,—сказала она.

Искушеніе было слишкомъ сильно, и я пробѣжалъ глазами написанное. Въ письмѣ стояло слѣдующее:

„Ты, можетъ быть, знаешь меня, но я до сегодняшняго дня тебя не знала. Твои глаза мнѣ нравятся, и я желала бы

говорить съ тобою. Если таково и твое желаніе, будь сегодня, по окончаніи игръ, у Большого рынка, у средней колонны, и послѣдуй за женщиной въ черномъ, которая позоветъ тебя. Можетъ быть, твои мечты неожиданно исполнятся. Не „прощай", но „здравствуй"!"

Гесперія невозмутимо смотрѣла на меня, когда я читалъ это письмо, въ которомъ она назначала совершенно ей незнакомому человѣку любовное свиданіе, когда же я кончилъ чтеніе, добавила:

— Онъ догадается, что писала я, потому что сейчасъ пристально смотритъ на насъ. А про меня разсказываютъ въ Городѣ, что я выбираю своихъ любовниковъ на улицахъ, такъ что онъ письму не удивится. Итакъ, ступай и исполни мое порученіе.

— Гдѣ же ты будешь съ нимъ разговаривать, не на улицѣ же?—спросилъ я.

Гесперія улыбнулась.

— У меня есть для такихъ встрѣчъ свое убѣжище,—отвѣчала она.—Когда-нибудь я тебѣ покажу его.

Я не сталъ спорить дальше и съ тяжелой душой пошелъ исполнять странное порученіе. Проплутавъ довольно долго по разнымъ прецинкціонамъ, потолкавшись отъ одного балтея къ другому, я, наконецъ, добрался до того мѣста, гдѣ сидѣлъ незнакомецъ, и, вѣжливо поклонившись, передалъ ему письмо Гесперіи со словами:

— Это мнѣ поручила отдать тебѣ одна женщина, имя которой ты, можетъ быть, угадаешь.

Едва незнакомецъ взялъ письмо, я, не глядя на него, быстро удалился и почти бѣгомъ вернулся на свое мѣсто.

Послѣднюю часть представленія я смотрѣлъ еще невнимательнѣе, нежели бѣга, хотя весь циркъ хохоталъ, видя забавныя кривлянія мимовъ и головоломныя упражненія петавристаріевъ. Была разыграна цѣлая пантомима, заново сочиненная и намекавшая довольно явно на неудачу Сенаторскаго посольства, ѣздившаго въ Медіоланъ, по дѣлу объ алтарѣ Побѣды. Впрочемъ, аттической соли въ пантомимѣ

не было, и ея авторъ далеко не сравнялся въ остроуміи съ Аристофаномъ, такъ что никто не могъ на нее обидѣться. Представленіе закончилось великолѣпнымъ изображеніемъ пожара, охватившаго цѣлый дворецъ, быстро для этого воздвигнутый на аренѣ. Передъ глазами зрителей горѣли цѣлыя башни и рушилось цѣлое зданіе, а въ огнѣ скакали и кривлялись ловкіе плясуны, вызывая восторгъ всего собранія. Эта послѣдняя часть игръ понравилась едва ли не больше всѣхъ, и народъ, расходясь, громко выражалъ свою благодарность Авенцію, сумѣвшему поддержать славу Римскаго цирка и преданія своей семьи, хотя, какъ передавали, онъ и былъ тайнымъ христіаниномъ.

Прощаясь со мною, Гесперія мнѣ сказала:

— Ты, Юній, можешь итти домой отдыхать; мнѣ же предстоитъ еще работать для нашего общаго дѣла. Клянусь Юпитеромъ, сегодня я узнаю всю правду о Юліаніи. И на нашемъ ночномъ собраніи онъ самъ произнесъ свой приговоръ, говоря о рабѣ, замышлявшемъ предательство.

— Если окажется, что мой Ремигій правъ...?—спросилъ я, не доканчивая рѣчи.

— Юліаній умретъ,—спокойно отвѣтила Гесперія.

Опять я содрогнулся, глядя на эту женщину, которая утромъ вся была предана заботамъ о своей красотѣ, тратила часы на притиранія и выборъ украшеній, а вечеромъ обрекала на смерть, можетъ быть, своего любовника, котораго нѣсколько недѣль назадъ обнимала, цѣловала и называла нѣжными именами. „Въ какихъ новыхъ обликахъ предстанетъ мнѣ этотъ Протей, принявшій пока видъ женщины,—думалъ я,—и не будетъ ли права моя Реа, если она, встрѣтившись съ ней, признаетъ ее за воплощенія христіанскаго Дьявола?“ Такъ я думалъ, возвращаясь изъ цирка въ унылый домъ сенатора.

XI.

Подобно тому, какъ рѣка, приближаясь къ тому мѣсту, гдѣ она свергается водопадомъ, начинаетъ течь стремительнѣй, такъ жизнь иногда ускоряетъ свое теченіе, словно готовясь упасть въ разверстую бездну. Сколько ни успѣлъ я привыкнуть къ быстрой смѣнѣ событій за тѣ мѣсяцы, что провелъ въ Городѣ, все же новый водоворотъ моей жизни, закружившійся послѣ того дня, когда съ Гесперіей я былъ въ циркѣ, опять меня поразилъ и ошеломилъ. Въ два-три дня я видѣлъ столько перемѣнъ, совершившихся въ судьбѣ людей мнѣ близкихъ, что мнѣ казалось, будто нѣкій Демонъ то бросаетъ меня въ огонь, то опускаетъ въ ледяную воду.

Утромъ, послѣ праздника, даннаго новымъ префектомъ Города, я поспѣшилъ къ Ремигію, чтобы остеречь его отъ какого-нибудь необдуманнаго и поспѣшнаго поступка. Я ожидалъ, что застану своего друга унылымъ, распростертымъ на ложѣ, обдумывающимъ, какъ Ѳіестъ, замыслы мести, но, вмѣсто того, столкнулся съ нимъ въ дверяхъ дома, гдѣ онъ жилъ, и лицо Ремигія, противъ обыкновенія послѣднихъ дней, было оживлено и обличало радость. Увидя меня, онъ схватилъ меня за руку и воскликнулъ:

— Милый Юній, я только-что узналъ, что моя Галла вчера бросила Помпонія, ушла изъ дома, не взявъ съ собой ни одного криналя. Я бѣгу къ ней. Я былъ увѣренъ, что она— дѣвушка добрая!

Бо̀льшаго отъ Ремигія я не могъ добиться и только попросилъ его, до новой встрѣчи со мною, не предпринимать ничего противъ Юліанія. Ремигій такъ былъ увлеченъ полученнымъ имъ извѣстіемъ, что охотно далъ мнѣ обѣщаніе, какое я просилъ, и убѣжалъ отъ меня, словно на крыльяхъ Эвра. Въ ту минуту я порадовался удачѣ друга и въ душѣ возблагодарилъ за него Киприду безсмертную, все устраивающую къ лучшему.

Подумавъ, что̀ мнѣ дѣлать, я направился было къ Гесперіи, но рабъ-придверникъ объявилъ мнѣ, что госпожа спитъ и сегодня не позволила пускать къ себѣ никого. Такъ какъ итти въ школу у меня не было охоты, то я вернулся въ домъ сенатора и поспѣлъ прямо къ завтраку. Ничего не подозрѣвая, я занялъ свое привычное мѣсто, между дядей и о. Никодимомъ. Этотъ, по своему обыкновенію, набивая усердно себѣ желудокъ, не забывалъ высыпать передъ своими невнимательными слушателями свѣжія новости Города.

На этотъ разъ о. Никодимъ, конечно, говорилъ о вчерашнихъ играхъ, восхваляя мудрость префекта Авенція, не позволившаго выступить на аренѣ гладіаторамъ. О. Никодимъ приписывалъ это вліянію Амбросія, котораго, по его словамъ, Авенцій очень уважалъ и съ которымъ былъ въ постоянной перепискѣ. Дядя, почти всегда слушавшій доклады христіанскаго священника молча, на этотъ разъ вмѣшался въ бесѣду и сказалъ:

— Хоть и не по душѣ мнѣ поступки этого Амбросія, но я цѣню въ немъ истиннаго Римлянина, истиннаго Аврелія. Ставъ христіанскимъ епископомъ, онъ остался Римскимъ магистратомъ. Церковью онъ управляетъ, какъ префектъ, и съ императоромъ говоритъ, какъ первый изъ сенаторовъ.

Тетка, разумѣется, съ негодованіемъ осудила сравненіе, сдѣланное мужемъ, а о. Никодимъ, тоже защищая епископа, сталъ говорить о его пребываніи въ Городѣ. Амбросій былъ въ Римѣ въ тѣ недѣли, когда я томился въ Медіоланской тюрьмѣ, и, по словамъ о. Никодима, въ эти дни знатнѣйшія матроны оспаривали другъ у друга честь принять въ своемъ

домѣ славнаго гостя; Амбросій же всѣхъ изумлялъ простотой своего обращенія, силой своего ума и даже способностью творить чудеса. Я разсѣянно слушалъ сомнительные разсказы о томъ, какъ Амбросій исцѣлялъ нѣмыхъ и параличныхъ, и длинную повѣсть о томъ, какъ онъ, когда хозяинъ одного дома сталъ похваляться передъ нимъ своими богатствами, молча всталъ и вышелъ, а домъ на другой день обрушился. Но вдругъ о. Никодимъ обратился прямо ко мнѣ:

— Да вотъ вамъ другой примѣръ,—сказалъ онъ,—самый новый. Ты, Юній, кажется, зналъ несчастнаго молодого человѣка, именемъ Юліаній, который, подобно тебѣ, упорствовалъ въ заблужденіяхъ идолопоклонства. Однажды, когда епископъ шелъ по улицѣ Города и всѣ почтительно давали ему дорогу, навстрѣчу попался этотъ Юліаній и, несмотря на то, что былъ гораздо моложе годами, пути не уступилъ. Спутники святого человѣка хотѣли достойно проучить дерзкаго юношу, но самъ Амбросій строго запретилъ имъ это, скромно посторонился и только сказалъ: Этотъ человѣкъ кончитъ плохо.

— И что̀ же?—спросилъ я въ волненіи.

— Сегодня предсказаніе исполнилось, — торжественно произнесъ о. Никодимъ.—Юношу нашли въ его комнатѣ повѣсившимся.

Тетка и Аттузія, ахнувъ, молитвенно вознесли руки, я же воскликнулъ:

— Не можетъ быть! Я еще вчера видѣлъ Юліанія: онъ былъ здоровъ, веселъ, вовсе не намѣревался кончать жизнь...

— Что̀ жизнь человѣческая,—возразилъ о. Никодимъ.— Какъ цвѣтокъ полевой, сегодня цвѣлъ, а завтра спросишь, гдѣ онъ, и нѣтъ его.

— Такъ это правда?—опять спросилъ я, потому что не могъ примириться съ извѣстіемъ.—Юліаній самъ наложилъ на себя руки?

— Я знаю это отъ человѣка вѣрнаго,—возразилъ о. Никодимъ.

Дядя снова вмѣшался и тоже высказалъ сомнѣніе:

— Ты что-нибудь путаешь. Я видалъ Юліанія. Онъ былъ повѣса, но добрый Римлянинъ. Никогда не выбралъ бы онъ родъ смерти, достойный раба: истинные Римляне, когда рѣшались умереть, открывали себѣ жилы.

— Одинаково постыдно,—наставительно замѣтилъ о. Никодимъ,—умереть отъ кинжала и отъ веревки, если Создатель не позвалъ еще къ вѣчной жизни.

Онъ добавилъ къ разсказанному нѣсколько подробностей. Наканунѣ Юліаній былъ въ циркѣ и выигралъ большой закладъ. Получивъ деньги, онъ повелъ друзей въ ночныя копоны и пировалъ до утра. Но еще раньше полуночи къ нему пришелъ неизвѣстный человѣкъ, объявившій, что долженъ его дождаться. Дѣйствительно, онъ дождался возвращенія Юліанія и ушелъ изъ дому предъ разсвѣтомъ. Утромъ сосѣди удивились, увидя дверь въ помѣщеніе къ Юліанію отворенной, и, войдя къ нему, нашли уже похолодѣвшій трупъ.

Споровъ, поднявшихся за нашимъ столомъ о томъ, самъ ли Юліаній покончилъ со своею жизнью или былъ убитъ ночнымъ посѣтителемъ, я почти не слушалъ. Въ страшномъ событіи мнѣ видѣлась рука Гесперіи, и крайнее волненіе потрясало меня. Съ трудомъ дождавшись конца завтрака, я опять побѣжалъ на Целій.

Рабъ-придверникъ повторилъ мнѣ тѣ же слова, какъ утромъ,—что госпожа не велѣла пускать къ себѣ никого. Но такъ какъ я настаивалъ упорно и такъ какъ меня хорошо знали въ домѣ, рабъ согласился, наконецъ, передать мою просьбу одной изъ рабынь. Та пошла сказать о моемъ приходѣ Гесперіи и, вернувшись, сообщила, что госпожа согласна меня видѣть, но только на нѣсколько минутъ, такъ какъ у нея болитъ голова.

Меня провели въ комнату Гесперіи: тамъ она лежала на ложѣ, завернувшись въ легкій плащъ, который закрывалъ ей даже лицо. На мои безпокойные вопросы Гесперія отвѣчала нехотя и очень сдержанно, когда я спросилъ, узнала ли она правду о Юліаніи, отвѣтила:

— Нѣтъ, Юній, представь себѣ: тотъ человѣкъ не при-

шелъ на назначенное мѣсто, и я напрасно прождала его полчаса.

Не повѣривъ Гесперіи, я спросилъ ее прямо:

— А знаешь ли ты, что Юліанія нашли сегодня утромъ повѣсившимся или кѣмъ-то повѣшеннымъ?

Гесперія выставила маленькую часть лица изъ-подъ ткани, которой его кутала, посмотрѣла на меня и сказала протяжно:

— Я этого не знала. Конечно, онъ самъ произнесъ надъ собою судъ. Тѣмъ лучше для насъ, мы избавлены отъ хлопотъ наказывать измѣнника.

Больше я ничего не могъ добиться отъ Гесперіи и ушелъ отъ нея съ увѣренностью, что она притворяется, что все свершившееся было подстроено ею, этой Харибдою, созданной на погибель людей.

Покинувъ Гесперію, я принялся вторично разыскивать Ремигія, но это мнѣ не удалось, такъ какъ его не оказалось ни дома, ни въ тѣхъ копонахъ, которыя онъ обычно посѣщалъ. Но, толкаясь по Городу безъ цѣли, я неожиданно увидѣлъ самоё Галлу, но не въ бѣдной одеждѣ, пѣшкомъ, какъ я думалъ ее встрѣтить послѣ разсказа Ремигія, но въ новыхъ роскошныхъ носилкахъ, болѣе богатыхъ, чѣмъ могли у нея быть при Помпоніи. Человѣкъ двадцать рабовъ сопутствовало ей, расталкивая впереди толпу, и Галла, небрежно развалясь, разглядывала, сквозь большой изумрудъ, раздвигавшихся передъ ней прохожихъ. Изумленный, я протиснулся къ носилкамъ и привѣтствовалъ дѣвушку.

— А, это ты, Юній,—сказала мнѣ Галла, нарочно коверкая выговоръ, на подобіе того какъ произносятъ по-латыни Гречанки, — очень тебя рада увидѣть. Если ты свободенъ, иди за мной.

Я послѣдовалъ за носилками и, конечно, спросилъ, правда ли, что Галла покинула домъ Помпонія.

— Да,—отвѣчала она,—онъ мнѣ надоѣлъ своею скаредностью. Я просила его подарить мнѣ жемчужное ожерелье, которое высмотрѣла въ тавернѣ около Форума; это ожерелье очень шло ко мнѣ, и я хотѣла явиться въ немъ на

вчерашнихъ играхъ. Помпоній же, потерявшій какія-то деньги изъ-за слуховъ о гражданской войнѣ, мнѣ отказалъ. Тогда я предпочла уѣхать отъ него.

— Гдѣ же ты сейчасъ живешь?—спросилъ я.

— Увы,—я покидаю Городъ,—отвѣтила дѣвушка,—меня увозитъ на Востокъ пресидъ Каріи.

Это было ново, и я освѣдомился:

— Ты намѣрена тамъ остаться навсегда?

— Ни въ какомъ случаѣ, — быстро возразила Галла, — я не люблю Грековъ. Но моего новаго друга, навѣрное, скоро переведутъ въ Галліи, и я вернусь съ нимъ. А послѣ покажусь снова и въ Городѣ. Я еще заставлю Римлянъ говорить обо мнѣ.

Судя по стремительнымъ успѣхамъ, какіе сдѣлала эта дѣвушка на моихъ глазахъ, я не сомнѣвался, что она сдержитъ свое слово, и только спросилъ еще:

— А что же Ремигій? онъ не ѣдетъ съ тобой?

Галла прищурила глаза и сказала:

— Онъ для меня слишкомъ тощъ. Я люблю птицу пожирнѣе.

Послѣ такого отвѣта я попрощался съ Галлой и вернулся домой, не ожидая ничего хорошаго для моего друга.

На другой день Ремигій ворвался ко мнѣ, когда я былъ еще въ постели. Видъ у него былъ разстроенный, онъ былъ блѣденъ и говорилъ порывисто.

— Ты все знаешь, Юній?—спросилъ онъ.

— О Юліаніи?

— Нѣтъ, о ней, о Галлѣ!

Я отвѣтилъ, что знаю все, и Ремигій разлился въ потокѣ безконечныхъ жалобъ.

— Кому мнѣ теперь мстить? — спрашивалъ онъ. — Меня всѣ обманули. Жертва моя ушла изъ моихъ рукъ. Помпоній самъ одураченъ. Пойти и убить Галлу? Но развѣ она стоитъ того?

Напрасно я указывалъ Ремигію, что онъ самъ подготовилъ свою судьбу, отдавъ свою любовь дѣвушкѣ изъ лупа-

нара,—онъ не хотѣлъ слушать никакихъ доводовъ, продолжая называть себя несчастнѣйшимъ изъ смертныхъ. Исчерпавъ всѣ убѣжденія и утѣшенія, я воспользовался тѣмъ, что на столѣ у меня лежала книга Сенеки, которую я читалъ передъ сномъ, и, взявъ ее, я привелъ моему другу нѣсколько изреченій мудреца: „Человѣка доблестнаго можно назвать несчастнымъ, но быть несчастнымъ онъ не можетъ".—„Огнемъ испытывается золото, несчастьемъ — сильные люди".—„Бѣдствіе есть причина проявить доблесть",—и другія подобныя.

Ремигій вырвалъ свитокъ изъ моихъ рукъ, яростно швырнулъ его въ уголъ и закричалъ:

— Проклинаю всѣхъ древнихъ мудрецовъ и всю мудрость міра! Мы не живемъ, а только провѣряемъ изреченія древнихъ! Всю нашу жизнь мы превратили въ подражаніе старинѣ! Не хочу ея больше! Прошлое умерло, и мы, новые люди, чувствуемъ по-новому. Пусть Сенекѣ казалось доблестью сносить несчастія, а я не хочу терпѣть ихъ, и у меня найдется средство избавить себя отъ печальныхъ дней.

Горячность, съ какой Ремигій говорилъ эти слова, напугала меня, и я, поспѣшно одѣвшись, предложилъ моему другу погулять, такъ какъ не хотѣлъ оставлять его одного. Ремигій неохотно согласился, мы пошли сначала на форумы, любуясь никогда не утомляющимъ зрѣлищемъ пестрой, шумной, перемѣнчивой толпы, потомъ сидѣли въ какой-то копонѣ, и я уже думалъ, что успокоилъ друга. Но когда я сталъ ему говорить, какъ стыдно отчаиваться при первой неудачѣ въ жизни, онъ возобновилъ всѣ свои жалобы. И, какъ прежде Ремигій былъ неистощимъ, подбирая все новые доводы въ пользу того, что жить легко, весело и пріятно, такъ теперь онъ, словно бусы на нитку, нанизывалъ все новыя доказательства того, что жизнь скучна, полна горестей, недостойна мыслящаго человѣка.

— Для чего мы съ тобой живемъ?—спрашивалъ онъ.— Правда, пріятно выпить нѣсколько кубковъ добраго вина, весело провести вечеръ съ хорошенькой дѣвушкой, можетъ

быть, есть удовольствіе въ томъ, чтобы стать пресидомъ провинціи или на старости лѣтъ облачиться въ консульскую трабею. Но ради этихъ немногихъ радостныхъ минутъ сколько часовъ, дней и годовъ скорби долженъ пережить каждый человѣкъ! Сколько испытать желаній, которыя не осуществимы! Сколько извѣдать униженій, отъ которыхъ нѣтъ защиты. Сколько разъ извѣдать неблагодарность близкихъ, невѣрность возлюбленныхъ, обманъ людей, тысячи низкихъ поступковъ со стороны враговъ, которыхъ нажилъ лишь тѣмъ, что ты умнѣе ихъ! И что же въ концѣ концовъ? Смерть, небытіе, исчезновеніе. Стоитъ ли послѣ этого жить, страдать, даже просто сносить зубную боль? Изо всѣхъ изреченій любезныхъ тебѣ древнихъ мнѣ теперь милы только стихи Катулла:

Едва мелькнувъ, закатится день краткій,
Одна ночь вѣчная дана для сна намъ...

Никакими усиліями я не могъ отклонить моего друга отъ такихъ грустныхъ разсужденій, и онъ, осушая кубокъ за кубкомъ, все говорилъ со мною въ духѣ Эврипида, развивая его мысль, что „землѣ должно быть возвращено земное". Наконецъ я сказалъ Ремигію:

— Стань христіаниномъ, и ты обрѣтешь надежду. Христіане вѣрятъ въ блаженную жизнь за гробомъ, въ воздаяніе за страданія, испытанныя въ этой жизни.

— Это не очень ново,—возразилъ мой Ремигій.—Не тому ли самому, и много раньше, учили наши поэты. Перечти своего Вергилія. Но мы уже не настолько молоды, чтобы вѣрить баснямъ поэтовъ. Я твердо знаю, что за похороннымъ костромъ нѣтъ ничего, и это моя послѣдняя надежда.

Тогда я попытался направить мысли Ремигія въ другое русло и сталъ говорить ему о странной смерти Юліанія. Ремигій, занятый своими печалями, еще ничего не слышалъ объ этомъ таинственномъ происшествіи, о которомъ уже спорилъ весь Городъ, и, нѣсколько оживившись, настойчиво

разспрашивалъ меня о подробностяхъ. Я передалъ все, что̀ самъ зналъ, и даже не умолчалъ о сужденіи, высказанномъ Тибуртиномъ о родѣ смерти бѣднаго щеголя. Мнѣ пришлось горько жалѣть о своей болтливости, потому что мои слова, можетъ быть, подали Ремигію первую мысль о томъ, что̀ вскорѣ онъ и привелъ въ исполненіе...

Подъ какимъ-то предлогомъ Ремигій вышелъ изъ копоны, гдѣ мы сидѣли, и не вернулся. Прождавъ своего друга около часа, я принужденъ былъ убѣдиться, что онъ тайно бѣжалъ отъ меня. Съ тяжелымъ сердцемъ я вернулся домой, и предчувствія не обманули меня, такъ какъ въ тотъ же вечеръ я узналъ о горестной судьбѣ Ремигія.

Покинувъ меня, онъ пошелъ въ термы Каракаллы, самыя роскошныя изъ существующихъ въ Городѣ. Сначала онъ поднялся въ библіотеку, спросилъ себѣ „Размышленія" императора Марка и долго читалъ ихъ, несмотря на высказанное проклятіе всѣмъ древнимъ. Потомъ, вѣроятно, на послѣднія деньги, занялъ отдѣльное помѣщеніе въ нѣсколько комнатъ и велѣлъ послать къ себѣ красивѣйшихъ мальчиковъ. Затѣмъ, выславъ ихъ и оставшись одинъ, онъ въ теплой ваннѣ открылъ себѣ жилы, какъ то совѣтовалъ мой дядя всѣмъ истиннымъ Римлянамъ, ищущимъ смерти, и какъ то сдѣлалъ въ свои дни философъ Сенека, сентенціи котораго я недавно читалъ моему другу. Когда служащіе догадались заглянуть къ Ремигію и позвали къ нему врача данной городской регіоны, было уже поздно: Ремигій слабой рукой срывалъ повязки, которыя пытался наложить медикъ, и вскорѣ скончался.

Хотя я узналъ Ремигія едва годъ назадъ, на пути въ Городъ, я успѣлъ полюбить юношу, остраго на языкъ, умнаго, честнаго. Его ранняя смерть тронула меня глубоко и навела на печальныя мысли о людяхъ нашихъ дней, неспособныхъ противостоять самымъ первымъ и самымъ малымъ ударамъ Фортуны. „Неужели,—думалъ я,—подобныхъ же, и даже болѣе жестокихъ неудачъ не встрѣчали въ своей юности Сципіонъ, Цесарь, Августъ? Что̀ если бы и они, въ свое

время, такъ же малодушно отказались бы перетерпѣть выпавшіе на ихъ долю черные дни? Тогда, быть можетъ, не Римъ, но Карѳагенъ владѣлъ бы міромъ, Галлія не была бы присоединена, имперія осталась бы безъ устроенія". Но эти соображенія не мѣшали мнѣ плакать надъ несчастной участью друга, и мнѣ казалось, что подъ своды Орка сошелъ самый близкій мнѣ человѣкъ.

Конечно, я принялъ на себя распоряжаться похоронами Ремигія, тотчасъ послалъ письмо его родителямъ и извѣстилъ о горестномъ событіи его сотоварищей по школѣ. Однако этого дѣла до конца мнѣ довести не пришлось. Прежде всего новая бѣда рухнула на домъ Тибуртина: дядя засталъ ночью въ спальной своей жены о. Никодима. Ни для кого не было тайной, почему христіанскій священникъ такъ возлюбилъ домъ сенатора, ревностнаго защитника вѣры отцовъ, но дядя, всегда занятый или дѣлами Сената, или своими книгами, или, что̀ бывало чаще всего, кубками вина изъ своихъ помѣстій, не подозрѣвалъ ничего дурного. Открытіе поразило его такъ, что онъ тутъ же, по древнему праву, хотѣлъ убить свою жену, и только отсутствіе оружія у сенатора спасло перепуганную Меланію, такъ много любившую говорить о добродѣтели. На утро тетка и Аттузія куда-то скрылись изъ дома Тибуртина, а самъ онъ, утративъ и мужество и волю, только горько плакалъ и всячески жаловался мнѣ на свою неудачную жизнь.

— Я все терпѣлъ,—говорилъ онъ мнѣ,—и то, что въ моемъ домѣ, домѣ Римлянина, потомка Бебіевъ, устроили христіанскую молельню, и то, что дочь мою сдѣлали христіанкой, и то, что новая жена моя отбирала у меня всѣ деньги и держала подъ замкомъ мой погребъ съ винами!—Но чтобы Римская матрона, хотя бы и Гречанка родомъ, обезчестила мужа со служителемъ религіи, враждебной имперіи, враждебной богамъ отцовъ, этого я снести не могу! Не мнѣ одному здѣсь нанесено оскорбленіе, но всему нашему роду, изображеніямъ предковъ, Сенату и народу Римскому. Лучше остатокъ дней своихъ я проведу въ одиночествѣ, какъ изгнан-

никъ, лишенный огня и воды, чѣмъ прощу преступницу и допущу ее въ домъ, ею оскорбленный. Имени ея не хочу никогда болѣе слышать и буду считать, что была у меня лишь одна дочь,—та, что̀ нынѣ въ поляхъ Элисійскихъ!

Я, бѣдный, метался изъ дома, гдѣ жилъ Ремигій и гдѣ дѣлались приготовленія къ его похоронамъ, въ домъ дяди, котораго опасно было оставлять одного на попеченіе грубыхъ и ненадежныхъ рабовъ, и чувствовалъ себя какъ бы потеряннымъ въ хаосѣ событій. Наконецъ, въ нашемъ домѣ появились Эліанъ и Нумерія, которые до нѣкоторой степени внесли порядокъ въ жизнь и взяли на себя необходимыя распоряженія. Но тутъ я получилъ письмо отъ Гесперіи, которая объявляла мнѣ, что мы должны немедленно выѣзжать изъ Города. Напрасно я просилъ дать мнѣ время исполнить послѣдній долгъ передъ другомъ, сказать ему послѣднее „vale", дождаться, пока нѣсколько успокоится дядя. Гесперія была неумолима и на всѣ мои доводы отвѣчала, что долгъ предъ имперіей выше, чѣмъ всѣ обязанности личныя.

— Тебя огорчаетъ судьба дяди,—говорила она мнѣ,—а я должна была бы позаботиться о судьбѣ матери. Но предоставимъ это все Времени, этому все легко устрояющему богу. Можетъ быть, судьба всего міра зависитъ отъ нашей поспѣшности.

Втайнѣ я думаю, что Гесперія торопилась такъ изъ боязни разслѣдованія, предпринятаго префектомъ Города по поводу таинственной смерти Юліанія. Во всякомъ случаѣ Гесперія не дала мнѣ отсрочки ни на одинъ день, и наканунѣ похоронъ моего Ремигія я долженъ былъ вмѣстѣ съ нею покинуть Римъ. Впрочемъ, послѣ смерти маленькой Наміи, послѣ такъ быстро послѣдовавшихъ одно за другимъ двухъ самоубійствъ—Юліанія и Ремигія, послѣ позорнаго происшествія въ домѣ Тибуртина мнѣ казалось, что ничего дорогого мнѣ въ Римѣ болѣе не остается. Онъ былъ мнѣ столь же чуждъ, какъ девять съ лишнимъ мѣсяцевъ тому назадъ, когда я впервые подъѣзжалъ къ Портуенскимъ воротамъ, не зная еще, что̀ меня ждетъ въ этомъ золотомъ средоточіи вселен-

ной. Въ глубинѣ души я даже радъ былъ покинуть темный водоворотъ страстей, козней, преступленій, который мы называемъ Вѣчнымъ Городомъ, забывая только, что не менѣе страшнымъ водоворотомъ была душа той, которая была моей спутницей въ предпринимаемомъ путешествіи.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Путешествіе мое съ Гесперіей значительно отличалось отъ моей поѣздки съ Сенаторскимъ посольствомъ. Придя въ назначенный, утренній часъ къ дому Гесперіи, я увидѣлъ цѣлую вереницу повозокъ, нагруженныхъ мѣшками и ларями, какъ если бы было задумано переселеніе нѣсколькихъ семействъ. Большая толпа рабынь и рабовъ хлопотала около карровъ и карпентъ, устраивая удобныя сидѣнія и размѣщая вещи: всѣ шумѣли, кричали, бранились. Скоро я узналъ, что мы повеземъ съ собою всевозможные припасы: вина и заготовленныя снѣди, ящики съ одеждами и утварью, все, что̀ только можетъ понадобиться женщинѣ, или, вѣрнѣе сказать, все, что̀ можетъ удовлетворить прихоти десяти женщинъ. Въ отдѣльномъ ковинѣ ѣхалъ вольноотпущенникъ Египцій, который долженъ былъ управлять всѣмъ нашимъ поѣздомъ, а всего въ путь отправлялось около двадцати человѣкъ, изъ которыхъ часть была вооружена, на случай нападенія разбойниковъ. И я, наблюдая эти приготовленія, не могъ не подумать, что Гесперія рѣшила не возвращаться въ Римъ.

Мнѣ сказали войти въ атрій, гдѣ я и просидѣлъ, совершенно одинокимъ, до самой минуты отъѣзда, такъ какъ, повидимому, никто изъ кліентовъ о немъ извѣщенъ не былъ. Наконецъ, появилась Гесперія, закутанная въ шерстяную пенулу съ куккуломъ, хотя даже раннимъ утромъ было уже вполнѣ тепло, а слѣдомъ, съ лицомъ мрачнымъ, шелъ Эліанъ,

привѣтствовавшій меня всего нѣсколькими холодными словами. Чувствуя себя виноватымъ передъ этимъ человѣкомъ, я такого пріема ему не могъ поставить въ вину и молча присутствовалъ при сценѣ прощанія мужа и жены. Гесперія неожиданно показала себя очень нѣжной, нѣсколько разъ поцѣловала Эліана и сказала ему, намекая на цѣль своего путешествія:

— Прощай, будь безъ меня веселъ и помни, что я ѣду, чтобы исполнить важное.

Мнѣ Гесперія приказала сѣсть съ ней рядомъ въ легкую карпенту, верхъ которой могъ открываться, но, откинувшись въ уголъ, закрыла глаза и не произносила ни слова. Мы медленно двинулись по улицамъ Города, гдѣ уже начиналось обычное дневное движеніе: купцы открывали свои лавки, служащіе шли на мѣсто своей службы, женщины направлялись на рынки, разносчики съ лотками и корзинами, рабочіе, носильщики, гадатели и разный людъ высыпалъ изъ домовъ. Всѣ съ любопытствомъ оглядывали, останавливаясь, наше движеніе, такъ какъ нашъ поѣздъ напоминалъ, конечно, путешествіе какой-нибудь восточной царицы, древней Семирамиды или Зенобіи.

Третій разъ мнѣ пришлось свершить весь путь отъ Рима до Медіолана, но на этотъ разъ мы не только не торопились, но какъ будто намѣренно старались подвигаться впередъ такъ медленно, какъ только возможно. Часто въ полѣ мы останавливались, выходили изъ карпенты, и для насъ на нѣжной весенней травѣ или на разостланныхъ коврахъ рабы приготовляли маленькій пиръ, въ которомъ, кромѣ меня и Гесперіи, принималъ участіе и Египцій, оказавшійся человѣкомъ смышленымъ и не лишеннымъ образованности. На ночь мы останавливались не въ мансіонахъ, но въ домахъ и виллахъ людей, знакомыхъ Гесперіи, или тѣхъ, къ которымъ были у нея письма,—и подобныхъ лицъ встрѣчалось такъ много, что невольно я себя спрашивалъ: не вся ли Гесперія знаетъ Гесперію-прекрасную или хотя бы слышала о ней?

Вездѣ насъ встрѣчали съ почетомъ, а въ иныхъ богатыхъ

виллахъ въ честь жены сенатора и прославленной красавицы Города устраивались цѣлыя празднества. Въ Умбріи, на виллѣ Марка Корнуція, доводившагося родственникомъ Эліану, гдѣ мы пробыли полныхъ трое сутокъ, все время прошло въ непрерывныхъ пирахъ и увеселеніяхъ. Извѣщенный заранѣе о пріѣздѣ Гесперіи, хозяинъ созвалъ гостей даже изъ удаленныхъ мѣстностей и не пожалѣлъ денегъ на роскошь своего пріема. Мы то пировали въ пышныхъ покояхъ виллы, блиставшей мраморами и позолотой, расписанной лучшими художниками вѣка Адріана, украшенной тонкой мозаикой и наполненной Греческими статуями, убранной драгоцѣнной обстановкой и увѣшанной Сардійскими, Александрійскими и Карѳагенскими коврами; то шли веселиться въ великолѣпный садъ, разбитый искуснымъ садоводомъ по обѣ стороны маленькой рѣчки, съ мраморными бесѣдками, прозрачными водоемами, хитро подстриженными деревьями, множествомъ рѣдкихъ растеній, кончавшійся у обширнаго зданія термъ. Гости, среди которыхъ были первыя лица провинціи, всячески старались сдѣлать для Гесперіи пріятнымъ пребываніе въ домѣ Корнуція, и едва ли не всѣ прославляли ея красоту, окружали ее поклоненіемъ и видимо добивались ея благосклонности. Въ послѣдній день передъ нашимъ выѣздомъ гостепріимный хозяинъ устроилъ представленіе въ домашнемъ театрѣ, и мы могли видѣть „Прометея Освобожденнаго", въ старинномъ переводѣ, прекрасно исполненнаго молодыми рабами Корнуція.

Въ такомъ же родѣ были наши остановки въ другихъ виллахъ и городскихъ домахъ, причемъ разнообразились онѣ только большей или меньшей роскошью, въ зависимости отъ богатства хозяина, но всегда Гесперія оставалась средоточіемъ вниманія всѣхъ, и вездѣ приходилось ей выслушивать немолчные гимны своей красотѣ.

Со мною Гесперія обращалась совсѣмъ не просто, и я, уже привыкшій за девять мѣсяцевъ жизни въ Городѣ къ лукавству женщинъ, явственно видѣлъ, какъ она старательно опутывала вокругъ меня свою сѣть, готовя меня, вѣроятно,

для какого-то новаго труднаго предпріятія. Болѣе я уже не былъ неопытнымъ юношей, какимъ впервые съ ней встрѣтился, но понималъ коварство и обдуманность поступковъ Гесперіи, которая опять то приближала меня къ себѣ, то подвергала всѣмъ мученіямъ больно жалящей ревности. Иногда во время переѣздовъ Гесперія долгими часами не говорила со мною ни слова, дѣлая видъ, что углублена въ свои размышленія; иногда, когда мы оставались вдвоемъ, словно вдругъ вспомнивъ обо мнѣ, начинала просить прощенія за свою невнимательность, ласкать мнѣ волосы нѣжными руками и вкрадчивымъ голосомъ напоминать, что любитъ меня; иногда при нашемъ пребываніи на чьей-нибудь виллѣ нарочно проводила весь вечеръ на моихъ глазахъ съ какимъ-нибудь провинціальнымъ щеголемъ, улыбалась ему ласково, давала тайкомъ цѣловать свои руки и плечи, ободряла его исканія, такъ что въ мечтахъ тотъ, навѣрное, уже торжествовалъ побѣду надъ прославленной красавицей Города... Потомъ, видя, что эти извѣданные способы оказываютъ на меня мало дѣйствія, Гесперія прибѣгала къ болѣе жестокимъ: приказывала мнѣ тайно прійти къ ней ночью въ спальную, опять меня цѣловала горячими устами, приникала ко мнѣ тѣломъ, обвитымъ одной тонкой туникой, и, промучивъ меня своими приближеніями до зари, утромъ настойчиво прогоняла изъ своей комнаты, опять напоминая:

— Наше счастіе, Юній, должно начаться тогда, когда будетъ исполнено наше дѣло. Имѣй мужество ждать...

И странно: хотя теперь я понималъ ясно игру этой женщины, все же попрежнему одной близости къ ней было достаточно, чтобы я сознавалъ себя ея покорнымъ рабомъ. Было что-то въ самомъ ея существѣ, въ чертахъ тѣхъ изгибовъ, которые принимало ея тѣло, въ запахѣ тѣхъ ароматовъ, которыми она себя умащала, и въ запахѣ ея волосъ, къ которымъ порой она позволяла мнѣ прикасаться губами, — что̀ дѣлало ее для меня единственной среди всѣхъ другихъ. Уже то не была дѣтская любовь къ женщинѣ, прекрасной и богинеподобной, но неодолимое влеченіе къ ней одной всего моего

тѣла, привыкшаго быть близъ нея и терявшаго способность жить внѣ этой близости, подобно тому, какъ человѣкъ не можетъ жить безъ воздуха. Мои чувства словно бросили якорь подлѣ Гесперіи, и этотъ якорь запутался гдѣ-то въ глубинѣ среди подводныхъ скалъ и растеній, такъ что ладья болѣе не могла сдвинуться съ мѣста.

Когда я оставался съ Гесперіей наединѣ, видѣлъ передъ собою ея лицо, плечи, грудь, руки, когда вдыхалъ знакомое благоуханіе ея одеждъ и ея кожи, я снова могъ говорить и даже мыслить лишь то, что̀ она хотѣла и что̀ она отъ меня ожидала. Пользуясь этимъ, Гесперія вновь заставляла меня давать ей страшныя клятвы, и я покорно призывалъ подземныхъ боговъ во свидѣтельство того, что исполню каждое ея повелѣніе, подчинюсь каждому ея приказу. Я чувствовалъ, что незримо она вновь вооружаетъ мою руку кинжаломъ,— я еще не зналъ противъ кого,—но опытъ прошлаго не служилъ мнѣ на пользу, и я не сомнѣвался, что вновь пойду убивать, если она того захочетъ.

— Юній, мой милый Юній, — говорила мнѣ Гесперія, — я скажу тебѣ словами христіанъ: „претерпѣвшій до конца — спасется". Терпѣть же осталось немного.

— Хотя бы вѣчность!—отвѣчалъ я, зная, что такого именно отвѣта ждетъ она.

А однажды Гесперія сдѣлала мнѣ такое признаніе:

— Вѣдь я не виновата, Юній, что я красива. Красота — моя сила и мое отчаяніе. Все, что̀ я имѣю, я достигла этой красотой, но и все горе, всѣ страданія, что̀ я пережила, были созданы ею же. Всю свою жизнь я несу тяжесть этой красоты и забочусь объ одномъ: не показать другимъ, какъ она меня давитъ. Мнѣ стыдно, когда меня любятъ за одну красоту, но мнѣ обидно, если, несмотря на красоту, меня кто-либо не полюбилъ...

Когда Гесперія говорила это,—гдѣ-то въ горахъ во время нашей стоянки, выдѣляясь, какъ мраморная статуя на лазурномъ небѣ, — она, дѣйствительно, была прекрасна, какъ Троянская Елена, эта „общая Эринія", по выраженію Верги-

лія. „На погибель людей создана ты!"—подумалъ я, и потомъ, также про себя добавилъ: „на погибель мою!" А вечеромъ того же дня, когда мы прибыли въ домъ мѣстнаго пресида, Гесперія выбрала своей жертвой его сына, юношу, преданнаго наукамъ; за нѣсколько часовъ, проведенныхъ съ нимъ, заставила его почти обезумѣть отъ страсти, и на утро, когда мы уѣзжали, онъ, не стыдясь, плакалъ, умоляя позволить ему насъ сопровождать.

Среди такихъ сценъ совершалось все наше путешествіе, и я не измѣню правдѣ, сказавъ, что мнѣ оно принесло безмѣрно больше страданій, чѣмъ радости. Измученный рѣзкими переходами Гесперіи отъ ласковости и дружественности къ холодности и враждебности, истомленный ея издѣвательствами надъ порывами моей любви, потерявъ всѣ надежды на настоящее сближеніе, я иногда въ одиночествѣ вновь помышлялъ о бѣгствѣ. Я говорилъ себѣ, что самымъ для меня разумнымъ поступкомъ было бы тайно ночью покинуть своихъ спутниковъ и итти хотя бы пѣшкомъ прочь отъ Гесперіи и прочь отъ Города въ родную Аквитанію, гдѣ я вновь обрѣту миръ и ясность. Но и обдумывая замыслы своего бѣгства во всѣхъ ихъ подробностяхъ, я въ глубинѣ души зналъ, что въ исполненіе ихъ не приведу, что я повлачусь за Гесперіей всюду, какъ нѣкогда Римскій тріумвиръ за тріерой Египетской царицы.

Когда черезъ восемнадцать дней послѣ нашего выѣзда изъ Города вдали забѣлѣли стѣны знакомаго мнѣ Медіолана, я ихъ привѣтствовалъ, какъ маякъ спасенія. Мнѣ казалось, что въ этомъ городѣ, гдѣ кончалась первая часть нашего пути, я найду какое-то рѣшеніе окружившихъ меня загадокъ. Втайнѣ я надѣялся встрѣтить Рею и, какъ падающій въ пропасть готовъ схватиться за гибкій стебель дикой розы, у этой безумной дѣвушки надѣялся найти помощь и спасеніе.

II.

Въ Медіоланѣ мы воспользовались гостепріимствомъ того же дома Тита Коликарія, въ которомъ жило и Сенаторское посольство. Не безъ суевѣрнаго страха вошелъ я въ тѣ же покои, изъ которыхъ вышелъ въ послѣдній разъ за тѣмъ, чтобы быть брошеннымъ во мракъ и ужасъ подземной тюрьмы: мнѣ казалось, что эти комнаты не могутъ не принести мнѣ новаго несчастія. Однако все въ домѣ смотрѣло иначе, нежели въ первый разъ: какая-то особенная тишина его наполняла; видѣлось меньше рабовъ; многія комнаты были совсѣмъ заперты. Дѣло въ томъ, что самъ Коликарій два дня тому назадъ выѣхалъ изъ города вмѣстѣ съ императоромъ и всѣми его приближенными, направляясь въ Галліи и на берега Рейна, такъ какъ Граціанъ получилъ, наконецъ, извѣстіе о возмущеніи въ Британнскихъ легіонахъ и о новомъ движеніи Германцевъ.

Гесперія просила Фальтонію не устраивать никакого торжества и не приглашать никого къ обѣду, желая отдохнуть послѣ путешествія и заняться дѣлами. Опередившій насъ окольными дорогами табелларій доставилъ письма изъ Рима, и Гесперія позвала меня разбирать ихъ. Были среди нихъ сообщенія важныя, какъ, напримѣръ, письмо Симмаха, говорившее о положеніи въ Городѣ. Симмахъ писалъ, что народъ въ Римѣ взволновался въ виду вздорожанія припасовъ, плохого подвоза хлѣба изъ Африки и Сициліи и предвидящагося

неурожая. Это дало поводъ Сенату, ссылаясь на волю народа, предложить выслать изъ Города всѣхъ иностранцевъ, чтобы безплатной раздачею хлѣба могли пользоваться лишь одни Римскіе граждане. Такой мѣрою Сенатъ надѣялся удалить изъ Рима значительное число христіанъ и ослабить тѣмъ враждебность населенія къ сторонникамъ родной старины. Исключеніе предполагалось сдѣлать только для актеровъ, мимовъ и всѣхъ лицъ, занятыхъ въ увеселеніяхъ Города, такъ какъ среди нихъ христіанъ мало. Однако, въ вопросъ вмѣшался новый префектъ, Авенцій, котораго считаютъ другомъ Амбросія и тайнымъ христіаниномъ, и воспретилъ приводить эту мѣру въ исполненіе. Конечно, такое запрещеніе послужило только на пользу Сената, въ которомъ народъ сталъ видѣть защитника своихъ исконныхъ правъ.

— Это хорошо, — сказалъ я, прочитавъ письмо вслухъ,— если Граціанъ будетъ побѣжденъ, Римъ сразу станетъ нашимъ.

Гесперія мнѣ ничего не отвѣтила и только странно и чуть-чуть насмѣшливо улыбнулась.

Когда всѣ письма были нами разсмотрѣны, она послала за Маркомъ Рустикомъ, членомъ Медіоланской куріи, человѣкомъ, съ которымъ я раньше не встрѣчался, но который, повидимому, былъ посвященъ во всѣ наши замыслы. То былъ низенькій старичокъ, служившій еще при божественномъ Юліанѣ и бывшій другомъ одного изъ его сподвижниковъ— Пентадія. Рустикъ говорилъ затѣйливо и осторожно и сначала косился на меня, но, видя, что Гесперія оказываетъ мнѣ полное довѣріе, разошелся и разсказалъ не мало любопытнаго, такъ какъ все, что̀ дѣлалось въ Медіоланѣ, было ему столь же извѣстно, какъ хорошему хозяину его домъ.

Понизивъ голосъ, старичокъ разсказывалъ намъ о ссорѣ между императоромъ и Амбросіемъ.

— Епископъ послѣднее время, — говорилъ онъ,—забралъ такую силу, что безъ его разрѣшенія и птицы не могли летать въ имперіи: надо было имѣть на хвостѣ его мѣтку. Онъ христіанинъ, это такъ, и даже вождь христіанъ, но душа у него осталась Римская, не можетъ онъ забыть, что былъ

консуляромъ: ему бы диктаторскія фаски, право жизни и смерти; а императора онъ чуть ли не своимъ подчиненнымъ считалъ. Граціанъ всегда у кого-нибудь въ подчиненіи,—кто къ нему ближе, тому и поддается, какъ женщина. То имъ вертѣлъ по своему усмотрѣнію выжившій изъ ума Авсоній, а потомъ вотъ неистовый Амбросій: сперва мы вездѣ реторскія школы открывали, а теперь стали строить вездѣ церкви. Но все-таки душа у Граціана своевольная; какъ онъ былъ испорченнымъ мальчишкой, таковъ и теперь, хотя нападать предпочитаетъ не прямо, а тайкомъ. Помните, какъ только уѣхалъ отъ Авсонія, такъ всѣ его законы отмѣнилъ. Потомъ пріѣзжаетъ старый реторъ ко двору, а императоръ на него и не смотритъ. Такъ и съ Амбросіемъ: поѣхалъ епископъ къ вамъ въ Городъ, а здѣсь уже тотчасъ забралъ силу Македоній, магистръ оффицій. Прежде епископъ имѣлъ позволеніе во всякое время входить къ императору безъ доклада, словно Меценатъ къ Августу. Вернувшись въ Медіоланъ, идетъ, по обыкновенію, къ своему Граціану, какъ въ свой домъ, а ему говорятъ: „Никого не дозволено пускать". Онъ было возражать стражамъ: „Вы что же, меня не узнали? Запрещеніе ко мнѣ не относится!" — „Нѣтъ, говорятъ, не приказано ни для кого дѣлать исключенія". У епископа, разсказываютъ, такъ борода и запрыгала, но онъ Римлянинъ, умѣетъ себя держать, повернулся и вышелъ. Потомъ сталъ думать, какъ ему вернуть къ себѣ Граціана, придумалъ прійти къ нему съ просьбой о помилованіи одного негодяя, которому должно было отрубить голову,—самая христіаннѣйшая просьба. Даже нарочно, хитрая лиса, выбралъ не христіанина, а человѣка, державшагося вѣры отцовъ. Опять приходитъ и лицомъ къ лицу натыкается на самого Македонія. Тотъ ему опять говоритъ: „Императоръ не велѣлъ никого допускать къ себѣ, — онъ развлекается охотой". Амбросій посмотрѣлъ дерзко и возражаетъ: „Я по дѣлу церкви, исполняю долгъ епископа, никто меня не смѣетъ остановить!"—и хочетъ прямо пройти въ ворота. Но вѣдь нашего Македонія ничѣмъ не смутишь, онъ мигнулъ скиоскимъ стражамъ, тѣ натянули луки и ждутъ:

имъ все равно, епископъ, такъ епископъ! А стрѣла вѣдь одинаково проткнетъ сердце, что раба, что императора, что епископа, и Амбросій-то это хорошо знаетъ: самъ стрѣлялъ не мало. Видитъ онъ, что дѣло плохо, не потерялся, шмыгнулъ въ сторону, обошелъ ограду, да черезъ маленькую калиточку и пробрался въ лѣсъ. Тамъ уже Македоній съ императоромъ, стоятъ, разсуждаютъ, и вдругъ къ нимъ подходитъ самъ Амбросій. Македоній позеленѣлъ, Граціанъ затрясся, ужъ не знаю отъ гнѣва или отъ страха, а епископъ сталъ на колѣни и говоритъ: „Не встану, пока ты, возлюбленное мое чадо, не подаришь мнѣ жизнь несчастнаго, ибо Богу одному дано отымать жизнь!" Смотритъ Амбросій своими глазищами, какъ змѣя на птицу, на Граціана, а тотъ уже весь въ его власти, ни въ чемъ не можетъ ему перечить. Ну, да и Македоній—хитрецъ испытанный, ему бы евнухомъ быть при дворѣ Персидскаго царя: только что императоръ объявилъ свою милость, сейчасъ на конѣ—въ тюрьму и приказалъ преступнику отрубить голову. Потомъ возвращается и говоритъ: „Я, Твоя Святость, поскакалъ исполнить твое приказаніе, но было уже поздно, правосудіе уже совершилось". Тутъ Амбросій посмотрѣлъ на него, должно быть, обо всемъ догадался, и говоритъ: „Скоро придетъ день, когда и тебѣ придется спасать свою жизнь, ты тогда обратишься къ церкви, и церковь останется заперта предъ тобой". Хорошенькое пророчество, не правда ли? А на другой день Граціанъ уѣхалъ, съ Амбросіемъ не повидавшись, какъ говорятъ, догадался разгнѣваться на то, что тотъ нарушилъ его императорское приказаніе. И сидитъ теперь епископъ въ своемъ домѣ одинъ, какъ сычъ, и предчувствуетъ, что кончилась его слава. А кругомъ всѣ всячески прославляютъ Македонія, потому что еще Помпей сказалъ, что у восходящаго солнца больше поклонниковъ, чѣмъ у заходящаго.

Слушая длинную болтовню старика, Гесперія, какъ это она дѣлала и при чтеніи писемъ, что-то записывала въ свои маленькіе пугилляры, съ которыми не разставалась во все время пути. Потомъ она начала подробно и настойчиво раз-

спрашивать Рустика о всѣхъ другихъ событіяхъ и происшествіяхъ въ Медіоланѣ и вела допросъ, какъ самый хитрый судья. Разсказавъ множество незначащихъ пустяковъ, пересыпанныхъ клеветами и злыми отзывами рѣшительно обо всѣхъ поминаемыхъ лицахъ, старикъ неожиданно заговорилъ о дѣлѣ, которое касалось меня близко, такъ что, слушая его, я весь похолодѣлъ. Именно, онъ сталъ разсказывать о томъ мятежѣ христіанъ, который подняла Реа со своими сторонниками.

По его словамъ, мятежники, которымъ удалось бѣжать изъ Медіолана, были сначала малочисленны. Но скоро къ нимъ стали примыкать жители селеній, недовольные поборами и притѣсненіями. Тогда противъ мятежниковъ, отказывающихъ въ повиновеніи императору, была отправлена когорта съ приказаніемъ переловить всѣхъ и доставить въ городъ. Произошло однако неожиданное: колоны, вооруженные вилами и старыми мечами, разбили въ правильномъ бою Римскую когорту и обратили ее въ постыдное бѣгство. Понимая все же, что противъ значительныхъ силъ имъ не удержаться, они послѣ того удалились въ горы къ Ларію и тамъ возмутили еще пять или шесть селеній. Императоръ передъ самымъ своимъ отъѣздомъ отдалъ распоряженіе послать противъ нихъ префекта съ полнымъ легіономъ и въ корнѣ уничтожить возстаніе. Въ настоящее время съ этой толпой всякаго сброда идетъ настоящая война, Римскіе воины загородили всѣ дороги, держатъ мятежниковъ въ осадѣ и ждутъ только подходящаго времени, чтобы итти приступомъ на ихъ горное гнѣздо.

Трудно описать, въ какое смятеніе привелъ меня этотъ разсказъ старика. Мнѣ ясно вспомнился образъ странной дѣвушки, которая влекла меня въ области мнѣ чуждыя, но съ которой провелъ я столько сладкихъ минутъ. Мнѣ представилась Реа, окруженная своими новыми приверженцами, людьми, ей чужими и грубыми, безъ поддержки и дружественнаго совѣта,—и мнѣ стало безконечно жаль ее. Еще я подумалъ о томъ, что кому-то она, можетъ быть, говоритъ

тѣ же нѣжныя слова, какъ когда-то мнѣ, и—странное дѣло—я почувствовалъ, что Гарпійные когти ревности вонзаются мнѣ въ сердце. Наконецъ, я сказалъ себѣ, что окруженная врагами, запертая цѣлымъ легіономъ въ горахъ, она со своими друзьями обречена на неизбѣжную гибель, и мнѣ захотѣлось Рею предупредить, спасти, отговорить отъ ея безумнаго предпріятія. Воображая предъ своими глазами ея тѣло, насилуемое дикими скиоами Граціановскаго войска, пробитое стрѣлами или копьемъ, ея голову, съ безумными глазами, отсѣченную отъ плечъ мечомъ,—я сознавалъ, что долгъ мой—итти къ ней и увести ее изъ той середины Тартара, въ которую она бросилась сама въ своемъ безудержномъ ослѣпленіи.

Когда Рустикъ, разсказывавшій еще не мало другого, наконецъ ушелъ, я тотчасъ обратился къ Гесперіи съ просьбой отпустить меня на нѣсколько дней, чтобы попытаться проникнуть къ Реѣ, тѣмъ болѣе, что все равно мы намѣревались пробыть въ Медіоланѣ не меньше недѣли.

— Быть можетъ,—говорилъ я,—мнѣ удастся тамъ сдѣлать что-нибудь полезное для нашихъ замысловъ. Быть можетъ, этихъ христіанъ мнѣ удастся привлечь на нашу сторону, такъ какъ у насъ общій врагъ—Граціанъ. Наконецъ, быть можетъ, я сумѣю помочь имъ въ ихъ борьбѣ съ императорскими войсками, и это тоже будетъ для насъ не лишнее.

— Не лицемѣрь!—возразила мнѣ Гесперія.—Ты просто хочешь вновь увидѣть ту дѣвушку, о которой ты мнѣ говорилъ. Несмотря на всѣ твои клятвы въ любви ко мнѣ, ты горишь отъ желанія опять ее обнимать. Ты недостаточно насытился ея ласками, а мужчины любятъ каждую женщину исчерпать до дна.

Невольно покраснѣвъ, я сталъ клясться Гесперіи, что она неправа, что нѣтъ никого въ мірѣ, кого я любилъ бы, кромѣ нея, что никакая другая женщина не можетъ быть мнѣ желанна, что руководитъ мною только ревность къ нашему общему дѣлу, которому я могу быть полезенъ по своей прежней близости къ Реѣ.

— Все равно, я тебѣ не вѣрю, Юній,—сказала Гесперія,— я вижу, что эта Герса очаровала моего Меркурія (такъ иногда меня называла Гесперія), но все равно, я не могу тебя отпустить ни на часъ. Ты мнѣ нуженъ всегда, и я не знаю, когда именно. Затѣмъ подумай, что пріютъ мятежниковъ оцѣпленъ войскомъ, проникнуть туда можно, но выйти оттуда будетъ не легко. Тебя убьютъ или захватятъ, а всѣ мои расчеты построены на томъ, что со мною долженъ быть человѣкъ, совершенно мнѣ вѣрный. Нѣтъ, тебѣ итти нельзя.

Когда я попытался настаивать еще, Гесперія нахмурила брови и произнесла уже строго:

— Ты поклялся повиноваться каждому моему слову. Что̀ же, при первомъ же испытаніи ты хочешь нарушить свою клятву? Если такъ, ступай, но тогда ко мнѣ ты не вернешься никогда. Я такъ сказала.

Конечно, послѣ этого я сталъ просить прощенія въ своей дерзости, отрекался отъ своего желанія и умолялъ вернуть мнѣ прежнюю благосклонность. Однако, весь тотъ день Гесперія, какъ бы наказывая меня, больше со мною не говорила. За обѣдомъ она бесѣдовала исключительно съ Фальтоніей и рано удалилась въ отведенную ей комнату, сославшись на усталость послѣ дороги.

Я, очутившись вновь въ той же комнатѣ, гдѣ когда-то обдумывалъ способы убить императора, испыталъ непобѣдимую дрожь. Мнѣ то казалось, что въ углу еще стоитъ мой ларь съ роковымъ колобіемъ, то, что сейчасъ отворится дверь, войдетъ съ коварной улыбкой Сиріецъ, и меня опять потащатъ въ смрадъ подземной тюрьмы. Ощущеніе всего недавно пережитаго мною было такъ сильно, что нѣчто вродѣ позорной робости овладѣло мною. Я сталъ думать о томъ, что моя мысль—итти въ станъ къ Реѣ—была безразсудной. Помочь ей я не могъ ничѣмъ, но легко могъ погибнуть вмѣстѣ съ нею или по меньшей мѣрѣ быть схваченнымъ среди мятежниковъ. Тогда, навѣрное, я снова попалъ бы въ подземелье и на этотъ разъ, вѣроятно, не миновалъ бы пытки и рабской смерти. Эти размышленія убѣдили меня,

что Гесперія поступила правильно, отказавъ мнѣ въ своемъ разрѣшеніи, и я готовъ былъ радостно ее благодарить за то, что она спасла меня отъ немалой опасности и отъ поступка безумнаго. Съ такими мыслями я и заснулъ.

Но утромъ Гесперія призвала меня къ себѣ и сказала мнѣ:

— Юній, я передумала, ты можешь итти въ лагерь христіанскихъ мятежниковъ, я это тебѣ разрѣшаю.

— Нѣтъ, нѣтъ,—возразилъ я,—ты была права, мнѣ не слѣдуетъ итти къ нимъ, я остаюсь съ тобой.

— Нѣтъ,—отвѣтила въ свою очередь Гесперія,—ты пойдешь къ нимъ. Я не хочу, чтобы ты думалъ, что я запрещаю тебѣ видѣться съ твоей возлюбленной. Иди и дѣлай съ ней, что̀ хочешь, но только возвратись сюда до истеченія восьми дней. Послѣ этого срока я уѣду одна.

Я сталъ спорить, увѣряя, что у меня болѣе нѣтъ никакого желанія видѣть Рею, что наканунѣ я былъ безуменъ, выразивъ такое намѣреніе. Но снова Гесперія сдвинула брови и снова строгимъ голосомъ приказала мнѣ повиноваться ей.

— Я такъ хочу,—повторила она.—И притомъ ты, дѣйствительно, можешь быть тамъ полезенъ нашему дѣлу. Я найду для тебя надежнаго проводника. Ты проникнешь въ самое сердце мятежа и потомъ разскажешь мнѣ все, что̀ тамъ видѣлъ и что̀ тамъ дѣлалъ.

Я увидѣлъ, что спорить безполезно, и такъ уже привыкъ къ неожиданнымъ перемѣнамъ рѣшеній Гесперіи, что въ концѣ концовъ не слишкомъ изумился. Правда, ночныя соображенія еще нѣсколько тревожили меня, но все же втайнѣ я былъ радъ вновь увидѣть Рею. Поэтому я подчинился приказаніямъ моей госпожи, повторивъ только, что иду къ мятежникамъ не ради женщины. Гесперія же такъ дѣятельно принялась за приготовленія къ моему путешествію, словно то была самая ея завѣтная мысль. Она вновь вызвала къ себѣ Рустика и попросила его найти для меня проводника, который могъ бы провести меня въ горы, мимо стражи, выставленной префектомъ.

Весь день, занимаясь разными дѣлами, принимая разныхъ лицъ, Гесперія возвращалась къ моему путешествію и торопила Рустика. Когда къ вечеру нужный человѣкъ былъ отысканъ, Гесперія призвала меня для послѣднихъ указаній и совѣтовъ. Она говорила съ дѣловымъ видомъ, холодно, словно отдавая приказаніе домоправителю.

— Лепонцій Кунигастъ,—говорила она,—проводитъ тебя завтра утромъ до самыхъ мѣстъ, занятыхъ мятежниками. Дальше ты долженъ будешь найти дорогу самъ. Высмотри у христіанъ все: ихъ силы, ихъ вооруженіе, ихъ способы сражаться; узнай всѣ ихъ потаенные замыслы. Намекни имъ о той борьбѣ, которую мы начинаемъ. Если удастся, убѣди ихъ подождать съ рѣшительными дѣйствіями, временно скрыться, разсѣяться въ горахъ и потомъ нанести ударъ одновременно съ нами. Это все ты долженъ сдѣлать, и да помогутъ тебѣ боги, прежде же всѣхъ быстрый посолъ Меркурій. Теперь слушай дальше. Здѣсь, въ Медіоланѣ, я буду ждать тебя до ближайшей нундины, и если къ тому времени ты не вернешься, поѣду дальше, въ Галліи. Ты же, если тогда будешь живъ, не возвращайся въ Медіоланъ, но попытайся добраться горными дорогами въ Генаву. Тамъ, около города, есть помѣстье нашего вѣрнаго друга, Манія Вибиска. Назови ему мое имя, и отъ него ты узнаешь, гдѣ я. Тогда спѣши за мною, я буду ѣхать медленно, такъ какъ у меня много дѣлъ по пути. Ничего не говорю тебѣ о томъ, какъ ты долженъ хранить въ чужомъ станѣ и среди враговъ, если попадешь въ ихъ руки, наши тайны: это ты самъ знаешь. Теперь же возьми это.

И опять, какъ много мѣсяцевъ назадъ, Гесперія подала мнѣ кошелекъ съ деньгами и кинжалъ. У меня не было ни оружія, ни денегъ, и я не могъ отказаться отъ такого дара, но воспоминаніе о первомъ поцѣлуѣ Гесперіи такъ мучительно сдавило мое сердце, что я едва не заплакалъ при этихъ спокойныхъ, строгихъ словахъ, такъ непохожихъ на страстный шопотъ того другого дня.

— Гесперія! — воскликнулъ я, — когда-то ты предложила

мнѣ тѣ же двѣ вещи, но, помнишь, съ ними ты дала мнѣ свои губы. Дай, дай мнѣ ихъ и сегодня, и тогда ты будешь увѣрена, что я скорѣе умру за тебя, чѣмъ сдѣлаю одно движеніе, которое можетъ тебя обидѣть.

Я уже протянулъ руки, чтобы обнять женщину, но она своимъ обычнымъ движеніемъ уклонилась отъ моего поцѣлуя, хотя эти послѣдніе дни, во время нашего переѣзда, я цѣловалъ ее такъ много разъ. Рѣшительно отстранивъ меня, Гесперія сказала:

— Ты не получишь сегодня моихъ губъ. Онѣ останутся у меня какъ залогъ твоей вѣрности. Когда ты вернешься прежнимъ ко мнѣ, можетъ быть, я тебѣ ни въ чемъ не откажу. Иди съ этой надеждой, а теперь—прощай.

Повернувшись, Гесперія вышла изъ комнаты, и я ее достаточно зналъ, чтобы не настаивать больше. Глаза стали у меня влажными отъ обиды и горя. „Я вернусь достойнымъ ея!" сказалъ я самъ себѣ, и образъ Реи представился мнѣ въ ту минуту такимъ чужимъ, такимъ ненужнымъ, что я опять проклиналъ себя за свою глупую затѣю. Мнѣ казалось, что я готовъ отдать все, только бы не быть принужденнымъ ѣхать въ станъ мятежниковъ, остаться съ Гесперіей, продолжать съ ней наше путешествіе.

Нѣсколько успокоившись, я разсмотрѣлъ дары Гесперіи. То былъ прекрасный Испанскій кинжалъ, на ручкѣ котораго былъ красиво изображенъ богъ Меркурій съ факеломъ и вырѣзаны два слова: „Disce mori". Въ кошелькѣ было золото и серебро и письмо къ какому-то аргентарію Генавы съ приказаніемъ выплатить подателю еще двѣ тысячи денаровъ. Я подумалъ о томъ, какъ внимательно позаботилась обо мнѣ Гесперія, и это меня нѣсколько утѣшило.

Въ тотъ день я болѣе не видѣлъ Гесперіи: она намѣренно не хотѣла мнѣ показаться, чтобы у меня въ воспоминаніяхъ осталось то ея лицо, какое я видѣлъ въ часъ нашего прощанія. Только какой-то рабъ, по ея приказанію, передалъ мнѣ, что я долженъ быть готовъ въ началѣ четвертой стражи. Дѣйствительно, еще было темно, когда ко мнѣ въ дверь по-

стучались. Но я уже не спалъ и, быстро одѣвшись, вышелъ на зовъ. Неизвѣстный человѣкъ въ простой одеждѣ стоялъ у дверей и спросилъ меня на плохомъ Латинскомъ языкѣ:

— Это ты, кого я долженъ проводить въ горы?

Я отвѣтилъ утвердительно и вернулся въ свою комнату, чтобы сдѣлать послѣднія приготовленія къ пути. Я спряталъ монеты и денежное письмо подъ платьемъ, а кинжалъ прикрѣпилъ у пояса, чтобы оружіе всегда было у меня подъ рукою. Черезъ нѣсколько минутъ мы вышли, вдвоемъ съ моимъ вожатымъ, изъ дома Тита Коликарія. Аврора едва лишь успѣла растворить ворота неба, и легкая прохлада еще плыла по пустымъ улицамъ императорскаго города.

III.

Пройдя почти весь городъ, мы вышли черезъ ворота, причемъ мой проводникъ предъявилъ стражамъ пропускъ, подпись подъ которымъ заставила ихъ оказать намъ знаки величайшаго почтенія. Недалеко отъ городской стѣны, въ маленькомъ деверсоріи, насъ ждали осѣдланныя лошади. Всѣ эти доказательства вниманія, проявленнаго ко мнѣ Гесперіей, опять исполнили мою душу чувствомъ умиленія.

На лошадяхъ мы поѣхали по прекрасной дорогѣ, шедшей прямо на сѣверъ. Мой спутникъ плохо владѣлъ Латинскимъ языкомъ, а я не понималъ его страннаго горнаго нарѣчія; кромѣ того, онъ вообще былъ, повидимому, неразговорчивъ, и мы подвигались впередъ молча. У меня было время предаваться своимъ размышленіямъ, и я думалъ о Гесперіи. Я вспоминалъ все, что̀ она говорила мнѣ на прощаніе, ея поступки, ея лицо, и новая волна радостной любви заливала мою душу.

Мнѣ казалось несомнѣннымъ, что отпустила меня Гесперія только изъ чувства ревности, которая, какъ все въ ея душѣ, принимала формы обратныя, чѣмъ у другихъ женщинъ. Догадавшись, что меня влечетъ къ Реѣ, что мнѣ томительно хочется еще разъ ее увидѣть, Гесперія почувствовала себя оскорбленной, именно какъ женщина. И тогда какъ для всѣхъ другихъ это послужило бы причиной воспретить мнѣ мою поѣздку, она, напротивъ, настояла на томъ, чтобы я отправился въ станъ мятежниковъ. Именно потому, что она ревновала меня, она желала дать мнѣ всѣ возможности ея ревность

оправдать. Такъ думая, я, впервые въ жизни, начиналъ вѣрить въ то, что Гесперія меня дѣйствительно любитъ.

Потомъ мои мысли обратились къ тому мѣсту, куда я направлялся. Я сталъ думать о Реѣ, и въ томъ порывѣ любви, нѣжности и благодарности къ Гесперіи, который владѣлъ мною, я тутъ же давалъ себѣ клятвы не поддаваться болѣе хитрымъ искушеніямъ дѣвушки. „Гесперія! — восклицалъ я въ душѣ:—я оправдаю твое довѣріе, оправдаю болѣе, нежели ты ожидаешь! Я скажу Реѣ, что ее не люблю, что ея замыслы мнѣ вполнѣ чужды, что я не христіанинъ и не сторонникъ ея религіи Змія и Антихриста, что я чту и всегда буду чтить боговъ безсмертныхъ! Я скажу Реѣ, что явился лишь за тѣмъ, чтобы спасти ее отъ неизбѣжной гибели подъ мечомъ легіонаріевъ. Я ей предложу бѣжать со мною, а если она откажется, то мнѣ не въ чемъ будетъ себя винить. И на всѣ ея безумныя заискиванія и льстивыя ласки я сумѣю отвѣтить строго и холодно. На всемъ кругѣ земли я не хочу другой женщины, кромѣ Гесперіи, прекрасной, мудрой, великой Гесперіи!"

И вполголоса я повторялъ тѣ слова, что̀ мнѣ сказала Гесперія на прощаніе: „Когда ты вернешься прежнимъ ко мнѣ, можетъ быть, я тебѣ ни въ чемъ не откажу", — слова, заставлявшія мое сердце усиленно биться предвкушеніемъ какого-то невѣдомаго счастія.

Между тѣмъ мы продолжали подвигаться впередъ по той же прекрасной дорогѣ. Сначала она была окаймлена садами и воздѣланными полями, но потомъ все чаще стали встрѣчаться покинутые дома и заброшенныя нивы. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, черезъ которыя мы проѣзжали, едва ли не половина всѣхъ жилищъ стояла съ дверями и окнами, заколоченными досками. Я безпрестанно порывался ускорить шагъ коня, чтобы скорѣе достичь стѣны Альпъ, которыя все отчетливѣй и величественнѣй вырисовывались передо мною, но мой проводникъ сдерживалъ мое нетерпѣніе, говоря, что все равно намъ должно будетъ прервать наше путешествіе, чтобы въ утреннемъ сумракѣ обойти отряды, выставленные

префектомъ на тропахъ, ведущихъ въ горы. Мы позавтракали съ моимъ молчаливымъ спутникомъ въ дорожной стабулѣ, причемъ пропитаніе показалось мнѣ достаточно скуднымъ послѣ роскошныхъ пировъ, на которыхъ я участвовалъ за послѣдіе дни, и потомъ продолжали нашъ путь на сѣверъ, пока не достигли первыхъ холмовъ. Здѣсь мой проводникъ объявилъ, что мы должны остановиться, хотя было еще совершенно свѣтло, и мы могли бы еще до темноты достигнуть береговъ Комацея.

Ночь мы провели въ хижинѣ какого-то пастуха, вмѣстѣ съ нимъ и его свирѣпыми собаками, похожими на леопардовъ изъ цирка, тѣсной и душной. Но еще до пробужденія Эосъ проводникъ уже разбудилъ меня, торопя въ путь. Лошадей мы оставили у пастуха, а сами отправились окольными путями, по какимъ-то едва различимымъ тропинкамъ. Горная мѣстность едва начиналась, но торжественныя вершины, на которыхъ не постыдился бы избрать свое мѣстопребываніе самъ отецъ боговъ и царь людей, сверкали своими снѣгами въ ясной утренней мглѣ и казались странно приближенными къ намъ. Спотыкаясь о мелкіе камни, цѣпляясь за кусты тамъ, гдѣ приходилось итти вдоль обрывовъ, я не могъ не любоваться красотой страны, которая вѣнчаетъ Италію, какъ діадема императора.

Мы то подымались на самый гребень холма, то вновь спускались въ долину, чтобы начать новое восхожденіе. Съ одной изъ вершинъ мой проводникъ показалъ мнѣ рукою вдаль и сказалъ кратко:

— Новый лагерь.

Я смутно различилъ вдали правильный четыреугольникъ окоповъ и рвовъ, и мнѣ даже показалось, что я вижу значекъ, поставленный передъ преторіемъ и трибуналомъ. Странно, что какая-то сладкая тоска сдавила мнѣ сердце, словно во мнѣ заговорила кровь моихъ предковъ, водившихъ Римскіе легіоны къ побѣдамъ, и словно мнѣ стало больно, что самъ я не ношу меча и не привыкъ прислушиваться къ звукамъ военной трубы. Я настолько забылъ, что въ эту минуту именно

Римскихъ легіонаріевъ долженъ опасаться больше всего, что готовъ былъ рукоплескать и кричать привѣтствія, какъ женщины, когда по городу проходитъ войско.

Когда мы покружили еще около мили, мой проводникъ сказалъ мнѣ:

— Дальше ты пойдешь вотъ по этой тропѣ, и ты придешь, куда тебѣ надо. Мы теперь миновали всѣ сторожевые отряды, и мое дѣло исполнено. Я вернусь обратно.

Поблагодаривъ моего спутника, я хотѣлъ дать ему нѣсколько серебряныхъ монетъ, но онъ отказался рѣшительно, сказавъ, что за всѣ услуги ему уплачено. На своемъ настоять я не могъ, и честный Лепонцій, попрощавшись со мною, повернулся и быстрыми шагами сталъ удаляться, такъ что скоро я остался совершенно одинъ въ мѣстности пустынной и мнѣ неизвѣстной. Кругомъ было тихо, какъ въ странѣ мертвыхъ, никакого признака жилья нельзя было замѣтить нигдѣ, и одну минуту у меня даже мелькнуло соображеніе, что проводникъ завелъ меня сюда съ коварствомъ, чтобы погубить въ горахъ. Однако я поспѣшно отогналъ отъ себя эту мысль, сѣлъ на камнѣ подъ лучами Феба, палившими уже горячо, и сталъ обдумывать свое положеніе, прежде чѣмъ продолжать дальнѣйшій свой путь.

Съ дѣтства я привыкъ къ жизни среди книгъ великихъ древнихъ авторовъ, которые всегда были лучшими друзьями моего отрочества, и всѣ годы моей недолгой жизни прошли въ безопасности большого города или загороднаго помѣстья. Но также съ дѣтства непонятное влеченіе жило во мнѣ, манившее меня къ опасностямъ и приключеніямъ, можетъ быть, отголосокъ иныхъ чувствъ, знакомыхъ моимъ славнымъ предкамъ, чьи изображенія украшаютъ атрій моего родного дома,—мужей, умѣвшихъ подставлять свою грудь подъ тучи Парѳянскихъ стрѣлъ, Персидскихъ дротиковъ и подъ угрозу Германскихъ мечей. И теперь, зная, что я окруженъ врагами, что сзади меня—Римскіе легіонаріи, готовые схватить меня, какъ мятежника противъ святости императора, а впереди—изступленные почитатели Змія, которые, быть можетъ, при-

мутъ меня за императорскаго соглядатая и первые предадутъ смерти,—я не испытывалъ страха, но, напротивъ, необыкновенная бодрость разливалась по моимъ членамъ. Душа моихъ предковъ оживала во мнѣ, исконная душа Римлянина-воина, здѣсь, на этой пограничной полосѣ, гдѣ скоро долженъ былъ разразиться бой между сторонниками Граціана и мятежниками, въ своемъ безуміи мечтающими установить на землѣ новую вѣру и новое царство—грядущаго Антихриста. „Дерзающимъ помогаетъ Фортуна!" — сказалъ я себѣ словами моего любимаго Вергилія и, вставъ, пошелъ по указанному мнѣ направленію.

Около часа я шелъ впередъ, и мѣстность становилась все болѣе дикой и все болѣе гористой, деревья и кусты на привольѣ росли кругомъ, закрывая видъ на удаленныя снѣжныя вершины, но попрежнему ничто не указывало мнѣ, что поблизости живутъ люди. Внезапно звуки какого-то пѣнія стали достигать до меня, странно поражая сѣрыя скалы и завязая въ колючихъ кустарникахъ. Я замедлилъ шаги и сжалъ рукою кинжалъ, данный мнѣ Гесперіей, готовясь въ первый разъ въ жизни оружіемъ отстаивать свою жизнь и свободу. Тропа въ этомъ мѣстѣ дѣлала крутой изгибъ вокругъ почти отвѣсной скалы, и мнѣ не было видно, кто идетъ навстрѣчу мнѣ, хотя уже все явственнѣй слышались голоса, среди которыхъ я безъ труда различилъ и женскіе. „Не новый ли Сфинксъ ждетъ меня, какъ новаго Эдипа, на этой горной дорогѣ?"—шутя, спрашивалъ я самъ себя.

И вотъ изъ-за поворота показалось странное шествіе: впереди шла женщина, одѣтая во все алое, съ обнаженнымъ мечомъ въ рукѣ; ея голова была увѣнчана бѣлой повязкой вродѣ діадемы или тѣхъ, что̀ носятъ жрецы. За женщиной двигалась цѣлая толпа въ самыхъ разнородныхъ одеждахъ, большею частью простыхъ, причемъ всѣ шедшіе тоже держали въ рукахъ мечи, дубины или вѣтви. Медленно подвигаясь, всѣ пѣли нѣкій гимнъ, похожій на пѣснопѣніе христіанскаго служенія, но словъ котораго я не могъ различить. И когда между нами было уже не болѣе какъ шаговъ сорокъ,

я вдругъ узналъ, что женщина въ аломъ не кто иная, какъ Реа.

Пока я стоялъ отъ изумленія неподвижнымъ, Реа приблизилась ко мнѣ, простерла торжественно руку и возгласила:

— Salve, Юній, ожидаемый и желанный, мой братъ возлюбленный, приходящій во-время къ новымъ людямъ.

И вдругъ вся толпа, неистово потрясая мечами, кольями и вѣтвями, закричала ей въ отвѣтъ нестройно и дико, почти оглушая меня этимъ воплемъ:

— Salve, salve, Юній!

Я не зналъ, что̀ говорить, что̀ дѣлать, но Реа охватила меня руками, поцѣловала въ губы и властнымъ голосомъ приказала своимъ приближеннымъ:

— На рукахъ несите его въ нашъ храмъ.

Тотчасъ, прежде чѣмъ я успѣлъ сдѣлать одно движеніе, десятокъ дюжихъ рукъ подхватилъ меня и поднялъ на воздухъ. Черезъ минуту шествіе тронулось обратно подъ пѣніе того же страннаго гимна, а я неловко колыхался, высясь надъ головами толпы, и предпочиталъ подчиняться неизбѣжному, потому что не могъ придумать, какъ я могу сопротивляться. Впрочемъ, я воспользовался своимъ положеніемъ, чтобы осмотрѣть сопровождавшую меня толпу: въ ней было не меньше ста человѣкъ, изъ которыхъ больше половины были женщины, всѣ шагали бодро и весело, и мнѣ казалось, что на всѣхъ лицахъ была какая-то неодолимая увѣренность и что всѣ глаза были словно у пьяныхъ.

Такъ мы обогнули отвѣсную скалу, вокругъ которой вилась тропа, спустились въ небольшую долину, сплошь заросшую кустарникомъ, и потомъ вновь стали подыматься на новую возвышенность. Тогда я увидѣлъ, что тамъ, прилѣпясь къ другой скалѣ, была расположена семья маленькихъ домиковъ, грубо сложенныхъ изъ сѣраго камня. Изъ этого селенія навстрѣчу намъ тянулась новая вереница людей, мужчинъ, женщинъ, дѣтей, причемъ даже казалось страннымъ, что въ такомъ пустынномъ мѣстѣ могло быть такое стеченіе народа, которому негдѣ было даже помѣститься.

По мѣрѣ того какъ мы приближались къ тѣмъ, кто шелъ впереди другихъ, Реа быстро говорила имъ нѣсколько словъ, и всѣ тоже начинали восклицать восторженно:

— Salve, Юній!

Поистинѣ, какъ тріумфаторъ, я былъ внесенъ въ это маленькое горное селеніе, и несшіе меня не прежде позволили мнѣ стать на ноги, какъ когда я оказался передъ дверью дома, нѣсколько болѣе обширнаго, чѣмъ другіе, украшенной зеленью и грубо сдѣланнымъ изъ дерева изображеніемъ Змія. То былъ, какъ я вскорѣ узналъ, одновременно храмъ и дворецъ, и двое простоватыхъ юношей съ копьями въ рукахъ стояли у двери, какъ сторожевые. Реа, подойдя ко мнѣ, позвала меня войти въ храмъ и растворила дверь, толпа же, пропустивъ насъ, почтительно осталась у порога.

Въ небольшой комнатѣ съ землянымъ поломъ почти не было обстановки. Часть помѣщенія, впрочемъ, была отгорожена занавѣской, передъ которой стояло невысокое ложе, вѣроятно, знавшее когда-то лучшее сосѣдство, если судить по украшеніямъ въ видѣ позолоченныхъ змѣй, конечно, и соблазнившимъ исповѣдниковъ новой вѣры. На этомъ ложѣ въ сладкомъ снѣ покоился юноша, въ которомъ я тотчасъ призналъ нашего Антиноя, представшаго намъ на ночномъ собраніи зміепоклонниковъ. Подойдя къ юношѣ, Реа легкимъ прикосновеніемъ разбудила его и сказала:

— Проснись, Люциферат! Къ тебѣ я привела новаго брата, твоего предтечу, Іоанна, приготовившаго тебѣ пути царственные! Отъ него ты крещенъ во Іорданѣ огненномъ, и нынѣ ты воздай ему по заслугамъ его.

Юноша оглядывался столь же изумленно, какъ я, и тоже, какъ я, не зналъ, что̀ отвѣчать. Тогда Реа обернулась къ народу, продолжавшему съ любопытствомъ толпиться у двери, и, повысивъ голосъ, заговорила ко всему сборищу:

— Люди новые! Исполнилось послѣднее ожиданіе наше! Съ нами тотъ, кого мы такъ долго тщетно ждали. Теперь заполнено все число апостоловъ вашихъ и не страшны намъ мечи враговъ нашихъ и угрозы преслѣдующихъ насъ. Послан-

ники Князя воздушнаго станутъ на защиту нашу и слѣпотой поразятъ всѣхъ, кто подыметъ руку на насъ. Радуйтесь, люди новые, слава великая уже осѣнила васъ и торжество великое ожидаетъ насъ. Народы всѣхъ земель поклонятся намъ и изъ насъ изойдетъ спасеніе міру. Теперь разойдитесь по домамъ, потому что свершили мы, что̀ было намъ предназначено, а вечеромъ вновь мы соберемся на молитву общую Господину нашему. Тогда узнаете, что̀ намъ предстоитъ. Идите.

Повинуясь приказанію Реи, всѣ начали удаляться, и домъ опустѣлъ, такъ что въ комнатѣ осталось насъ трое: Реа, я и мой Антиной, котораго теперь называли Люциферaтомъ. Я все еще не промолвилъ ни слова и все еще не зналъ, какъ мнѣ приступить къ Реѣ послѣ нашей долгой разлуки. Но Реа, оставивъ меня, набросилась съ грубыми упреками на красиваго юношу.

— Стыдись, Люцеферaтъ, — сказала она съ гнѣвомъ, — неужели ты никогда не научишься говорить! Развѣ не предупреждала я тебя, что въ одинъ изъ этихъ дней къ намъ долженъ прійти Юній, твой братъ по духу? Развѣ не учила я тебя, что̀ долженъ ты ему сказать? Или ты все забылъ?

Красавецъ-юноша, нареченный императоромъ и признанный Антихристомъ, виновато потупилъ глаза подъ упреками дѣвушки и возразилъ нѣжнымъ голосомъ:

— Милая моя сестрица! ты знаешь, что я не умѣю говорить. Кромѣ того, я спалъ и не сразу могъ понять, кто пришелъ. Ты на меня не сердись, я тебя очень люблю.

— Молчи, негодный, — отвѣтила Реа, — нашелъ чѣмъ оправдываться: онъ спалъ! Ты цѣлые дни спишь, и ничего другого не дѣлаешь! И я не сестра тебѣ болѣе: со мной теперь мой братъ, Юній. Тебѣ же я выберу другую сестру изъ нашихъ женщинъ.

При такой угрозѣ юноша весь поблѣднѣлъ и жалобнымъ голосомъ, словами безсвязными сталъ умолять Рею не прогонять его отъ себя, но она оставалась неумолимой. Тогда нашелъ возможнымъ вмѣшаться я и сказалъ:

— Милая Реа, если ты меня называешь братомъ, какъ друга, ты права, но если ты въ это названіе влагаешь иной смыслъ, ты очень ошибаешься. Я пришелъ сюда лишь за тѣмъ, чтобы спасти тебя, и надѣюсь, что мнѣ это удастся. Ты, вѣроятно, не знаешь, какая опасность тебѣ грозитъ. Но здѣсь остаться я могу всего одинъ день, такъ какъ важныя дѣла заставляютъ меня немедленно возвратиться въ Медіоланъ.

Не обращая вниманія на мои слова, Реа продолжала говорить къ юношѣ:

— Ложись опять и спи еще. Но не смѣй выходить изъ дому безъ моего позволенія. И если придетъ твоя мать, пошли ее ко мнѣ. Прощай.

Взявъ меня за руку, Реа вывела меня изъ дома, и я замѣтилъ, что, уходя, она закрыла дверь на ключъ, такъ что бѣдный Люциферат остался въ комнатѣ запертымъ. На улицѣ Реа снова приняла свою царственную осанку, приказала юношамъ съ копьями охранять входъ въ храмъ, не впуская въ него никого, и медленно повела меня на край селенія, причемъ встрѣчавшіеся почтительно разступались передъ нами. Такъ мы дошли до маленькой хижины, которую занимала сама Реа и у дверей которой тоже стоялъ человѣкъ на стражѣ; Реа ввела меня внутрь, старательно закрыла дверь, потомъ усадила меня на скамью, и вдругъ ставъ обыкновенной женщиной, опустилась предо мною на колѣни и разлилась въ безудержныхъ жалобахъ:

— Юній, мой Юній! какъ долго я ждала тебя! Я каждый день выходила съ народомъ навстрѣчу тебѣ, но тебя все не было. Но теперь ты со мною, и снова все хорошо. Теперь я опять вѣрю и въ себя, и въ свое дѣло.

Съ утра я ничего не ѣлъ и не пилъ и былъ довольно утомленъ переходомъ по скаламъ, однако я поспѣшилъ воспользоваться случаемъ, чтобы сразу выяснить свое положеніе. Я отстранилъ руки Реи, такъ какъ она обнимала меня, и сказалъ ей строго:

— Не будь безумной, Реа. Я пришелъ только потому, что узналъ, какими опасностями ты окружена. Знай, что

Граціанъ, съ которымъ вы мечтаете бороться, выслалъ противъ васъ полный легіонъ. Я самъ видѣлъ новый лагерь въ горахъ. Еще черезъ нѣсколько дней легіонаріи ворвутся сюда, и вы всѣ, ты и твои новые люди, будете перебиты мечами или уведены въ городъ, гдѣ васъ бросятъ въ тюрьму. Ты должна бѣжать со мною: еще есть время. Оставь свою безумную затѣю. Послѣ, въ свободное время, я укажу тебѣ другіе пути, чтобы ниспровергнуть власть Граціана, теперь же надо думать лишь о собственномъ спасеніи.

Словно изумленная, Реа встала съ колѣнъ, посмотрѣла мнѣ въ лицо и возразила гордо:

— Ты все забылъ, Юній, за тѣ мѣсяцы, что̀ былъ далеко отъ меня. Мы не можемъ быть побѣждены. Мы, помощью силъ тьмы, уже торжествовали надъ воинами Римскими. Мы восторжествуемъ еще не разъ. Намъ Рокомъ суждена побѣда. За меня вся Реція, и стоитъ мнѣ сказать слово, какъ десять тысячъ человѣкъ придутъ сюда, чтобы сражаться за своего Господина. Силы враговъ мнѣ не страшны.

— Ты опять безумствуешь и обольщаешься, — отвѣтилъ я.—Вспомни судьбу Помпея, тоже увѣрявшаго, что ему достаточно топнуть, чтобы изъ земли вышли легіоны. И что̀ могутъ твои пастухи и колоны, вооруженные старыми мечами и вилами, противъ легіона, окрѣпшаго въ бояхъ съ Франками! Ты знаешь, что я не менѣе твоего желаю погибели Граціану; послушайся меня, я дамъ тебѣ совѣтъ, какъ успѣшнѣе бороться съ императоромъ и нанести ему бо̀льшій вредъ.

— Я слушаю голосъ Божій, указывающій мнѣ, по какой дорогѣ итти,—гордо отвѣтила Реа.—Я подчиняюсь Року, ибо изъ его лука брошена я, какъ стрѣла, въ станъ враговъ. Я—въ рукѣ Бога живого, и Онъ направляетъ мои шаги.

Пока Реа говорила такъ, я разсматривалъ ея лицо и вновь отчетливо видѣлъ, что она была некрасива и старообразна. У нея былъ сѣроватый цвѣтъ кожи, неправильныя черты, глаза, въ обычное время казавшіеся безцвѣтными. И ничего, кромѣ большой жалости къ этой женщинѣ, не

было въ моей душѣ. Съ радостью подумалъ я, что ея чары болѣе надо мною не властны, и безъ всякаго волненія спросилъ ее:

— Неужели ты думаешь, что этотъ юноша, котораго мы застали соннымъ, въ самомъ дѣлѣ назначенъ для того, чтобы стать Господиномъ міра? Мнѣ кажется, онъ болѣе пригоденъ быть гистріономъ.

Волненіе овладѣло Реею при этихъ моихъ словахъ; она, въ своемъ пышномъ одѣяніи, опять опустилась на колѣни предо мною, наклонила голову въ бѣлой жреческой повязкѣ, какъ виноватая, и тихо прошептала:

— Ты — правъ. Мы съ тобою ошиблись: это — не онъ. Нашъ императорскій колобій не на тѣхъ плечахъ, которыя долженъ былъ бы украшать. И въ этомъ мое горе.

Тогда я воскликнулъ:

— Если ты поняла это, не связывай своей судьбы съ дѣломъ погибшимъ. Твои успѣхи, — весьма небольшіе, впрочемъ,—зависѣли лишь отъ того, что ты въ себя вѣрила. Кто усомнился въ себѣ, тотъ уже не можетъ побѣждать!

Но съ обычнымъ своимъ упорствомъ Реа возразила:

— А въ этомъ ты неправъ! Если это—не онъ, то все же гдѣ-то уже явился другой, истинный. Пророчества не могутъ обманывать. Все равно мы должны начать нашу борьбу, ибо времена и сроки исполнились: ты самъ это знаешь. Здѣсь мы положимъ начало, и наши побѣды возсіяютъ міру, какъ яркій маякъ. Тамъ, въ другой странѣ, гдѣ ждетъ Онъ, истинный, услышатъ о нихъ, и тогда, съ пѣніемъ молитвъ, мы пойдемъ поклониться настоящему Царю, грядущему, чтобы установить свое царство.

Я разсердился на упрямство дѣвушки, которая на этотъ разъ говорила не въ бреду, не въ изступленіи, не какъ сибилла, но съ яснымъ разумомъ, и отвѣтилъ рѣзко:

— Глупая, неужели ты хочешь, хотя бы съ десятью тысячами полудикихъ Реційскихъ селянъ, безъ оружія, безъ умѣнія, безъ опытныхъ предводителей, вести войну со всей имперіей? Вы будете разсѣяны, какъ мякина по

вѣтру. Оставь свои бредни и пойми, надъ какой пропастью ты стоишь.

— Глупый!—возразила Реа.—Неужели ты думаешь, что я надѣюсь на силу оружія? Я вѣрю и знаю, что силы невидимыя помогаютъ намъ, а что̀ передъ ними легіоны, закованные въ желѣзо? Какъ протекающая вода исчезнутъ они и побѣгутъ, какъ робкіе бараны отъ волка. Не выдуманные Діоскуры споборaютъ намъ, но духи сильные, разящіе огнемъ, ищущіе побѣды послѣ униженій долгихъ! Сломятся роги нечестивыхъ и вознесутся роги праведныхъ.

Такъ мы спорили съ Реей еще долго, но напрасно я тратилъ всѣ доводы логики, какіе только могъ найти,— она ничего не хотѣла слушать. И, наконецъ, я рѣшилъ, что сдѣлалъ достаточно, чтобы не упрекать себя никогда въ гибели этой дѣвушки. „Она сама избрала свою судьбу,— сказалъ я себѣ,—и теперь мнѣ остается позаботиться о своей“.

Рѣшивъ такъ, я круто перемѣнилъ разговоръ и напомнилъ Реѣ, что усталъ и голоденъ. Она, къ моему удивленію, не удивилась моимъ словамъ, не отвѣтила мнѣ гнѣвными упреками, не стала говорить, что должно заботиться о душѣ, а не о тѣлѣ, но тотчасъ встала, пошла за перегородку, отдѣлявшую часть домика, сама принесла мнѣ хлѣба, козьяго сыра и немного вина. Пока съ понятной жадностью я утолялъ свой голодъ, Реа стала участливо разспрашивать меня обо всемъ, что̀ со мною произошло послѣ того, какъ мы видѣлись въ послѣдній разъ. Я разсказалъ о неудачѣ своей попытки убить Граціана, о своемъ тягостномъ заточеніи, о возвращеніи въ Городъ и не скрылъ, что теперь ѣду въ Британнію съ важнымъ порученіемъ. Все это Реа выслушала внимательно, ничего не возражая, и дѣлая видъ, что все знала раньше, но о себѣ и своихъ приключеніяхъ не сказала мнѣ ни слова, какъ я полагаю, умышленно. Вообще я замѣтилъ сразу, что безуміе ея ослабло: она говорила вполнѣ разумно и рѣже пересыпала свою рѣчь словами изъ христіанскихъ священныхъ книгъ.

„Клянусь Геркулесомъ,—говорилъ я себѣ,—она выздоравливаетъ!“

Но когда я кончилъ свой завтракъ, Реа, словно забывъ мои слова о Британніи, неожиданно сказала:

— Теперь я прикажу созвать совѣтъ старѣйшинъ: надо, чтобы они узнали тебя.

— Помилуй, — возразилъ я, — на что̀ имъ меня узнавать! Сегодня же вечеромъ я уйду отсюда, — одинъ, если ты не хочешь за мною послѣдовать,—и не возвращусь никогда. Я прибылъ сюда лишь за тѣмъ, чтобы тебя видѣть.

— Сегодня ты не уйдешь отсюда,—отозвалась Реа.

— Такъ завтра,—сказалъ я настойчиво.

Реа, какъ это ей случалось часто, не обратила на мои слова никакого вниманія, но, отворивъ дверь, приказала человѣку, сторожившему входъ, итти и собрать тѣхъ старѣйшинъ, которые были поблизости. Стражъ поклонился и пошелъ исполнять приказаніе. Я пожалъ плечами и повторилъ:

— Завтра мнѣ необходимо вернуться въ Медіоланъ: меня ждутъ.

— Она не дождется тебя или, вѣрнѣе, ты ее не дождешься!—произнесла Реа пророческимъ голосомъ.—Отъ вѣка ты обреченъ мнѣ.

Я подумалъ о томъ, что мнѣ полезно узнать какъ можно больше о жизни и замыслахъ мятежниковъ, и пересталъ спорить.

IV.

Медленно стали собираться въ низкую и душную хижину Реи тѣ, кого она называла старѣйшинами. Всѣ, входя, почтительно Рею привѣтствовали и, молча, садились на скамьяхъ, стоявшихъ вдоль стѣнъ. По большей части то были люди не молодые, даже старики, простые селяне, съ грубыми лицами, обвѣтренными горными вихрями, и внѣшность только двухъ или трехъ выдавала горожанъ. Всѣ, вѣроятно, уже слышали о моемъ прибытіи, потому что всматривались въ меня внимательно. Когда собралось восемь человѣкъ, Реа спросила:

— Остальныхъ трехъ нѣтъ?

Кто-то отвѣтилъ:

— Оба Іакова — въ Маломъ Селѣ, а Матѳей, по твоему приказанію, проповѣдуетъ горнымъ пастухамъ.

— Хорошо,—сказала Реа,—значитъ въ сборѣ всѣ. Теперь есть среди насъ и двѣнадцатый, тотъ, кого мы называли Іоанномъ. Онъ къ намъ прибылъ, чтобы исполнить число.

Говоря такъ, она подошла ко мнѣ и взяла меня за руку; я невольно всталъ; а всѣ присутствовавшіе тоже встали и поклонились мнѣ.

Послѣ короткаго молчанія тотъ, кого потомъ называли Андреемъ, спросилъ:

— А знаетъ ли новый братъ всѣ правила нашей общины?

Реа поспѣшно отвѣтила:

— Онъ раньше другихъ пришелъ къ истинѣ, и мы должны не спрашивать его, но его слушать.

Андрей, старикъ, съ длинной сѣдой бородой, возразилъ осторожно:

— Мы знаемъ, что братъ Іоаннъ много послужилъ проповѣди истины и пострадалъ за нее, но пусть все же онъ, какъ всѣ другіе, дастъ клятву соблюдать наши правила, подчиняться нашимъ рѣшеніямъ, служить только нашимъ цѣлямъ и вѣчно быть во враждѣ съ императоромъ, неправо занявшимъ престолъ Грядущаго.

— Нѣтъ, нѣтъ, Андрей, — быстро воскликнула Реа, — отъ него мы не будемъ спрашивать клятвы. Іоаннъ — ученикъ любимѣйшій, и мы ему вѣримъ безъ клятвы. И еще объявляю вамъ, что его съ этого дня я избираю своимъ братомъ. Этого съ васъ довольно.

Было явно, что собравшіеся такимъ рѣшеніемъ Реи недовольны, но никто не посмѣлъ спорить. Одинъ лишь Андрей съ упрямствомъ сказалъ:

— Пусть все-таки онъ отдастъ все, что̀ имѣетъ, въ общину, — ибо никто изъ насъ не долженъ обладать своимъ имуществомъ.

Реа тогда обратилась ко мнѣ съ такими словами:

— Возлюбленный братъ! Ты знаешь, что ко всѣмъ врагамъ нашимъ мы не вѣдаемъ пощады: для нихъ у насъ — кинжалъ, и мечъ, и ядъ. Но между нами, до тѣхъ поръ, пока мы не побѣдили міра, у насъ все общее: всѣ мы братья и сестры другъ другу, каждый и каждая — мужъ и жена другъ другу, и кто что̀ имѣетъ, отдаетъ это всѣмъ другимъ. Такъ и ты, входя въ общину новыхъ людей, передай все, что̀ есть у тебя, всѣмъ другимъ, и будешь обладать всѣмъ, чѣмъ владѣютъ другіе.

Я покорно вынулъ нѣсколько серебряныхъ монетъ и выложилъ ихъ на столъ, дѣлая видъ, что больше у меня ничего нѣтъ. Повидимому, скудное содержаніе моего кошелька произвело дурное впечатлѣніе на присутствующихъ. Тотъ, кого потомъ называли Ѳомою, спросилъ меня:

— Братъ! У тебя подлинно нѣтъ ничего болѣе? Вспомни исторію Ананія и Сапфиры. Вѣдь неправду ты скажешь не человѣкамъ, но Богу.

При такихъ словахъ Реа пришла въ крайній гнѣвъ и, выпрямившись, закричала на Ѳому:

— Какъ смѣешь ты высказывать эти сомнѣнія! Видно, не даромъ мы тебѣ дали имя Невѣрнаго! Молчи и знай, что братъ Іоаннъ ближе тебя стоитъ и ко мнѣ и къ Грядущему.

Послѣ такого заявленія никто болѣе не рѣшался возражать. Другіе апостолы молчаливо признали меня включеннымъ въ свое число. Кто-то напомнилъ, что уже время перейти къ вопросамъ очереднымъ, и начался родъ военнаго совѣта, на которомъ я присутствовалъ съ великимъ изумленіемъ.

Изъ собравшихся старѣйшинъ двое, кажется, совсѣмъ не говорили по-латыни, нѣкоторые говорили съ грубыми ошибками и мало, и только двое горожанъ свободно владѣли благороднымъ языкомъ Западной имперіи. Поэтому, слушая произносимыя рѣчи и вникая въ ихъ смыслъ, порою просто хотѣлось смѣяться. Но сами апостолы держали себя съ важностью необыкновенной, какъ если бы они были на засѣданіи полнаго Сената или въ консисторіи принцепса. Одинъ за другимъ они сообщали, что̀ успѣли узнать за день, и предлагали тѣ или иныя мѣры.

Сначала рѣчь шла о мелкихъ проступкахъ жителей селенія, о юношѣ, не пришедшемъ на вечернее богослуженіе, о женщинѣ, утаившей въ свою пользу пѣтуха, о дѣвушкѣ, отказавшей брату, который требовалъ ея любви. Старѣйшины обсуждали эти преступленія и тутъ же постановляли свои рѣшенія, безъ соблюденія какихъ бы то ни было формъ судопроизводства, не спрашивая даже обвиняемыхъ и приговаривая ихъ то къ отлученію отъ общественныхъ обѣдовъ, то къ принудительнымъ работамъ на кухнѣ, то къ несенію лишней сторожевой службы. Только послѣ этого перешли къ дѣламъ болѣе важнымъ и заговорили о томъ, что̀ единственно должно было бы занимать вниманіе всѣхъ — о наступленіи на станъ мятежниковъ префекта съ его легіономъ.

Всѣ уже были освѣдомлены, что Римскій лагерь стоитъ въ какихъ-нибудь 6—10 миляхъ отъ селенія. Нѣкоторые разсказывали, что видѣли передовые отряды и военныхъ лазутчиковъ подъ самой горой. Кто-то увѣрялъ, что одна когорта обходитъ горы, чтобы оцѣпить всю мѣстность. Раздались даже голоса, что въ самомъ селеніи есть переодѣтые соглядатаи.

Когда зашелъ споръ о томъ, что̀ дѣлать, старѣйшины стали подавать мнѣнія одно другого нелѣпѣе. Андрей предложилъ на всѣхъ дорогахъ поставить изображеніе Змія, говоря, что это одно отразитъ всѣ приступы легіонаріевъ, потому что ихъ глаза будутъ ослѣплены. Варѳоломей высказался за то, чтобы обратиться къ легіону съ проповѣдью и тѣмъ его весь привлечь на свою сторону. Ѳома рѣшительно настаивалъ на томъ, чтобы немедленно вступить въ открытый бой, не сомнѣвался въ побѣдѣ и совѣтовалъ послѣ нея прямо итти на Медіоланъ.

Тогда и я счелъ минуту подходящей, чтобы вмѣшаться въ обсужденіе, и сказалъ такъ, примѣняясь къ рѣчамъ присутствующихъ:

— Братья! Вы, вѣрно, забыли, что̀ такое наши легіонаріи. Во-первыхъ, это—люди, привыкшіе къ безусловному повиновенію своему начальнику. Они, если имъ прикажутъ, не шевельнувъ бровью, размечутъ тысячи изображеній священнаго Змія. Во-вторыхъ, это, часто, — дикіе Германцы или Скиѳы, которые не станутъ слушать нашихъ проповѣдей, да и не поймутъ ихъ. Имъ проповѣдать столь же безполезно, какъ говорить къ мертвымъ скаламъ. Въ-третьихъ, это — бойцы, закованные въ желѣзо, хорошо вооруженные, съ которыми— конница и баллисты. Отъ отца къ сыну переходитъ ремесло воина, и поколѣніе за поколѣніемъ привыкаютъ они къ военнымъ трудамъ: ихъ ли вы надѣетесь сокрушить съ толпою людей необученныхъ и плохо вооруженныхъ? Я вамъ дамъ свой совѣтъ: мы всѣ должны разсѣяться по горамъ, всюду собирать новыхъ приверженцевъ, всюду сѣять мятежъ, привлечь на свою сторону другіе легіоны и ждать, когда къ возстанію будетъ готова вся Рація и сосѣднія провинціи.

Говоря такъ, я полагалъ, что правильно исполняю порученіе Гесперіи, такъ какъ только большой мятежъ нѣсколькихъ провинцій могъ бы быть полезенъ нашему дѣлу, а не маленькое возстаніе нѣсколькихъ селеній, которое, конечно, безъ труда будетъ подавлено военными силами. Но Реа, которая съ безпокойствомъ слѣдила за моей рѣчью, боясь, что я скажу что-нибудь неумѣстное, здѣсь прервала меня и воскликнула:

— Братъ Іоаннъ—правъ! Не на силу, не на хитрость, не на убѣжденія должны мы уповать, а единственно на помощь незримыхъ покровителей нашихъ! Или вы забыли, что ангелы тьмы берегутъ насъ и крылами своими покроютъ насъ въ часъ битвы? Но съ послѣдними словами брата мы не можемъ согласиться: не отступать должны люди новые, но итти впередъ, не прятаться, но выйти на яркій свѣтъ. Не такъ ли, братъ Петръ?

Лица всѣхъ обратились къ человѣку, молчавшему до сихъ поръ, еще не старому, съ лицомъ горожанина, умнымъ и хитрымъ, и, улыбнувшись, онъ заговорилъ плавно и правильно, обличая хорошее знакомство съ правилами реторики. Видимо, стараясь говорить какъ можно проще и яснѣе, онъ сообщилъ, что въ одиннадцати селеніяхъ, пока примкнувшихъ къ мятежу, можно собрать до двухъ тысячъ мужчинъ. Къ нимъ надо присоединить нѣсколько сотъ горныхъ пастуховъ, готовыхъ помогать въ борьбѣ съ ненавистными императорскими войсками. Однако, только половину этихъ силъ можно вооружить мечами, копьями, шлемами, наколѣнниками; на долю остальныхъ приходятся ножи, дубины, самодѣльные луки. Поэтому сосредоточивать всѣхъ людей въ одномъ мѣстѣ и вступать въ открытый бой было бы безумно. Напротивъ, должно силы раздробить, укрѣпить каждое селеніе, каждую гору и вездѣ сопротивляться до послѣдней возможности.

— Изъ каждой скалы, — говорилъ Петръ, — мы должны создать крѣпость. Каждый домъ долженъ на нѣсколько дней задерживать легіонаріевъ. Мы будемъ поражать враговъ изъ-за угла стрѣлами, будемъ скатывать имъ на головы камни,

будемъ ночью поджигать ихъ стоянки. Когда въ одномъ мѣстѣ сопротивляться станетъ невозможно, мы будемъ переходить въ другое. Посмотримъ, долго ли префектъ выдержитъ такую борьбу. Римскіе воины отступятъ передъ непріятелемъ невидимымъ и сами потребуютъ, чтобы ихъ отвели обратно въ долины. Мы останемся въ горахъ властелинами и будемъ собирать новыя силы.

Рѣчь была настолько дѣльная, что спорить противъ нея было трудно, и даже простые селяне поняли все преимущество предлагаемаго имъ способа дѣйствій, который, впрочемъ, немногимъ отличался отъ того, который совѣтовалъ я. Послѣ недолгихъ разсужденій всѣ согласились съ Петромъ, и онъ, какъ бы принявъ на себя обязанности вождя, сталъ отдавать другимъ подробныя приказанія. Такъ, Филиппу и Варѳоломею онъ сказалъ итти немедленно въ какія-то отдаленныя селенія и тамъ строить укрѣпленія; Матѳея послалъ къ горнымъ пастухамъ, чтобы раздать имъ оружіе; намъ всѣмъ посовѣтовалъ завтра же утромъ покинуть мѣсто, гдѣ мы находились, и перебраться въ Новое Село, которое защищено самой природой, такъ какъ стоитъ надъ глубокой пропастью и прислонено къ высокой скалѣ. И съ этимъ всѣ также согласились почти безъ спора.

На томъ военный совѣтъ закончился. Въ комнатѣ становилось жарко и душно, всѣ мы были рады выйти на свѣжій воздухъ, и одинъ за другимъ старѣйшины съ низкимъ поклономъ покидали собраніе. Такъ какъ я не зналъ, что мнѣ дѣлать, то Петръ, обмѣнявшись съ Реей нѣсколькими словами, подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Братъ Іоаннъ, Царицѣ надо отдохнуть, пойдемъ со мною, я покажу тебѣ все достойное вниманія.

Мнѣ оставалось только подчиниться, и Петръ повелъ меня черезъ все селеніе, гдѣ на улицѣ весело толпились его жители. Одни были заняты домашними работами, другіе укладывали свое добро, вѣроятно, уже прослышавъ о предстоящемъ переселеніи, третьи просто разговаривали между собою на мѣстномъ нарѣчіи, хохоча, толкая другъ друга. Все было

такъ просто, какъ въ любомъ маленькомъ горномъ селеніи, и ничто не выдавало, что здѣсь—средоточіе мятежа, потребовавшаго посылки цѣлаго легіона, что здѣсь—столица, гдѣ пребываетъ новый императоръ, соперникъ божественной особы Граціана, что здѣсь, въ маленькомъ домикѣ, спитъ тотъ, кого прочатъ во владыки вселенной, кто думаетъ стать противникомъ и побѣдителемъ Христа, замѣстителемъ его въ умахъ людей нашего времени.

Водя меня по селенію, Петръ показывалъ мнѣ то домъ, гдѣ было собрано оружіе, не малое количество мечей, копій, щитовъ, дротиковъ, шлемовъ, то длинные общественные столы, за которыми всѣ жители обѣдали вмѣстѣ подъ открытымъ небомъ, то большія печи, сложенныя прямо на землѣ, на которыхъ женщины, назначенныя на этотъ день, уже начали готовить пищу. По дорогѣ Петръ знакомилъ меня съ разными встрѣчавшимися людьми, и тѣ, узнавъ мое имя, уже извѣстное имъ, привѣтствовали меня, какъ одного изъ вождей. Я воспользовался случаемъ и старался обо всемъ разспросить моего спутника, но онъ былъ очень остороженъ и, охотно отвѣчая на мои вопросы, касавшіеся устройства общины, дѣлалъ видъ, что не слышитъ меня, когда я его спрашивалъ, кто онъ самъ, откуда попалъ сюда и какія цѣли преслѣдуетъ. Я видѣлъ только, что онъ—человѣкъ бывалый, опытный, образованный, и недоумѣвалъ, что̀ заставило его соединить свою судьбу съ дѣломъ, явно безнадежнымъ.

Разговаривая, мы миновали послѣдній домъ и продолжали подвигаться впередъ, внизъ, по той тропинкѣ, по которой меня утромъ принесли въ селеніе. На одномъ поворотѣ Петръ предложилъ мнѣ отдохнуть, и мы сѣли на камнѣ, такъ что передъ нами простиралась вся долина, поросшая кустарникомъ, между которымъ извивалась тропинка, ведущая на дорогу къ Медіолану. Мнѣ захотѣлось изслѣдовать ее подробнѣе, такъ какъ я уже не сомнѣвался, что изъ стана мятежниковъ мнѣ придется бѣжать тайно, и потому, посидѣвъ немного, всталъ и сказалъ своему спутнику:

— У тебя, вѣроятно, есть дѣла въ селеніи, возвращайся туда, а я пройду еще нѣсколько шаговъ впередъ: можетъ быть, мнѣ удастся подмѣтить присутствіе поблизости Римскихъ лазутчиковъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—возразилъ Петръ,—дальше итти нельзя: мы оба должны вернуться въ селеніе къ обѣду.

— Но я не хочу обѣдать,—сказалъ я.

— По нашимъ правиламъ, на обѣдѣ мы должны присутствовать всѣ,—отвѣтилъ Петръ.

Я не безъ гнѣва сказалъ въ отвѣтъ, что если правила такъ стѣснительны, то ихъ исполнять я не намѣренъ. Не знаю, сдѣлалъ ли Петръ при этомъ какой-нибудь знакъ, но только въ эту минуту изъ кустовъ появилось двое рослыхъ юношей съ толстыми дубинами въ рукахъ и загородили мнѣ дорогу. Понявъ, что меня насильно заставляютъ вернуться, я невольно схватился за кинжалъ, но здѣсь произошло слѣдующее: рукою быстрой, сильной и ловкой Петръ, прежде чѣмъ я успѣлъ опомниться, вырвалъ у меня кинжалъ и съ добродушной улыбкой сказалъ мнѣ:

— Возлюбленный братъ Іоаннъ! Ты, вѣрно, не понялъ, что мы обязаны отдать общинѣ не только свои деньги, но и все, чѣмъ мы владѣемъ. И этотъ твой кинжалъ долженъ быть также присоединенъ къ складу оружія. Онъ намъ пригодится: такихъ хорошихъ кинжаловъ у насъ мало.

Охваченный понятнымъ раздраженіемъ при такомъ насиліи, я рѣзко сталъ негодовать на то, что у меня отнимаютъ мою вещь, мнѣ необходимую, но Петръ опять возразилъ:

— Ты ошибаешься: у тебя берутъ твой кинжалъ, но зато ты становишься обладателемъ всего того оружія, что̀ собрано нами. Взамѣнъ одного кинжала ты получаешь сто съ прибавкой многихъ мечей, копій, дротиковъ. Ты сталъ богаче, а не бѣднѣе. Притомъ твой кинжалъ тебѣ возвратятъ, когда тебѣ въ немъ будетъ нужда: въ часъ боя.

Говоря такъ, Петръ прочелъ надпись на рукояткѣ кинжала: „Учись умирать!“ и усмѣхнулся.

Послѣ этого мы пошли обратно въ селеніе, но я, конечно, уже не могъ разговаривать съ моимъ спутникомъ, такъ какъ гнѣвъ, ярость и злоба буйствовали въ моей душѣ, сплетаясь и расплетаясь, какъ змѣиные волосы Горгоны. Я чувствовалъ теперь, что при всемъ почетѣ, какой мнѣ оказывали, въ станѣ мятежниковъ я былъ плѣнникомъ, и понималъ, какой опасности себя подвергъ, предпринявъ свое безразсудное путешествіе. Однако въ то же время я надѣялся, что съ помощью Реи, которая, повидимому, готова была меня защищать противъ всѣхъ, я сумѣю освободиться и еще къ сроку вернуться въ Медіоланъ. Я обдумывалъ планы побѣга и даже помышлялъ о томъ, чтобы отомстить этому Петру, унизившему меня своимъ насиліемъ. Съ такими невеселыми мыслями я вернулся въ селеніе, гдѣ уже дѣлались послѣднія приготовленія къ общественному обѣду.

Какъ то было въ древней Спартѣ, по улицамъ были разставлены длинные столы, за которыми уже размѣщались всѣ жители: мужчины, женщины, дѣти. Для старѣйшинъ былъ приготовленъ столъ особый, и Петръ повелъ меня къ нему, предупреждая не безъ насмѣшки, что пища будетъ, можетъ быть, не столь изысканна, какъ я къ тому привыкъ.

— Мы на войнѣ,—говорилъ онъ, — а во время походовъ надо умѣть питаться однимъ хлѣбомъ и водою. Эти люди, разумѣется, лучшаго не видали во всю свою жизнь. Но вспомни Великаго Александра, вылившаго при переходѣ черезъ Гедрозію ту воду, что̀ воинъ принесъ ему въ шлемѣ. Мы должны поступать такъ же.

Я не отвѣтилъ ничего, такъ какъ мнѣ было нестерпимо разговаривать съ моимъ оскорбителемъ, но отмѣтилъ въ душѣ, что этотъ Петръ охотнѣе въ своихъ рѣчахъ приводилъ примѣры древности, чѣмъ имена Христа и слова христіанскаго святого писанія. Я подумалъ, что онъ—или измѣнникъ, императорскій соглядатай, или человѣкъ подлый, изъ личныхъ цѣлей прикидывающійся христіаниномъ, однимъ изъ „людей новыхъ“, какъ они называютъ себя. И, думая такъ, я рѣшилъ быть настороже и свои сомнѣнія сообщить Реѣ.

Ни Реи, ни Люциферата среди насъ не было, такъ какъ, по словамъ того же Петра, они готовились къ вечернему служенію, и, какъ это ни странно, я при этомъ извѣстіи испыталъ чувство, похожее на порывъ ревности. Угрюмымъ сѣлъ я за столъ и во все время обѣда молчалъ, а на обращаемыя ко мнѣ слова Петра старался отвѣчать какъ можно короче, какимъ-нибудь „ita", чтобы только прекратить разговоръ. Къ тому же главнымъ кушаньемъ оказалось что-то, дѣйствительно напоминавшее Спартанскую черную похлебку, а такъ какъ я не купался въ Эвротѣ, то и пришлось мнѣ ограничиться однимъ козьимъ сыромъ, хлѣбомъ и мѣстнымъ виномъ, бывшимъ, впрочемъ, на столахъ въ изобиліи. Зато за другими столами господствовало безудержное веселіе, раздавались громкіе голоса, смѣхъ, вскрики, и я видѣлъ, какъ тамъ мужчины безстыдно обнимали женщинъ и какъ сидѣвшіе рядомъ вольно заигрывали съ маленькими дѣвочками и мальчиками.

Благодаря медленности, съ какой кушанья подавались на столы, обѣдъ затянулся до сумерекъ, чѣмъ, кажется, всѣ были скорѣе довольны, но вдругъ Петръ, взглянувъ на солнце, скрывавшееся за горой, всталъ, ударилъ ножомъ по доскѣ стола и крикнулъ такимъ голосомъ, что онъ пронесся всюду:

— Братья! время кончить нашу общую трапезу! Насталъ часъ вечерняго служенія!

И тотчасъ всѣ повскакали изъ-за столовъ и двинулись съ шумомъ къ тому домику, который называли дворцомъ-храмомъ. Я замѣтилъ при этомъ, что среди толпы было много совсѣмъ пьяныхъ. Около храма всѣ остановились и по чьему-то знаку начали пѣть свой гимнъ,—словъ котораго нельзя было разобрать,—еще болѣе пьянѣя отъ тѣсноты и пѣнія.

Меня Петръ поставилъ около самой двери, и я видѣлъ, что другіе апостолы расположились поблизости. Между тѣмъ вокругъ постепенно темнѣло, и на небѣ означались первыя звѣзды.

Вдругъ двери храма раскрылись, и стала видна внутренность дома, освѣщенная маленькими луцернами. Прямо пе-

редъ входомъ, на какомъ-то подобіи трона, возсѣдалъ Люциферат въ высокой Египетской тіарѣ и въ томъ пурпурномъ колобіи, который такъ долго тревожилъ меня, покоясь на днѣ моего дорожнаго ларя, а въ рукѣ у юноши былъ жезлъ съ золотымъ изображеніемъ Змія. Около стояла Реа, закутанная въ бѣлый плащъ; лицо ея при мерцаніи свѣта казалось блѣднымъ и страннымъ, и вновь я въ ней узналъ ту пророчицу, которая умѣла увлекать за собою обезумѣвшихъ людей. Еще въ глубинѣ комнаты я различилъ Филофрона и его жену, которыхъ видѣлъ когда-то въ Медіоланѣ, на собраніи Зміепоклонниковъ.

При этомъ зрѣлищѣ толпа закричала восторженно и неистово, а иные даже падали на колѣни и простирали молитвенно руки къ своей Царицѣ. Но Реа сдѣлала знакъ, чтобы всѣ замолчали, и, выступивъ впередъ, остановилась на порогѣ дома. Здѣсь нѣсколько мгновеній она стояла, качаясь, какъ пьяная, потомъ заговорила голосомъ громкимъ и звучнымъ, который долженъ былъ долетать до послѣднихъ рядовъ толпы:

— Да не смущается сердце ваше! Вѣруйте въ Бога и въ насъ вѣруйте. Мы — путь и истина и жизнь; нѣтъ пути къ Богу, какъ только черезъ насъ. Кто любитъ насъ, того и мы возлюбимъ и воочію явимся ему. И мужайтесь, любящіе, ибо намъ дано побѣдить міръ. Что̀ и гдѣ были вы?—въ безвѣстности скитались, и вотъ мы призвали васъ, чтобы вы владѣли народами и повелѣвали странами. Люди новые! вѣдайте, что вамъ все разрѣшено и все позволено, что ни въ чемъ нѣтъ для васъ запрета. Вы всѣ святы, потому что возлюбили насъ и тѣмъ освятили свою душу и свое тѣло. Нѣтъ нынѣ никакого осужденія тѣмъ, которые въ Пришедшемъ живутъ не по плоти, но по духу. Всякій грѣхъ освятится въ васъ, зло совершите — и будете увѣнчаны съ Неба, преступите законъ — и ангелы возопіютъ вамъ: „Слава!“ Господь есть Духъ, а гдѣ Духъ Господень, тамъ свобода. Дерзайте, братья, потому что должны вы чувствовать святость, нисшедшую на васъ! По всей землѣ разольется ученіе наше, и

невѣрные станутъ рабами нашими, и власть надъ людьми дастся вамъ за то, что первыми вы явились къ поклоненію Пришедшему. Сильные унизятся, гордые будутъ низложены, владыки преклонятся, и вамъ данъ будетъ скипетръ земли. Къ побѣдѣ и къ царству веселія идите за нами, люди новые!

Еще долго такъ говорила Реа, причемъ, вѣроятно, инымъ все же не было слышно ея словъ, а другіе не понимали ихъ, не зная нашего языка; но на всю толпу рѣчь производила впечатлѣніе удивительное. Женщины уже не могли удержаться, плакали и что-то восклицали, старики-селяне дрожали, словно отъ холода, всѣ порывались впередъ, чтобы стать ближе къ пророчицѣ. Тогда Реа, прервавъ свою проповѣдь, опять сдѣлала знакъ замолчать, и хоръ дѣвушекъ довольно стройными голосами запѣлъ то подобіе христіанской литаніи, которое я слышалъ въ Городѣ. Снова раздавались въ ночномъ безмолвіи горнаго селенія страшные призывы къ грѣху, любодѣйству, убійству, и толпа, въ которой многіе стояли на колѣняхъ, отвѣчала на возгласы:

— Да будетъ!

Когда же литанія кончилась, старуха, жена Филофрона, подала Реѣ сосудъ съ виномъ, и дѣвушка, вновь вышедши на порогъ, возгласила тѣ же слова, что̀ произносятся и на христіанскихъ богослуженіяхъ...

. . . . . .

Волненіе народа достигло къ этой минутѣ напряженія высшаго, Реа же продолжала молитвенно:

— Часъ насталъ сумрака, покрывающаго всѣ дѣянія! часъ насталъ радости и наслажденій! часъ насталъ награды за дневные труды! Сумракъ священный, черныя крылія единаго нашего Заступника, великаго, мощнаго Царя Тьмы! Когда затмилось солнце, когда погасъ свѣтъ ненавистный, служимъ тебѣ помыслами и дѣлами, ибо достойно восхвалять тебя душами и тѣлами нашими, кои ты освятилъ. Владыка сильный, радости ниспосылай, за которыя твои слуги тебя славятъ. Слава тебѣ, приведшему мракъ.

Подступивъ тогда къ Люциферату, продолжавшему сидѣть безмолвно и неподвижно, со своимъ озміеннымъ жезломъ въ рукѣ, какъ восковая кукла, Реа ему подала сосудъ съ виномъ, и тотъ приникъ къ нему губами. Потомъ медленно она стала снимать съ отрока его одѣянія: и пурпурный колобій, и тунику, и золоченые полусапожки, и когда его тѣло было совсѣмъ обнажено, къ нему припала губами, цѣлуя его поцѣлуями длительными и сладострастными. При этомъ видѣ нѣкое безуміе охватило толпу, и смятеніе наступило среди всѣхъ стоявшихъ передъ храмомъ. Мужчины бросались къ женщинамъ и женщины къ мужчинамъ, и здѣсь же, на глазахъ у другихъ, замыкали одинъ другого въ объятія. Словно какая-то оргія временъ Эллагабала повторялась на маленькой лужайкѣ, въ этомъ, затерянномъ въ горахъ, селеніи, или словно громадный лупанаръ вдругъ оказался перенесеннымъ за много миль отъ большого города и преданъ простымъ селянамъ, недавно еще казавшимся добрыми работниками и честными женами. Я видѣлъ, какъ въ свѣтѣ звѣздъ падали на землю обнявшіяся пары и продолжали ласкать другъ друга, а тишина наполнилась тихими вскриками и радостными стонами.

Но я не въ силахъ былъ наблюдать совершающееся, потому что внезапная и нестерпимая ревность сжала мнѣ сердце. Я не могъ вынести зрѣлища Реи, отдававшей свои ласки кому-то другому, хотя еще нѣсколько часовъ назадъ говорилъ себѣ, что она мнѣ чужда и что больше я не поддамся ея обольщеніямъ. Не помня себя, я вбѣжалъ въ домъ и хотѣлъ оттолкнуть дѣвушку отъ обнаженнаго тѣла въ сладкой истомѣ покоившагося отрока, но меня удержали сильныя руки Филофрона. Я освободился, однако, отъ объятій старика и вторично устремился къ Реѣ съ горькими упреками. Но въ ту же минуту я замѣтилъ, что двери храма уже закрыты и что въ полу-освѣщенной комнатѣ насъ всего четверо: Реа, старикъ, спящій Люциферат и я.

Реа тихо выпрямилась и шопотомъ сказала мнѣ:

— Юній! онъ — спитъ, и я всегда усыпляла его, потому

что не хочу другого брата, кромѣ тебя. Ты былъ мнѣ посланъ судьбой, и иного я не знаю. Иди за мною.

Старикъ, погасивъ догоравшія луцерны, безшумно скрылся. Обнаженный Антиной былъ простертъ на своемъ тронѣ безъ движеній. Послѣдній отголосокъ воли побуждалъ меня теперь бѣжать изъ этого дома соблазна, но Реа въ своемъ бѣломъ плащѣ вновь казалась мнѣ прекрасной. Было ли то вліяніе вина, которое я пилъ за обѣдомъ, или страннаго служенія, при которомъ я присутствовалъ, или чудовищнаго зрѣлища, котораго я былъ свидѣтелемъ, но уже я не могъ сопротивляться дѣвушкѣ. Она ласково, но настойчиво повлекла меня за собою за перегородку, раздѣлявшую храмъ на двѣ половины, и я покорно, въ невольной дрожи, слѣдовалъ за нею.

Какъ слабая попытка оправдать свое поведеніе, скользнула въ моемъ умѣ мысль, что только на дружбу и любовь Реи я могу расчитывать, чтобы вырваться изъ рукъ мятежниковъ, державшихъ меня въ плѣну, но и самъ я почти не повѣрилъ такому своему соображенію. Я снова поддался таинственнымъ чарамъ, исходившимъ отъ всего существа Реи, снова былъ въ ея власти, какъ спутники Улисса во власти волшебницы Цирцеи. Словно во снѣ увидѣлъ я мягкое ложе, приготовленное въ маленькой комнаткѣ, въ глубинѣ храма, и словно во снѣ почувствовалъ на своемъ лицѣ тѣ же нѣжныя уста дѣвушки, которыя только-что прикасались сладострастно къ обнаженному тѣлу отрока. Я не сопротивлялся болѣе, и странно желанной представлялась мнѣ эта удивительная дѣвушка, днемъ еще казавшаяся некрасивой и старой: какъ будто что-то необыкновенно дорогое и давно утерянное обрѣталъ я вновь. И уже я самъ шепталъ любовныя слова, безудержныя и неразумныя, уже самъ добивался губъ, алѣвшихъ въ темнотѣ, самъ сжималъ въ объятіяхъ тѣло гибкое, какъ у змѣи, и дрожавшее въ моихъ рукахъ, какъ рѣчной тростникъ подъ вѣтромъ...

Такъ въ эту первую ночь, проведенную мною въ станѣ мятежниковъ, я нарушилъ клятвы, что̀ со всей искренностью давалъ и самому себѣ и пославшей меня въ путь Гесперіи.

V.

Когда утромъ я проснулся, при свѣтѣ солнца, проникавшаго въ комнату черезъ ставни, закрытыя неплотно, Реи со мною не было, и я, вспоминая вчерашній вечеръ, не могъ понять ни своихъ поступковъ, ни своихъ чувствъ. Оправивъ одежду, я вышелъ за перегородку и увидѣлъ, что Люциферъ продолжалъ покоиться въ объятіяхъ, не знаю, Ицелона или Фантаса, на своемъ змѣеукрашенномъ ложѣ. Больше никого въ храмѣ не было, но когда я попытался выйти на улицу, оказалось, что двери заперты вновь, и что я закрытъ въ немъ, какъ узникъ.

Понятное раздраженіе наполнило мою душу послѣ такого открытія, и, подумавъ немного, я рѣшилъ, что противъ людей, держащихъ меня въ заточеніи, какъ плѣнника, всякая хитрость позволена. Я началъ будить прекраснаго юношу, что̀ удалось мнѣ не сразу, причемъ, сознаюсь, прельщенный его красотою, я прибѣгалъ и къ помощи поцѣлуевъ, охотно прикасаясь губами къ тому тѣлу, которое наканунѣ сладострастно цѣловала Реа. Когда мой Антиной, наконецъ, открылъ свои удлиненные глаза и понялъ, кто передъ нимъ, я, вѣрно угадывая, что ко мнѣ онъ отнесется съ недовѣріемъ, всячески постарался разсѣять его предубѣжденія.

— Милый мальчикъ!—сказалъ я.—Какъ я радъ, что намъ съ тобою пришлось остаться наединѣ. Ты, можетъ быть, видишь во мнѣ врага, но я—несчастный, котораго коварствомъ

завлекли сюда и здѣсь держатъ взаперти, какъ и тебя, впрочемъ. Я хочу тебѣ довѣриться, потому что у тебя лицо доброе и нѣтъ у тебя причинъ желать мнѣ зла. Вчера я видѣлъ, какъ ты огорчился отъ словъ Царицы, сказавшей, что вмѣсто тебя теперь она меня избираетъ своимъ братомъ. Хочешь сдѣлать такъ, чтобы она вернулась къ тебѣ? Тогда помоги мнѣ бѣжать отсюда: лучшаго мнѣ не надо.

Люциферат сначала слушалъ мои слова подозрительно, но я продолжалъ говорить со всей убѣдительностью, какую только могъ почерпнуть въ своей жаждѣ свободы, и такъ какъ юноша не отличался ни особой остротой ума, ни болѣе тонкой сообразительностью, то понемногу онъ повѣрилъ моимъ доводамъ и, въ концѣ концовъ, воскликнулъ простодушно:

— Неужели это правда, и ты въ самомъ дѣлѣ здѣсь, у насъ, въ плѣну, а не пришелъ съ тѣмъ, чтобы отнять у меня сестру?

— Клянусь звѣздами,—сказалъ я,—что у меня въ мысляхъ нѣтъ отнимать у тебя твое счастіе, и что если ты мнѣ поможешь, я отсюда уйду и не возвращусь никогда!

Увѣрившись въ моей искренности, юноша оглядѣлся кругомъ, убѣдился, что мы одни, и, наклонясь ко мнѣ, сталъ быстро и сбивчиво шептать свои признанія.

— Знаешь, — говорилъ онъ, — если такъ, я тоже уйду съ тобою. Мнѣ здѣсь очень худо. Когда мы жили въ городѣ, меня всѣ любили и многіе ласкали. Здѣсь мать и отецъ отдали меня Царицѣ и позволяютъ ей дѣлать со мною все, что̀ она хочетъ. Прежде она тоже была добрая, но потомъ стала злая. При другихъ она меня ласкаетъ, а когда мы бываемъ вдвоемъ, только бранитъ и иногда бьетъ. Меня никуда не пускаютъ и цѣлый день велятъ спать. Будь ты теперь моимъ братомъ, уведи меня отсюда, я тебя буду очень любить.

Особенно многаго юноша сообщить мнѣ не могъ, такъ какъ онъ не способенъ былъ замѣчать, что̀ совершалось вокругъ него, да и мало что̀ ему приходилось видѣть, все же я кое-что отъ него выспросилъ. Такъ я догадался по его смутнымъ и спутаннымъ разсказамъ, что жители селенія дѣ-

лятся на двѣ стороны: одну, меньшую, составляютъ приверженцы Реи, вѣрящіе въ ея бредни и въ то, что Люциферать— пришедшій Антихристъ; другую, гораздо болѣе многочисленную,—поклонники Змія, называющіе юношу своимъ живымъ алтаремъ. Между двумя сторонами постоянно происходятъ ссоры, а порою даже драки, и только стараніями Реи да Петра, значащаго, повидимому, въ общинѣ много, удается поддерживать нѣкоторое согласіе и успокаивать распри. Юноша передалъ мнѣ еще тайное совѣщаніе своихъ родителей, на которомъ они говорили о томъ, чтобы Рею убить, такъ какъ она враждебна ихъ вѣрѣ и отвращаетъ поклонниковъ Змія отъ истины.

Разсказывая все это, Люциферать по-дѣтски плакалъ, и такъ мнѣ стало жаль юношу, болѣе прекраснаго, чѣмъ звѣзда, что опять я обнялъ его обнаженное тѣло, достойное мрамора, и опять началъ его покрывать поцѣлуями. Увлеченный этими ласками и согрѣтый близостью нѣжныхъ членовъ мальчика, я не разслышалъ, какъ проскрипѣлъ ключъ въ дверномъ замкѣ и растворился входъ. Внезапно и не безъ смущенія я увидѣлъ передъ собою Петра, подошедшаго къ намъ уже вплотную. Апостолъ строго и подозрительно смотрѣлъ на насъ, а я, выпустивъ изъ рукъ гибкое тѣло, почувствовалъ новый приливъ ненависти къ человѣку, вчера жестоко меня обидѣвшему.

Помолчавъ мгновеніе, Петръ сказалъ мнѣ:

— Братъ Іоаннъ, намъ всѣмъ время въ путь. Медлить нельзя, и не часъ теперь предаваться забавамъ. Дорога наша дальняя. Вставай и иди за мною.

Я ничего не отвѣтилъ Петру, предпочитая не говорить съ нимъ, но не считалъ возможнымъ и спорить. Вставъ съ ложа, я послѣдовалъ за Петромъ на улицу, стараясь держать себя независимо, какъ равный. А когда мы выходили изъ дверей храма, мимо насъ прошелъ Филофронъ, видимо, за тѣмъ, чтобы увести Люцифера́та.

Улица была оживлена, какъ въ рыночный день, такъ какъ жители всѣ уже приготовились къ переселенію, рѣшенному

вчера. Мужчины, женщины, дѣти, одѣтые по-дорожному, съ котомками за плечами, гудѣли, какъ пчелиный рой, переходили съ мѣста на мѣсто, несли какіе-то лари и узлы, навьючивали нѣсколько откуда-то появившихся муловъ, переговаривались весело и хохотали безпечно. Отдѣльно держался отрядъ юношей, въ полномъ вооруженіи, въ шлемахъ и подъ копьемъ, который долженъ былъ, очевидно, охранять другихъ во время пути. Домà стояли растворенными, и все селеніе уже имѣло видъ покинутаго и разореннаго улья.

Петръ меня провелъ къ домику Реи, гдѣ собрались апостолы, державшіеся болѣе молчаливо, вѣроятно, въ сознаніи своей отвѣтственности, какъ вождей, и всѣ они меня встрѣтили, какъ товарища и имъ равнаго, называя братомъ Іоанномъ. Петръ увѣренной рукою постучалъ въ дверь домика, и почти тотчасъ она открылась, и на порогѣ въ томъ же аломъ одѣяніи, въ какомъ встрѣтила меня вчера, появилась Реа, въ сопровожденіи двухъ дѣвушекъ, замѣнявшихъ ей рабынь, — Фивы и Агны. Словно истинная Царица, какая-нибудь Нитокрида Египетская, она сдѣлала всему сборищу привѣтственный знакъ рукою, сѣла съ помощью Петра на подведеннаго ей осѣдланнаго мула и, тронувъ поводъ, поѣхала впередъ, а за ней зашагалъ отрядъ вооруженныхъ; слѣдомъ шелъ Филофронъ съ женою, сыномъ Люцифератомъ и друзьями; потомъ мы, апостолы, а еще дальше толпа народа, вытягиваясь по узкой тропѣ, какъ нѣкій драконъ, и высоко подымая надъ головами золоченыя изображенія Змія. Оглянувшись на шествіе, на людей, уносившихъ съ собою все свое имущество, уводившихъ за руки малыхъ дѣтей, я подумалъ о томъ, что не иначе, когда-то, предки наши отправляли изъ Города избытокъ жителей и ветерановъ въ свои новыя колоніи.

Никто въ толпѣ не жалѣлъ о покидаемомъ селеніи, которое, впрочемъ, для многихъ было лишь приваломъ въ пути на нѣсколько дней, но всѣ шли шагомъ бодрымъ, не жалуясь на часто тяжелую ношу, продолжая свои разговоры, прерываемые смѣхомъ и пѣснями. Можно было представить,

что люди идутъ въ сосѣднее селеніе на годичный праздникъ въ честь какого-нибудь веселаго божества, гдѣ имъ предстоитъ лишь пить вино и плясать до поздней темноты, а не въ укрѣпленный станъ, чтобы тамъ обороняться противъ натиска Римскаго легіона. Съ первой же мили я примѣтилъ, что безъ присмотра меня не оставили, такъ какъ рядомъ со мною оказался не отстававшій отъ меня ни на шагъ апостолъ Ѳаддей, старикъ, съ лицомъ морщинистымъ и загорѣлымъ, словно неискусно вырубленнымъ изъ дерева. Первоначально я смотрѣлъ косо на своего неотступнаго стража, но потомъ, скучая въ пути, уступилъ его попыткамъ вступить со мною въ бесѣду, хотя скоро долженъ былъ отказаться отъ надежды что-либо отъ него узнать, такъ какъ невѣжество и легковѣріе этого старика поистинѣ были шире самаго моря.

— Да, братъ Іоаннъ,—говорилъ онъ мнѣ, выговаривая слова грубо, какъ всѣ Реты,—счастіе намъ выпало такое, какого нельзя было ждать. Святые мученики намъ позавидовали бы! Легко ли сказать,—мы въ апостолахъ! Притомъ первый-то разъ сходилъ Христосъ въ униженіи, чтобы пострадать, а теперь грядетъ со славою и въ торжествѣ. Исполнится пророчество, и мы возсядемъ на двѣнадцати престолахъ судить двѣнадцать колѣнъ Израильскихъ.

Ѳаддей, какъ дальнѣйшія его рѣчи мнѣ показали, разницы между Христомъ и Антихристомъ не понималъ, Рею почиталъ дѣвой Маріей, воплотившейся вторично, истинныхъ размѣровъ земного круга не подозрѣвалъ и былъ увѣренъ, что добрая половина имперіи примкнула къ возстанію, что черезъ нѣсколько дней всѣ войска Граціана будутъ нами истреблены и мы вступимъ торжественно въ самый Римъ. Разубѣждать апостола у меня не было основаній, и потому возражать я ему не пытался, что̀ не мѣшало ему, послушно исполняя обязанности моего стража, восторженно разсказывать о чудесахъ, на его глазахъ сотворенныхъ Царицей, о помощи ангеловъ въ бою съ легіонаріями, о радостности той жизни, какую теперь ведутъ люди новые и которая есть уже прообразъ блаженства праведныхъ въ Раю.

— Думаю, — наивно замѣтилъ онъ,—что намъ живется лучше, чѣмъ героямъ въ поляхъ Элисійскихъ. Да и какъ же могло быть иначе? Время ли намъ поститься, когда съ нами женихъ нашъ?

Дорога наша, перейдя долину, углубилась въ горы, становясь все уже, и намъ постоянно приходилось то одолѣвать трудные подъемы, то переходить ручьи, то пробираться сквозь сросшіеся кустарники. Подобно мнѣ, всѣ другіе, вѣроятно, тоже ощущали усталость отъ ходьбы, да и Титанъ, стоя высоко въ небѣ, палилъ жестоко. Поэтому, около полудня былъ сдѣланъ на небольшой луговинѣ привалъ, и изъ вьюковъ достали наши съѣстные припасы, все тотъ же грубый хлѣбъ и козій сыръ, и вино, но наши люди были этому обѣду рады, какъ пиру Лукулла. Радостно всѣ размѣстились на нѣжной, душистой травѣ, пропѣли, какъ пріапическую пѣсню, какія-то молитвы и, запивая неприхотливую пищу прошлогоднимъ виномъ, тѣшились, какъ члены какого-нибудь братства, вышедшіе на увеселительную прогулку. Передъ началось этого пира Реа, обходя сидящихъ, съ важнымъ лицомъ благословляла ихъ обѣдъ, и многіе остались въ убѣжденіи, что такое благословеніе совершило чудо: благодаря ему скудныхъ запасовъ достало на всѣхъ, всѣ ѣли, насытились и еще собрали остатки въ корзины.

Послѣ обѣда еще часа два мы должны былъ итти впередъ, взбираясь все выше и выше, пока вдругъ съ одного поворота не открылся намъ, въ своей синей красотѣ, Комацей. Молча, но со сладостнымъ восторгомъ, я привѣтствовалъ „тебя, о, Ларій великій",—озеро, помянутое безсмертнымъ поэтомъ, и все время, пока наша тропа открывала намъ новые просвѣты на зеленоватую водную гладь, протянутую внизу подобно безмѣрной полосѣ лучшаго шелка, на прихотливые изгибы окружающихъ ее смарагдиновыхъ склоновъ и смуглыхъ скалъ, на всю пышность и многоцвѣтность поставленной передъ нами дивной картины, далью для которой служили снѣжныя вершины, а рамой — безоблачное небо,—повторялъ стихи великаго Мантуанца:

Нѣтъ, ни Мидійцевъ земля, богатая лѣсомъ, ни пышный
Гангъ, и не ты, о, Гермъ, отъ золота мутный, не смогутъ
Спорить съ Италіей славой, ни Бактра, ни Инды, ни даже
Вся, что̀ песками тучна, приносящими ладанъ, Панхэя.

Но толпа, шедшая со мною, въ которой многіе были, впрочемъ, уроженцами этихъ горъ и съ дѣтства привыкли къ красотѣ страны, не обращала вниманія на величіе зрѣлища, и хоръ все пѣлъ свой нелѣпый гимнъ, восхваляющій богатство Іерусалима новаго, сходящаго отъ Бога, гдѣ стѣны будутъ изъ ясписа, врата—двѣнадцать жемчужинъ, въ основаніяхъ—ясписъ, сапфиръ, халкидонъ, смарагдъ, улицы—чистое золото, строенія—прозрачное стекло.

Увлеченный созерцаніемъ и мыслями о Италіи, царицѣ міра, я не примѣтилъ, какъ мы приблизились къ цѣли нашего путешествія. То былъ сравнительно большой поселокъ, почти похожій на городокъ, размѣстившійся на широкомъ уступѣ горы, отвернувшемся отъ озера. Площадка сзади была, дѣйствительно, загорожена высокой, почти отвѣсной скалой, и казалось, что къ Новому Селу есть лишь одинъ доступъ,—по узкой тропинкѣ, крутыми извивами подходившей къ нему, съ сосѣдняго холма, черезъ неглубокую лощину. Даже неопытному глазу становилось ясно, что это мѣсто, съ военной точки зрѣнія, защищено самой природой и что небольшой отрядъ легко здѣсь можетъ обороняться противъ натиска непріятеля, сильнѣйшаго вдесятеро.

Въ Новомъ Селѣ ждали нашего прибытія, такъ какъ о немъ извѣстили посланные впередъ гонцы, и когда приближеніе наше было замѣчено сторожевыми, на край горной площадки выбѣжали люди, издали представлявшіеся маленькими куколками изъ глины, махали руками и, вѣроятно, кричали привѣтствія. Въ нашей толпѣ всѣ, словно забывъ усталость, отвѣчали тѣмъ же, также махали руками и древками съ изображеніями Змія, кричали что-то и присоединяли свои голоса къ пѣнію дѣвушекъ, такъ что скоро образовался нестройный хоръ изъ сотенъ голосовъ. Въ то же время не-

вольно мы зашагали быстрѣе, спѣша къ отдыху и желанному пріюту.

На полдорогѣ, гдѣ начинался подъемъ, насъ встрѣтили выбѣжавшіе впередъ жители Села; они падали ницъ передъ муломъ, на которомъ ѣхала Реа, бросали у ея ногъ зеленыя вѣтви и кричали:

„Благословенна идущая во имя Господне!"

По мѣрѣ приближенія къ Селу толпа возрастала, и наше шествіе опять обратилось въ тріумфальное, потому что эти люди новые были готовы ликовать и торжествовать по всякому поводу. Я же тщательно наблюдалъ за Реей и видѣлъ, что поклоненія она принимала, какъ должное, съ тѣмъ сознаніемъ своихъ заслугъ, съ какимъ Флаккъ приглашалъ Мельпомену увѣнчать его Дельфійскимъ лавромъ, и въ отвѣтъ на восторженные клики только наклоняла немного голову, какъ императоръ передъ чернью. „Ты ли это,—думалъ я,—бѣдная, безродная дѣвушка, которую въ Римскомъ Портѣ защитилъ я, юноша-путешественникъ, отъ наглости Сирійца, который почиталъ себя въ волѣ дѣлать съ тобою, что̀ ему вздумается?"

Медленно подъѣхала Реа къ домику, уже приготовленному для нея, и у дверей Петръ, опять съ величайшей почтительностью, помогъ ей сойти на землю. Обратившись къ стоящимъ поблизости, Реа сказала:

— Мы всѣ—сестры и братья. Домъ каждаго изъ насъ—домъ другого. У насъ нѣтъ иныхъ враговъ, кромѣ тѣхъ, кто не съ нами. Пусть же сестры и братья радостно принимаютъ къ себѣ сестеръ и братьевъ. Вы всѣ—сыны Божіи по вѣрѣ въ насъ, и потому всѣ другъ другу родные. Итакъ, одни входите въ домъ, какъ къ отцу, къ сыну, къ мужу или женѣ; другіе встрѣчайте входящихъ, какъ родителей, какъ дѣтей, какъ супруга или возлюбленную, бывшую въ отсутствіи. Нынѣ радуйтесь всѣ, что вы вмѣстѣ!

Послѣ этихъ словъ Реа вошла въ домъ съ Фивой и Агной, а наша толпа, исполняя указаніе Царицы, разсыпалась по селенію, и каждый выбиралъ себѣ домъ и сожителей по

своему вкусу. Женщины радушно звали къ себѣ мужчинъ и тутъ же протягивали уставшимъ съ пути чаши съ виномъ, старики, кряхтя, сваливали свои котомки у случайнаго порога, женщины, безпечно бросивъ своихъ дневныхъ спутниковъ, выбирали болѣе статнаго изъ юношей, наперерывъ звавшихъ ихъ въ свое жилище. Уже и я готовъ былъ послѣдовать общему примѣру, когда подошелъ ко мнѣ Петръ, всюду успѣвавшій, и сказалъ мнѣ голосомъ, возраженій не допускавшимъ:

— Братъ Іоаннъ! тебѣ приготовлена комната, гдѣ ты будещь жить съ братомъ Ѳаддеемъ: такъ рѣшила Царица.

Меня провели на самый край Села, гдѣ въ небольшомъ домикѣ часть была отгорожена для нашего жилья, и гдѣ старикъ Ѳаддей уже положилъ свою мантику. Подумавъ, я рѣшилъ, что мнѣ благоразумнѣе не противорѣчить пока желаніямъ Реи и, такъ какъ меня оставили одного, тотчасъ легъ отдохнуть, послѣ нелегкаго перехода, на одну изъ деревянныхъ скамей, составлявшихъ все убранство моего новаго дома. Въ тѣ минуты я рѣшительно проклиналъ свое юношеское безразсудство, сдѣлавшее меня плѣнникомъ христіанскихъ мятежниковъ, заведшее меня въ неизвѣстныя мнѣ глуби Альпійскихъ горъ, удалившее меня отъ Гесперіи, съ которой я могъ бы быть вмѣстѣ въ этотъ самый часъ. Мысли невеселыя стали опять надо мною кружиться, какъ въ лѣтнюю жару язвительные комары, и я самъ осыпалъ себя горестными и безполезными упреками, вытянувшись на жесткомъ ложѣ, слушая гулъ радостныхъ голосовъ, который летѣлъ ко мнѣ и съ улицы, и изъ домовъ, переполненныхъ вновь пришедшими и мѣстными жителями Села.

Конечно, обдумывалъ я и способы побѣга, но ни къ какому окончательному рѣшенію не направилъ моихъ мыслей благосклонный богъ, и только одно обѣщаніе я торжественно далъ себѣ: не поддаваться болѣе чародѣйственнымъ соблазнамъ Реи.

— Венера Небесная!—молился я,—ты, царящая на моряхъ, знаешь глубины души человѣческой и видишь, что нѣтъ во

мнѣ другой любви, какъ къ прекрасной Гесперіи. Пусть она меня оскорбляетъ, коварно со мною обращается, посылаетъ меня на гибель,—я ей хочу быть вѣрнымъ. Охрани же меня, Эрицина, отъ подводныхъ камней и мелей, отъ опасныхъ скалъ Пахина, о которыя можетъ разбиться корабль моей любви, потому что жажду я его сохранить, какъ мой даръ тебѣ.

Но и въ тотъ день Аматусія не вняла моимъ мольбамъ, или уже sic erit in fatis, только все вновь совершилось въ томъ же порядкѣ, какъ наканунѣ. Черезъ нѣкоторое время меня вызвали на общественный пиръ, на этотъ разъ устроенный на землѣ, такъ какъ въ Селѣ не было достаточнаго числа столовъ для всѣхъ собравшихся. Опять происходило общее пьянство и ликованіе, въ которомъ я всячески старался не принимать участія, опять, при свѣтѣ звѣздъ и факеловъ, началось странное богослуженіе, которое, можетъ быть, всего болѣе напоминало женскія мистеріи въ честь Пріапа; опять я увидѣлъ Рею, въ часъ, когда она говорила къ народу и выполняла чудовищные обряды,—преображенной, какъ если бы было въ ней два существа: дневное — простая, некрасивая, хотя и разумная дѣвушка, играющая, какъ въ театрѣ, роль Царицы, и ночное—неодолимая соблазнительница, постигшая чары и зелья Ѳессалійскихъ колдуній, умѣющая казаться прекрасной и возжигать въ сердцѣ такое пламенное желаніе, которое подобно боли отъ кинжальной раны, и чтобы бороться съ которымъ надо имѣть силы Алкида или ту помощь, какую своему Ипполиту давала божественная Делосская Охотница.

Словно нѣкій сонъ развивался передъ моими глазами, по мѣрѣ того, какъ все ускореннѣе бѣжали минуты вечерняго часа, посвященнаго обрядамъ въ честь Пришедшаго, или словно тайная отрава разливалась въ моей крови, по мѣрѣ того Реа изъ сомнительной Царицы полудикаго сборища превращалась въ изступленную жрицу и безумную пророчицу, и опять, на виду у зачарованнаго множества, съ мѣрными движеніями служительницы алтаря, сладострастно цѣловала обнаженно-прекрасное тѣло отрока Люциферата. Должно быть, и другіе поддавались дѣйствію того же волшебства, потому что

я видѣлъ, какъ преображались простыя и грубыя лица колоновъ и пастуховъ, днемъ покорно и усердно выполнявшихъ трудныя работы, какъ то ненасытной похотью, то несказаннымъ восторгомъ воспламенялись ихъ взоры, и какъ женщины, недавно представлявшіяся скромными, или чуждыми всякой страсти, или перешедшими ея возрастъ, а съ ними даже мальчики, едва ли понимавшіе слово любовь, и дѣвочки, которымъ было бы рано приносить свои игрушки къ ногамъ пѣнорожденной богини, вдругъ какъ бы вовлекались въ неистовую пляску бакханокъ, сами тянули руки къ объятіямъ, ласкъ требовали насильственно и искали ихъ безстыдно, готовыя, подобно своимъ древнимъ сестрамъ, растерзать въ клочки сопротивляющагося Орфея. Какъ стрѣлы далеко разящаго бога, нѣкогда разносившія смерть по Ахейскому стану, во всѣ сердца вонзались здѣсь стрѣлы вожделѣнія, и это торжество Афродиты-всенародной, подъ нежданной личиной проникшей въ кругъ исповѣдниковъ новой вѣры, дѣлало понятнымъ, что̀ ихъ побуждало разорвать узы семьи, отречься отъ прежней мирной жизни, обречь себя тягостнымъ трудамъ и грознымъ опасностямъ, вплоть до самой смерти, и объясняло безхитростныя слова, сказанныя мнѣ утромъ апостоломъ Ѳаддеемъ: „Думаю, что намъ живется лучше, чѣмъ героямъ въ поляхъ Элисійскихъ".

Въ тотъ день, какъ наканунѣ, поддался я заразѣ общаго безумія, снова моему сбившемуся съ пути разуму показалось самымъ страшнымъ — отдать поцѣлуи Реи-Царицы другому, и моимъ ослѣпленнымъ чувствамъ представилось самымъ желаннымъ—еще разъ извѣдать непонятную остроту ея ласкъ. Словно вѣрный послѣдователь почитанія Змія или Пришедшаго, послушный ученикъ тѣхъ выдумокъ, которыя, путая ученія философовъ и мечты Зороастра, излагала Реа, я опять призналъ себя братомъ избравшей меня сестры и не противился ея искушающей волѣ. Но все же въ глубинѣ души уже въ ту ночь я понялъ, что гибну, какъ гибнетъ человѣкъ, нечаянно забредшій въ трясину и почувствовавшій, что обѣ его ноги ушли въ вязкую топь.

VI.

Послѣ того проходилъ день за днемъ, повинуясь велѣніямъ стараго Сатурна, и у каждаго, какъ у древняго друга этого бога, было два лика. Время до заката солнца было посвящено работамъ, главнымъ образомъ военнымъ упражненіямъ и возведенію укрѣпленій для обороны Новаго Села; часы послѣ захода—безумнымъ богослуженіямъ и произволу страстей. И тщетно было мнѣ повторять всѣмъ извѣстный стихъ: „А между тѣмъ бѣжитъ, бѣжитъ невозвратимое время!"—тина засасывала меня все глубже.

Въ Новомъ Селѣ всего собралось не меньше шестисотъ человѣкъ, изъ которыхъ много больше половины было мужчинъ. Конечно, едва ли не для трети — мѣста въ домахъ не нашлось, и эти проводили ночь подъ открытымъ небомъ, пользуясь тѣмъ, что наступало лѣто, хотя въ этотъ годъ погода стояла не совсѣмъ теплая. Но радости каждаго вечера, превращавшія для людей новыхъ каждый день въ праздникъ, какъ для фламиновъ Юпитера, свобода той жизни, которую установила въ своей общинѣ Реа, и безразсудная вѣра въ конечное и скорое торжество надъ всѣми врагами, которую она сумѣла внушить, дѣлали то, что никто на лишенія не жаловался, всѣ съ рвеніемъ величайшимъ относились къ своимъ обязанностямъ и безъ возраженій выполняли тѣ приказанія, какія отъ имени Царицы и совѣта старѣйшинъ отдавалъ Петръ. Если были въ средѣ нашихъ людей распри, то

онѣ возникали только изъ споровъ о вѣрѣ, когда, словно на одномъ изъ тѣхъ совѣщаній, которыя подъ именемъ соборовъ любятъ устраивать христіане, часть начинала прославлять истинность ученія о божествѣ Змія, а часть поучать о тайнѣ бытія Пришедшаго, и грубые селяне, не умѣя разобраться въ хитростяхъ діалектики, отъ логическихъ доводовъ переходили къ доказательству своей правоты кулаками. Но такія столкновенія первое время, когда всѣмъ жилось благополучно, легко успокаивалъ своими повелительными разъясненіями Петръ или, въ крайнемъ случаѣ, Реа, рѣшенія которой всѣми выслушивались какъ божескій голосъ изъ Додонской листвы.

Почти каждодневно небольшіе отряды, преимущественно юношей, отправлялись на добываніе припасовъ, спускались съ нашей горы, прокрадывались или врывались въ дальнія селенія, не примкнувшія къ мятежу, переѣзжали въ лодкахъ черезъ Ларій, доходили до округа Авсуціи или на югъ до Кома и даже дальше, и возвращались съ желанной добычей, принося въ Село ковриги недавно испеченнаго хлѣба, прикатывая бочки вина, залежавшіяся въ домашнихъ погребахъ, пригоняя барановъ, иногда и быковъ. Такіе разбойничьи набѣги тѣшили отвагу нашей молодежи и поддерживали жизнь всей общины, члены которой, освободившись отъ всѣмъ надоѣвшей повседневной работы, давившей прежде ярмомъ ихъ жизнь, теперь ни въ чемъ не знали недостатка и, сытые и пьяные, могли вольно предаваться очереднымъ оргіямъ. Неудивительно поэтому, что вѣра въ средѣ людей новыхъ не ослабѣвала, что все болѣе и болѣе убѣждались они въ божественности откровенія, принесеннаго имъ Царицею, что на самоё Рею они смотрѣли, какъ на посланную съ неба, чтобы открыть двери той темницы, какой раньше было ихъ существованіе, и ввести ихъ заживо въ сады блаженства.

Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы жизнь въ Новомъ Селѣ проходила въ праздности, такъ какъ, по настояніямъ Реи и Андрея, Петръ всѣхъ заставлялъ усердно готовиться къ неизбѣжному нападенію Римскаго войска. Всѣ мужчины, словно

въ постоянномъ лагерѣ, учились владѣть оружіемъ, метали въ цѣль копья, стрѣляли изъ лука, бились другъ съ другомъ на мечахъ, по ночамъ стояли, поочередно, на стражѣ. Въ то же время единственную тропу, ведшую къ Новому Селу, мы перегородили высокимъ валомъ, сложеннымъ изъ камней, вышиною въ два человѣческихъ роста, причемъ площадка на вершинѣ была еще защищена деревяннымъ портикомъ съ бойницами. Поблизости помѣстили, подъ прикрытіемъ выступающей скалы, откуда-то добытую старую ручную баллисту, управленіе которой было Петромъ поручено не кому другому, какъ мнѣ. То возвышеніе, на которомъ баллиста стояла, у насъ называли горой Ѳаворомъ, ручей, протекавшій черезъ Село и кидавшійся водопадомъ въ пропасть,—потокомъ Кедрономъ, скалу, замыкавшую насъ съ сѣвера, — Синаемъ.

Какъ-то непримѣтно заботы нашей жизни становились мнѣ не чужими, и если первые дни я медлилъ въ станѣ мятежниковъ потому, что меня стерегли и я не зналъ, какой мнѣ избрать путь для бѣгства, то позднѣе, когда надзоръ надо мною ослабъ и съ окружающими мѣсностями я нѣсколько ознакомился, меня удерживало только то странное оцѣпенѣніе воли, которое всегда мною овладѣвало въ присутствіи Реи. Первое время я почти каждый день говорилъ себѣ, что уйду завтра, но искушающее желаніе провести еще одну ночь съ Реей всегда заставляло меня откладывать исполненіе своего замысла, и услужливый умъ придумывалъ рядъ оправданій, вродѣ того, что я все же способствую нашему дѣлу, поддерживая попытку мятежниковъ, или что теперь Гесперія уже покинула Медіоланъ, и мнѣ должно переждать недѣлю, чтобы встрѣтить ее въ Віенненской провинціи. Я даже, какъ ни казалось мнѣ первоначально постыднымъ готовиться къ истребленію Римскихъ легіонаріевъ, дѣятельно занялся ввѣренной мнѣ баллистой, изучилъ устройство этой военной машины,—отнюдь не досягавшей высотой до неба,— и долгіе часы проводилъ, пріучая четырехъ юношей, данныхъ мнѣ въ помощники, къ мѣткой стрѣльбѣ, по-дѣтски радуясь на ихъ успѣхи.

Среди жителей Села, обращеннаго въ воинскій станъ, я, впрочемъ, не сдружился ни съ кѣмъ, такъ какъ мнѣ были чужды эти грубые люди, вдобавокъ сбитые съ толку призрачными мечтами о предстоящемъ имъ величіи. Въ ихъ головахъ, привыкшихъ думать лишь о простомъ и близкомъ, пророчество о царствѣ Антихриста превращалось въ ожиданіе роскошныхъ домовъ, гдѣ они каждый день будутъ пить вина вволю, а хитрое ученіе о томъ, что должно умножать грѣхъ, чтобы приблизить часъ Страшнаго Суда, — въ призывъ убивать людей богатыхъ и образованныхъ и грабить ихъ имущество. Мнѣ становилось нестерпимо, когда какой-нибудь горный пастухъ, некстати приводя слова изъ Посланій апостоловъ, начиналъ увѣрять меня, что скоро мы будемъ пировать въ Золотомъ Домѣ, а бывшіе префекты, квесторы, комиты, дуксы станутъ намъ прислуживать. Передъ подобными людьми мнѣ даже нравилось играть несвойственную мнѣ роль Іоанна, брата Царицы и любимаго ученика Господина, и я пріучился держать себя съ толпой, какъ начальникъ. И только съ однимъ Люцифератомъ порою я бесѣдовалъ охотно, такъ какъ прекрасный отрокъ не мудрствовалъ, а просто скучалъ въ нашемъ уединеніи и искренно меня полюбилъ за то, что я съ нимъ говорилъ не какъ съ богомъ, но какъ съ другомъ, и цѣловалъ его не благоговѣйно, но страстно.

Впрочемъ, встрѣчи и бесѣды съ моимъ Антиноемъ мнѣ приходилось по возможности скрывать, потому что Реѣ онѣ не нравились: ей хотѣлось сохранить меня для себя одной. Въ Селѣ она была еще болѣе одинокой, нежели я, и только наединѣ со мною рѣшалась приподымать ту театральную маску, въ которой выступала передъ другими. При этомъ разительную перемѣну примѣчалъ я въ Реѣ, сравнительно съ тѣмъ, какой я ее зналъ въ Городѣ и въ Медіоланѣ. Она стала разсудительнѣе и спокойнѣе, и та восторженность, которая прежде почти никогда ее не покидала, теперь проявлялась лишь въ отдѣльные часы, особенно на богослуженіи и предъ народомъ. Тогда опять она была „полна Богомъ“, и ея рѣчь

лилась какъ варварская, но пышная поэма, потрясая слушателей неожиданными сопоставленіями и сравненіями, которыхъ не предусмотрѣлъ бы никакой профессоръ реторики. Напротивъ, оставаясь со мною, Реа иногда совсѣмъ лишалась силъ, вся окружающая ее таинственность разсѣивалась, какъ облако, скрывающее бога, и я убѣждался, что она тоже— обыкновенная женщина, со всѣми обычными слабостями человѣка.

Однажды передъ нашимъ храмомъ возникъ ожесточенный споръ между Филофрономъ съ его друзьями и апостоломъ Ѳомою съ приверженцами Реи относительно того, когда именно наступитъ по всей землѣ царство Пришедшаго. Филофронъ, какъ человѣкъ болѣе разумный, поучалъ, что высшая Мудрость постепенно отнимаетъ владычество у сына Хаоса, что часть народовъ преклонится предъ нашимъ Люцифератомъ, но другіе будутъ обращены лишь новыми мессіями, которымъ еще предстоитъ воплотиться. Ѳома, наперекоръ своему имени, не хотѣлъ слышать ни о какихъ сомнѣніяхъ и настаивалъ, что, по пророчествамъ, именно при Августѣ Граціанѣ наступитъ конечное торжество людей новыхъ. Спорящіе сначала довольствовались силлогизмами и ссылками на священныя книги христіанъ, но потомъ начали кричать и браниться, и, такъ какъ толпа кругомъ возрастала и шумѣла угрожающе, понадобилось вмѣшательство Реи. Она торжественно вышла къ противникамъ на порогъ храма, выслушала ихъ доводы, подумала и объявила, какъ оракулъ:

— О тайнахъ спорите вы, и не вамъ разрѣшить ихъ. Отъ воплощенія Слова до торжества Пришедшаго должно пройти 3.333.333 часовъ, дневныхъ и ночныхъ,—и этотъ срокъ уже на исходѣ. Послѣ на такое же время должно утвердиться царство Возстающаго изъ мрака. Кто способенъ слышать, услышитъ.

Толпа выслушала этотъ приговоръ въ молчаніи, и люди стали расходиться, опустивъ головы, соображая и вычисляя. Когда же я вошелъ къ Реѣ, она плакала, упавъ головой на скамью, и была въ полномъ уныніи.

— Я погибаю, Юній, — сказала она мнѣ. — Мнѣ стыдно самой себя. Я говорю къ народу не то, къ чему меня побуждаетъ духъ: я хитрю и лгу.

Я спросилъ ее, зачѣмъ она это дѣлаетъ, и Реа отвѣчала, продолжая рыдать:

— Пророчества были истинны, но я соблазнилась близкимъ торжествомъ! Враждебныя силы бродили кругомъ, чтобы обольстить меня, и я поддалась ихъ обману. Свое дѣло я соединила съ дѣломъ этихъ поклонниковъ Змія, потому что ихъ было много. Но не помощь я обрѣла, а тяжкій грузъ, который меня давитъ и сокрушитъ въ конецъ. Вижу, что Рокъ въ наказаніе отвратилъ отъ меня лицо свое, и чувствую, что это не я поведу людей къ жизни новой.

Такъ въ эту минуту мнѣ было жаль дѣвушку, плакавшую надъ кенотафіемъ своихъ лучшихъ надеждъ, что я какъ бы забылъ все безуміе ея мечтаній. Я опустился подлѣ нея на колѣни, обнялъ и утѣшалъ ее, увѣряя, что счастіе къ ней вернется. Словно самъ увѣровавъ въ ея видѣнія, я напоминалъ ей пророчества о близкомъ наступленіи новаго вѣка, и такъ Реѣ хотѣлось вѣрить въ мои слова, что она безъ негодованія выслушала даже стихи Насона, которые я, забывшись, продекламировалъ:

Безпредѣльно и граней не знаетъ могущество Неба.

И,—странное дѣло,—подобныя сцены отчаянья Реи, которыя повторялись не разъ, вмѣсто того, чтобы вполнѣ отвратить меня отъ дѣла, потерявшаго смыслъ даже для его зачинательницы, болѣе крѣпкими узами привязывали меня къ дѣвушкѣ, пути которой, противъ моей воли, перекрестились и слились съ моими. Во мнѣ выростало, вмѣстѣ съ жалостью, упорное желаніе: вернуть Реѣ увѣренность въ себя, вновь сдѣлать ее сильной и счастливой, вновь видѣть ея лицо преображеннымъ, какъ бы освященнымъ молніей Юпитера. Эта почти отеческая забота о погибающей дѣвушкѣ и темная страсть, привлекавшая меня къ ней въ часы, когда связывала насъ сама Цитерея, были столь непохожи на мое поклоненіе

прекрасной и мудрой Гесперіи, что одно чувство съ другимъ въ моей душѣ не сталкивалось, одно другое не оскорбляло, и я одновременно могъ служить обоимъ, какъ двумъ богамъ единаго Олимпа. Попрежнему слѣдуя мечтой за путемъ Гесперіи, храня въ душѣ ея завѣты и указанія, попрежнему на всю жизнь считая себя обреченнымъ въ жертву ея жестокости и коварству, я оставался близъ Реи, способствовалъ выполненію ея замысловъ, служилъ ея дѣлу, и это было столь же естественно, какъ то, что свободная республика продолжала существовать при власти Августа.

Словно какой-то сонъ, наведенный чарами, длилась та моя жизнь, въ которой я носилъ имя апостола Іоанна, но я не спѣшилъ и не стремился проснуться.

VII.

Не знаю, сколько дней прошло въ этомъ смутномъ снѣ, но понемногу рядъ событій, не совсѣмъ неожиданныхъ, нарушилъ обычный ходъ жизни въ Новомъ Селѣ. Дѣйствуя медленно, но неуклонно, префектъ окружилъ все пространство, охваченное мятежомъ, и началъ предпринимать походы противъ отдѣльныхъ селеній, разоряя ихъ и истребляя жителей. Къ намъ являлись, въ испугѣ и отчаяньи, то гонцы изъ другихъ селеній, то бѣглецы оттуда, разсказывая про неистовства, совершаемыя посланными противъ нихъ когортами. Нѣсколько нашихъ отрядовъ, вышедшихъ на добываніе припасовъ, наткнулись на Римскихъ воиновъ и были истреблены. Наконецъ, префектъ занялъ противоположный берегъ Ларія и сдѣлалъ для насъ невозможнымъ переправляться туда за добычей. Понемногу въ нашемъ Селѣ сталъ ощущаться недостатокъ въ хлѣбѣ и, что̀ было для насъ всего тягостнѣе, въ винѣ.

Пока длился нашъ безпечный праздникъ, враги Реи, преимущественно сторонники поклонниковъ Змія, не смѣли поднять головы и безъ возраженій подчинялись власти Царицы. Но какъ только начались затрудненія, тотчасъ выступили хулители, которые сначала осторожно, потомъ болѣе открыто стали обвинять Рею въ томъ, что своимъ бездѣйствіемъ она всѣмъ готовитъ гибель. Поклонники Змія говорили, что прежде, таясь отъ императорскихъ соглядатаевъ, они жили

мирно и безопасно исповѣдали свою вѣру; теперь же, когда ихъ принудили къ явному возстанію, имъ нечего ожидать, кромѣ копья легіонарія и плахи палача. Люди собирались на улицахъ, громко обсуждали положеніе, злобно жаловались на лишенія, и Царицу уже не встрѣчали болѣе съ тѣмъ безграничнымъ преклоненіемъ, какъ прежде.

Въ одинъ изъ дней, для насъ особенно неудачныхъ, когда припасовъ въ Селѣ было такъ мало, что мы не знали, чѣмъ прокормить жителей, а въ то же время къ намъ прибыло десятка два пастуховъ, такъ какъ воины префекта преслѣдовали ихъ, какъ дикихъ звѣрей, устроена была попытка возмущенія. Толпа заговорщиковъ, преимущественно стариковъ, окружила домъ, гдѣ мы, апостолы, собрались, какъ обычно, чтобы вести судъ и обсуждать дѣла, буйствовала, кричала угрозы. Къ шумящимъ вышелъ Петръ, но его строгіе окрики и суровыя повелѣнія цѣли не достигли, и люди продолжали безчинствовать, называя насъ тираннами и предателями. Тогда Реа, въ порывѣ негодованія, который всегда дѣлалъ ее прекрасной, появилась на порогѣ, блѣдная, какъ богъ Страха, ударила о доски зміевиднымъ жезломъ, который держала въ рукѣ, и гнѣвно спросила, на что̀ жалуются собравшіеся.

Такъ сильно было обаяніе Реи, что едва она стала въ лицо заговорщикамъ, тѣ смутились и смолкли, и только послѣ молчанія выступилъ старикъ Лука и сталъ говорить.

— Мы недовольны,—сказалъ онъ.—Не ту жизнь мы здѣсь ведемъ, какъ достойно. Развѣ мы для того бросили наши дома и семьи, чтобы сидѣть въ горахъ, терпѣть лишенія, а порою пировать? Пусть апостолы, какъ въ старину ученики Христа, идутъ и проповѣдаютъ новое ученіе по всей землѣ.

— Вы, значитъ, не вѣруете въ Пришедшаго?—спросила Реа, еще болѣе блѣднѣя.

— Вѣруемъ и исповѣдуемъ,—твердо возразилъ Лука,—только мы вѣруемъ, постигнувъ истину ученія, и потому хотимъ ее проповѣдать другимъ. А вы соблазняете малыхъ сихъ, прельщая ихъ тѣмъ, что здѣсь каждый, что̀ ни ночь,

избираетъ себѣ новую жену. Берегитесь,—не о васъ ли написано, что лучше такому человѣку надѣть на шею мельничный жерновъ и утопиться въ пучинѣ морской!

Духъ Пиѳійскій нисшелъ на Рею, и она заговорила:

— Безумный! хулящій ученіе вѣчное, проповѣдь спасенія, обѣтованіе блаженства! Ветхій законъ ты помнишь, новаго же не разумѣешь. Слушайте, что̀ сказалъ апостолъ древній: Законъ имѣетъ власть надъ человѣкомъ, пока онъ живъ. Замужняя женщина привязана закономъ къ живому мужу; а если умретъ мужъ, она освобождается отъ закона замужества. Посему, если при живомъ мужѣ выйдетъ за другого, называется прелюбодѣйцею; если же умретъ мужъ, она свободна отъ закона и не будетъ прелюбодѣйцею, вышедши за другого мужа. Такъ вы, люди новые, умираете для закона ветхаго, чтобы принадлежать другому, и нѣтъ для васъ соблазна ни въ чемъ, и ни въ чемъ грѣха. Никакого нѣтъ на васъ обязательства, или только одно: жить въ радости. Люди новые должны быть счастливы и во всемъ творить волю свою, не заботясь ни о чемъ, ибо Отецъ небесный самъ позаботится объ нихъ. Къ свободѣ призваны вы, братія, и противъ нея ли вы возстаете? Чего хотите?—новаго рабства? Тѣло и душу вашу мы расковали, но вы вновь возжелали цѣпей и скорпіоновъ. Что-жъ! покиньте насъ, возвращайтесь въ города, преклоните выю предъ ложно именующимъ себя императоромъ, сносите всяческія униженія, даже до побоевъ. Но знайте, что отымется у васъ владычество надъ міромъ и отдано будетъ другимъ. Если вы не вѣрите каждому моему слову, я—не Царица вамъ, и вы—не братья мнѣ, нѣтъ между нами союза, и я пойду къ другимъ благовѣствовать имъ спасеніе.

Реа сорвала діадему съ своей головы, бросила наземь жезлъ, и, думаю, была въ этотъ мигъ похожа на Великаго Македонца, когда онъ гнѣвно̀ отсылалъ свои войска на родину и грозилъ, что одинъ пойдетъ къ Гангу—покорять Индію. И хотя рѣчь Реи не вполнѣ отвѣчала на сомнѣнія и упреки стариковъ, такова была ея власть надъ умами, что буйство-

вавшіе, словно пристыженныя дѣти, смолкли, опустили глаза, просили прощенія, иные даже ставъ на колѣни. Возмущеніе затихло, и вечеромъ въ тотъ день, послѣ весьма скуднаго обѣда опять совершилось торжественное богослуженіе, и опять народъ предавался всей свободѣ, которую и разрѣшала и требовала новая вѣра.

Тѣмъ не менѣе положеніе наше становилось день ото дня хуже, почти всѣ проходы въ горахъ были заняты отрядами префекта, и почти негдѣ было добывать пропитаніе для жителей Села. Намъ явно грозили бѣдствія осады, и я не безъ тревоги вспоминалъ разсказы о страданіяхъ, пережитыхъ Сагунтомъ, когда его обложилъ величайшій изъ враговъ Рима. Даже нѣкоторые изъ апостоловъ говорили открыто, что мы сами готовимъ себѣ гибель, и первый Андрей безстрашно нападалъ на Петра, обвиняя его въ нерадѣніи или измѣнѣ.

Наконецъ на одномъ изъ нашихъ военныхъ совѣтовъ дошло до открытой ссоры.

Когда Петръ предложилъ послать отрядъ юношей съ тѣмъ, чтобы онъ прокрался въ Римскій лагерь и тамъ попытался добыть для насъ припасы, Андрей воскликнулъ съ презрѣніемъ:

— Только дѣтей можно обольщать такими выдумками! Ты, вѣрно, хочешь, чтобы всѣхъ насъ перебили по очереди! Зачѣмъ насъ держатъ столько времени здѣсь, взаперти, словно свиней, откармливаемыхъ на убой? Братьевъ нашихъ въ другихъ селеніяхъ избиваютъ, община наша уменьшается, объ апостолахъ, посланныхъ въ дальнія мѣстности, нѣтъ вѣстей. Чего же мы ждемъ: чтобы Римляне добрались и до насъ? Завтра же мы должны всѣмъ народомъ выйти отсюда, ударить во враговъ, и тѣ легіоны силъ, о которыхъ намъ говорила Царица, даруютъ намъ побѣду!

Андрея поддержалъ Ѳома, который всегда былъ сторонникомъ мѣръ рѣшительныхъ, и Ѳаддей, который считалъ наши жалкія силы неодолимыми. Петръ, въ рѣчи, построенной умно, возражалъ имъ, напомнилъ, что сходные укоры

дѣлались и Фабію Кунктатору, который, однако, спасъ республику; потомъ разъяснилъ, какое преимущество для насъ заключается въ томъ, чтобы обороняться, а не наступать, и доказывалъ, что мы, если потерпимъ еще немного, истощимъ всѣ силы Римскаго легіона, заставимъ префекта отступить въ долину и тогда быстро наверстаемъ потерянное. Но спорящіе не хотѣли слушать Петра, нападали на него все яростнѣе и беззастѣнчивѣе, и онъ, въ концѣ концовъ, имъ сказалъ:

— Если вы не хотите меня слушать, я замолчу. Я одинъ среди васъ знаю, что̀ должно дѣлать, и веду васъ къ торжеству. Но такъ какъ вамъ хочется погибнуть, идите одни, а я съ этого часа отъ руководства дѣлами отказываюсь.

Сказавъ такъ, онъ отвернулся отъ другихъ и не хотѣлъ болѣе говорить, словно Ахиллъ, оскорбленный въ собраніи Ахейскихъ вождей, но это Андрея привело въ изступленіе, и онъ закричалъ:

— Ты замолчалъ, потому что тебѣ говорить нечего, потому что мы твои ковы разгадали! Я давно догадывался, что ты подосланъ императоромъ, чтобы погубить насъ, и потому нарочно заманилъ въ эту дыру. Ты полагаешь, мы не знаемъ, что ты даже тайно сносишься съ префектомъ! Ты не апостолъ, но предатель, и заслуживаешь одного—казни.

Тутъ поднялся неистовый шумъ, всѣ вскочили съ мѣстъ, одни защищали Петра, другіе его проклинали и устремлялись на него, какъ когда-то въ куріи сторонники Брута на Цесаря, но Петръ оставался спокойнымъ и, среди общаго смятенія, продолжалъ сидѣть неподвижно, презрительно озирая собраніе. Въ порывѣ гнѣва старики-колоны, забывая латинскія слова, выкрикивали свои ругательства на мѣстномъ нарѣчіи, Ѳома, какъ одержимый Демономъ, размахивалъ руками и чуть не плясалъ, то набѣгая на Петра, то отступая подъ его строгимъ взоромъ, Андрей даже схватилъ тяжелую скамью и замахнулся ею. Опять смятеніе успокоила Реа, которая своимъ тѣломъ загородила Петра и сказала:

— Какъ вы смѣете безчинствовать въ моемъ присутствіи?

Кто я для васъ? Не Царица ли я? Не свободна ли я въ своемъ выборѣ? Если для другихъ я не Царица, то для васъ Царица, ибо печать моей царственности—вы въ Господинѣ нашемъ. Я избрала Петра апостоломъ, и я отвѣчаю за него. Какъ и написано: Іакова я возлюбилъ, а Исава возненавидѣлъ. Кто властенъ указывать мнѣ и Богу? Мнѣ извѣстно, кого поставить апостоломъ, а вамъ не извѣстно. Повинуйтесь, а не мудрствуйте, ибо пути, которыми мы васъ ведемъ, выше вашего пониманія.

Слова Реи заставили всѣхъ притихнуть, и поднятыя руки опустились, но такъ какъ ропотъ продолжался, она добавила пророчески:

— Ждать вамъ осталось недолго: нынѣ говорю вамъ—трижды не взойдетъ солнце, какъ вы увидите свое торжество надъ врагами!

Этотъ послѣдній доводъ убѣдилъ всѣхъ, старѣйшины медленно разсѣлись по своимъ мѣстамъ, избѣгая смотрѣть другъ на друга, и военный совѣтъ возобновился. Но, словно отдавъ всѣ свои силы на миновавшій взрывъ, апостолы болѣе не возражали ни на что и теперь безъ спора согласились съ предложеніями Петра. Онъ вышелъ съ собранія, высоко держа голову, какъ побѣдитель, но я подумалъ, что, какъ Эпирскому царю, ему было больше славы, чѣмъ радости отъ побѣды.

Когда въ тотъ день, послѣ богослуженія, мы остались вдвоемъ съ Реей, я, выбравъ подходящее время, заговорилъ съ нею о Петрѣ и сказалъ ей, что обвиненія Андрея мнѣ представляются справедливыми.

— Мнѣ самому давно подозрителенъ Петръ,—говорилъ я.—Онъ не вѣруетъ ни въ Христа, ни въ Пришедшаго, ни даже въ Юпитера,—ни въ какого Бога. Какія же выгоды можетъ получить отъ союза съ нами этотъ человѣкъ, хитрый, знающій, умный? И его распоряженія, съ виду дѣльныя, дѣйствительно ведутъ къ тому, чтобы усыпить нашу осторожность и дать возможность префекту однимъ ударомъ захватить и тебя, и юношу Люциферата, и съ корнемъ исторгнуть все возстаніе.

Хотя Реа въ ту минуту была возбуждена недавнимъ служеніемъ, на которомъ она, какъ всегда, говорила къ народу, и хотя нашъ разговоръ происходилъ въ часъ ласкъ, когда, соединивъ объятія, мы приникали другъ къ другу на нашемъ жесткомъ, деревянномъ ложѣ, едва прикрытомъ бараньей шкурой, — дѣвушка, услышавъ мои слова, задрожала; руки ея разомкнулись, я угадалъ во мракѣ, что ея голова упала на грудь, и чуть слышно она прошептала:

— Ты правъ, Юній: онъ намъ врагъ, онъ эмиссарій Граціана...

— Тогда зачѣмъ же ты защитила его сегодня!—воскликнулъ я.—Надо завтра же объявить народу и старѣйшинамъ, что ты увѣрилась въ правотѣ Андрея. Петра мы схватимъ, будемъ судить, казнимъ, избавимся отъ опаснаго врага...

Реа тихо мнѣ отвѣтила:

— Часто Богъ ведетъ насъ къ торжеству путями, которые намъ непонятны. Орудіе гибели Онъ можетъ сдѣлать орудіемъ спасенія. Думая уничтожить насъ, этотъ Петръ, быть можетъ, подготовитъ наше торжество. Онъ одинъ среди насъ знаетъ военное дѣло, и онъ одинъ способенъ руководить сраженіемъ. Вѣрю, что козни его распадутся во прахъ, и самъ онъ удивится, увидѣвъ, что послужилъ къ прославленію Пришедшаго.

— Въ твоихъ словахъ есть противорѣчіе, Реа,—возразилъ я. — Сколько разъ ты мнѣ говорила, что полагаешься не на силу оружія и не на искусство вождя, а на помощь незримыхъ воиновъ. И сейчасъ еще ты ввѣряешься таинственной силѣ, которая обратитъ къ добру злые замыслы и коварныя козни. Какъ же при этомъ ты возлагаешь какія-то надежды на знанія Петра, на его умѣніе начальствовать въ сраженіи, на всѣ эти земныя ухищренія? Будь смѣлой, вѣрь только себѣ и своему дѣлу, и не позволяй себя обманывать, если ты знаешь, что это—обманъ!

Дѣвушка еще болѣе уныло проговорила:

— Милый Юній, эту вѣру въ себя я теряю. Все, что было истинно и прекрасно въ маломъ кругу, стало инымъ, когда я пришла къ народу. Притворство и ложь опутали меня

своими сѣтями, и я не вижу, какимъ способомъ вернуться къ истинѣ!

И вдругъ, съ настоящимъ отчаяніемъ, она воскликнула:

— Боже мой, Боже мой, почто ты меня оставилъ!

Съ этимъ крикомъ она залилась слезами, упала ничкомъ на постель и билась въ рыданіяхъ, потому что скорбь, которую предъ людьми ей приходилось сдерживать, нашла свой выходъ, и, въ послѣдней безнадежности, Реа повторяла сквозь плачъ:

— Гибну, гибну, и все гибнетъ!

Мы были вдвоемъ въ маленькомъ домикѣ Реи, гдѣ ставни у оконъ были закрыты, и люцерна погашена, такъ что непроницаемая тьма окружала насъ. Но я какъ бы видѣлъ передъ собою маленькое худенькое тѣло дѣвушки, содрогающееся отъ судорогъ, лицо, все залитое слезами, обезумѣвшіе глаза, которые больше нигдѣ не встрѣчали свѣта спасительнаго маяка. Приникнувъ къ Реѣ, ощущая грудью теплоту ея груди, чувствуя близъ себя все ея тѣло, ласка котораго исполняла меня радостью единственной, я въ ту минуту опять испытывалъ лишь одно: желаніе утѣшить плачущее дитя, спасти эту дѣвушку, дать ей полное исполненіе ея безумныхъ грезъ.

Я сказалъ:

— Реа, Реа, успокойся, приди въ себя. Ты меня призвала, какъ помощника, и я имъ хочу быть. Дни настали рѣшительные, надо дѣйствовать безъ колебаній. Завтра же мы обличимъ предателя, и завтра же мы начнемъ наше дѣло сначала. Ничего еще не потеряно, и мы еще восторжествуемъ.

Но вдругъ Реа, въ неизъяснимомъ ужасѣ вырвавшись изъ моихъ объятій, соскочила съ постели, бросилась прочь, пробѣжала нѣсколько шаговъ по комнатѣ и съ подавленнымъ крикомъ упала на полъ. Я поспѣшилъ къ ней, высѣкъ огонь и зажегъ лампаду. Реа полусидѣла на полу и озиралась кругомъ дико, руками судорожно перебирая свои распущенные волосы.

— Что съ тобою?—спросилъ я въ невольномъ испугѣ.

— Ты ничего не слышалъ? не видѣлъ, Юній?—спросила дѣвушка.

Я отвѣтилъ, что нѣтъ, и Реа, трепеща, передала мнѣ, что внезапный лучъ пронизалъ тотъ мракъ, въ которомъ мы лежали, что нѣкій мужъ, въ сіяющемъ облаченіи, предсталъ предъ ней, подобный тѣмъ, что̀ христіане рисуютъ на своихъ изображеніяхъ святыхъ, и протянулъ ей свитокъ, на которомъ было написано буквами кроваваго цвѣта: „Завтра ты умрешь". Разсказывая это, Реа содрогалась, какъ если бы надъ ней уже былъ занесенъ разящій мечъ, и никогда я не видѣлъ такого выраженія ужаса, какъ на ея лицѣ, члены ея ослабли, какъ у сонной или мертвой, и она едва понимала то, что̀ я ей говорилъ,—состояніе, которое гдѣ-то вѣрно описалъ Цесарь.

Какъ ребенка, я перенесъ Рею опять на постель и употребилъ всѣ усилія, чтобы успокоить и привести въ себя. Но дѣвушка долго не могла освободиться отъ страшнаго воспоминанія, и все ей казалось, что сейчасъ опять появится лучезарный вѣстникъ, возвѣщающій ей смерть. Я прибѣгъ ко всѣмъ доводамъ логики, чтобы доказать Реѣ, что страхъ ея напрасенъ, что видѣніе было не предвѣстіе, посланное нѣкіемъ богомъ, но лживый сонъ, гость, прилетѣвшій изъ Тартара не черезъ роговую дверь, но черезъ дверь изъ слоновой кости. Я напоминалъ Реѣ, что въ ту минуту, когда явился призракъ, она лежала ничкомъ, и, слѣдовательно, представшій существовалъ только въ ея грезахъ, а не въ дѣйствительности; что я, находившійся рядомъ, не видѣлъ и не слышалъ ничего. Не забылъ я указать и на то, что ничто не предвѣщало намъ опасности, и что завтрашній день, по всѣмъ вѣроятіямъ, долженъ былъ пройти столь же спокойно, какъ сегодняшній.

Когда Реа нѣсколько успокоилась и стала понимать мои разсужденія, я вернулся къ прежнему разговору и вновь сталъ совѣтовать освободиться отъ Петра, къ которому самъ продолжалъ чувствовать и ненависть и скрытое раздраженіе. Потрясенная и утомленная, Реа на этотъ разъ уже не спорила и только слабо возразила:

— Но они, люди, не станутъ подчиняться мнѣ. Они все же видятъ во мнѣ только женщину. Вести въ бой долженъ, по ихъ понятіямъ, мужчина.

Тогда я сказалъ, и въ ту минуту говорить иначе не могъ:

— Не бойся и не останавливайся передъ этимъ. Ты забываешь, что съ тобою я. Меня ты назвала Іоанномъ, любимѣйшимъ изъ учениковъ Господина. Это имя я принимаю, и буду его достоинъ. Это я поведу людей новыхъ на бой съ нашимъ врагомъ!

Легкій румянецъ окрасилъ обычно безцвѣтныя щеки Реи, и она, впервые въ ту ночь, подняла на меня глаза радостные и исполненные надежды.

— Итакъ, ты опять—мой?—тихо спросила она.

— Я—твой, Реа,—отвѣтилъ я,—опять и навсегда.

VIII.

Мнѣ, однако, не пришлось привести свой замыселъ въ исполненіе. На другой день, рано утромъ, насъ съ Реей, уснувшихъ крѣпко послѣ долгихъ ласкъ, разбудили тревожнымъ извѣстіемъ, что въ виду Села появились передовые разъѣзды Римскаго войска. Когда я вышелъ на улицу, Петръ, съ мечомъ у пояса, въ шлемѣ, въ пышномъ халкохитонѣ вождя, распоряжался тамъ, раздавалъ вооруженіе, назначалъ мѣста, гдѣ кому стоять, женщинамъ приказывалъ оставаться въ домахъ и заботиться о раненыхъ.

Было не время передъ началомъ боя подымать неурядицу въ нашихъ рядахъ, и потому я ничѣмъ не выдалъ того уговора, къ которому мы пришли ночью съ Реей, предоставилъ Петру начальствовать, но рѣшилъ слѣдить за всѣми его дѣйствіями и, по возможности, ни на мигъ его не выпускать изъ виду.

— Вотъ общее желаніе исполняется,—сказалъ Петръ, завидя меня. — Мы будемъ сражаться съ врагами. Ступай, выбери себѣ въ складѣ подходящее вооруженіе и займи свое мѣсто у баллисты. Кстати, возьми обратно тотъ кинжалъ, о которомъ ты такъ жалѣлъ: сегодня онъ тебѣ можетъ пригодиться.

Петръ протянулъ мнѣ кинжалъ Гесперіи, и я взялъ его, безъ одного слова, но когда, невольно, я прочелъ надпись на его рукояткѣ: „Учись умирать“, мое сердце сжалось.

По пути въ складъ оружія мнѣ пришлось итти мимо храма, и, замѣтивъ, что Люциферат тамъ одинъ, я зашелъ поговорить съ нимъ. Юноша былъ печальнѣе, чѣмъ обыкновенно, такъ какъ его пугало предстоящее сраженіе, онъ жаловался, что я не исполнилъ своихъ обѣщаній,—не бѣжалъ съ нимъ изъ Новаго Села,—а потомъ, между прочимъ, сказалъ:

— Сегодня меня совсѣмъ забыли, потому что со мною нѣтъ даже Марка: Петръ услалъ его...

Маркъ былъ расторопный мальчикъ, приставленный къ Люциферату для услугъ, и, изумившись, что такого нужнаго человѣка могли куда-то отослать, я сталъ спрашивать подробности. Оказалось, что наканунѣ вечеромъ Петръ призвалъ къ себѣ Марка, и съ тѣхъ поръ его никто болѣе не видѣлъ въ Новомъ Селѣ. Я вспомнилъ обвиненіе Андрея, что Петръ тайно сносится съ префектомъ, и мои подозрѣнія еще усилились.

Въ складѣ оружія я выбралъ подошедшій мнѣ круглый шлемъ съ перьями и небольшой круглый щитъ, а на правое бедро повѣсилъ Испанскій мечъ. Я не надѣлъ панцыря, потому что непривычка къ нему затруднила бы мои движенія, и не взялъ копья, такъ какъ не умѣлъ имъ владѣть. Въ военномъ одѣяніи я былъ, вѣроятно, довольно смѣшонъ, хотя Фива, повстрѣчавшись со мною, и сказала мнѣ лукаво:

— Изъ тебя вышелъ очень красивый воинъ.

Скоро появилась и Реа, въ своемъ аломъ платьѣ, съ змiевиднымъ жезломъ въ рукѣ; на ея лицѣ не было слѣда ночныхъ тревогъ, и она, напротивъ, казалась радостной, бодрой и увѣренной въ удачѣ, какъ никогда. Величественнымъ шагомъ Царицы проходила она сквозь толпу собравшагося народа, въ краткихъ словахъ всѣмъ пророчествуя о побѣдѣ. Петръ пошелъ ей навстрѣчу и сказалъ:

— Ты, Царица, должна остаться въ храмѣ и тамъ молиться о той помощи тайныхъ силъ, на которую мы надѣемся.

— Нѣтъ,—возразила Реа,—мое мѣсто среди сражающихся: я буду съ ними!

Потомъ добавила, обращаясь ко всѣмъ намъ:

— Не была ли я права, говоря, что трижды не взойдетъ солнце, какъ мы увидимъ наше торжество?

Петръ насмѣшливо улыбнулся, но ничего не возразилъ и сталъ разъяснять апостоламъ, что́ каждый долженъ дѣлать во время нападенія. Старики, нахмуривъ брови, внимательно слушали объясненія Петра, но, повидимому, понимали плохо.

Такъ какъ къ Новому Селу былъ всего одинъ подступъ, по тропѣ, перегороженной валомъ, то тамъ и была сосредоточена вся оборона. У лѣваго края вала, на выступѣ скалы, стояла моя баллиста, около которой, за неимѣніемъ свинцовыхъ ядеръ, былъ сложенъ большой запасъ тяжелыхъ камней. На самомъ валу были помѣщены три отряда: первый — лучниковъ, которые должны были издали поражать непріятеля стрѣлами; второй — особыхъ бойцовъ, назначеніе которыхъ было въ томъ, чтобы на подошедшихъ близко сбрасывать камни, тяжелыя балки и лить горячую смолу, и, наконецъ, третій — нашихъ тріаріевъ, которымъ предстояло, подъ начальствомъ Ѳомы, сражаться грудь съ грудью съ легіонаріями, если бы они взобрались на самый гребень укрѣпленія. Внизу за валомъ, на который вели три лѣстницы, были поставлены свѣжіе отряды, чтобы смѣнять усталыхъ и убитыхъ, и всѣ мальчики изъ Села, чтобы служить гонцами и приносить сражающимся новое оружіе и боевые снаряды. Всѣмъ этимъ было занято около двухсотъ человѣкъ, а другой подобный же строй ждалъ наготовѣ, подъ копьемъ, своей очереди въ глубинѣ Села. И снова я не могъ оспаривать распоряженій Петра, вполнѣ дѣльныхъ и полезныхъ.

Утро прошло въ томительномъ ожиданіи, которое, какъ сказалъ поэтъ, хуже самаго сраженія. За это время я нѣсколько разъ заговаривалъ съ Реей, но она была, какъ опьянѣвшая, и повторяла только:

— Пришелъ часъ моей славы. Да прославится Отецъ въ Дочери своей.

Чтобы вернуть Рею къ дѣйствительности, я напомнилъ ей о ночномъ видѣніи, но она возразила:

— То былъ соблазнъ Ненавидящаго меня. Ложнымъ видѣніемъ онъ хотѣлъ ослабить мои силы. Но сбудется предреченное пророками. Вижу теперь, что моя судьба ведетъ меня къ великому и что истинны пути мои. Наступаетъ время владычества Пришедшаго.

Другихъ рѣчей, кромѣ подобныхъ восклицаній, я отъ Реи добиться не могъ и оставилъ ее, занявшись своей баллистой.

Колесница Феба уже высоко вскатилась на склонъ неба, когда мы увидѣли первыхъ враговъ. На противоположномъ холмѣ, отъ котораго мы были отдѣлены лощиной, показались всадники, въ одеждѣ Римскихъ воиновъ. Наши лучники тотчасъ пустили въ нихъ нѣсколько стрѣлъ, но безуспѣшно, и всадники скрылись. Черезъ нѣкоторое время на томъ же холмѣ появились Скиѳскіе стрѣлки и, прячась за подвижными плутеями, въ свою очередь стали пускать стрѣлы въ наше Село, но такъ какъ разстояніе было велико, ихъ стрѣлы также или не долетали до насъ, или безсильно падали на самомъ валу. Это ободрило всѣхъ, и въ нашемъ станѣ громко смѣялись надъ неудачей непріятеля.

Наконецъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ утвердились враги, произошло новое движеніе: вѣроятно, преодолѣвъ большія трудности, легіонаріи вскатили на холмъ небольшую катапульту, и намъ было видно, какъ они ее заряжали, какъ навертывали канатъ на колесо, какъ цѣлились въ нашу сторону. Въ эту минуту я впервые ощутилъ дрожь страха, и мнѣ стало стыдно, хотя я и объяснилъ себѣ свою робость просто непривычкой къ военному дѣлу. Мы всѣ продолжали наблюдать за дѣйствіями Римскихъ воиновъ, какъ вдругъ съ сильнымъ шумомъ дротикъ ударился въ валъ, и на насъ полетѣли комья земли. Почти тотчасъ же ударилъ второй дротикъ, потомъ третій, и я видѣлъ, какъ поблѣднѣли стоявшіе около меня юноши. Въ концѣ концовъ, летучее желѣзо нашло свою жертву,—одинъ изъ нашихъ, неосторожно выставившійся изъ бойницы, былъ пораженъ прямо въ грудь и повалился навзничь, стуча щитомъ и шлемомъ, какъ о

томъ прекрасно говоритъ Гомеръ: „на падшемъ доспѣхи взгремѣли“.

Эта первая смерть на минуту произвела смятеніе въ нашихъ рядахъ, но Петръ громкимъ голосомъ остановилъ нѣсколькихъ, побѣжавшихъ было прочь. Онъ приказалъ всѣмъ лучше укрываться за портикомъ вала и ни въ какомъ случаѣ не выходить подъ удары стрѣлъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ распорядился, чтобы въ самомъ Селѣ женщины запѣли нашъ гимнъ, и звуки этой веселой пѣсни, которую повторяло горное эхо, дѣйствительно вливали новую отвагу въ сердца. Уже безпечно смотрѣли мы, какъ безвредные дротики, одинъ за другимъ вонзались въ укрѣпленіе, дѣлая его похожимъ на спину дикобраза.

Я оставался со своимъ маленькимъ отрядомъ близъ своей баллисты, и мы пятеро удачно прятались за выступомъ скалы, откуда хорошо было видно все поле сраженія. Реа величественно сидѣла за валомъ, на большомъ камнѣ, какъ статуя нѣкоей богини, почти не шевелясь, не двигая рукой, въ которой сжимала свой жезлъ. Петръ, какъ истинный полководецъ, переходилъ отъ одного отряда къ другому, поднимался и на валъ, успокаивалъ, отдавалъ приказанія.

Около часа передовые отряды префекта осыпали насъ дротиками и стрѣлами, пока не убѣдились, что не могутъ этимъ нанести намъ никакого вреда. Тогда послышался звукъ букцины, и на вершинѣ холма стала строиться пѣхота. Вѣроятно, то была цѣлая когорта, которая готовилась итти на приступъ. При яркомъ солнцѣ сверкали шлемы, четыреугольные щиты, выкрашенные всѣ въ желтый цвѣтъ, оконечности длинныхъ копій легіонаріевъ, и было красиво ихъ ровное движеніе, обращавшее собраніе людей въ одно цѣлое. Я невольно сравнилъ это войско съ толпою нашихъ бойцовъ, одѣтыхъ, кому какъ случилось, толпящихся нестройно, неумѣло подымавшихъ свои клипеи, скуты, пармулы, даже пельты, бравшихъ то въ одну, то въ другую руку самые разнообразные гасты, пилы, ланцеи, Германскія фрамеи, Македонскіе конты, даже простые спары, или домашніе топоры,

и почти пожалѣлъ, что я не въ рядахъ нашихъ враговъ. Плотно сомкнувшись, легіонаріи спокойно зашагали внизъ по тропѣ, направляясь къ нашимъ высотамъ, и грозно надъ ихъ строемъ высился значекъ когорты съ изображеніемъ вепря.

Тогда Петръ приказалъ дѣйствовать баллистой; мы привели машину въ готовность, положили въ нее тяжелый камень, натянули верберъ и спустили затворъ. Такъ какъ много дней мы упражнялись въ стрѣльбѣ въ цѣль, то промаха не было, и, описавъ въ воздухѣ дугу, громадная тяжесть рухнула въ самую середину быстро двигающагося строя. У меня при такой удачѣ захватило духъ отъ радости, наши привѣтствовали восторженными кликами мѣткій ударъ, и намъ было видно, какъ нѣсколько человѣкъ изъ числа легіонаріевъ повалилось на землю; но другіе продолжали итти тѣмъ же мѣрнымъ шагомъ, опять сомкнувъ ряды.

Охваченный волненіемъ военнаго состязанія, которое испытывалъ впервые въ жизни, я порывисто приказалъ вновь зарядить баллисту, и второй камень ударилъ въ подступающаго непріятеля, потомъ и третій, и четвертый. Въ то же время наши стрѣлки опять натянули луки и стали посылать внизъ стаи стрѣлъ, изъ которыхъ не всѣ пропадали даромъ. Теперь это мы осыпали врага метательными снарядами, и ликовали, и кричали при каждомъ успѣхѣ. Уже на тропѣ, ведшей въ наше Село, валялись странно скорчившіяся тѣла въ мѣдныхъ шлемахъ, но когорта, въ полномъ молчаніи, неуклонно подвигалась впередъ, только нѣсколько ускоривъ шагъ, чтобы скорѣе выйти изъ-подъ ударовъ.

Шаговъ за двѣсти отъ нашего вала, когда камни баллисты стали уже безполезными, легіонаріи остановились, подняли щиты надъ головами и, образовавъ такимъ образомъ „черепаху", стали стремительно подыматься наверхъ. Я до сихъ поръ зналъ о сраженіяхъ лишь по разсказамъ великихъ историковъ и поэтовъ, и теперь, въ первый разъ наблюдая, какъ все это совершается въ дѣйствительности, испытывалъ дѣтскую радость и неодолимое любопытство. Я забылъ, что самъ принимаю участіе въ бою, все мнѣ каза-

лось какой-то веселой игрой и, не думая о людяхъ, сраженныхъ, можетъ быть, на смерть камнями моей баллисты, я только любовался стройностью и соразмѣрностью движенiй хорошо обученныхъ легiонарiевъ. Говоря по правдѣ, душою я былъ съ ними, съ этими Римскими воинами, преемниками тѣхъ, которые одерживали побѣды подъ Замой и при Тиграноцертѣ, чѣмъ съ толпой смятенныхъ колоновъ и пастуховъ, ободрявшихъ себя чуждыми мнѣ криками: „Слава Пришедшему!"—„Змiй, святъ образъ твой!"

Достигнувъ вала, когорта пошла на приступъ. Быстро были приставлены лѣстницы, и воины стали карабкаться вверхъ. На нихъ наши, крича неистово, бросали камни и палки, лили кипящую смолу, но они, прикрывая голову щитами, все подымались. Въ десяти шагахъ отъ меня началась рукопашная схватка. Мнѣ было видно, какъ копья втыкались въ живое тѣло, какъ мечи разрубали плечи, какъ люди съ воемъ и стономъ валились на землю и оставались лежать въ какихъ-то неестественныхъ и смѣшныхъ положенiяхъ. При этомъ зрѣлищѣ новый порывъ страха охватилъ меня, я почувствовалъ, что блѣднѣю, такъ какъ мнѣ представилось ясно, что̀ я испытаю, если вражеское лезвее вонзится въ меня, и мнѣ стоило большихъ усилiй остаться на мѣстѣ, а не броситься бѣжать прочь, ища защиты гдѣ-нибудь за домомъ. Но когда я боролся съ этимъ постыднымъ чувствомъ робости, я вдругъ увидѣлъ, что Реа, въ своемъ аломъ одѣянiи, дѣлавшемъ ее цѣлью всѣхъ ударовъ, появилась на гребнѣ вала, среди бойцовъ, и, размахивая жезломъ, что-то кричитъ имъ. Въ отвѣтъ на призывы Реи наши отвѣчаютъ оглушительнымъ крикомъ, привѣтствуя Царицу. Убитыхъ тотчасъ смѣняютъ запасные, и, словно люди, издавна привыкшiе къ военному дѣлу, эти простые селяне колютъ копьями, рубятъ мечами, подставляютъ щиты подъ удары, сталкиваютъ наступающихъ въ пропасть. Пристыженный примѣромъ Реи, я тоже, преодолѣвъ робость, приказалъ лучникамъ стрѣлять въ заднiе ряды когорты, и стрѣлы опять посыпались на Римскихъ воиновъ.

Неожиданно я увидѣлъ, что одинъ изъ легіонаріевъ, отдѣлившись отъ строя и правой рукой прикрывая, видимо, раненое плечо, быстро спускается обратно въ лощину; черезъ минуту за нимъ послѣдовалъ другой, потомъ еще нѣсколько,— и вотъ вся когорта обратилась въ бѣгство. Я наблюдалъ, какъ центуріоны, съ золотыми фалерами на груди, пытались удержать бѣгущихъ, я слышалъ звукъ тубъ, призывавшій къ новому приступу, но уже ничто не могло остановить отступленія. Непріятели бѣжали отъ нашего окопа, одни бросая щитъ, другіе прикрываясь имъ отъ стрѣлъ, падали, вскакивали, карабкались на окружные уступы, позорно прятались въ кустахъ. Не оставалось сомнѣнія, что мы побѣдили.

Реа, обернувшись съ гребня вала къ Селу, выкрикивала какія-то слова, которыя за общимъ шумомъ нельзя было разслышать. Недавніе бойцы, въ порывѣ радости, обнимали другъ друга и поздравляли съ побѣдой. Изъ Села прибѣжали женщины и тоже что-то вопили и махали руками. А я, забывъ всякую осторожность, выступилъ изъ-за своего прикрытія и, охваченный негодованіемъ къ бѣгущимъ, кричалъ имъ зло и безсмысленно:

— Трусы! трусы! трусы! Вы—не Римляне! Это сбродъ Скиѳовъ и Сарматовъ! Позоръ имперіи, что у нея такое войско!

Когда все нѣсколько успокоилось, когда бѣгущіе удалились отъ насъ на такое разстояніе, что мы не могли достать ихъ ни стрѣлами, ни камнями баллисты, а потомъ и вовсе скрылись изъ виду, а въ окружающихъ насъ горахъ снова наступило безмолвіе, мы всѣ, оставивъ стражу на валу, собрались посреди Села на совѣтъ. Общее воодушевленіе къ этому времени значительно упало, стоны и проклятія раненыхъ, доносившіеся изъ домовъ, заставляли содрогаться, а еще неубранныя тѣла убитыхъ, валявшіяся около вала, краснорѣчиво говорили объ томъ, что̀ можетъ ожидать каждаго изъ насъ. Только Ѳома ликовалъ, приписывая себѣ всю честь побѣды, да Реа какъ будто не замѣчала ничего, и съ глазами изступленными, ежеминутно поднимая руку къ небу, твердила, что этотъ день оправдалъ и ея надежды и ея пророчества.

— Видите, видите,—повторяла она,—что не страшны намъ легіоны вражескіе! Отъ лика моего бѣгутъ они и таютъ, какъ воскъ отъ огня! Побѣда была суждена намъ, и мы получили ее, какъ даръ отъ Охраняющаго насъ!

Мнѣ показалось, что лицо Петра мрачно, и я подумалъ, что онъ ждалъ и желалъ иного исхода битвы, но, стараясь имѣть видъ тоже торжествующій, онъ сказалъ намъ:

— Какъ Спартанцы Леонида, мы отбили полчища новаго Ксеркса, это—предзнаменованіе благое.

— Ты забываешь,—замѣтилъ я,—что въ концѣ концовъ Леонидъ и его триста были уничтожены.

— Но среди насъ нѣтъ Малійца Эфіальта,—быстро возразилъ Петръ,—который показалъ бы врагу путь черезъ гору Эту.

Ни у кого не было сомнѣній, что непріятель нападеніе возобновитъ. Поэтому Петръ распорядился отправить отрядъ юношей на развѣдки и перенести къ валу новый запасъ стрѣлъ, метательныхъ дротиковъ и камней для баллисты. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ посовѣтовалъ всѣмъ отдохнуть, и на улицахъ стали разставлять корзины съ хлѣбомъ и сыромъ. Выкатили также двѣ послѣднія, остававшіяся у насъ бочки вина и предоставили всѣмъ пить, сколько кто хочетъ.

Это, однако, не могло вернуть людямъ прежней бодрости; не было слышно ни веселыхъ разговоровъ, ни смѣха, ни пѣнія; всѣ задумывались, и видно было, что богъ дурного предчувствія обходитъ ряды обѣдающихъ и каждаго касается своими черными перстами.

Я зашелъ-было въ храмъ и засталъ тамъ нѣсколько человѣкъ, въ дикомъ ужасѣ жавшихся около изображенія Змія. Къ самому его подножію припалъ Люциферат, совершенно обезумѣвшій отъ страха, а около него рыдала его мать и угрюмо сидѣлъ Филофронъ,—подобно Пріаму и Гекубѣ передъ разрушеніемъ Иліона. Завидя меня, оба вскочили и стали мнѣ кричать, что мы не имѣемъ права ихъ удерживать насильно, что они хотятъ уйти отсюда, отдаться на волю Римлянъ и молить у префекта пощады. Самъ Люциферат бро-

сился къ моимъ ногамъ, цѣловалъ мнѣ колѣни и твердилъ:

— Милый братъ Іоаннъ! Уведи меня! спаси меня! Я буду любить тебя! Я буду цѣловать тебя! Я не хочу быть убитымъ.

Съ трудомъ вырвавшись изъ рукъ юноши, я повернулся къ двери, но мнѣ загородилъ дорогу Филофронъ, браня меня и по-латыни и по-еврейски; когда же я силой выбрался изъ храма, долго еще кричалъ мнѣ проклятія, угрожая мнѣ местію Змія и Саваоѳа.

Потомъ я заглянулъ въ дома, гдѣ женщины перевязывали раненыхъ, но тамъ въ воздухѣ, пропитанномъ кровью, тоже слышались стоны и проклятія. Только немногіе, даже умирая отъ ранъ, прославляли Змія и радовались побѣдѣ, но другіе,— и такихъ было большинство,—громко жаловались и съ усиліемъ подымали кулаки, угрожая мнѣ, какъ одному изъ виновниковъ ихъ страданій. „Будь проклятъ и ты, и всѣ апостолы, и ваша Царица!“—крикнулъ мнѣ одинъ изъ лежавшихъ, которому Фива, поблѣднѣвшая и потерявшая всю свою веселость, врачевала голову, разсѣченную тяжелымъ Римскимъ мечомъ.

Я предпочелъ вернуться къ своей баллистѣ и сѣлъ на свою скамью, откуда могъ озирать всю лощину. Я видѣлъ распростертые по дорогѣ трупы людей, убитыхъ нашими снарядами, видѣлъ раненыхъ, которыхъ не подняли товарищи и которые теперь тщетно старались уползти въ болѣе безопасное мѣсто, видѣлъ хищныхъ птицъ, уже кружившихся надъ мѣстомъ боя. Мѣстами зеленая трава потемнѣла отъ пролившейся крови. Я возстановилъ въ памяти недавнюю картину битвы и тихо проговорилъ стихъ Тибулла:

Тамъ льется кровь, тамъ рѣзня, ближе подходитъ къ намъ смерть.

Слово „Смерть“ заставило меня вздрогнуть, и я задумался надъ тѣмъ, что̀ суждено мнѣ въ этотъ день. Неужели, думалъ я, къ вечеру я буду лежать подобно одному изъ этихъ легіонаріевъ, уже бездыханнымъ или умирающимъ, со жгучей

болью въ пробитой желѣзомъ груди, не имѣя силъ встать или жалостно корчась на окровавленной землѣ? „Смерть есть законъ природы“, говорятъ философы, но смерть послѣ долгой жизни, когда человѣкъ насыщенъ всѣмъ извѣданнымъ и видѣннымъ, а не насильственный обрывъ жизни, у самаго ея порога. Неужели мнѣ суждено пойти вслѣдъ за моимъ милымъ Ремигіемъ и обнять его блѣдную, безкровную тѣнь на поляхъ асфоделей? Зачѣмъ? За что̀? Что̀ общаго у меня съ этими безсмысленными мятежниками, проповѣдниками нелѣпой вѣры въ Змія и еще болѣе нелѣпой вѣры въ Антихриста Пришедшаго, который оказался юношей, годнымъ лишь въ гистріоны?

Вдругъ безконечно желанной показалась мнѣ жизнь на землѣ, въ душѣ проснулось желаніе видѣть солнце и зелень, вернуться къ роднымъ, къ дорогому отцу и матери, учиться, познавать тайны мудрости и любить. Лицо Гесперіи выплыло предо мной, словно изъ дыма курильницъ при волхвованіи, и опять вся сила моей любви овладѣла мною. Смѣшными показались мнѣ мои ночныя чувства, обѣщанія, которыя я далъ Реѣ, и чужой эта самая Реа, вѣрящая въ какія-то несбыточныя надежды. Что̀, однако, было мнѣ дѣлать? Бѣжать?—но куда? не въ руки же тѣхъ легіонаріевъ, которыхъ я только-что осыпалъ камнями изъ баллисты. Я былъ все еще узникомъ, все еще въ плѣну, и противъ своей воли былъ долженъ сражаться за погибшее дѣло.

Такія и подобныя этимъ мысли проходили въ моей головѣ, и, укрывшись за выступомъ скалы, стоя одиноко, я готовъ былъ плакать, а можетъ быть и плакалъ, потому что никто меня не видѣлъ въ моемъ уединеніи.

Изъ моей задумчивости вывело меня возвращеніе нашихъ лазутчиковъ: двое изъ нихъ прокрались къ самой стоянкѣ Римскаго войска и видѣли, что оно готовится къ новому приступу. Они говорили, что у Римлянъ теперь уже двѣ катапульты, а число легіонаріевъ опредѣляли приблизительно въ тысячу человѣкъ. Тотчасъ, по приказанію Петра, у насъ стали вновь готовиться къ оборонѣ, всѣ заняли свои мѣста, и отряды

нашихъ бойцовъ, съ Ѳомой во главѣ, опять выстроились на валу; но я ни въ комъ не видѣлъ прежняго одушевленія, и лица воиновъ, подъ блестящими шлемами, были угрюмы.

IX.

Прошло, однако, еще около часа, прежде чѣмъ военныя дѣйствія возобновились, и только въ началѣ десятаго часа вечера на холмѣ выдвинулись стройныя очертанія катапультъ. Снова враги начали засыпать насъ дождемъ якулей, но на этотъ разъ машины, вѣроятно, были какъ-то усовершенствованы, потому что стрѣлы перелетали черезъ валъ и поражали людей въ самомъ Селѣ. Послышались среди насъ крики, стоны и плачъ, и я думаю, не окружай насъ съ трехъ сторонъ пропасть, а съ четвертой отвѣсная скала, многіе, если не всѣ, обратились бы въ бѣгство. Но бѣжать было некуда: благодаря стараніямъ лукаваго Петра, мы были заперты, какъ въ мышеловкѣ, и обречены на истребленіе.

Разстроивъ наши ряды обстрѣломъ, враги снова пошли на приступъ, но на этотъ разъ строй, вышедшій противъ насъ, былъ гораздо многочисленнѣе: повидимому, шли на насъ двѣ когорты, двигавшіяся одна за другой. Безо всякой надежды на успѣхъ, съ сердцемъ, каждую минуту замиравшимъ отъ томительнаго ожиданія чего-то ужаснаго, я распоряжался стрѣльбой изъ баллисты, и на этотъ разъ наши выстрѣлы были гораздо менѣе мѣтки. Первая когорта, прикрываясь щитами, быстро перебѣжала черезъ лощину, и, скорѣе, чѣмъ я могъ сообразить, какъ это произошло, уже возобновился бой, грудь съ грудью, у нашего вала.

Если во время перваго сраженія я испытывалъ приступы постыдной робости, то, чтобы быть правдивымъ, я долженъ признаться, что теперь одинъ сплошной страхъ сковывалъ мои члены, останавливалъ мое дыханіе, не давалъ мнѣ видѣть. Такъ какъ я уже не могъ быть полезенъ при баллистѣ, я сошелъ съ возвышенія и помѣстился подлѣ Реи, которая, ничего не видя и не слыша, а, можетъ быть, и ничего не понимая, старалась одушевить воиновъ, стоя внизу, передъ самымъ валомъ, выкрикивая громкія слова, убѣждая всѣхъ вѣрить въ побѣду. Но мнѣ все казалось, что я нахожусь въ самомъ опасномъ мѣстѣ боя, что каждый летящій дротикъ направленъ въ меня, что каждая слѣдующая минута будетъ послѣдней, и я испытывалъ позорную радость, видя падающаго бойца, при сознаніи, что это не я.

Прямо предо мною, какъ стѣна, высился воздвигнутый нами валъ, и на немъ, безпорядочно суетясь, наши люди отбивали съ громкими криками натискъ легіонаріевъ. Поминутно по лѣстницѣ сбѣгали внизъ окровавленные бойцы и, словно ошеломленные, постоявъ минутку, бѣжали дальше. „Радуйтесь!" кричала имъ вслѣдъ Реа, но они ее не слушали, торопясь хотя на мигъ укрыться отъ страшнаго зрѣлища боя. А на смѣну ушедшимъ то Андрей, то Ѳаддей, то Іуда вели новые отряды, и люди послушно взбирались по лѣстницамъ, чтобы подставить свое тѣло подъ удары оружія, побуждаемые не знаю какой надеждой. Порой сверху слышался могучій, хриплый голосъ Ѳомы:

— Людей! Копій! Щитовъ!

И Петръ, хмуро наблюдавшій за ходомъ битвы, тотчасъ приказывалъ нести на валъ оружіе или посылалъ туда подмогу.

Съ каждой минутой мой неодолимый страхъ увеличивался, мои колѣни дрожали, неотступно я хотѣлъ одного— отдалиться отъ самаго опаснаго мѣста, и сказалъ Реѣ:

— Ты должна уйти отсюда: тебя могутъ убить. Пойдемъ, я отведу тебя въ безопасное мѣсто.

Словно разгадывая мое чувство, Реа мнѣ отвѣчала презрительно:

— Иди ты, Юній, если боишься или не вѣришь. Меня не тронетъ вражеская стрѣла. Незримые щиты охраняютъ меня. Видишь, видишь, крылатые всадники мчатся по воздуху на враговъ нашихъ. Юноши, въ бой!

Потомъ она опустилась на колѣни и стала молиться вслухъ:

— Великій, темный, нѣкогда поверженный, нынѣ возстающій въ силѣ и славѣ своей, на тебя уповаю, да не постыжусь во вѣкъ! Ты—крѣпость народа твоего, ты спасительная защита помазанника твоего! Услышь голосъ моленій моихъ, когда я взываю къ тебѣ, когда воздымаю руки мои къ нисходящему на насъ сумраку ночи! Сила у нихъ, но я къ тебѣ прибѣгаю, ибо ты заступникъ нашъ. Разсѣй враговъ нашихъ, разсѣй въ гнѣвѣ, чтобы ихъ не было, и да познаютъ народы, что ты возсталъ въ величіи и владычествуешь до предѣловъ земли. Какъ сновидѣніе по пробужденіи, да исчезнутъ идущіе на насъ, какъ будто и нѣтъ ихъ. Чтобы утвердить царство свое, царство изъ мрака возстающее, помоги намъ! Дождемъ пролей на невѣрующихъ горящіе угли, огонь и сѣру; палящій вѣтеръ—ихъ доля изъ чаши. Ибо ты могущъ, жестокъ и неодолимъ, и видятъ лицо твое, достойное того. Эй, гряди! гряди! и возвѣсти намъ часъ новой побѣды!

Произнося такія странныя слова, Реа распростерла руки, образуя всѣмъ своимъ тѣломъ какъ бы крестъ, но въ эту минуту оглушительный крикъ на верху вала заставилъ меня взглянуть туда. Съ ужасомъ я увидѣлъ среди нашихъ четыреугольные щиты легіонаріевъ и ихъ шлемы, на которыхъ блистало заходящее солнце. Въ то же время дротики посыпались въ нашу сторону и въ новый отрядъ подкрѣпленія, который въ эту минуту велъ къ валу Андрей. Въ безотчетномъ ужасѣ бросился я въ сторону, но тутъ одинъ изъ дротиковъ со всего размаха ударилъ въ Рею. Не успѣвъ опустить распростертыя руки, она, какъ большая алая птица, рухнула на землю.

На мгновеніе забывъ свой страхъ, словно самъ уязвленный въ сердце стрѣлою жалости и любви, я подбѣжалъ къ ле-

жащей дѣвушкѣ. Дротикъ попалъ ей прямо въ лицо, прошелъ сквозь ротъ, и остріе вонзилось въ землю, пригвоздивъ къ ней голову Реи. Кровь вырывалась изъ ея рта и лилась, какъ изъ крана, смачивая кругомъ землю; глаза же дѣвушки, еще открытые, были недвижны и не выражали ничего, кромѣ смерти.

При такомъ ужасномъ зрѣлищѣ уже послѣдній страхъ, тотъ, который, по разсказамъ, наводилъ на людей голосъ Пана, охватилъ меня. Блуждающими глазами я оглядѣлся кругомъ и увидѣлъ, что легіонаріи заняли весь гребень вала, что они сбрасываютъ нашихъ воиновъ внизъ, тѣснятся къ лѣстницѣ, и что тщетно Ѳома, проявлявшій мужество исключительное, старается сплотить немногихъ уцѣлѣвшихъ для новой обороны.

Не помня себя, не зная зачѣмъ я это дѣлаю, я сбросилъ съ лѣвой руки свой щитъ, какъ то сдѣлалъ когда-то при Филиппахъ самъ Венусинскій Орфей, отстегнувъ балтей, бросилъ мечъ и побѣжалъ по направленію къ домамъ. За мною слышались яростные и побѣдные крики легіонаріевъ, натискъ которыхъ еще сдерживали послѣдніе защитники вала; передо мною по улицамъ, обезумѣвъ, метались мужчины и женщины, тоже крича и не зная, куда имъ укрыться. Цѣлая толпа ломилась въ двери храма, думая тамъ найти убѣжище; нѣкоторые устремлялись къ краю пропасти, предпочитая броситься въ бездну, чѣмъ попасть въ руки разъяреннаго врага. Крики, стоны, вопли наполняли воздухъ, какъ въ томъ мѣстѣ Тартара, гдѣ несутъ свое наказаніе нечестивцы. Впрочемъ, были и такіе храбрецы или безумцы, которые съ пѣніемъ нашего священнаго гимна спѣшили къ валу, чтобы продолжать сопротивленіе, и въ этомъ числѣ были какъ апостолы, такъ и юноши, почти мальчики, и даже воинственныя женщины.

Не желая раздѣлить ихъ участъ, конечно, доблестную, я продолжалъ бѣжать прочь отъ вала и, только миновавъ послѣдніе дома, остановился; мое сердце билось прерывисто, и потъ выступилъ у меня на лбу; я чувствовалъ, что сейчасъ

меня настигнетъ страшная смерть, и не видѣлъ способа, какъ мнѣ отъ нея спастись. Вдругъ я замѣтилъ впереди себя фигуру человѣка, поспѣшно пробиравшагося къ скалѣ, загораживавшей ту площадку, на которой было расположено Новое Село. Всмотрѣвшись, я узналъ Петра, котораго я было упустилъ изъ виду, и тогда дикая злоба зажглась въ моей душѣ къ этому человѣку, который погубилъ насъ. Я вдругъ догадался, что это именно онъ, напуганный угрозами апостоловъ, далъ, черезъ Марка, какъ тайнаго гонца, приказъ напасть на насъ именно сегодня, и что, слѣдовательно, это онъ убилъ Рею и теперь приготовилъ смерть и для меня.

— Остановись, предатель! — закричалъ я и, обнаживъ кинжалъ Гесперіи, бросился вдогонку.

Петръ или не слышалъ моего голоса, или не желалъ отвѣтить, но продолжалъ бѣжать, поразительно скоро для такого немолодого человѣка, какъ онъ, все по направленію къ скалѣ, а я бѣжалъ за нимъ. Достигнувъ почти отвѣсной стѣны, Петръ неожиданно началъ подниматься на нее по незамѣтной тропинкѣ, существованіе которой я до того времени не подозрѣвалъ. Цѣпляясь за кусты и за выступающіе камни, онъ взбирался все выше и выше. Я же былъ въ ту минуту въ такомъ состояніи, что не могъ разсуждать здраво, не понялъ даже того, что Петръ указываетъ мнѣ дорогу къ спасенію, и думалъ лишь объ одномъ—догнать измѣнника и отомстить ему. Поэтому я послѣдовалъ примѣру Петра и смѣло сталъ карабкаться по такому пути, на который никогда не отважился бы въ спокойномъ состояніи духа.

Такъ мы поднимались вверхъ; Петръ былъ впереди меня и, зная дорогу, удалялся все больше и больше; я — сзади, крича ему угрозы и проклятія, поднимаясь на рукахъ на нависшіе камни, порой держась за хрупкую вѣтку кустарника и за колючій стебель, иногда почти срываясь въ пропасть, но какимъ-то благосклоннымъ Демономъ спасаемый отъ паденія. Снизу изъ Новаго Села продолжали доноситься крики и стукъ оружія, показывавшій, что сраженіе еще не было кончено, что мятежники продолжаютъ упорно оборо-

няться даже передъ лицомъ послѣдней гибели. А кругомъ насъ быстро темнѣло, такъ какъ солнечный дискъ зашелъ за гору, и изъ долинъ поднимался тотъ Мракъ, который тщетно Реа призывала намъ на помощь.

Я уже потерялъ Петра изъ виду, но все продолжалъ карабкаться, чутьемъ какъ звѣрь, находя дорогу, потому что въ минуту смертельной опасности человѣку возвращаются способности животнаго; я изнемогалъ, я задыхался, мои окровавленныя руки едва имѣли силы держаться за выступы камней, какъ вдругъ увидѣлъ, что я уже на вершинѣ скалы. Мнѣ вновь въ глаза сверкнуло солнце, прежде чѣмъ погрузиться въ провалъ между дальними горами, и живительный вечерній вѣтеръ порывомъ ударилъ мнѣ въ грудь. Обезсиленный, я упалъ на чело скалы, но потомъ, сдѣлавъ послѣднее усиліе, отползъ въ сторону, спрятался между высокихъ камней, гдѣ меня не могли бы замѣтить, и, какъ то ни удивительно, тотчасъ погрузился въ сонъ.

X.

Разбудили меня голоса, раздававшіеся около моего убѣжища, и, осторожно высунувшись изъ-за камней, я увидѣлъ двухъ мужчинъ изъ числа жителей Новаго Села, которые, присѣвъ на уступъ, переговаривались вполголоса. Такъ какъ они говорили на мѣстномъ нарѣчіи, я ихъ словъ понять не могъ, но догадался по безнадежнымъ голосамъ, что Новое Село въ рукахъ легіонеровъ и что все дѣло бывшихъ приверженцевъ Реи погибло. Одно время я готовъ былъ выйти къ прежнимъ сотоварищамъ, но потомъ счелъ болѣе благоразумнымъ не показываться. Только когда сидѣвшіе поднялись и пошли прочь, я, слѣдуя за ними ползкомъ, замѣтилъ избранную дорогу, сообразивъ, что они должны были знать всѣ пути этой мѣстности, если имъ было извѣстно, какъ и Петру, о существованіи тропы, ведшей на вершину скалы.

Когда бѣглецы скрылись изъ виду, начавъ спускъ въ направленіи къ озеру, я не безъ труда дотащился до обрыва и заглянулъ внизъ. Тамъ представилось мнѣ зрѣлище горестное, и я вспомнилъ стихи „Энеиды“:

> Ужъ вставалъ надъ хребтомъ высокимъ Люциферъ Иды,
> День выводя; захвативъ, дверей занимали пороги
> Данаи; не было намъ никакой надежды на помощь.

Стража была поставлена у вала и у дверей домовъ, въ которыхъ, конечно, были заперты плѣнные; часть воиновъ

еще спала, растянувшись на землѣ; и вездѣ, наводя ужасъ своимъ видомъ, валялись мертвыя тѣла нашихъ и враговъ.

Поспѣшивъ отвернуться отъ тягостной картины, я возвратился къ своему пріюту, откуда открывалась другая, божественная: великолѣпныхъ горъ, то, вдали, облеченныхъ въ снѣговыя мантіи, то, ближе, зеленѣющихъ лѣсами съ просвѣтами небесныхъ озеръ и смарагдиновыхъ луговинъ, подъ сводомъ безмятежнаго Урана. У меня не было колебаній, что̀ должно было мнѣ предпринять, такъ какъ кромѣ поспѣшнаго бѣгства не что иное не могло меня спасти отъ позорной смерти, но такую усталость я чувствовалъ во всѣхъ членахъ, что сомнѣвался, достанетъ ли у меня силъ на него. Мои руки и ноги были изранены и распухли, одежда вся изорвана о колючіе кустарники и камни, голова непокрыта, такъ какъ шлемъ я гдѣ-то потерялъ. Нѣсколько утѣшало меня лишь то, что у меня уцѣлѣлъ кинжалъ Гесперіи и что въ потайномъ карманѣ я разыскалъ данный мнѣ ею кошелекъ и денежное письмо къ аргентарію Генавы.

Нѣсколько собравшись съ силами, я принудилъ себя итти по тому пути, которымъ скрылись видѣнные мною бѣглецы. Преодолѣвая утомленіе, боль и мучившую меня жажду, я добрался до противоположнаго края скалы и началъ спускъ по извилистой тропѣ, иногда совершенно терявшейся. Вѣроятно, префекту не было извѣстно объ этомъ всходѣ, потому что иначе нашъ Синай въ самомъ дѣлѣ могъ оказаться для насъ Этою, на которую намекалъ Петръ: съ вершины было легко небольшому отряду, оставаясь въ безопасности, истребить всѣхъ жителей Села.

Впередъ я подвигался медленно, постоянно останавливаясь для отдыха, но по счастію утоливъ жажду изъ встрѣчнаго ручья, и только далеко за полдень спустился въ долину. Если бы я поддался однимъ своимъ желаніямъ, я, бросившись въ густую траву, предпочелъ бы тамъ лежать до другого утра, но, призвавъ имена боговъ, послѣ краткой остановки, все же повлекся дальше, ставя себѣ цѣлью достичь Ларія. Въ полубреду я повторялъ себѣ: „Ты долженъ дойти до бе-

рега!“ и, едва ступая израненными ногами, упорно продолжалъ свой путь. Въ эти часы я вполнѣ понялъ страданія Македонцевъ на страшной дорогѣ отъ предѣловъ побѣжденной ими Индіи.

Уже вечерѣло, когда я добрелъ до берега прекраснѣйшаго изъ Альпійскихъ озеръ и долго блуждалъ въ разныхъ направленіяхъ, не зная, какъ мнѣ переправиться на другую сторону. Наконецъ я наткнулся на небольшую рыбачью хижину и, такъ какъ выбора у меня не было, постучалъ въ дверь. Лицо старика-рыбака, вышедшаго на мой стукъ, показалось мнѣ достойнымъ довѣрія, и я сказалъ ему, что прошу его дать мнѣ чего-нибудь поѣсть и перевезти меня на противоположный берегъ, за что̀ я заплачу хорошо: остаться въ хижинѣ на ночь я не смѣлъ, боясь, что префектъ разослалъ отряды, чтобы ловить бѣглецовъ.

Рыбакъ, какъ я полагаю, догадался, что я изъ числа жителей Новаго Села, но оказался человѣкомъ и съ доброй душой и съ честнымъ сердцемъ. Онъ обѣщалъ мнѣ исполнить мою просьбу, и свое обѣщаніе сдержалъ, раздѣливъ со мною свой скудный ужинъ и потомъ, уже въ сумракѣ, перевезя меня на утломъ челнѣ черезъ Комацей. Ни о чемъ этотъ старикъ меня не разспрашивалъ,—да, впрочемъ, онъ плохо говорилъ по-латыни,—и на прощаніе далъ мнѣ въ дорогу краюху хлѣба. Я же, радуясь своему спасенію, такъ щедро заплатилъ за услугу, что привелъ рыбака въ изумленіе, сходное съ ужасомъ.

— Да охранитъ тебя, мой господинъ, — сказалъ онъ мнѣ, съ трудомъ находя слова, — пресвятая Дѣва Марія. Вижу, что ты—человѣкъ знатный. Прости мнѣ мою простоту.

Не разубѣждая старика, я съ нимъ разстался: онъ поплылъ обратно, все разсматривая монеты, которыя держалъ въ рукѣ, а я углубился въ лѣсъ, „па́дубомъ чернымъ кругомъ и кустами торчащій“. Ночь я провелъ, взобравшись на дерево, почти безъ сна, страдая отъ боли, дрожа отъ холода и каждый мигъ ожидая, что на меня нападутъ волки, кото-

рыхъ въ той мѣстности много. Сравнительно съ этимъ жуткимъ пріютомъ я согласенъ былъ признать царственнымъ ночлегомъ мои ночи въ Медіоланской тюрьмѣ.

Къ утру я чувствовалъ себя обезсиленнымъ до послѣдней мѣры, совсѣмъ больнымъ и почти умирающимъ. Моя голова горѣла, тѣло потрясала лихорадка, глаза видѣли плохо, а члены отказывались повиноваться. Все же я опять принудилъ себя итти, опираясь на палку, которую себѣ срѣзалъ, выбирая, какъ моряки, направленіе по солнцу, призывая на помощь безсмертныхъ, но часто думая, что больше не въ состояніи буду сдѣлать ни шагу. Временами я падалъ отъ усталости и лежалъ на мху безъ сознанія, иногда, остановившись, спрашивалъ себя, не правъ ли былъ мой Ремигій, говоря, что не стоитъ терпѣть въ этой жизни страданія, когда такъ легко освободиться отъ нихъ навсегда, но затѣмъ, поддерживаемый какой-то смутной надеждой, опять выпрямлялся и, словно слѣпой, шелъ по тропѣ, держась за деревья.

Постепенно у меня начался бредъ, и мнѣ то казалось, что ласковые голоса меня окликаютъ по имени, то, что страшный голосъ мнѣ приказываетъ остановиться; образы недавняго боя возставали вокругъ меня, и я видѣлъ людей, залитыхъ кровью, съ дротиками, вонзившимися имъ въ грудь и въ животъ; призракъ мертвой Реи являлся мнѣ, и дѣвушка съ воспламененными глазами мнѣ повторяла: „Юній, мой Юній! намъ суждены побѣда и счастіе! Поцѣлуй меня, Юній, мой братъ, мой возлюбленный!“

На одномъ перекресткѣ я явственно разслышалъ бряцаніе оружія и шумъ шаговъ легіонаріевъ и, потрясенный ужасомъ, забывъ боль и усталость, бросился бѣжать. Натыкаясь на стволы, я метался между деревьями, кружась на одномъ мѣстѣ, ожидая смертнаго удара. И вдругъ мнѣ представилось, что около меня стоитъ мой отецъ, печальный и суровый, беретъ меня за руку и говоритъ:

— Куда ты зашелъ, Децимъ! Вотъ что̀ значитъ не повиноваться указаніямъ отца. Теперь слушайся меня и иди— туда!

Отецъ повернулъ меня прямо на Западъ, и тотчасъ видѣніе исчезло, но я упалъ на колѣни и воскликнулъ:

„Sequor et qua ducis adsum!"

Напрягая уже послѣднія силы, я двинулся сквозь заросли въ направленіи, указанномъ мнѣ правдивымъ видѣніемъ, и вдругъ на лѣсной полянѣ предо мною оказалось грубо сколоченное изъ нетесаныхъ бревенъ жилье. Я довлачился до двери и, не получивъ отвѣта на стукъ, толкнулъ ее: она растворилась. Я увидѣлъ чисто прибранную комнату, деревянныя скамьи, грубые армаріи съ кастрюлями и другой посудой, простое ложе подъ опрятными одѣялами, а посрединѣ тлѣющіе угли въ домашнемъ очагѣ и надъ нимъ—маленькій ларарій, гдѣ стояли неумѣло вырѣзанныя изъ дерева статуи Меркурія и Весты. Знаменіемъ спасенія явились мнѣ эти изображенія родныхъ божествъ, я былъ охваченъ такой же радостью, какъ если бы вошелъ въ отцовскій домъ, въ Лакторѣ, и, добѣжавъ до очага, упалъ около него на полъ, говоря вслухъ:

„Вамъ я пребываю вѣренъ, боги безсмертные! Теперь, когда я на краю гибели, охраните меня, блаженные! Тебѣ, сынъ Майи, тебѣ, исконная богиня Лація, вручаю мою судьбу!"

Должно быть, около часа провелъ я распростертый на полу, не имѣя силъ подняться, когда вдругъ послышались неспѣшные шаги, и въ комнату медленно вошли двое,—сначала дряхлая, морщинистая старуха, потомъ столь же дряхлый, но бодрящійся старикъ; изумленно они смотрѣли на неожиданнаго гостя, но я, умоляюще протянувъ руки, произнесъ:

— Добрые люди! Вижу, что вы чтите безсмертныхъ! Вспомните, что странниковъ охраняетъ самъ Юпитеръ. Сжальтесь надо мною и дайте пріютъ несчастному путнику, больному и изнемогающему отъ усталости.

Всмотрѣвшись въ меня, старикъ мнѣ отвѣтилъ на хорошемъ Латинскомъ языкѣ:

— Не бойся ничего, путникъ. Законы гостепріимства для

насъ священны. Никто не скажетъ, что старый Стридулъ отказалъ просящему у него во имя боговъ. Отнынѣ ты—нашъ гость, и будь въ этомъ домѣ, какъ въ семьѣ твоихъ родителей.

Слезы потекли у меня изъ глазъ,—такъ я былъ измученъ,—и, поднявшись, я поцѣловалъ грубую руку простого старика, потому что этимъ воздавалъ благодарность не ему, но богамъ, вѣра въ которыхъ объединяетъ людей. Старикъ же, поставивъ въ уголъ удочки и сѣти, которыя были у него въ рукахъ, приказалъ женѣ готовить ужинъ, а меня позвалъ сѣсть за столъ. Скоро мы всѣ трое сидѣли передъ благоуханной ухой, и сладостно мнѣ было видѣть, какъ Стридулъ передъ ѣдой совершилъ, за неимѣніемъ вина, ключевой водой возліяніе безсмертнымъ.

Я придумалъ для старика правдоподобную исторію о томъ, что я, будто бы, ѣхалъ съ товарищемъ черезъ горы, направляясь изъ Медіолана въ Генаву, но что на пути на насъ напали разбойники, друга моего, пытавшагося сопротивляться, убили, а меня увели, какъ заложника; что послѣ долгихъ страданій въ плѣну я бѣжалъ, но сбился съ дороги и совсѣмъ погибалъ, если бы счастливый случай или Геній этого мѣста не направилъ моихъ шаговъ къ хижинѣ Стридула. Выслушавъ мой разсказъ, старикъ сказалъ:

— Можетъ быть, то были вовсе не разбойники, а шайка тѣхъ новыхъ христіанъ, которые недавно подняли мятежъ противъ императора. Часть ихъ засѣла здѣсь неподалеку въ Новомъ Селѣ, что̀ на горахъ, и ихъ люди опустошали окрестности хуже самыхъ лютыхъ грабителей. Но сегодня я слышалъ отъ одного прохожаго, направлявшагося въ Авсуцію, что префектъ добрался до ихъ гнѣзда и въ конецъ разорилъ его.

Вѣроятно, весьма изумился бы старикъ, узнавъ, что я самъ птенецъ того же гнѣзда, но я остерегся сознаваться въ этомъ.

Съ своей стороны я спросилъ, что̀ заставляетъ Стридула съ женой жить столь уединенно, въ дикомъ лѣсу, и старикъ

откровенно и довѣрчиво разсказалъ мнѣ свою несложную жизнь.

Онъ родился въ семьѣ колона, близъ Модицій, въ императорскомъ имѣніи Ламбріонѣ, рано женился и былъ вполнѣ счастливъ, обрабатывая свой клочокъ земли и принося первые плоды года въ жертву богу, о чемъ когда-то мечталъ Тибуллъ. Мирно текла его жизнь въ трудахъ и благочестіи, и старикъ, имѣя пятерыхъ сыновей, надѣялся столь же мирно встрѣтить и бога съ опрокинутымъ факеломъ. Однако въ правленіе Валентиніана одно несчастіе за другимъ стало падать на голову старика. Прежде всего, сверхъ всякаго обычая, безмѣрно увеличили налогъ съ его земли, такъ что семьѣ едва оставалось, чѣмъ кормиться. Старшій сынъ, Маркъ, не любившій земледѣлія, хотѣлъ учиться у золотыхъ дѣлъ мастера, но это ему запретили, сказавъ, что по закону сынъ колона долженъ оставаться колономъ, когда же онъ самовольно ушелъ въ Медіоланъ, его вернули насильно; тогда онъ бѣжалъ и пропалъ безъ вѣсти. Другой сынъ, Люцій, полюбилъ дѣвушку въ городѣ, дочь купца, и такъ какъ она отвѣчала на его исканія, рѣшилъ на ней жениться; но законъ позволялъ колону жениться лишь на дочери колона, и кончилось тѣмъ, что Люцій наложилъ на себя руки. Третій ихъ братъ былъ убитъ легіонаріями, когда они проходили черезъ земли Стридула и юноша не допускалъ ихъ грабить имущество отца. Четвертый умеръ отъ заразной болѣзни, свирѣпствовавшей въ краѣ. Наконецъ, послѣдній, Квинтъ, вся надежда престарѣлыхъ родителей, былъ обличенъ въ томъ, что препятствовалъ ревностнымъ христіанамъ разрушать мѣстное святилище Цереры, его судили, и палачъ ему отрубилъ голову. Старики остались одни, имъ не подъ силу стало своимъ трудомъ добывать столько, чтобы платить налоги, да къ тому же имъ грозили, что у нихъ отнимутъ всю землю, если они будутъ продолжать поклоняться идоламъ. Тогда, однажды ночью, они бросили родной домъ со всѣмъ имуществомъ, ушли въ горы, и вотъ уже нѣсколько лѣтъ живутъ, скрываясь, никѣмъ не знаемые и свободные, пропитываясь рыбной ловлей и охотой на мел-

кихъ звѣрей, вспоминая прошлое и свято сохраняя вѣру въ боговъ, унесенную ими въ глубь лѣсовъ отъ преслѣдователей.

Когда старикъ Стридулъ разсказывалъ это, его жена, которую онъ самъ называлъ Лакриматой, плакала навзрыдъ.

— Да,—говорила она,—все у насъ было: домъ, скотъ, довольство, сыновья; вотъ теперь не осталось ничего; живемъ съ дикимъ звѣрьемъ въ лѣсу, по недѣлямъ не слышимъ человѣческаго голоса, а умремъ, некому будетъ на наше тѣло бросить горсть земли.

— Мы не одни: они съ нами, старуха!—строго возразилъ Стридулъ, указывая на изображенія боговъ.

Послѣ ужина Лакримата устроила для меня прекрасную постель на охапкахъ свѣжей травы, покрытыхъ грубымъ, но чистымъ полотномъ, и впервые послѣ многихъ дней я могъ бы уснуть спокойно, если бы меня не мучила лихорадка.

За ночь я разболѣлся совсѣмъ, утромъ уже не могъ подняться съ ложа, и такое недомоганіе продолжалось съ того дня больше недѣли. Пріютившіе меня старики не бросили своего случайнаго гостя, но съ заботливостью, на которую я расчитывать не имѣлъ права, ухаживали за больнымъ. Старикъ ловилъ для меня своимъ ветхимъ неводомъ лишнюю рыбу, старуха лѣчила мои раны травами искуснѣе, чѣмъ городскіе медики, и оба относились ко мнѣ какъ къ родному сыну. Лакримата даже увѣряла меня, что я похожъ на ихъ покойнаго Квинта и иногда плакала надо мною, укутывая мое сотрясаемое ознобомъ тѣло въ теплое одѣяло. Я же не зналъ, чѣмъ отблагодарить этихъ безкорыстныхъ людей и какъ прославить благосклонность безсмертныхъ, пославшихъ мнѣ чудесное видѣніе, чтобы привести въ эту лѣсную хижину.

Живя въ домѣ Стридула и Лакриматы, я наблюдалъ ихъ жизнь, и они, по взаимной любви другъ къ другу, по добротѣ ихъ сердца и открытости ихъ души, мнѣ представлялись новыми Филимономъ и Бавкидою, изъ вѣка героевъ перенесенными въ нашу буйную современность. Такой же былъ у нихъ „малый домъ, крытый болотнымъ тростникомъ“, также „во всемъ домѣ было ихъ лишь двое“ и другъ другу они

„и повиновались и приказывали“, такъ же свято сохраняли они обычаи и правила жизни, въ свой часъ готовили обѣдъ, въ свой часъ ложились спать, и даже, для полнаго сходства, у нихъ былъ въ хижинѣ столъ съ неровными ножками, такъ что подъ одну приходилось подкладывать камень. А когда я видѣлъ, съ какой старческой нѣжностью встрѣчала Лакримата мужа, когда онъ возвращался домой послѣ рыбной ловли, или съ какой неугасшей любовью старикъ заботился о женѣ, чтобы она не устала отъ работы или даже не сдѣлала лишняго шага,—я не сомнѣвался, что если бы и моимъ хозяевамъ Сатурній задалъ свой вопросъ:

Молви, правый старикъ, и жена, достойная мужа
Праваго, что̀ вы хотите...

Стридулъ отвѣтилъ бы, какъ его древній прообразъ:

такъ какъ согласную прожили жизнь мы,
Пусть часъ одинъ насъ двоихъ унесетъ; пусть костра не увижу
Я жены никогда, и пусть ею схоро̀ненъ не буду.

Умиленіе мое передъ двумя стариками я выразилъ въ такой эпиграммѣ, написанной въ дни, когда началъ выздоравливать и бродилъ по окрестностямъ:

Царственной гдѣ діадемой изъ льдистыхъ огромныхъ алмазовъ
Сладостный садъ Гесперидъ мудрый вѣнчалъ Деміургъ,
Гдѣ погибали въ ущельяхъ слоны одноглазаго Пуна,
Въ дни, какъ Беллоны грозой Римъ онъ мечталъ сокрушить,—
Нынѣ въ долинѣ зеленой пріютъ обрѣлъ долгожданный,
Новый ты, Филимонъ, съ новой Бавкидой своей.
Ихъ укрывайте, о, горы, что̀ были страшны Ганнибалу,
Озеро, чудо земель, рыбой ихъ скромно питай,
Вы же, всемощные боги, чьи чтутъ алтари они свято,
Благо явите одно,—вмѣстѣ имъ давъ умереть.

Эти стихи я подарилъ Стридулу, когда наступила для меня возможность возобновить мое путешествіе, и другой платы старикъ не согласился съ меня взять. Напрасно я показывалъ ему кошелекъ, полный деньгами, старый колонъ твердилъ,

что принялъ меня во имя боговъ и только отъ безсмертныхъ будетъ ждать награды за свое дѣло. Лакримата же горько плакала, прощаясь со мною, и увѣряла, что за эти недолгіе дни полюбила меня, какъ сына. И мнѣ самому было грустно разставаться съ уединенной хижиной, гдѣ я нашелъ больше любви, чѣмъ въ общинахъ христіанъ, и больше вѣры, чѣмъ въ средѣ заговорщиковъ, ведущихъ борьбу за возстановленіе алтаря Побѣды въ Куріи.

Лакримата тщательно починила мою одежду и обувь, Стридулъ снабдилъ меня на дорогу котомкой, гдѣ было достаточно хлѣба и сушеной рыбы, и объяснилъ мнѣ, какого пути я долженъ держаться. По его совѣту, такъ какъ я боялся показаться въ Комѣ, я рѣшилъ итти на Сибрій, потомъ на Агаминское Село и, наконецъ, въ Эпоредію, откуда есть Августова дорога на Генаву. Старикъ далеко проводилъ меня отъ своего дома, и когда я съ сыновней почтительностью въ послѣдній разъ цѣловалъ его, я думалъ, что встрѣча съ нимъ и его женой останется лучшимъ моимъ воспоминаніемъ за весь этотъ мятежный годъ моей жизни, когда воля Фортуны сводила и разводила меня со столькими людьми.

XI.

Своего переѣзда до Генавы я описывать не стану, потому что по пути, помимо обычныхъ дорожныхъ приключеній, ничего любопытнаго со мной не случилось. Денегъ, благодаря заботливости Гесперіи и моей предусмотрительности, у меня было достаточно, и я не терпѣлъ никакихъ лишеній, если не считать скучнаго ожиданія лошадей въ мансіонахъ, скудной ѣды, которой приходилось довольствоваться въ маленькихъ селеніяхъ, и жестокихъ укусовъ клоповъ, безсонныхъ враговъ каждаго путешественника. Но эти непріятности съ избыткомъ вознаграждались величественностью видовъ той страны, черезъ которую пролегалъ мой путь, и не проходило дня, чтобы я не дивился красотѣ и разнообразію тѣхъ горныхъ громадъ, что̀ самой природой поставлены, какъ мощная стѣна, закрывающая прекрасную Италію отъ варваровъ Сѣвера.

Достигнувъ послѣ утомительнаго перехода пѣшкомъ до городка Сибрія, я впервые за много недѣль посѣтилъ термы, умастилъ свое измученное тѣло, купилъ себѣ новое платье, взамѣнъ пришедшаго въ ветхость, и былъ истинно счастливъ, слыша на улицахъ звучную Латинскую рѣчь. Не безъ удивленія я здѣсь узналъ, что уже приближаются календы Августа, такъ какъ во время своей, похожей на длительный сонъ, жизни въ Новомъ Селѣ потерялъ счетъ дней, словно потерпѣвшій кораблекрушеніе на пустынномъ островѣ. Въ Сибріи мнѣ

сообщили также послѣднія новости о событіяхъ въ имперіи, о томъ, что Максимъ переправился со своимъ войскомъ въ Германію вторую, къ устьямъ Рена, и открыто началъ борьбу противъ Граціана.

Все это заставило меня подумать о томъ, что я, можетъ быть, напрасно держу путь на Генаву, такъ какъ сроки, назначенные мнѣ Гесперіей, давно истекли, а начавшіяся военныя дѣйствія врядъ ли допустятъ меня съ нею соединиться, если я даже освѣдомлюсь точно о ея мѣстопребываніи. Однако, словно властное повелѣніе нѣкоего бога, въ моей душѣ неподвижно стояло желаніе вновь увидѣть Гесперію, и къ этой отдаленной цѣли влеклось все мое существо, какъ нѣкогда къ берегамъ Италіи бѣглецы изъ разрушенной Трои. Наперекоръ доводамъ разсудка, я стремился къ одному: ѣхать въ ту Генаву, въ которой мнѣ приказала быть Гесперія. Мнѣ казалось, что первый ласковый взглядъ Гесперіи заставитъ меня позабыть всѣ пережитыя горести, отгонитъ отъ меня окровавленный призракъ Реи, страшнымъ видѣніемъ часто встававшій у моего ночного ложа, вернетъ мнѣ прежнее спокойствіе духа, увѣренность въ себѣ, надежду на счастіе въ жизни. Какъ больной, который ждетъ исцѣленія у чудотворнаго источника, или какъ безумный, который твердитъ только одно слово, я повторялъ себѣ: „въ Генаву! въ Генаву!“ и не жалѣлъ ни денегъ, ни силъ, чтобы ускорить свое путешествіе.

Въ Сибріи я купилъ лошадь, которую потомъ продалъ, доѣхавъ на ней до Эпоредіи, гдѣ вмѣстѣ съ однимъ попутчикомъ, купцомъ изъ самой Генавы, нанялъ реду. Спутникъ мой, именемъ Лемовицій, оказался человѣкомъ бывалымъ, не разъ совершавшимъ переправу черезъ Альпы, что было подвигомъ въ дни Ганнибала, а нынѣ оцѣнивается опредѣленнымъ числомъ денаріевъ. Благодаря опытности этого Лемовиція и благосклонности Фортуны, мы благополучно избѣжали всѣхъ опасностей пути, нигдѣ не повстрѣчались съ разбойниками, счастливо преодолѣли трудности подъемовъ на чудовищныя высоты Пенина, куда геній Августа сумѣлъ

провести Римскую дорогу, и послѣ двухнедѣльнаго переѣзда спустились, наконецъ, въ прежнюю страну грозныхъ Аллоброговъ, гдѣ теперь мирное населеніе Віенненской провинціи наслаждается всѣми благами Римскаго мира.

Мой попутчикъ хорошо зналъ Манія Вибиска,—лицо, въ округѣ пользующееся почетомъ за свое богатство, и потому я безъ лишнихъ разспросовъ и поисковъ, въ той же редѣ, въ которой мы совершали послѣднюю часть пути, былъ подвезенъ къ самымъ воротамъ роскошной виллы, построенной въ виду города, на высокомъ берегу великолѣпнаго Лемана. Здѣсь я распрощался съ Лемовиціемъ, направившимся въ Генаву, а самъ, захвативъ немногія вещи, бывшія со мною, приказалъ рабамъ, стоявшимъ у входа въ садъ, извѣстить хозяина о моемъ прибытіи. У меня не было коммендатиційнаго письма, которое представило бы меня Вибиску, но имя Гесперіи, которымъ я воспользовался, произвело дѣйствіе чудесное, и я тотчасъ былъ введенъ въ домъ.

Вибискъ былъ человѣкъ не молодой, очень тучный, похожій лицомъ на статуи Виттелія, но меня онъ встрѣтилъ радушно и объяснилъ, что Гесперія ему писала о моемъ возможномъ появленіи у него, что̀ опять наполнило мою душу благодарностью и умиленіемъ. Немедленно хозяинъ приказалъ рабамъ приготовить для меня ванну и ужинъ, а мнѣ предложилъ распоряжаться въ виллѣ, какъ въ своемъ домѣ. Я долженъ добавить, что то были не просто любезныя слова, но что дѣйствительно Вибискъ меня принялъ такъ, какъ долженъ истинный Римлянинъ принимать гостя, но вдобавокъ съ чисто Галльской веселостью и съ щедростью владѣльца обширныхъ латифундій. Снова я увидѣлъ себя окруженнымъ роскошью, распоряжался услугами множества рабовъ, и въ тщательно обставленной виллѣ нашелъ все, чего можетъ желать человѣкъ просвѣщенный,—отъ удобныхъ термъ и изысканныхъ кушаній до произведеній знаменитыхъ художниковъ и библіотеки изъ нѣсколькихъ тысячъ свитковъ.

Съ самаго начала,—пересказавъ вкратцѣ свои бѣдственныя приключенія,—я освѣдомился у Вибиска, гдѣ теперь на-

ходится Гесперія. Вибискъ передалъ мнѣ, что она, не дождавшись меня въ Медіоланѣ, благополучно совершила весь путь до береговъ Галльскаго пролива и переправилась въ Цесаріенскую Флавію, незадолго передъ тѣмъ, какъ Максимъ рѣшилъ свою высадку. Съ тѣхъ поръ Вибискъ писемъ отъ Гесперіи не получалъ, но знаетъ, что она добилась благосклонности усурпатора, такъ какъ неизмѣнно остается близъ него и даже вмѣстѣ съ нимъ участвуетъ въ военномъ походѣ. Разсказываютъ, что Максимъ, человѣкъ невысокой учености, простой воинъ, охотно слушается совѣтовъ Гесперіи, и ея мудрости довѣряетъ больше, чѣмъ соображеніямъ своихъ военачальниковъ и указаніямъ христіанскихъ священниковъ. Конечно, такія вѣсти жестоко поразили мою душу, вновь пробудивъ въ ней уснувшихъ виперъ ревности, но такъ какъ нѣчто подобное я предвидѣлъ и раньше, то сумѣлъ свое волненіе скрыть и постарался передъ Вибискомъ сохранить видъ безпечный.

Когда послѣ того мы сѣли за ужинъ, за которымъ собралась вся многочисленная семья Вибиска, его жена, сыновья съ женами и дочери съ мужьями, хозяинъ виллы не преминулъ обнаружить предо мною и свою слабость: онъ съ необыкновенной страстностью предавался астрологіи, ради которой забывалъ всѣ свои дѣла и которая служила предметомъ добродушныхъ насмѣшекъ всѣхъ его семейныхъ. Въ своей виллѣ Вибискъ построилъ особую башню, откуда наблюдалъ движенія небесныхъ свѣтилъ, а его библіотека, какъ я вскорѣ убѣдился, была полна сочиненіями о предсказаніи судьбы по звѣздамъ на языкахъ Греческомъ, Латинскомъ и даже Восточныхъ народовъ. Любимымъ чтеніемъ Вибиска было: Птоломеево „Четверокнижіе", книги Максима, Гемина, Таруція Фирмана и особенно Фирмика Матерна, котораго онъ признавалъ величайшимъ ученымъ послѣдняго времени, а изъ поэтовъ—Манилій, Овидій, Апулей, которыхъ онъ зналъ наизусть почти полностью.

Хотя я хорошо помнилъ безпощадныя нападки „Аттическихъ ночей" на науку генетліаковъ, старавшіяся выставить

Халдейскія гаданія въ смѣшномъ видѣ, однако, изъ понятнаго чувства вѣжливости, внимательно слушалъ разсужденія хозяина и, по правдѣ сказать, вовсе не находилъ ихъ лишенными смысла. Съ жаромъ говорилъ мнѣ Вибискъ, радуясь, что обрѣлъ новаго слушателя, о двѣнадцати домахъ неба, о трехъ родахъ эрратическихъ звѣздъ, — приносящихъ счастіе, губительныхъ, среднихъ,—о знакахъ Зодіака и ихъ отношеніи къ четыремъ элементамъ, и всемъ подобномъ. Сыновья хозяина порой вставляли шутливыя замѣчанія о несбывшихся предсказаніяхъ отца, но онъ, не смущаясь такими напоминаніями, продолжалъ восхвалять тайны неба, на которомъ предначертаны судьбы каждаго человѣка и каждой былинки.

Послѣ сытнаго ужина, залитаго превосходнымъ мѣстнымъ виномъ, Вибискъ повелъ меня на свою башню, чтобы показать рѣдкія сочиненія маговъ, карты неба, сложныя таблицы движеній планетъ и хитрые инструменты, помогающіе при наблюденіи звѣздъ. На открытой площадкѣ крыши, гдѣ передъ нами засверкали огни эѳира, Вибискъ, охваченный своимъ обычнымъ восторгомъ передъ чудесами звѣзднаго міра, не могъ удержаться, чтобы не продекламировать торжественно:

Глянь въ лучезарную высь, что всѣ призываютъ, какъ бога!

И тутъ же, спросивъ у меня день и часъ моего рожденія, предложилъ мнѣ къ завтрашнему дню составить мой гороскопъ. Узнать свое будущее соблазнительно для всѣхъ, и я принялъ предложеніе съ благодарностью, но присутствовавшій при этомъ старшій сынъ Вибиска замѣтилъ:

— Вспомни, отецъ, что ты предсказалъ нашему главному пастуху долгую жизнь и неожиданное богатство, а его на другой же день забодалъ до смерти взбѣсившійся быкъ.

— Этотъ неучъ, — возразилъ Вибискъ, — просто не зналъ точно дня своего рожденія, вотъ онъ и получилъ предиктъ, относящійся не къ нему.

На другой день Вибискъ, дѣйствительно, показалъ мнѣ мой гороскопъ, надъ составленіемъ котораго проработалъ до поздней ночи и который мнѣ показался сдѣланнымъ съ боль-

шимъ знаніемъ дѣла. Можетъ быть, я не сумѣю точно передать всѣ ученыя выраженія, которыя употреблялъ мой добровольный предсказатель, спутаю иныя изъ его словъ, но общій смыслъ пророчества я запомнилъ вѣрно. Вотъ что̀ приблизительно мнѣ сказалъ Вибискъ:

„Ты родился подъ знакомъ Дѣвы, а такіе люди откровенны, честны, благородны, обладаютъ быстрой сообразительностью, душой чувствительной, но тщеславны, нетерпѣливы, предпочитаютъ жизнь въ довольствѣ, влюбляются легко, не умѣютъ хранить тайнъ ни своихъ, ни чужихъ. Въ небѣ въ день твоего рожденія господствовали двѣ планеты: Люциферъ и Пироентъ, а изъ созвѣздій — Дѣва и Близнецы, что̀ образуетъ аспектъ квадратный, ребенку враждебный. Посему ты долженъ больше всего остерегаться сочетанія Венеры и Марса, голубя и волка. Однако, злое вліяніе Пироента тѣмъ ослаблено, что онъ былъ въ знакѣ Кастора и Поллукса, дающихъ спасеніе черезъ дружбу. Черезъ нѣсколько лѣтъ тебѣ будетъ вторично грозить гибель, такъ какъ снова Венера и Марсъ будутъ въ сочетаніи, и тогда ты долженъ будешь искать спасенія въ помощи друга, родившагося подъ знакомъ Стрѣльца. Конецъ же твоей жизни будетъ осѣненъ знакомъ Рыбъ, потому что полный квадратъ образуютъ созвѣздія: Дѣва, Близнецы, Стрѣлецъ, Рыбы".

Я внимательно вслушивался въ предсказанія Вибиска и потомъ, наединѣ, долго объ нихъ думалъ. Если слова объ опасности для меня сочетанія Венеры и Марса, т.-е. любви и войны, находили свое оправданіе въ недавнихъ событіяхъ моей жизни, то пророчества о другѣ, родившемся подъ знакомъ Стрѣльца, и о томъ, что конецъ моей жизни будетъ осѣненъ знакомъ Рыбъ, остались для меня непонятными. Послѣдующая моя судьба, такъ какъ въ искусствѣ и знаніяхъ Вибиска я сомнѣваться не могу, мнѣ покажетъ, есть ли что̀ вѣрное въ загадочной наукѣ Халдеевъ.

Много другого сообщилъ мнѣ Вибискъ о значеніи звѣздъ, а также о знаменитѣйшихъ пророчествахъ древнихъ астрологовъ, и я съ удовольствіемъ воспользовался бы болѣе долгое

время обществомъ умнаго хозяина и его привѣтливой семьи, если бы неотступное желаніе увидѣть Гесперію не жгло моего мозга. Попрежнему страшныя картины миновавшихъ дней и образъ убитой Реи мучили мои сны и мою безсонницу, и я вѣрилъ, что исцѣлить меня можетъ лишь одна Гесперія. Поэтому, отдохнувъ меньше недѣли въ виллѣ Вибиска отъ длиннаго переѣзда, я сталъ просить хозяевъ, чтобы меня отпустили въ дальнѣйшій путь. Вибискъ высказалъ сожалѣніе, что я такъ поспѣшно покидаю его домъ, но понялъ, что удерживать меня не должно, и отечески поручилъ меня заботамъ Юпитера, охранителя странниковъ. При этомъ Вибискъ посовѣтовалъ мнѣ ѣхать въ Лугдунъ и далъ мнѣ письмо къ пресиду Лугдуненской провинціи, Марціану, другу Гесперіи, намекнувъ, что этотъ человѣкъ знаетъ всѣ ея замыслы и, конечно, освѣдомленъ, гдѣ она теперь находится.

Я еще колебался, выбирая болѣе благопріятный день для начала новаго путешествія, когда пришли грозныя вѣсти изъ мѣстностей, охваченныхъ войной. Письмо, посланное Вибиску тайно его другомъ изъ Парисій, сообщало, что отъ устья Рена всѣ города обѣихъ Германій и обѣихъ Бельгикъ отворили ворота Максиму, признавъ его власть, что Граціанъ укрылся въ своей любимой Лютеціи, но его войска волнуются и не хотятъ сражаться съ счастливымъ завоевателемъ. Письмо кончалось словами, что ко дню, когда это посланіе будетъ Вибискомъ прочитано, судьба императора, навѣрное, будетъ уже рѣшена.

При такихъ извѣстіяхъ я не могъ не торопиться, получилъ деньги по денежному письму у аргентарія Генавы и занялъ мѣсто въ общественной карпентѣ, поддерживающей сообщеніе между этимъ городомъ и прежней столицей Галліи. Ночь наканунѣ моего отъѣзда была бурная, гремѣла осенняя гроза и сверкала молнія, но когда небо нѣсколько прояснилось, Вибискъ взошелъ со мною на свою башню и спѣшно разсмотрѣлъ положеніе свѣтилъ, чтобы вывести предсказанія о предпринимаемомъ мною путешествіи. Я зналъ, что Вибискъ, хотя объ этомъ мы съ нимъ не говорили, сочувствуетъ дѣлу

Гесперіи, однако, покачавъ сѣдой головой, онъ сказалъ мнѣ:

— Жестокія времена и страшныя событія предвѣщаютъ звѣзды. Можно было бы ждать поворота дѣлъ къ лучшему, свѣтила —

Знаки однако даютъ не невѣрныя скорби грядущей.

Ты ѣдешь, юноша, въ великую смуту, на зрѣлище кровавое. Да охранятъ тебя боги отъ мечей и кинжаловъ, и прежде всего (добавилъ онъ по праву старика) отъ женщины, которую мы всѣ чтимъ, но душа которой тверже желѣзнаго клинка, а помыслы острѣе лезвея кинжала.

Такое предупрежденіе, разумѣется, не могло меня остановить, и на другой день я попрощался съ берегами свѣтло-синяго Лемана, съ пышнымъ домомъ мѣстнаго Креза, съ его гостепріимной семьей и съ самимъ добрымъ хозяиномъ, который, забывая, что въ его распоряженіи лѣса, огороженные на сотни миль заборомъ, для охоты съ гончими собаками, дни и ночи проводитъ надъ старинными книгами и въ созерцаніи вѣчныхъ звѣздъ.

XII.

Дорога изъ Генавы на Лугдунъ идетъ по долинѣ рѣки Родана, дѣлая много поворотовъ, и на переѣздъ мы потратили двое сутокъ, хотя по прямому направленію между этими двумя городами едва ли болѣе 50 лигъ. Къ прежней столицѣ Галліи я подъѣхалъ вечеромъ девятаго дня передъ Сентябрьскими Календами.

Когда, годъ назадъ, я, скромный провинціалъ, отправлялся въ свое первое путешествіе, мнѣ показалось бы недопустимой дерзостью постучаться, прося пріюта, у двери правителя такого города, какъ Лугдунъ. Но „что̀ сильнѣе привычки?“— какъ справедливо замѣтилъ поэтъ, и послѣ того, какъ я совершилъ длинный путь въ одной редѣ съ Симмахомъ, участвовалъ на пирахъ въ домахъ сенаторовъ, комитовъ, богачей, присутствовалъ на императорскомъ пріемѣ въ священномъ дворцѣ,—я не подумалъ искать въ городѣ гостиницу и прямо направился къ дверямъ Марціана. Несмотря на поздній часъ, великолѣпныя улицы Лугдуна были полны народомъ, таберны—шумны, и раза два я даже замѣтилъ уличныхъ ораторовъ, собравшихъ вокругъ себя толпу, которую, впрочемъ, немедленно разгоняли ночные вигили.

Въ домѣ пресида меня приняли далеко не такъ радушно, какъ въ виллѣ Вибиска, и самъ Марціанъ приказалъ мнѣ передать, что онъ занятъ и видѣть меня не можетъ. Однако дружественное письмо Вибиска все же оказало свое дѣйствіе,

мнѣ отвели удобную комнату, приготовили для меня ванну и послѣ нея подали ужинъ, за которымъ мнѣ пришлось сидѣть въ полномъ одиночествѣ. Уже привыкшій къ разнаго рода непріятностямъ, я не сталъ унывать отъ такой встрѣчи и остатокъ дня провелъ въ томъ, чтобы написать Вибиску небольшое письмо, въ которомъ благодарилъ его за коммендацію и немного подсмѣивался надъ его дурными предвѣщаніями.

Утромъ пресидъ позвалъ меня къ себѣ, въ свой таблинъ, весь заставленный арморіями съ дѣловыми свитками, расположенными подъ цифрами, и я увидѣлъ человѣка лѣтъ 50, съ постоянно нахмуренными бровями, съ глазами, избѣгающими смотрѣть на собесѣдника, съ губами тонкими и плотно сжатыми. На вопросъ пресида о цѣли моего пріѣзда я отвѣтилъ, что долженъ по важному дѣлу видѣть извѣстную ему Гесперію, жену сенатора Эліана Меція, и надѣюсь получить отъ него свѣдѣнія, гдѣ она находится. Я добавилъ, что рѣшился обратиться за такой помощью къ пресиду только по совѣту Вибиска, его друга, который завѣрилъ меня, что я своей просьбой не причиню слишкомъ большого безпокойства.

— Ты, вѣроятно, не знаешь,—сказалъ пресидъ въ отвѣтъ на мои слова,—что эта женщина соединилась съ врагомъ родины. Если бы тебя не защищало письмо моего друга, я долженъ былъ бы немедленно бросить тебя въ тюрьму за сношенія съ мятежниками.

Догадавшись, что пресидъ говоритъ такъ изъ осторожности, я постарался въ длинной и уклончивой рѣчи намекнуть ему на то, что также участвую въ римскомъ заговорѣ, знакомъ съ Симмахомъ, Флавіаномъ, Претекстатомъ и освѣдомленъ о сочувствіи ихъ дѣлу самого Марціана. Мои намеки произвели свое дѣйствіе, и пресидъ заговорилъ со мной менѣе сурово.

— Все, что я могу сдѣлать,—сказалъ онъ,—для тебя и для твоихъ друзей, которые всѣ также мои друзья, это—позволить тебѣ остаться въ моемъ домѣ и дожидаться, когда я

получу вѣсти о женѣ Эліана Меція. Какъ только мнѣ сообщатъ, гдѣ она находится, я передамъ это тебѣ: добиться встрѣчи съ нею будетъ уже твое дѣло. Только не забывай, что ты находишься въ домѣ правителя провинціи, получившаго свою должность милостью императора и выполняющаго свой долгъ, какъ честный магистратъ.

Иного я и не искалъ, и потому, поблагодаривъ пресида, я удалился.

Такъ какъ никакого дѣла у меня не было, я пошелъ на улицу, намѣреваясь осмотрѣть городъ, славящійся своими зданіями, огромными театрами, прекрасными акведуками, но тотчасъ замѣтилъ, что населеніе Лугдуна въ еще бо́льшемъ возбужденіи, нежели наканунѣ. Граждане поминутно собирались въ кучки и шумно обсуждали что-то, изъ копонъ вырывался шумъ буйныхъ споровъ, и по площадямъ скакали Германскіе всадники, водворяя порядокъ и запрещая произносить рѣчи. Я сталъ вмѣшиваться въ толпу и прислушиваться къ разговорамъ, а потомъ и прямо задавать вопросы стоящимъ рядомъ со мною, но долгое время всѣ,—конечно, принимая меня за соглядатая,—отказывались мнѣ отвѣчать или отвѣчали словами неопредѣленными. Наконецъ, нашелся одинъ юноша, болѣе смѣлый, который не побоялся объяснить мнѣ въ чемъ дѣло.

— Если ты пріѣзжій,—сказалъ онъ,—я понимаю, что ты удивляешься. Тогда узнай, что произошли событія первой важности. Ночью прибыли достовѣрные гонцы съ извѣстіемъ, что Граціанъ разбитъ. Пять дней его войска стояли у Парисіевъ, противъ войска Максима, но въ бой итти не соглашались. На шестой день Мавританская конница Граціана открыто ушла въ станъ императора Максима, а за ней послѣдовали многіе другіе отряды. Граціанъ, потерявъ всѣ надежды, бросилъ остатки войска и съ немногими вѣрными скачетъ теперь сюда, думая найти убѣжище въ нашемъ городѣ. Мы же хотимъ, чтобы и Лугдунъ закрылъ передъ Граціаномъ ворота, такъ какъ иначе за помощь ему Максимъ подвергнетъ городъ жестокому наказанію.

— Но справедливы ли эти извѣстія?—спросилъ я.

Юноша наклонился ко мнѣ ближе и сказалъ почти шопотомъ:

— Поутру къ пресиду Марціану прибылъ комитъ Викторъ отъ самого императора Максима и подтвердилъ все!

Какъ ни тихо были произнесены эти слова, но какой-то человѣкъ въ поношенномъ плащѣ, оказавшійся подлѣ насъ, освѣдомился:

— Что̀ это вы здѣсь говорите о императорѣ Максимѣ?

— Я говорю,—не смущаясь, возразилъ юноша,—что Господь Богъ не допуститъ, чтобы наглый мятежникъ одержалъ верхъ надъ благочестивымъ защитникомъ святыхъ алтарей, императоромъ Флавіемъ Граціаномъ Августомъ.

Съ этими словами мой собесѣдникъ юркнулъ подъ ближній портикъ, а я тоже поспѣшилъ скрыться.

Однако, въ другихъ мѣстахъ города я увидѣлъ людей, гораздо болѣе смѣло выражавшихъ свои чувства. Толпа кричала громко: „Слава Августу Максиму!“ и „Да погибнетъ Граціанъ!“. У зданія мѣстной куріи стояла мраморная статуя Граціана, и народъ, окруживъ ее съ дубинами и веревками, пытался свалить ненавистное изображеніе: Германскіе всадники не безъ труда оттѣснили толпу и спасли статую. Особенно усердныхъ крикуновъ стражи хватали и силой уводили, вѣроятно въ тюрьму, отбиваясь отъ толпы, старавшейся освободить взятыхъ. Насмотрѣвшись на такіе случаи, я предпочелъ вернуться въ домъ пресида.

Завтракать меня позвали въ маленькій триклиній, гдѣ собралась вся семья Марціана, но за столомъ ничто не указывало на волненія, происходящія въ городѣ. Рабы безшумно и почтительно разносили кушанья, дочери пресида и его жена разспрашивали меня о моемъ путешествіи черезъ Альпы, двое молодыхъ людей, сидѣвшихъ тутъ же, остроумно шутили и говорили о новыхъ книгахъ, присланныхъ изъ Рима, выставляя на видъ свое знаніе писателей, и только самъ Марціанъ оставался мрачнымъ и необщительнымъ. Однако, завтракъ еще не былъ законченъ, какъ въ триклиній вошелъ,

видимо взволнованный, оффиціалъ и что-то прошепталъ на ухо пресиду, который сейчасъ же всталъ и, торопливо извинившись, удалился.

Послѣ этого происшествія оживленіе за столомъ сразу пропало, такъ какъ всѣ поняли, что случилось нѣчто важное. Лицо матроны поблѣднѣло, разговоръ прервался, и завтракъ былъ доведенъ до конца наскоро. Гости немедленно простились, жена пресида ушла въ свои комнаты, но я намѣренно продолжалъ занимать разсказами двухъ молодыхъ дѣвушекъ, чтобы не быть вынужденнымъ вернуться въ назначенную мнѣ комнату. Мы сѣли въ залѣ съ колоннами, замѣнявшемъ въ домѣ атрій, и я напрягалъ всѣ силы ума, чтобы быть занимательнымъ, повѣствуя о неимовѣрныхъ высотахъ Пенина, о синеватомъ просторѣ Лемана и зеленоватомъ—Комацея, выдумывая исторіи о нападеніи волковъ и разбойниковъ, о ледяныхъ моряхъ, преграждающихъ путь, о драконахъ, гнѣздящихся въ черныхъ ущельяхъ, и многое другое.

Хитрость моя оказалась успѣшной, потому что мои юныя слушательницы продолжали смотрѣть мнѣ въ ротъ, когда у входа послышались и шумные клики народа, и топотъ лошадей. Еще черезъ нѣсколько мгновеній въ комнату вошла цѣлая толпа съ пресидомъ во главѣ, подвигавшимся, пятясь, съ величайшей почтительностью, а среди слѣдовавшихъ за нимъ я сразу призналъ высокую сухопарую фигуру императора Граціана. Одѣтый по своему обыкновенію въ Скиѳскій нарядъ, но весь засыпанный золотыми украшеніями, онъ держался безо всякаго величія, какъ человѣкъ, ежеминутно ожидающій оскорбленія. Его лицо было блѣдно, глаза ввалились, онъ судорожно переступалъ съ мѣста на мѣсто, и только когда онъ заговорилъ, въ его голосѣ почувствовалась привычка повелѣвать.

Никто не замѣтилъ присутствія въ залѣ меня и двухъ дѣвушекъ, и Граціанъ, едва перешагнувъ черезъ порогъ, обратился къ Марціану:

— Пресидъ! Теперь повтори свою клятву на святомъ Евангеліи! Ты не думай, что я пересталъ быть твоимъ императо-

ромъ! Власть мнѣ досталась отъ отца и дана отъ Бога, и не дерзкому мятежнику отнять ее у меня! За меня Италиціана, Испаніи, Африки. У меня еще сто тысячъ войска. Мой братъ Ѳеодосій поможетъ мнѣ, едва узнаетъ о моемъ положеніи. Я сумѣю наградить за услугу щедро. Но берегись предать меня. Если не я, то Ѳеодосій отомститъ тебѣ жестоко. Ты ужаснешься той казни, какую онъ найдетъ для тебя. Клянись мнѣ въ вѣрности на Евангеліи!

— Я тебѣ уже далъ клятву, Твоя Вѣчность,—возразилъ пресидъ.—Могу ли я измѣнить моему благодѣтелю и императору, поставленному надъ нами самимъ Богомъ?

— На Евангеліи! на Евангеліи!—упрямо повторялъ Граціанъ.

По приказанію Марціана, кто-то изъ его людей побѣжалъ за Евангеліемъ, а Граціанъ, все расхаживая у двери, продолжалъ говорить отрывисто, въ бранныхъ выраженіяхъ понося Максима, давая обѣщанія безпощадно наказать измѣнившія ему войска и города, закрывшіе передъ нимъ ворота, снова угрожая пресиду страшными карами въ случаѣ нарушенія вѣрности. Одежда императора была запылена и забрызгана грязью, и въ такомъ же состояніи было одѣяніе его людей, которые казались растерянными не меньше своего повелителя. Только двое среди нихъ, суровые воины, съ Франкскими чертами лица, въ полномъ вооруженіи Германцевъ, сохраняли достоинство и невозмутимо озирали все собраніе; позднѣе я узналъ, что то были—Меробавдъ и комитъ Баліонъ, два самыхъ приближенныхъ лица къ императору. Напротивъ, Грекъ, одѣтый въ златотканную, но изорванную и испачканную тогу, недавно еще всесильный магистръ оффицій—Македоній, былъ живымъ изображеніемъ растерянности: его глаза блуждали, руки тряслись такъ, что это было видно, онъ не находилъ себѣ мѣста и, опираясь на стѣну, неумолчно шепталъ молитвы.

Тѣмъ временемъ принесли Евангеліе, великолѣпную книгу въ переплетѣ, украшенномъ серебромъ, и пресидъ, взявъ ее въ одну руку, другую же поднявъ въ высь, произнесъ торжественно:

— Призываю во свидѣтели всемогущаго Бога, что нѣтъ въ моей душѣ лукавства, когда клянусь сохранять должную вѣрность Его Вѣчности, нашему императору Цесарю Флавію Граціану Августу, отцу отечества, побѣдителю Германцевъ, Аламанновъ, Франковъ, Готовъ, Великому,—пока угодно будетъ Небу продлить его жизнь. Клянусь до послѣдняго дыханія служить ему, оберегать его священную особу и, доколѣ Господь по неисповѣдимымъ предначертаніямъ Своимъ не отозвалъ его отъ насъ, не признавать никого другого императоромъ префектуры Галлій и опекуномъ-соправителемъ префектуры Италій. Если же нарушу эту клятву, да буду проклятъ людьми и отвергнутъ Богомъ, да лишится моя душа надежды на спасеніе и да идетъ въ огонь ада на вѣчныя мученія.

Выслушавъ такую клятву, Граціанъ сразу повеселѣлъ, совсѣмъ не по-императорски ударилъ пресида по плечу и воскликнулъ:

— Теперь я тебѣ вѣрю. Ты — честный человѣкъ и въ своемъ поступкѣ не раскаешься. Даю тебѣ мое слово: въ слѣдующемъ году ты будешь префектомъ Города! А сейчасъ—пусть намъ готовятъ обѣдъ, потому что мы умираемъ съ голода!

Только въ эту минуту пресидъ замѣтилъ меня и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ ко мнѣ, спросилъ недовольнымъ голосомъ:

— Почему ты здѣсь, любезный Юній? Ты видишь, что здѣсь не мѣсто постороннимъ.

Но Граціанъ прервалъ слова Марціана, крикнувъ весело:

— Оставь его, пресидъ. Мы—въ походѣ, и не время считаться чинами. Я хочу, чтобы за нашимъ обѣдомъ присутствовали всѣ мои люди, эти вѣрные мнѣ воины, и вся твоя семья, всѣ, кто въ твоемъ домѣ. Мы будемъ пировать, потому что Граціанъ не можетъ смутиться отъ измѣны проклятыхъ Мавровъ.

Не довольствуясь этимъ, императоръ самъ подошелъ ко мнѣ и къ стоявшимъ рядомъ со мною дочерямъ пресида и еще разъ повторилъ, что желаетъ насъ видѣть за своимъ

обѣдомъ. Особенно настойчиво онъ это говорилъ старшей изъ двухъ сестеръ, миловидной Павлинѣ, которая ему, повидимому, приглянулась. Однако Граціанъ не забылъ добавить, вновь обращаясь къ пресиду:

— Но распорядись запереть ворота города, и пусть войско, какое здѣсь есть, будетъ наготовѣ. Можетъ быть, еще сегодня намъ удастся показать когти надменному Британцу.

Марціанъ поспѣшно изъявилъ готовность исполнить всѣ распоряженія императора, а пока предложилъ ему отдохнуть въ наскоро убранныхъ для него покояхъ, послѣ чего Граціанъ удалился. Весь его комитатъ также былъ размѣщенъ въ различныхъ комнатахъ, и по дому торопливо забѣгали рабы, дѣлая приготовленія къ императорскому обѣду. Я же, окидывая мысленнымъ взоромъ чудесное сцѣпленіе событій, заставлявшее меня пировать за однимъ столомъ съ человѣкомъ, въ спальню котораго я прокрадывался, какъ убійца, тая кинжалъ подъ одеждой, подивился причудливости человѣческихъ судебъ, и еще болѣе загадочными и странными предстали мнѣ—

И Фортуна, могущая все, и Рокъ неизбѣжный.

XIII.

За тѣ сравнительно недолгіе часы, которые потребовались поварамъ Марціана, чтобы выполнить возложенную на нихъ трудную задачу, домоправитель сумѣлъ изъ большого триклинія создать пиршественный залъ, достойный императора. Изъ другихъ покоевъ въ триклиній перенесли рядъ статуй и среди нихъ—изображеніе самого Граціана, украсивъ его лавровымъ вѣнкомъ; по угламъ разставили кадки съ деревьями и ящики съ цвѣтами; на сценѣ расположился хоръ фидициновъ; столъ заблисталъ бѣлоснѣжными маппами, хрусталемъ, серебряной посудой. Жена и дочери префекта облеклись къ обѣду въ шелковыя паллы съ длинными фимбріями, а самъ онъ—въ праздничную тогу магистрата, которая сверкала золотомъ леріи и унизывавшими ее самоцвѣтными каменьями.

На этотъ разъ Граціанъ совершилъ свой выходъ въ триклиній торжественно: ему предшествовали лица изъ числа его спутниковъ, а мы, всѣ присутствующіе, слѣдуя примѣру пресида, склонились при появленіи императора почти до земли. Граціанъ былъ одѣтъ въ Римскую тогу, вѣроятно, предложенную ему Марціаномъ, на ногахъ императора были пурпуровыя сандаліи, въ волосахъ — бѣлая діадема, съ изумрудами и пурпуровыми лемнисками, падавшими до плечъ. Люди Граціана также украсили себя, кто чѣмъ могъ, и весь ихъ кругъ вновь производилъ впечатлѣніе пышности и роскоши.

Встрѣтивъ императора и проводивъ его на почетное мѣсто, въ возглавіи стола, пресидъ подошелъ къ Меробавду и Баліону, явившимся къ обѣду въ полномъ вооруженіи, и сказалъ имъ почтительно:

— Viri spectabiles! Къ чему это оружіе на нашемъ праздникѣ, когда мы чествуемъ обожаемаго императора и всѣ готовы умереть за него? Позвольте мнѣ взять у васъ эти ненужныя угрозы общему веселію.

— Оставь, пресидъ!—возразилъ Меробавдъ.—Мы съ нашимъ мечомъ не разстаемся ни за столомъ, ни въ спальнѣ. Мы, Франки, любимъ полагаться только на самихъ себя, да и императоръ не захочетъ, чтобы около него мы были безоружными.

Пресидъ не настаивалъ и занялся размѣщеніемъ своихъ гостей, причемъ людей императора сажалъ не рядомъ другъ съ другомъ, а раздѣляя ихъ тѣми, кого пригласилъ самъ, или женщинами. Но Меробавдъ не подчинился и этому распоряженію: безстыдно отстранивъ младшую дочь Марціана, которая хотѣла сѣсть слѣва отъ Граціана, онъ занялъ ея кресло, хотя для него, какъ для мужчины, было приготовлено ложе, и сказалъ твердо:

— Мое мѣсто здѣсь. Императоръ хочетъ, чтобы я былъ подлѣ него.

Мнѣ опять досталось скромное ложе на концѣ стола, рядомъ съ какимъ-то Германцемъ, почти не говорившемъ по-латыни, и я опять съ удобствомъ могъ дѣлать свои наблюденія. Я смотрѣлъ, какъ разсаживались гости, слѣдилъ за выраженіемъ ихъ лицъ, слушалъ льстивыя рѣчи пресида и втайнѣ былъ полонъ негодованіемъ. „Какъ! — говорилъ я себѣ:—этого Марціана Гесперія считаетъ своимъ другомъ, повѣреннымъ своихъ тайнъ, а онъ, когда самъ Граціанъ въ его рукахъ, унижается передъ императоромъ ради какихъ-то наградъ въ будущемъ, вмѣсто того, чтобы однимъ ударомъ уничтожить врага имперіи и боговъ! Кто могъ бы помѣшать пресиду? Не въ его ли распоряженіи военныя силы Лугдуна? Не явно ли населеніе сочувствуетъ Максиму? О, если бы Гес-

перія знала, въ какой западнѣ находится ея врагъ и кто помогаетъ ему спастись!"

Между тѣмъ торжественный пиръ начался, была прочитана христіанская молитва, выслушанная присутствующими стоя, зазвучали нѣжнымъ голосомъ фиды, цитары и лиры, рабы стали подавать первыя блюда промульсида, а мальчики— смѣшивать въ кратерахъ вино. Граціанъ предавался веселію празднества съ такимъ безраздуміемъ, что я удивлялся, какъ этотъ человѣкъ, властвовавшій надъ полуміромъ, видѣвшій самые богатые пиры, не знавшій, есть ли препятствія для исполненія его желаній, могъ сохранить въ душѣ столько юношеской живости и такую способность наслаждаться минутой, „уловлять день". Я завидовалъ Граціану не за его высокій санъ и могущество, уже поколебленное, но за ту безпечность, съ какой онъ, преслѣдуемый врагами, нашедшій временный пріютъ въ городѣ, къ нему расположенномъ враждебно, весело шутилъ надъ своими неудачами, нисколько ихъ не скрывая, и беззастѣнчиво заигрывалъ съ понравившейся ему Павлиной, которая не знала, какъ отвѣчать на вольные намеки Августа.

— Тебѣ жить не здѣсь, — разслышалъ я слова Граціана, обращенныя къ ней.—Лугдунъ былъ великимъ городомъ при Неронѣ, а теперь это—первое село въ имперіи, не больше. Такая красавица должна быть въ Римѣ или въ Треверахъ, гдѣ найдутся мужчины, способные оцѣнить красоту этихъ плечъ. Если никто другой не похититъ тебя, я самъ увезу тебя отсюда, чтобы ты была на своемъ мѣстѣ, какъ хорошая жемчужина въ подходящей оправѣ.

Меробавдъ угрюмо молчалъ во время обѣда, и комитъ Баліонъ слѣдовалъ его примѣру; даже вино не дало свободы ихъ языкамъ. Македоній зорко наблюдалъ по сторонамъ, отвѣчая осторожно и хитро на предлагаемые ему вопросы. Другіе гости, среди которыхъ было не мало простыхъ кандидатовъ, по мѣрѣ того какъ кубки успокаивали ихъ опасенія, все болѣе и болѣе увлекались пиромъ, говорили любезности женщинамъ, хохотали громко, вообще вели себя такъ, словно

они на дружеской попойкѣ, а не въ домѣ пресида и въ присутствіи императора.

Уже выпито было, по предложенію Марціана, за священное здравіе императора число кубковъ, равное числу буквъ его имени, и, по предложенію Граціана, за здравіе пресида, его жены и прекрасныхъ дочерей; уже не въ первый разъ мальчики вновь наполняли кратеры, чтобы щедро черпать изъ нихъ ціатами; уже приступили мы къ феркулѣ, а фидициновъ смѣнили на сценѣ хорошенькія рабыни-тибицины, когда вдругъ оглушительные крики народа, раздавшіеся на улицѣ, проникли даже сквозь толстыя стѣны дома. Можно было угадать, что толпа неистовствуетъ отъ восторга, и Граціанъ, съ нѣсколько встревоженнымъ лицомъ, спросилъ, что̀ это значитъ. Пресидъ отвѣтилъ ему:

— Не знаю точно, Твоя Вѣчность, но думаю, что добрые жители Лугдуна радуются по поводу твоего благополучнаго прибытія въ нашъ городъ.

— Это надо разслѣдовать,—строго сказалъ Македоній.

— Поди спроси ихъ, что̀ имъ нужно,—распорядился Граціанъ,—и пусть на счетъ фиска устроятъ угощеніе всему городу: хочу, чтобы сегодня всѣ пировали.

Пресидъ вышелъ изъ триклинія, а вертѣвшійся около стола ареталогъ, раньше потѣшавшій насъ смѣшными выходками, сказалъ, не безъ дерзости:

— Да, Августъ, брось народцу хвостъ: что̀ у тебя и осталось, кромѣ хвоста!

Граціанъ нахмурился, а комитъ Баліонъ крикнулъ гнѣвно:

— Не зазнавайся, скурра! Какъ бы я не отрубилъ тебѣ и хвостъ, и твой колпакъ вмѣстѣ съ головой!

Въ эту минуту префектъ уже вернулся, но слѣдомъ за нимъ шелъ высокій воинъ, судя по лицу, Грекъ, въ золоченомъ вооруженіи магистра конницы. Такъ какъ я сидѣлъ противъ двери, мнѣ было видно, что далѣе подвигается цѣлый отрядъ вооруженныхъ людей.

— Кто это?—величественно спросилъ императоръ, оборачиваясь къ двери, но вдругъ, узнавъ вошедшаго, вскочилъ

стремительно, такъ что серебряное блюдо покатилось на полъ, отшатнулся, не зная, куда броситься, и закричалъ въ какомъ-то дѣтскомъ ужасѣ:

— Андрагаѳій!

Тотчасъ въ комнатѣ наступило великое смятеніе, всѣ повскакали со своихъ мѣстъ, Германскіе воины и кандидаты подняли крикъ, не то отъ негодованія, не то отъ страха, Македоній, какъ ловкая лиса, шмыгнулъ къ стѣнѣ, Меробавдъ и Баліонъ выхватили изъ ноженъ мечи, но, прежде чѣмъ я успѣлъ сообразить, что̀ происходитъ, пятеро вооруженныхъ людей, по знаку Андрагаѳія, кинулись на Граціана. Я видѣлъ, какъ клубокъ тѣлъ завертѣлся на томъ мѣстѣ, гдѣ только-что, весь блѣдный, стоялъ императоръ, передъ глазами у меня мелькнули взлетѣвшіе въ высь и опустившіеся клинки, и по всему триклинію пронесся пронзительный вопль Граціана:

— Амбросій! Амбросій! гдѣ ты?

Въ слѣдующій мигъ Меробавдъ ринулся на убійцъ, раздался мощный ударъ его меча, отраженнаго чьимъ-то щитомъ, и въ мирномъ триклиніи началась схватка, словно въ жилищѣ Улисса при избіеніи жениховъ. Но уже новый отрядъ вооруженныхъ вступилъ въ комнату, загородилъ дорогу комиту Баліону, порывавшемуся на помощь къ своему сотоварищу, и своимъ грознымъ видомъ какъ бы окаменилъ тѣхъ изъ людей императора, которые помышляли о сопротивленіи. Одни изъ нихъ остались безсмысленно сидѣть передъ дымящимся блюдомъ, другіе, схватившіе было столовые ножи, какъ оружіе, застыли неподвижно, сжимая ихъ въ рукѣ, третьи упали на колѣни и униженно молили о пощадѣ, а женщины, между тѣмъ, со стонами метались по триклинію, ища выхода.

Все это продолжалось не больше времени, сколько надо, чтобы залпомъ выпить кубокъ вина, и, едва опомнившись отъ неожиданности, я уже видѣлъ трупъ вѣрнаго Франка, распростертый подлѣ тѣла того, кто еще сегодня былъ повелителемъ всего Запада. Оцѣпенѣніе присутствующихъ стало проходить и въ комнатѣ раздался повелительный голосъ Андрагаѳія:

— Да здравствуетъ императоръ Цесарь Великій Максимъ Августъ!

Нѣсколько голосовъ недружно отвѣтило:

— Да здравствуетъ Максимъ Августъ!

Комитъ Баліонъ, котораго пять или шесть воиновъ, отнявъ у него мечъ, держали крѣпко за руки, внезапно вырвался, отбѣжалъ къ стѣнѣ и прерывающимся голосомъ бросилъ Марціану:

— Такъ вотъ, пресидъ, цѣна твоей клятвы на Евангеліи! Всемогущимъ Богомъ ты клялся сохранить вѣрность императору и въ тотъ же день предалъ его! Іуда, ты раздѣлишь участь съ предателемъ Христа.

Пресидъ, который присутствовалъ при убійствѣ Граціана, спокойный, но самъ блѣдный, какъ трупъ, возразилъ глухо:

— Vir spectabilis! Не я поднялъ руку на священную особу императора. Все произошло помимо моей воли. Я клялся служить императору Граціану, доколѣ онъ живъ, и этой клятвы не нарушилъ.

— Гнусный лицемѣръ!—воскликнулъ Франкъ.—Таковы вы всѣ, Римляне! У васъ нѣтъ храбрости даже на то, чтобы самимъ совершить преступленіе. Вы для этого нанимаете руки Германцевъ, а свои умываете, какъ Пилатъ. Но Правый Судія разсудитъ на чьихъ кровь.

Нѣсколько воиновъ снова двинулись къ комиту, чтобы захватить его, но онъ остановилъ ихъ движеніемъ руки и сказалъ еще:

— Не трудитесь убивать меня. Мнѣ самому стыдно жить въ наши дни измѣнъ и предательствъ. Мнѣ стыдно жить въ имперіи, гдѣ даже жизнь императора продается за деньги. Я тоже клялся до смерти служить Граціану, и я свою клятву сдержу точно.

Франкъ извлекъ изъ-за пояса кинжалъ, быстро погрузилъ его себѣ въ грудь и, въ содроганіяхъ смерти, упалъ на мозаичный полъ триклинія, подлѣ ящика съ высокими розами; третій трупъ присоединился къ двумъ другимъ.

— Довольно убійствъ!—произнесъ Андрагаѳій.—Именемъ Августа Максима объявляю всѣмъ прощеніе и милость. Только одинъ изъ васъ будетъ немедленно взятъ подъ стражу за тяжкія преступленія, учиненныя имъ. Воины, задержите бывшаго магистра оффицій, Македонія!

Тутъ замѣтили, что Македонія въ триклиніи нѣтъ: воспользовавшись общимъ смятеніемъ, онъ выскользнулъ изъ комнаты. Андрагаѳій тотчасъ отрядилъ людей въ погоню за нимъ, а всѣмъ намъ приказалъ покинуть залъ, гдѣ лежало тѣло почившаго императора. Люди Граціана все же, по выходѣ изъ триклинія, были окружены стражей, и имъ не позволили выйти изъ дому; намъ всѣмъ остальнымъ было объявлено, что мы свободны итти, куда хотимъ.

Потрясенный всѣмъ видѣннымъ, я, послѣ нѣкотораго колебанія, вышелъ на улицу. По городу уже разъѣзжали преконы, выкрикивая на перекресткахъ, что императоръ Граціанъ скоропостижно скончался, и приглашая возгласить славу Августу Максиму. Толпа встрѣчала это извѣстіе возгласами одобренія, впрочемъ, далеко не столь восторженными, какъ то можно было ожидать; недовольные же не смѣли высказывать своего мнѣнія теперь, когда Лугдунъ былъ наводненъ конными воинами Андрагаѳія. Но о дѣйствительной судьбѣ Граціана тотчасъ узналъ весь городъ, и объ этомъ говорили открыто на площадяхъ.

Скоро я услышалъ и объ участи Македонія. Почти чудомъ выбравшись на улицу, онъ, обезумѣвъ, метался по Лугдуну, надѣясь найти убѣжище у алтаря, но въ ослѣпленіи ужаса не замѣчалъ церквей и пробѣгалъ мимо ихъ дверей. На окраинѣ города его настигли посланные за нимъ въ погоню и убили его. Такъ исполнилось предвѣщаніе Амбросія: „Скоро придетъ день, когда и тебѣ придется спасать свою жизнь: ты тогда обратишься къ церкви, и церковь останется заперта предъ тобой“.

Вечеромъ этого кроваваго дня, предугаданнаго Вибискомъ по сочетанію свѣтилъ, весь Лугдунъ освѣтился огнями: зажглись на домахъ люцерны, у воротъ — факелы, на площа-

дяхъ—смоляныя бочки. Я продолжалъ до поздней ночи бродить по улицамъ, долго не рѣшаясь вернуться въ домъ, оскверненный убійствомъ, и раздумывая надъ событіями, которыхъ былъ свидѣтелемъ. Я сравнивалъ свою нерѣшительность и свои волненія въ дни, когда мечталъ убить Граціана, съ той увѣренностью и съ тѣмъ спокойствіемъ, съ какими нанесли ему смертельный ударъ Германцы Андрагаѳія, а также благородную смерть Франка Баліона, поразившаго себя прямо въ сердце, съ изнѣженнымъ самоубійствомъ моего друга Ремигія, сначала пресытившаго свои чувства въ кругу красивыхъ мальчиковъ. Не стали ли дѣянія и доблесть удѣломъ другихъ народовъ,—спрашивалъ я себя,—а Римлянамъ не осталось ли только гордиться величіемъ прошлаго и сладострастно истекать кровью въ тепловатой ваннѣ? И хотя со временъ Пріама не разъ повторялась на подмосткахъ исторіи трагическая сцена, какъ „на берегу лежитъ великое тѣло“ и падаетъ тотъ, кто недавно былъ „гордымъ повелителемъ столькихъ народовъ и земель“, все же судьба Граціана заставляла подумать вновь о невѣрности и судебъ имперіи и личной судьбы человѣка. Сопоставляя свое незамѣтное существованіе съ блескомъ императора, отъ котораго вчера еще зависѣли тысячи и тысячи жизней, я въ поученіе себѣ твердилъ стихи Флакка:

Знаетъ ли кто, придадутъ ли къ днямъ, до сегодня прошедшимъ,
Боги и завтрашній день?

XIV.

Когда на слѣдующій день семья пресида собралась за завтракомъ, и среди насъ оказался не кто иной, какъ магистръ конницы Андрагаѳій, мнѣ было стыдно смотрѣть въ глаза Марціану. Я не могъ забыть, что онъ запятналъ свою душу клятвопреступничествомъ, и что ему въ лицо было брошено страшное обвиненіе человѣкомъ, готовымъ покинуть этотъ міръ неправды. И хотя мы сидѣли въ маленькомъ триклиніи, мнѣ все представлялось, что полъ залитъ кровью и что повторяется пронзительный вопль убиваемаго Граціана:

— Амбросій! Амбросій! гдѣ ты?

Между тѣмъ самъ хозяинъ безпечно разговаривалъ со своимъ гостемъ о вопросахъ ничтожныхъ, какъ будто ничего важнаго вчера не произошло: о жизни въ Британніи, о походѣ отъ устья Рена, объ общихъ знакомыхъ. На меня никто не обращалъ вниманія, и дочери префекта молчали за все время завтрака, можетъ быть, подавленныя воспоминаніями о вчерашнемъ пирѣ. Это на меня оказало такое тягостное дѣйствіе, что я подумывалъ покинуть домъ пресида и переѣхать въ какую-нибудь гостиницу, но когда мы уже вставали изъ-за стола, Марціанъ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— Сегодня мнѣ предстоитъ высокая честь принять подъ своимъ кровомъ Августа Максима. Я узналъ, что среди лицъ, сопровождающихъ Его Вѣчность, будетъ та женщина, жена сенатора Эліана Меція, къ которой у тебя, любезный Юній, есть порученія. Ты ее сегодня увидишь.

Кровь отхлынула у меня отъ лица, и я не могъ произнести ни слова, потому что все заслонила собою мысль: „сегодня я увижу Гесперію!" То, что я пережилъ за послѣдніе мѣсяцы: оргіи Новаго Села, битва, въ которой мнѣ грозила вѣрная смерть, трагическая гибель Реи и злодѣйское убійство императора на пиру,—все, все потонуло въ этомъ сознаніи, какъ въ водахъ Океана исчезаютъ брошенные камни. Такъ сильно было потрясеніе, что я убѣжалъ въ свою комнату, упалъ на ложе и вдругъ заплакалъ.

По мѣрѣ того, какъ проходили часы, мое волненіе возрастало неудержимо: мое сердце колотилось, руки остывали, я испытывалъ страхъ большій, чѣмъ подъ копьями легіонаріевъ. По временамъ мнѣ казалось, что отъ томленія я умру, не дождавшись вожделѣнной минуты. Я пытался подготовиться къ тому, что скажу Гесперіи, но мои мысли путались, и я молилъ боговъ объ одномъ: дать мнѣ дожить до встрѣчи.

Когда улицы Лугдуна наполнились шумомъ и кликами народнаго сборища, привѣтствующаго императора, когда вновь топотъ лошадей звонко раздался у дверей дома, — я почти падалъ отъ изнеможенія и сладкаго ужаса. Съ трудомъ, какъ больной, я вышелъ въ ту самую колонную залу, гдѣ вчера еще мы встрѣчали Граціана и гдѣ сегодня собрались знатнѣйшія лица города, куріалы, люди Андрагаѳія и семья пресида, чтобы привѣтствовать побѣдителя. Затерянный въ толпѣ, я руками сжималъ свою грудь, чтобы подавить трепетъ обезумѣвшаго сердца.

И подъ восторженные крики „Salve!", подъ стукъ щитовъ Германскихъ легіонаріевъ, тяжелой походкой воина, въ боевой одеждѣ, со шлемомъ на головѣ, вступилъ въ комнату Максимъ. Загорѣлый Испанецъ, съ чертами лица грубыми, съ движеніями рѣшительными, онъ прошелъ на середину зала и остался тамъ, тогда какъ всѣ возглашали: „Слава Цесарю Великому Максиму Августу!" Императоръ махнулъ рукою, давая знакъ, чтобы замолчали, и изъ нашей среды выступилъ старикъ, первый мѣстной куріи, который, поклонившись низко, началъ произносить привѣтственную рѣчь. Но я этой

рѣчи не слушалъ, я всматривался жадно въ комитатъ Августа, гдѣ было нѣсколько женщинъ, и вдругъ увидѣлъ Гесперію, со скромною гордостью державшуюся въ сторонѣ. Она была одѣта въ простой дорожный плащъ, и только одно украшеніе сверкало на ея груди: большой золотой крестъ.

Если видѣніе Гесперіи ослѣпило мои глаза, то этотъ крестъ потрясъ все мое существо. Что̀ онъ означаетъ? Почему этотъ знакъ христіанства на ея груди? Зачѣмъ она выставляетъ напоказъ символъ того, противъ чего неутомимо борется? Такіе вопросы такъ остро вонзались въ мою душу, что я даже не испытывалъ болѣе волненія отъ близости Гесперіи. Я думалъ, я старался понять, я самъ осуждалъ свои обидныя догадки, но горькое подозрѣніе жгло меня своимъ огнемъ.

Привѣтствія, обращенныя къ императору, длились безконечно долго, и провинціальные ораторы употребляли всѣ усилія, чтобы поддержать всесвѣтную славу Галльскаго краснорѣчія. Періоды, красиво построенные по точнымъ правиламъ реторики, слѣдовали за періодами; эксклямаціи, аллокуціи, сермоцинаціи, диссимуляціи смѣняли другъ друга; одинаковыя слова то повторялись въ анафорахъ, то отскакивали одно отъ другого въ эпифорахъ, то противорѣчиво сталкивались въ оксюморонахъ; можно было подумать, что я опять въ школѣ Лименія, слушаю пробныя рѣчи моихъ сотоварищей. Наконецъ, Максимъ, утомленный изысканностью панегириковъ, къ которымъ не привыкло его ухо, болѣе знакомое съ ржаніемъ коней и бряцаніемъ доспѣховъ, отмахнулся отъ ораторовъ, какъ отъ надоѣвшихъ мухъ, и пошелъ во внутренніе покои дома. Всѣ, суетясь, поспѣшили за нимъ, и на мигъ въ залѣ наступило нѣкоторое смятеніе.

Этой минутой я воспользовался, чтобы подойти къ Гесперіи, и сказалъ ей:

— Diva, ave!

Гесперія взглянула на меня и, какъ будто не сразу вспомнивъ, кто я, отвѣтила равнодушно:

— Это ты, Юній? Здравствуй. Не совсѣмъ въ назначенное время ты вернулся ко мнѣ.

— Я все же вернулся, Гесперія, и мнѣ надо, непремѣнно надо передать тебѣ все, что̀ я видѣлъ и что̀ узналъ.

Гесперія досадливымъ взоромъ посмотрѣла на меня, но, понявъ, что я не отступлюсь отъ своей просьбы, и, видимо, не желая спорить, такъ какъ на нашъ разговоръ обращали вниманіе посторонніе, быстро проговорила:

— Хорошо, вечеромъ я прикажу позвать тебя ко мнѣ. Будь здоровъ.

Она уже двинулась въ томъ же направленіи, куда прошелъ императоръ, но я, въ отчаяніи, готовый быть навязчивымъ, заступилъ ей дорогу и спросилъ:

— А почему у тебя на груди крестъ, Гесперія?

Кругомъ тѣснились люди, какія-то женщины, причесанныя пышно, оффиціалы въ красныхъ цингулахъ, и Гесперія, поднявъ глаза къ потолку, отвѣтила:

— Я познала истиннаго Бога. Спаситель въ неизреченномъ милосердіи своемъ призвалъ меня къ себѣ, какъ заблудшую овцу. Отъ полноты души я желаю, Юній, чтобы ты послѣдовалъ моему примѣру.

Послѣ этого отвѣта Гесперія рѣшительно пошла впередъ, а я остался одинъ среди опустѣлой залы, и въ великолѣпіи этого дома чувствовалъ себя въ такой же пустынѣ, какъ Марій на развалинахъ Карѳагена.

Напряженіе, съ какимъ я ждалъ встрѣчи съ Гесперіей, разрѣшилось теперь въ безпредѣльное изнеможеніе: моя душа и мой умъ были пусты, какъ выпитый кубокъ, и я даже не въ силахъ былъ негодовать или отчаиваться. Опять въ своей комнатѣ я бросился на ложе и пролежалъ на немъ, безъ сна и безъ мыслей, тѣ часы, пока длился пріемъ императора и новый пышный обѣдъ, на который меня не позвали. Сумерки наполнили комнату, домъ пресида затихъ постепенно, а я все лежалъ, глядя на красные разводы по стѣнамъ, медленно поглощаемые тѣнью. Въ воображеніи предо мною стояла Гесперія, попрежнему прекрасная, попрежнему манившая къ себѣ всѣ мои чувства, и дрожь потрясала меня, когда я представлялъ, что могъ бы обнимать ее на этомъ самомъ

ложѣ,—но въ глубинѣ души таилось сознаніе, что случилось что-то безмѣрно важное, что-то безнадежно непоправимое, что-то навсегда измѣнившее мое отношеніе къ этой женщинѣ.

Когда появился рабъ, посланный Гесперіей, чтобы проводить меня къ ней, я опять испыталъ чувство страха: что̀ я ей скажу? какъ я буду слушать ея слова? И мнѣ было почти стыдно, что въ то же время желаніе приблизиться къ Гесперіи было живо во мнѣ, что тайная надежда обнять ее, прижать свои губы къ ея, еще разъ извѣдать сладость ея ласки—подымалась со дна души. Гордость говорила мнѣ, что я поступилъ бы благороднѣе, если бы сегодня же, не придя къ Гесперіи, покинулъ Лугдунъ, но вмѣсто того я покорно пошелъ вслѣдъ за ея рабомъ.

Гесперія заняла отдѣльный домъ, поблизости отъ жилища пресида, маленькій, но уютный. Знакомыя мнѣ рабыни Гесперіи, съ которыми она не разсталась, проводили меня къ своей госпожѣ. Въ легкомъ вечернемъ одѣяніи, съ тѣмъ же крестомъ на груди, возлежала Гесперія на ложѣ, предложила мнѣ сѣсть подлѣ и безпечнымъ голосомъ начала разспрашивать о моихъ приключеніяхъ.

Дѣлая надъ собою усиліе, я откровенно разсказалъ все, что̀ пережилъ послѣ нашей разлуки въ Медіоланѣ, не скрывъ и своей близости съ умершей Реей. Я говорилъ нескладно, путаясь, потому что мой умъ былъ занятъ другимъ; когда же я кончилъ, Гесперія сказала:

— Ты опоздалъ, Юній. Были дни, когда ты мнѣ былъ очень нуженъ, и я горько жалѣла, что тебя нѣтъ со мною. Но я все устроила безъ тебя, сама. Напрасно ты совершилъ свое тягостное путешествіе черезъ Альпы. Поѣзжай же теперь въ свою Лактору — отдохнуть и повидаться съ родными, а потомъ возвращайся въ Городъ — учиться. Сказать по правдѣ, ты прошлую зиму не очень усердно посѣщалъ школу.

— Итакъ, ты болѣе не хочешь, чтобы я былъ близъ тебя?—спросилъ я.

— У меня теперь другая цѣль въ жизни,—возразила Гесперія,—и ты не можешь итти рядомъ со мною.

— Ты измѣнила нашему дѣлу?—тихо спросилъ я:—ты продалась христіанамъ?

Прекрасная въ минутномъ гнѣвѣ, Гесперія встала съ ложа и, надменно глядя на меня, произнесла строго и отчетливо.

— Мы сейчасъ наединѣ, и я не повторяю тебѣ тѣхъ словъ, что̀ сказала тебѣ сегодня днемъ. Какова моя вѣра, это—мое дѣло, но я нашла нужнымъ носить этотъ крестъ и признавать Распятаго. Ты же не имѣешь права меня допрашивать. Упрековъ я слушать не хочу. Больше намъ говорить не о чемъ. Уходи отъ меня и больше не ищи встрѣчъ со мною.

Съ жестокой болью сжалось мое сердце при мысли, что я долженъ разстаться съ Гесперіей навсегда, что отнынѣ я никогда болѣе не увижу ее. Снова мнѣ показалось, что можно и сто̀итъ снести все: терпѣть униженія, быть посмѣшищемъ людей, совершить позорную измѣну, только бы быть подлѣ этой женщины. Но чувства негодованія, презрѣнія, ненависти еще боролись въ душѣ съ любовью, и я проговорилъ глухо:

— Ты ругаешься надъ богами безсмертными. Ты презираешь гнѣвъ Олимпійцевъ. Смотри, чтобы страшной казнью не покаралъ Громовержецъ твоего предательства!

Тонкія ноздри Гесперіи раздулись отъ гнѣва, жемчужины зубовъ сверкнули изъ-за кровавыхъ губъ, голова ея откинулась, и еще болѣе строго и властно она произнесла:

— Такъ говорить я тебѣ не позволяю. Уходи немедленно. Болѣе ты меня не увидишь никогда.

Гесперія сдѣлала шагъ, чтобы выйти изъ комнаты, но уже моя гордость была побѣждена: я упалъ къ ногамъ Гесперіи, которыя обнималъ такъ часто, приникъ губами къ ея сандаліямъ и въ привычномъ самозабвеніи, не находя нужныхъ словъ, воскликнулъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, Гесперія! Ни судить, ни упрекать тебя я не могу, потому что я, какъ и прежде, обожаю тебя, поклоняюсь тебѣ! Нигдѣ, никогда, ни въ бою, ни на ложѣ съ дру-

гой женщиной, твой образъ меня не покидалъ! Другой любви въ моей душѣ не можетъ быть, сколько бы ни суждено было мнѣ бродить по этому міру! Прости мнѣ мое безуміе, оставь меня близъ себя: иначе я не могу жить!

Гесперія попыталась отстранить меня, но я ползъ за ней по полу, цѣпляясь за край ея платья, и продолжалъ твердить свои клятвы и просьбы. Я говорилъ, что опять отдаю въ ея распоряженіе свою жизнь, свое тѣло, свои помыслы; что я попрежнему буду ея слугою, ея рабомъ, ея вещью, что исполню каждое ея приказаніе, какъ бы страшно оно ни было; что я готовъ убить, кого она укажетъ, готовъ стоять на стражѣ у дверей ея спальни, когда она будетъ на ложѣ съ другимъ, готовъ принять ту вѣру, какую она укажетъ.

— Ты хочешь, чтобы я сталъ христіаниномъ, Гесперія?— спрашивалъ я.—Я завтра же признаю Распятаго, буду посѣщать христіанскіе храмы, буду молиться Христу, крещусь. И я ничего не требую взамѣнъ: только позволь мнѣ порою смотрѣть на тебя, иногда говорить съ тобою!

Я презиралъ себя, когда произносилъ эти слова, но говорить иначе не могъ, и я умолялъ долго, а Гесперія долго отказывала мнѣ безусловно, но потомъ стала уступать и, наконецъ, сказала:

— Если ты этого такъ хочешь, Юній, я попрошу императора: онъ милостивъ и дастъ тебѣ какую-нибудь должность при своей особѣ. Но помни: ты со мною будешь встрѣчаться лишь при другихъ. Ты не явился во-время ко мнѣ, предпочелъ дѣлить ложе съ твоей Реей, и всѣ свои обѣщанія я беру обратно. Теперь прощай.

Почти насильно она заставила меня выйти изъ дому, и я не знаю, когда мнѣ было тяжелѣй: когда я шелъ къ Гесперіи или когда возвращался отъ нея.

XV.

Всю зиму я прожилъ послѣ того при дворѣ усурпатора жизнью унылой и позорной.

Гесперія сдержала обѣщаніе, и императоръ Максимъ назначилъ меня въ свой комитатъ, въ оффицію пріемовъ. Я сопровождалъ новаго Августа во всѣхъ его переѣздахъ, часто присутствовалъ на его выходахъ, жилъ вмѣстѣ со схолой магистріановъ, но вся моя работа сводилась къ тому, что я писалъ или, точнѣе, переписывалъ, тѣ рѣдкія письма, которыя отправлялись отъ имени императора. Такая должность была противна моимъ вкусамъ и не соотвѣтствовала моимъ познаніямъ, приближенные императора смотрѣли на меня свысока, а кромѣ того меня удручало сознаніе, что я служу тиранну, незаконно захватившему власть въ моей родной странѣ.

Живя при дворѣ, я часто видѣлъ Гесперію, но, какъ она меня предупреждала, всегда въ присутствіи другихъ лицъ. Когда къ Максиму пріѣхала его жена, Елена, уроженка Британніи, дочь богатаго дукса Евдды, Гесперія была причислена къ сопровождающимъ ее женщинамъ и почтительно исполняла свои обязанности, но ни для кого не было тайною, что душою Августа всецѣло владѣла прекрасная Римлянка. Во всѣхъ городахъ, которые мы посѣщали, Гесперія помѣщалась въ отдѣльномъ домѣ, но императоръ ежедневно посѣщалъ ее, часто приходилъ вечеромъ и порою оставался до слѣдующаго дня. Говорили, что ничто въ провинціяхъ не дѣ-

лается безъ воли прекрасной Римлянки, что она поправляетъ всѣ декреты Августа, и ея совѣтами объясняли тѣ мудрыя мѣры, которыя принималъ Максимъ и до которыхъ онъ самъ, человѣкъ мало-ученый и простой, врядъ ли могъ бы додуматься.

При дворѣ строго соблюдались всѣ правила христіанской церкви, совершались долгія богослуженія, христіанскіе священники пользовались величайшимъ почетомъ, однако самъ императоръ вовсе не былъ набоженъ. Крещеніе онъ принялъ, по настоянію войска, всего за нѣсколько дней передъ тѣмъ, какъ открыто надѣлъ діадему, и въ разныхъ тонкихъ различіяхъ вѣрованій былъ плохо освѣдомленъ. Это не мѣшало Августу принять сторону послѣдователей Аѳанасія противъ Аріанъ, и въ этомъ тоже видѣли настоянія Гесперіи, которая мстила Аріанамъ за то, что въ свое время они недостаточно поддержали ея стремленія. Я тоже постоянно присутствовалъ на службахъ въ христіанскихъ храмахъ, хотя перемѣнить вѣру меня не принуждали.

Послѣ кратковременнаго пребыванія въ Лугдунѣ мы переѣхали въ Треверы, великолѣпный городъ, можетъ быть, второй по красотѣ на Западѣ, поставившій свои широкія стѣны по холмамъ на берегу воспѣтой Авсоніемъ Моселлы. Здѣсь, откуда еще недавно Валентиніанъ сильною рукою правилъ имперіей и гдѣ юный Граціанъ послушно внималъ совѣтамъ своего перваго, мудраго наставника, Максимъ теперь стремился вполнѣ утолить свою жажду величія и власти. Въ пышномъ дворцѣ Валентиніана, одѣтый въ пурпуръ, онъ принималъ поклоненіе льстецовъ, наслаждался ихъ паденіемъ ницъ передъ собою, ихъ безстыднымъ восхваленіемъ его ума и его мощи, а по вечерамъ—буйными попойками съ бывшими сотоварищами по оружію, во время которыхъ, какъ говорятъ, забывалъ о своей діадемѣ и вмѣстѣ съ другими пѣлъ непристойныя пѣсни, сложенныя въ лагеряхъ. Мнѣ передавали за достовѣрное, что въ этихъ ночныхъ пирахъ, не отличавшихся ни приличіемъ, ни воздержанностью, принимала участіе и Гесперія.

Въ Треверахъ насъ посѣтилъ епископъ Амбросій, какъ посолъ императрицы Юстины, пріѣхавшій, съ Комитомъ Бавтономъ и братомъ императора Марцеллиномъ, предложить миръ отъ имени юнаго Валентиніана II: Юстина соглашалась признать Максима Августомъ и императоромъ Галлій, Британній и Испаній съ тѣмъ, чтобы Валентиніану были предоставлены провинціи по другую сторону Альпъ. Максимъ принялъ епископа надменно, много дней заставилъ его ждать пріема и, наконецъ, выслушавъ предложенія, объявилъ, что Юстина и ея сынъ лично должны явиться въ Треверы и отдаться подъ покровительство новаго Августа, который лучше другихъ сумѣетъ оберечь ихъ жизнь и достояніе. Нѣкоторые говорили, что Максимъ желалъ заманить въ свои руки Валентиніана и погубить его, но я думаю, что усурпаторъ хотѣлъ просто насытить свою гордость, заставивъ брата своего недавняго повелителя склониться у своихъ ногъ.

Мнѣ случалось встрѣчать Амбросія на улицахъ Треверовъ, по которымъ онъ ходилъ всегда безъ сопровожденія, одѣтый скромно, съ опущенными глазами. Но было въ его походкѣ величіе, въ чертахъ лица—непреклонная твердость, и я думаю, что не былъ правъ Маркъ Рустикъ, когда увѣрялъ, что кончилась слава Медіоланскаго епископа: кровь Авреліевъ не позволитъ ему долго оставаться въ тѣни, и имперія когда-нибудь еще почувствуетъ вновь его тяжелую руку. То обстоятельство, что онъ, вѣрный поборникъ ученія Аѳанасія, принялъ на себя посольство отъ лица Юстины, ревностной защитницы Аріанъ, показываетъ, что Амбросій готовъ схватиться за любой предлогъ, только бы снова выступить на арену общественныхъ дѣлъ и стать посредникомъ между императорами.

Отъ Максима Амбросій уѣхалъ безъ опредѣленнаго отвѣта, и произошло это, можетъ быть, отъ того, что гордость не позволила ему обратиться за поддержкой къ Гесперіи. Прекрасная Римлянка, какъ всѣ ее у насъ называли, была при дворѣ всемогущей, во все вникала и обо всемъ успѣвала думать. Объ одномъ только Гесперія какъ бы забыла

совершенно—о моемъ существованіи. Пренебрежительно отвѣчая на мои привѣты, отвращая лицо отъ моихъ страстныхъ взглядовъ, она за все мое пребываніе въ Треверахъ не удостоила меня разговоромъ съ собой. Только раза два она отдавала мнѣ приказанія, столь же спокойнымъ голосомъ, какъ любому изъ воиновъ, и это спокойствіе оскорбляло меня больнѣе, чѣмъ гнѣвъ или укоры. Она держала себя со мною такъ, какъ если бы никогда мы не приближались другъ къ другу, какъ если бы никогда она не слушала благосклонно моихъ признаній, никогда не говорила мнѣ сама о своей любви ко мнѣ, никогда не припадала къ моимъ губамъ страстными поцѣлуями. Порой, встрѣчая холодный, недоумѣвающій взглядъ Гесперіи, останавливавшій мои робкія попытки съ ней заговорить, напомнить ей прошлое, высказать все томленіе моей души, я самъ готовъ былъ думать, что это прошлое лишь приснилось мнѣ, что Гесперія ничего не знаетъ о моемъ безумномъ снѣ и всегда была для меня далекой и недоступной, какъ небожительница.

Мое время проходило въ скучной и безплодной работѣ, въ общеніи съ товарищами, которыхъ занимали только попойки и посѣщеніе городскихъ лупанаровъ и среди которыхъ я не нашелъ ни одного, съ кѣмъ могъ бы сблизиться, наконецъ, въ мучительномъ ожиданіи, что съ Гесперіей произойдетъ одно изъ чудесныхъ измѣненій, свойственныхъ ей, и она вдругъ сама позоветъ меня къ себѣ, скажетъ, что опять хочетъ быть со мною, опять меня любитъ. Незначительный магистріанъ, довольствующійся своимъ скуднымъ жалованьемъ, такъ какъ я стыдился даже увѣдомить отца, гдѣ нахожусь, я влачилъ цѣпь безрадостныхъ дней, не видя ничего лучшаго и въ будущемъ. Таково было уныніе, владѣвшее мною, что я охладѣлъ и къ книгамъ, и, хотя въ городѣ были хорошія библіотеки, по цѣлымъ недѣлямъ не раскрывалъ ни одного свитка, не говоря уже о томъ, чтобы попытаться продолжать свое образованіе въ мѣстныхъ реторическихъ школахъ, поставленныхъ, благодаря щедротамъ Граціана, на большую высоту.

Много разъ я говорилъ себѣ, что такое существованіе недостойно меня, но у меня недоставало воли разорвать съ нимъ, покинуть дворъ Максима и навсегда разстаться съ надеждою приблизиться къ Гесперіи. Какъ то было въ Римѣ, такъ въ Треверахъ, красота ея меня порабощала: въ свое время покинуть Рею мнѣ было трудно потому, что ея ласки давали мнѣ радость единственную; теперь покинуть Гесперію мнѣ казалось еще труднѣе потому, что я испытывалъ ни съ чѣмъ не сравнимый восторгъ, смѣшанный съ жестокимъ мученіемъ, глядя на нее, приближаясь къ ней, ежедневно подвергаясь ея оскорбленіямъ. Каждое утро я начиналъ сладостными мечтами о томъ, гдѣ сегодня я увижу Гесперію, и каждый вечеръ, вспоминая обиды, которыя она съ небрежнымъ видомъ нанесла мнѣ за день, я сжималъ рукою сердце, порывисто бившееся не то отъ боли, не то отъ счастія.

Однако, съ каждымъ днемъ мнѣ становилось все тяжелѣе длить мою позорную жизнь, и мое самолюбіе все настойчивѣе повторяло мнѣ, что такъ или иначе я ее измѣнить долженъ. Послѣ долгой борьбы съ самимъ собою, послѣ горькихъ раздумій въ теченіе цѣлыхъ ночей и одинокихъ слезъ, я, наконецъ, рѣшился на половинную мѣру. Максимъ отправлялъ свое посольство къ Юстинѣ и Валентиніану, чтобы продолжить переговоры, начатые при посредствѣ Амбросія. Я попросилъ, чтобы меня назначили въ это посольство, надѣясь, что разлука съ Гесперіей успокоитъ мои чувства и дастъ мнѣ силы принять твердое рѣшеніе. Моя просьба была удовлетворена, и, въ званіи магистріана, я поѣхалъ, съ другими членами посольства, въ Медіоланъ, куда переселился юный братъ Граціана.

Опять довелось мнѣ совершить переѣздъ черезъ Альпы, и по мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ и вставали передо мною знакомыя мѣстности, словно какая-то шелуха спадала съ моей души. Въ моей памяти вставали пережитые мною бурные и счастливые дни, удивительный, оставшійся мнѣ непонятнымъ, образъ Реи, картины битвы, въ которой я участвовалъ, „схватки и бой, пролитіе крови, людей истреб-

ленье", страннымъ мнѣ стало казаться, что теперь я могу довольствоваться мѣстомъ маленькаго служащаго при сомнительномъ императорѣ, и честолюбіе въ моей душѣ начинало брать верхъ надъ безнадежной любовью. „Нѣтъ,—говорилъ я себѣ,—лучше вести жизнь безрадостную, но доблестную, лучше отречься отъ счастія навсегда, но быть полезнымъ родинѣ, чѣмъ изнывать въ постыдномъ бездѣйствіи, скованнымъ, какъ рабъ, цѣпями нераздѣленной страсти!" Встрѣчая вновь людей, честно поклоняющихся богамъ предковъ, я чувствовалъ, что во мнѣ возрождается вѣра въ защиту безсмертныхъ, и по ночамъ, наединѣ, я молилъ Олимпійцевъ помочь мнѣ вернуться къ настоящей жизни и набожно прочитывалъ молитвы, которымъ когда-то меня учила мать: Luam Saturni, Iurites Quirini, Heriem Iunonis...

Въ Медіоланъ мы пріѣхали одновременно съ новымъ Сенаторскимъ посольствомъ, во главѣ котораго опять стоялъ Симмахъ. Римскій Сенатъ, по смерти Граціана, рѣшилъ сдѣлать вторичную попытку добиться разрѣшенія возстановить въ Куріи алтарь Побѣды, и вторично великій ораторъ взялъ на себя трудъ произнести передъ юнымъ императоромъ рѣчь въ защиту древней Римской вѣры. Симмахъ узналъ меня, когда мы съ нимъ встрѣтились на улицѣ Медіолана, и дружески позвалъ меня къ себѣ.

Словно чудодѣйственной водой, врачующей недуги души, была для меня привѣтливость префекта, который принялъ меня какъ равнаго, несмотря на свое высокое положеніе и все возрастающую славу писателя. Умныя рѣчи Симмаха о современномъ положеніи дѣлъ, о новомъ распаденіи имперіи, объ обязанностяхъ каждаго Римлянина въ такіе смутные дни, были для меня цѣлебнымъ напиткомъ, возбуждающимъ силы и желаніе бороться. Но, можетъ быть, всего живительнѣе подѣйствовали на меня разсказы Симмаха о жизни въ Городѣ и о знакомыхъ мнѣ лицахъ.

Симмахъ сообщилъ мнѣ, что мой дядя, Тибуртинъ, вновь принялъ въ домъ свою жену Меланію и ея дочь Аттузію, но сильно палъ духомъ, окончательно предался радостямъ Бакха,

такъ что почти не посѣщаетъ засѣданій Сената. Но работа тайнаго общества нисколько не прекратилась со времени отъѣзда Гесперіи; напротивъ, можно даже сказать, что участники заговора добились значительныхъ успѣховъ: самъ Симмахъ въ этомъ году былъ префектомъ Города, Флавіанъ — префектомъ префектуры Италіи, Претекстатъ назначенъ консуломъ. Такимъ образомъ три вождя общества сосредоточивали въ своихъ рукахъ власть надъ всей страной древняго Рима, отъ Альпъ до Сикулійскаго моря, и могли дѣйствовать настойчиво на пользу своихъ замысловъ. Симмахъ не надѣялся на успѣхъ и второго посольства, но былъ увѣренъ, что извѣстіе о немъ произведетъ на населеніе нужное впечатлѣніе и что его релація Валентиніану, которая будетъ обнародована, подготовитъ умы для будущаго возстанія противъ императоровъ, насильно заставляющихъ потомковъ Ромула служить Іудейскому Христу.

Нашъ разговоръ невольно привелъ насъ къ имени Гесперіи, и Симмахъ спросилъ меня, встрѣчаюсь ли я съ нею. Откровенно я разсказалъ то, что̀ зналъ о положеніи Гесперіи при Максимѣ, а также о ея мнимомъ обращеніи въ христіанство, добавивъ, что ея поведенія и ея намѣреній я не понимаю. Симмахъ мнѣ отвѣтилъ задумчиво:

— Я, конечно, слышалъ о томъ, что̀ ты мнѣ разсказываешь. Но я тоже перестаю понимать нашу Гесперію. Она писала мнѣ изъ Треверовъ, требуя, чтобы я вѣрилъ въ ея честность, хотя бы всѣ улики были противъ нея. Сознаюсь тебѣ, что такую вѣру мнѣ сохранить не легко. Если ея поступки не перемѣнятся, я боюсь, что мнѣ придется считать ее...

Симмахъ остановился и потомъ, съ видимымъ усиліемъ, договорилъ:

— ...считать ее за женщину, которая добивалась одного: раздѣлять съ кѣмъ-нибудь императорскій престолъ.

Эти слова больно ударили меня по сердцу, и я еще долго помнилъ ихъ звукъ, даже послѣ того, какъ разстался съ Симмахомъ.

Къ сожалѣнію, мнѣ не пришлось слышать рѣчи Симмаха,

которую онъ произнесъ въ консисторіи принцепса, передъ юнымъ императоромъ, въ присутствіи Юстины, Амбросія, Аріанскаго епископа Авксенція и высшихъ придворныхъ чиновъ. Теперь, когда эта релація обнародована, мы всѣ можемъ судить о поразительномъ блескѣ краснорѣчія Симмаха и о неопровержимости его осторожныхъ и скромныхъ доводовъ, а я еще узналъ въ ней тѣ же мысли, которыя когда-то великій ораторъ высказывалъ въ моемъ присутствіи самому Амбросію, въ его домѣ. Говорятъ, что Юстина, изъ ненависти къ послѣдователямъ Аѳанасія и изъ боязни волненій въ Городѣ, была готова согласиться на просьбу Римскаго Сената, но Амбросій опять одержалъ верхъ, повторяя свое излюбленное соображеніе, что должно истреблять всѣ признаки поклоненія идоламъ, хотя бы это грозило величайшими бѣдствіями, такъ какъ преслѣдованіе Юпитера угодно Христу. „Истинное благочестіе,—сказалъ опять епископъ,—состоитъ въ томъ, чтобы предпочитать небо—землѣ, блага вѣчныя—выгодамъ сегодняшняго дня". Добавляютъ, что Амбросій даже пригрозилъ императору воспретить ему входъ въ храмы, если онъ сдастся на доводы Симмаха, и юный Валентиніанъ, испуганный такой угрозой и убѣжденный краснорѣчіемъ епископа, отказалъ Сенаторскому посольству въ его просьбѣ. Оно должно было покинуть Медіоланъ, не добившись успѣха.

Передъ отъѣздомъ Симмаха я зашелъ къ нему проститься и, помня его жестокія слова о Гесперіи, а также думая о своемъ подозрительномъ положеніи при христіанскомъ дворѣ Максима, спросилъ:

— А мнѣ, Симмахъ, вѣришь ли ты? Не считаешь меня за человѣка, ищущаго только выгодъ? Не думаешь, что я измѣнилъ своей вѣрѣ?

Симмахъ отвѣтилъ мнѣ, откровенно намекая на мою страсть къ Гесперіи:

— Тебѣ, Юній, я вѣрю, потому что понимаю тебя. Любовь извиняетъ все.

Слова такого человѣка, какъ Симмахъ, были для меня

большимъ утѣшеніемъ, но самъ я не все въ своемъ поведеніи могъ извинить любовью. Оторвавшись отъ Гесперіи, отъ прямого очарованія ея близости и ея непобѣдимой красоты, я получилъ способность разсуждать болѣе здраво, а можетъ быть, и благосклонные боги услышали мои мольбы и послали мнѣ свою поддержку. Къ тому времени, когда наше посольство, добившись благопріятнаго отвѣта отъ Юстины, за спиной которой, конечно, стоялъ Восточный императоръ Ѳеодосій, собралось въ обратный путь,—мое рѣшеніе было принято. Я сказалъ себѣ окончательно, что долженъ покинуть Треверы, хотя бы это грозило мнѣ вѣчной разлукой съ Гесперіей. Мать-Венера видѣла, какъ не легко было мнѣ прійти къ такому рѣшенію, но она же знаетъ, что поступить иначе я не могъ.

Сами боги словно хотѣли укрѣпить мою рѣшимость, потому что въ Треверахъ, когда я вернулся съ посольствомъ ко двору Максима, первое, что̀ меня ждало, было письмо моего отца. Откуда-то узнавъ о моемъ мѣстопребываніи, отецъ воспользовался тѣмъ, что изъ Лакторы ѣхалъ въ Треверы нашъ сосѣдъ и давній другъ, которому можно было довѣриться, и послалъ мнѣ какъ вѣсть о себѣ, такъ и небольшое количество денегъ. Отецъ писалъ, чисто по-Римски и сурово, что я унижаю славное имя Юніевъ-Норбановъ, служа узурпатору и врагу родины. Упомянувъ кратко, что моя мать захворала, узнавъ, гдѣ я и что̀ дѣлаю, отецъ строго приказывалъ мнѣ немедленно покинуть дворъ Максима и вернуться къ семьѣ. Онъ добавлялъ, что обращается ко мнѣ со своими приказаніями въ послѣдній разъ и, если я имъ не подчинюсь, будетъ считать, что сына у него болѣе нѣтъ.

Въ тотъ же день, — самый день моего возвращенія изъ путешествія въ Медіоланъ,—я написалъ письмо Гесперіи, въ которомъ извѣщалъ ее, что покидаю Треверы, и просилъ у нея позволенія лично проститься съ нею. Не знаю самъ, что̀ водило моимъ стилемъ, когда я повѣрялъ эту просьбу мягкому воску, но, вѣроятно, еще какая-то слабая искра надежды тлѣла подъ пепломъ моего разувѣренія. Гесперія велѣла

своему рабу передать мнѣ устно, что я могу прійти къ ней, чтобы проститься, на другой день вечеромъ.

Слѣдующій день я потратилъ на то, чтобы получить свою отставку и позволеніе уѣхать, чего, впрочемъ, добился безъ затрудненій. Но, бесѣдуя со своими товарищами по оффиціи о томъ, что̀ случилось въ Треверахъ во время моего отсутствія, я услышалъ новости, совершенно измѣнившія состояніе моего духа. Подсмѣиваясь, такъ какъ моя безнадежная страсть къ прекрасной Римлянкѣ была очевидна для всѣхъ, одинъ изъ юныхъ магистріановъ разсказалъ мнѣ, что у императора нашелся соперникъ, въ лицѣ его родного брата, красиваго Марцеллина, служившаго прежде при дворѣ Юстины въ Сирміи и пріѣхавшаго къ намъ вмѣстѣ съ Амбросіемъ. Замѣтили, что Гесперія оказываетъ исключительное вниманіе Марцеллину, и потомъ убѣдились, что онъ часто входитъ въ домъ прекрасной Римлянки тайно и долго остается наединѣ съ нею.

Разумѣется, я постарался скрыть свое волненіе и отвѣтилъ, что это все—пустыя розсказни, которымъ не должно давать вѣры. Но, говоря правду, я былъ этимъ сообщеніемъ уязвленъ больше, чѣмъ всѣмъ обращеніемъ со мною Гесперіи за весь годъ. Я могъ терпѣть ея холодность, когда она не любила никого другого и только изъ своихъ тайныхъ расчетовъ открывала двери спальни передъ императоромъ, но мысль, что Гесперія предпочла мнѣ другого, человѣка къ тому же ничѣмъ непримѣчательнаго, зажгла всю мою душу факеломъ нестерпимой ревности. Въ тотъ вечеръ, отправляясь къ Гесперіи, я, не признаваясь самому себѣ, зачѣмъ это дѣлаю, засунулъ за поясъ кинжалъ, подаренный ею мнѣ, съ надписью „Учись умирать!“

Прекрасная Римлянка жила въ Треверахъ въ маленькомъ домѣ, далеко уступавшемъ по роскоши убранства ея виллѣ въ Городѣ на Холмѣ Садовъ. Гесперія встрѣтила меня высокомѣрно и съ первыхъ словъ объявила мнѣ, что можетъ слушать меня лишь нѣсколько минутъ, потому что позже ждетъ къ себѣ императора. Я употреблялъ всѣ усилія, чтобы быть сдержаннымъ, хотя вся кровь въ моихъ жилахъ кипѣла,

какъ надъ огнемъ, и сначала въ почтительныхъ выраженіяхъ объявилъ о своемъ рѣшеніи уѣхать навсегда. Когда же Гесперія приняла мое сообщеніе равнодушно и даже не освѣдомилась, куда я ѣду, я разсказалъ, что видѣлъ въ Медіоланѣ Симмаха, и передалъ свой разговоръ съ нимъ. Глядя прямо въ лицо женщины, я повторилъ раздѣльно и ясно его слова о Гесперіи. Выслушавъ меня спокойно, она возразила:

— Если бы ты зналъ, до какой степени мнѣ безразлично, что̀ обо мнѣ думаетъ или не думаетъ Симмахъ! Какое мнѣ дѣло до того, вѣритъ онъ въ меня или нѣтъ!

— Да, Гесперія,—сказалъ я,—тому, кто измѣнилъ вѣрѣ отцовъ и своимъ друзьямъ, поневолѣ приходится пренебрегать чужимъ мнѣніемъ.

— Ты опять начинаешь говорить дерзости,—воскликнула Гесперія.—Прекратимъ нашу бесѣду. Ты со мною простился, теперь уходи: я тебя предупредила, что жду императора.

— Не брата ли императора? — спросилъ я, чувствуя, что блѣднѣю.

Гесперія встала съ ложа и, опять приходя въ гнѣвъ, кинула мнѣ:

— Юній, ты снова забываешься! Ахъ, да! ты не въ силахъ снести, что кого-то предпочли тебѣ! Что же дѣлать, если твои боги, кромѣ красиваго лица, не одарили тебя ничѣмъ инымъ! Ты способенъ лишь на то, чтобы влюбляться въ женщинъ и влюблять въ себя тѣхъ, которыя поплоше, вродѣ старой дѣвушки Валеріи, или этой твоей Реи, любовью которой ты постоянно передо мною хвастался! Я предпочитаю мужчинъ, способныхъ разсуждать и дѣйствовать, а ты воленъ на это сердиться!

— Такъ это правда о Марцеллинѣ?—спросилъ я, не зная что̀ говорю.

Гесперія посмотрѣла на меня презрительно и произнесла:

— Совершенная правда, но не безпокойся: если ты вздумаешь объ ней доносить, я сдѣлаю такъ, что тебя бросятъ въ тюрьму, какъ клеветника.

Отвѣты Гесперіи были подобны ударамъ бича по лицу, и

мое сознаніе мутилось. Я переставалъ владѣть своими чувствами и разсудкомъ. Подступая близко къ Гесперіи, я сказалъ еще, весь дрожа:

— Да, это—твое дѣло: дѣлать такъ, чтобы людей бросали въ тюрьму, казнили, убивали. Изъ-за тебя я едва не погибъ въ Медіоланскомъ подземельѣ, изъ-за тебя умерла маленькая Намія, ты, можетъ быть, собственноручно убила Юліанія! И люди, и вѣра для тебя лишь ступени, по которымъ ты карабкаешься къ императорскому престолу! Общая Эриннія Харибда, поглощающая людей! Медуза въ красивомъ обличіи. Предательница! клятвопреступница! продажная женщина!

Я былъ въ изступленіи, красный дымъ простирался предъ моими глазами, голосъ Гесперіи долеталъ до меня словно издалека, а она, направляясь къ выходу изъ комнаты, говорила:

— Однако, меня ты называлъ богиней и мои ноги цѣловалъ. Все твое благородство вытекаетъ изъ того, что я своей цѣли достигла, а ты нѣтъ. Уступи я тебѣ сегодня, ты сталъ бы превозносить мою мудрость и рѣшительность.

— Ты достигла своей цѣли?—воскликнулъ я.—Знаешь ли, быть наложницей сомнительнаго императора не то же, что быть августой.

— Уходи, Юній! — тогда закричала мнѣ Гесперія. — А то сейчасъ придетъ сюда тотъ самый Марцеллинъ и прикажетъ высѣчь тебя, какъ дерзкаго мальчишку.

— Нѣтъ, ты его не дождешься сегодня! — крикнулъ въ отвѣтъ я.

Уже во власти Фурій, я вытащилъ изъ-за пояса кинжалъ, заступилъ женщинѣ дорогу и нанесъ ударъ. Я направлялъ лезвіе въ грудь Гесперіи, но она невольно, при блескѣ клинка, заслонилась рукою и ударъ пришелся именно въ верхнюю часть руки. Быстро кровь окрасила бѣлую паллу Гесперіи и потекла на разостланный по мраморному полу Сирійскій коверъ.

Я видѣлъ, какъ Гесперія поблѣднѣла, но силы сразу по-

кинули меня и, выронивъ изъ рукъ кинжалъ, я стоялъ неподвижно и смотрѣлъ на женщину остановившимся взоромъ. Такъ нѣсколько мгновеній мы стояли другъ противъ друга, не произнося ни слова, Гесперія — съ губами сжатыми отъ боли, но не пытаясь болѣе защищаться, я — съ ужасомъ и отчаяніемъ въ душѣ. Потомъ я упалъ на колѣни передъ Гесперіей и воскликнулъ со стономъ:

— Гесперія! Гесперія! прости меня! Любовь сдѣлала меня безумнымъ! Пойми, что все та же богиня Венера направила мой ударъ, какъ прежде простирала мои руки къ объятіямъ. Узнай изъ этого всю силу любви, которой ты пренебрегаешь.

Движеніемъ ноги Гесперія отстранила меня и прошептала тихо, сквозь зубы:

— Прочь, подлый! Мужества у тебя достаточно лишь для того, чтобы ударить исподтишка. Я тебя презираю.

Нетвердымъ шагомъ она вышла изъ комнаты, но крикнула мнѣ изъ-за занавѣси двери:

— Уходи сейчасъ же, или я прикажу схватить тебя и судить, какъ убійцу!

Нѣкоторое время я оставался въ комнатѣ, не зная должно ли мнѣ итти за Гесперіей, просить ея прощенія и покорно отдаться въ руки судей, или же просто повиноваться ея приказанію, уйти, скрыться. Наконецъ, почти безсознательно, я всталъ съ колѣнъ и пошелъ къ выходу. Никто меня не остановилъ, и я, выйдя изъ дома, медленно побрелъ черезъ весь городъ.

Я былъ однимъ изъ послѣднихъ, кому стражи позволили выйти за городскія ворота. Я сѣлъ гдѣ-то на валу, подъ высокой стѣной укрѣпленій и сидѣлъ тамъ въ сгущающемся сумракѣ. Внизу сверкала серебромъ Моселла, за рѣкою чернѣлъ сосновый боръ.

Я думалъ:

„Кончилась моя такъ недавно начавшаяся и такъ быстро пролетѣвшая жизнь. Теперь, когда въ яркомъ свѣтѣ означалась передо мною вся низость Гесперіи, когда я понялъ, что

ея сиренныя слова были пышной ложью, прикрывавшей постыдное честолюбіе, когда я измѣрилъ всю глубину безстыдства ея души, не признающей ничего священнаго, — мнѣ больше не во что вѣрить. Да, Гесперію я называлъ богиней и, какъ богинѣ, я молился ей, видя въ ней воплощеніе высшихъ началъ Римской души, и когда это все оказалось обманомъ, я болѣе не вѣрю, что живъ вѣчный Римъ и его великій духъ. Въ короткое время я испыталъ водоворотъ страстей, видѣлъ ожесточенную борьбу за власть, наблюдалъ столкновеніе двухъ религій, оцѣнилъ души людей. Что же я узналъ?— Что вездѣ, какъ о томъ давно говорятъ философы и поэты, побѣждаетъ тотъ, кто болѣе коваренъ, кто въ жертву честолюбію приноситъ честность, благородство, вѣру, кто не пренебрегаетъ никакими средствами для достиженія цѣли. Но еще я узналъ, что въ наши дни въ буйномъ вихрѣ случайностей, которыми правитъ слѣпая Фортуна, въ безпорядочномъ столкновеніи разнородныхъ помысловъ, желаній, страстей, всегда выплываетъ на поверхность тотъ, кто искренно или лукаво связываетъ свое дѣло съ именемъ Христа. Умный и благородный Симмахъ тщетно добивается, всѣми силами своего великаго дарованія, возстановить въ общественномъ зданіи Города вынесенный изъ него алтарь. Мой дядя, Тибуртинъ, по-дѣтски вѣрующій въ боговъ Олимпа, живетъ въ униженіи, обманутый женой, осмѣянный товарищами. Мой милый Ремигій, истинный Римлянинъ лучшихъ временъ, кончаетъ дни самоубійствомъ. Маленькая Намія умираетъ. Даже низкій Юліаній, не за то ли, что онъ оставался приверженцемъ безсмертныхъ, платитъ жизнью. А въ то же время безвѣстная, безродная Реа, уча о второмъ пришествіи Христа, подымаетъ цѣлыя провинціи, заставляетъ вести съ собою всю имперію подлинную войну. Максимъ, крестившись, достигаетъ діадемы. Гесперія, отступивъ отъ вѣры предковъ, дѣлитъ его престолъ. Амбросій стремится судить императоровъ. Даже о. Никодимъ блаженствуетъ. Куда я ни взгляну, вездѣ все то же: успѣхъ съ тѣми, кто, какъ Константинъ, подымаетъ знаменіе Христа со словами „Симъ побѣдиши!“ Правъ былъ

о. Николай, когда говорилъ мнѣ: „Мои стрѣлы не сразу убиваютъ, но ты раненъ и эту рану почувствуешь послѣ". Да, я чувствую ядъ его Филоктетовой стрѣлы, разливающійся въ моей крови. Древніе боги уходятъ, уступая свое мѣсто на Олимпѣ болѣе молодымъ, болѣе дѣятельнымъ, которые готовы занять золотые дома, построенные Вулканомъ. Въ лѣса и горы, въ непроходимыя пустыни, въ бѣдныя хижины уходятъ прежніе Олимпійцы, вмѣстѣ съ моими дорогими старичками, новыми Филимономъ и Бавкидою, доживающими свой вѣкъ въ Альпійской долинѣ. Ничто не можетъ устоять передъ вихремъ, повѣявшимъ съ невысокаго холма Голгоѳы: этотъ вѣтеръ уже выбросилъ алтарь Побѣды изъ Куріи, и онъ снесетъ златоверхіе храмы Города, разрушитъ самый Римъ, а можетъ быть, и всю имперію. Не пора ли и мнѣ смириться предъ этой побѣдной бурей и понять, что никогда болѣе не стоять алтарю Побѣды въ Сенатѣ, что навсегда склонилось знамя Римскаго легіона передъ лабаромъ съ именемъ Христа!"

Я продолжалъ сидѣть на валу, въ холодѣ и сырости ночи. На другой день я долженъ былъ уѣхать въ родную Лактору, чтобы тамъ, въ затишьѣ маленькаго городка, затаить боль кровавыхъ ранъ, нанесенныхъ мнѣ жизнью, и горькое разочарованіе въ смѣлыхъ мечтахъ моей миновавшей юности. Желаніе новой борьбы и новой жизни погасло во мнѣ, словно убитое тѣмъ ударомъ, который я нанесъ Гесперіи. Сквозь туманъ я смотрѣлъ на Востокъ, на ту страну, откуда приходятъ къ намъ свѣтловолосые Германцы, люди, какъ Меробавдъ и комитъ Баліонъ, еще способные къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ и несущіе съ собою наивную вѣру во Христа, принимая которую, они не измѣняли высокимъ завѣтамъ религіи отцовъ. „Не оттуда ли,—подумалъ я еще,—придетъ и тотъ „варваръ", который, „увы, какъ побѣдитель, наступитъ на прахи предковъ"? Не эти ли Германцы, готовые разить и не разстающіеся съ мечомъ даже за пиршественнымъ столомъ, будутъ той мощной дланью, которая окончательно водрузитъ символъ христіанства надъ всѣмъ кругомъ земель?

Старый Бреннъ! повтори свои надменныя слова передъ униженнымъ Римомъ! Горе побѣжденнымъ! Кэестъ брошенъ на одну чашу вѣсовъ, и всего золота міра недостаточно, чтобы перевѣсить его!"

Конецъ повѣсти.

ПРИМѢЧАНІЯ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

I.

Стр. 3. Рустиціана, жена Симмаха,—см. выше, примѣчаніе къ гл. XVII книги I. Эвсебій, знаменитый медикъ,—см. выше, примѣчаніе къ гл. XI книги I.

Стр. 3. Выстукавъ все тѣло молоточкомъ... Выстукиваніе и выслушиваніе больного—методъ, предлагаемый Гиппократомъ и въ XIX в. лишь воскрешенный въ медицинѣ.

Стр. 4. Добродѣтель матери Гракховъ, Корнеліи, какъ извѣстно, была предметомъ многихъ историческихъ анекдотовъ.

Стр. 5. Вознесли до звѣздъ славу. Намекъ на стихъ Verg. Aen. I, 379:

fama super aethera notus.

Стр. 5. Fides—вѣра; opinio dei—увѣренность въ существованіи божества.

Стр. 6. Христіане всѣ словно помѣшаны. Гиббонъ, ссылаясь на Жоржена, приводитъ такое наблюденіе Григорія Назіанзина: „Если вы попросите одного изъ нихъ размѣнять серебряную монету, онъ разскажетъ вамъ, чѣмъ Отецъ отличается отъ Сына; если вы спросите о цѣнѣ хлѣба, вамъ на это отвѣтятъ, что Сынъ ниже Отца; а когда вы спросите, готова ли баня, вамъ скажутъ, что Сынъ созданъ изъ ничего". (Гиббонъ, III, 226).

Стр. 8. То она говорила о ученіи индійскихъ брахмановъ и т. д. Все это разсужденіе Валеріи напоминаетъ то мѣсто, гдѣ Апулей во „Флоридахъ" (Apul. Flor. II) разсказываетъ о учителяхъ Пиѳагора.

Стр. 9. О крутящихся смерчахъ и галисахъ, свѣтовыхъ кругахъ вокругъ солнца и т. д.—также говоритъ Апулей

въ сочиненіи „De Mundo": „Halysis est catena quaedam luminis clarioris per solis ambitum in se revertens" etc.

Стр. 9. О драконитѣ говоритъ Плиній (Plin. Nat Hist. XXXVIII, 10, 57): „Draconitis sive draconitas e cerebro fit draconum, sed nisi viventibus absciso capite non gemmescit invidia animalis mori se sentientis; igitur dormientibus amputant... Esse candore tralucido, nec postea poliri aut artem admittere."

Стр. 9. Ее называли, шутя, не Валерія, а Валерій. Ср. то, что говоритъ Авсоній о своей теткѣ Эмиліи Гиларіи (Aus. Parent. VI).

Aemilia, in cunis Hilari cognomen adepta,
Quod laeta et pueri comis ad effigiem.

Стр. 10. О землетрясеніяхъ подробно говоритъ Апулей въ сочиненіи „De Mundo"; онъ различаетъ слѣдующія формы землетрясеній: epicintae, brastae, chasmatiae, rhectae, ostae, palmatiae, mycetiae, описывая ихъ въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ Валерія. „Horum motuum,—говоритъ Апулей,—tam varia sunt nomina, quam diversi esse videntur".

II.

Стр. 13. Сферистерій, sphaeristerium,—особое помѣщеніе для игры въ мячъ, устраивавшееся и въ частныхъ домахъ и при термахъ или гимнасіяхъ. Игра въ мячъ была очень распространена въ IV—V в., упоминается Авсоніемъ, Сидоніемъ Аполлинаріемъ и др., а раньше Плиніемъ, Светоніемъ и др.

Стр. 13. Лампы, въ древности, дѣлались изъ самыхъ разнообразныхъ матеріаловъ. Сохранились до нашего времени и лампы золотыя. Формы античныхъ лампъ и подставокъ, на которыхъ онѣ утверждались, крайне разнообразны.

Стр. 14. Зеркала, въ древности, дѣлались изъ композиціи мѣди и олова; позднѣе также изъ серебра. Вдѣлывались зеркала въ богатыя металлическія рамы, нерѣдко украшенныя драгоцѣнными каменьями (cistae). Лучшія зеркала приготовлялись въ Брундисіи.

Стр. 14. Въ позднѣйшее время римской жизни вошли въ моду круглые столы, т.-е. три lecti или ложа, сливаясь въ одно, образовывали полукругъ въ формѣ буквы С. Часто эти столы дѣлались изъ досокъ самыхъ рѣдкихъ и дорогихъ деревьевъ. Цицеронъ, никогда не бывшій слишкомъ богатымъ человѣкомъ, заплатилъ за одинъ столъ 5.000 сестерцій. Римскіе историки говорятъ и о болѣе высокихъ цѣнахъ столовъ. (Уэлькенсъ, 46).

Стр. 14. Библіотека. Книги (libri и codices) располагались въ библіотекахъ обычно въ особыхъ нишахъ въ стѣнахъ или въ шкапахъ.

Оросій (VI, 15), описывая состояніе александрійской библіотеки, разграбленной и уничтоженной христіанами, говоритъ: „Nos vidimus armaria librorum, quibus direptis, exinitata ea a nostris hominibus, nostris temporibus memorant". (Гиббонъ, III, 293).

Стр. 14. Изданія, замѣненныя новыми. Къ послѣднимъ временамъ имперіи относится усиленная работа реторовъ надъ сочиненіями старыхъ писателей, которыхъ они переиздавали со своими исправленіями (emendatio).

Стр. 14. Бумаги рода Авреліевъ. Какъ извѣстно, римскіе фамильные архивы давали богатый матеріалъ историкамъ.

Стр. 14. Два другихъ (дома). См. выше, примѣчаніе къ гл. XVI книги I.

Стр. 15. Книги, въ древнемъ Римѣ, имѣли или форму современной книги (codices), или свитка (libri). Переписанный свитокъ приклеивался къ палкѣ, на которую навертывался; такимъ образомъ получался томъ, volumen, который, читая, постепенно развертывали (librum volvere, pervolutare). Оба края палки, на которую былъ навернутъ списокъ, обычно украшались шариками изъ металла или слоновой кости, умбиликами (umbilici, cornua). Часто весь томъ помѣщался въ особый футляръ изъ пергамента, мембрану (membrana). Названіе книги писалось на этомъ футлярѣ или на особой дощечкѣ, привѣшанной къ умбилику. Эмендаціей (см. выше) называлось редактированіе сочиненія. (Lexique).

Стр. 15. Спортула, sportula,—собственно корзинка; такъ назывались тѣ порціи пищи, которыя прежде патроны ежедневно раздавали своимъ кліентамъ.

Стр. 16. Быть декуріономъ. Званіе декуріона (decurio), т.-е. члена провинціальнаго городского сената (думы) не давало права ни на какое вознагражденіе, но было соединено съ различными расходами. Позднѣе жители многихъ городовъ всячески уклонялись отъ такой почести.

Стр. 17. Асія, Asia,—провинція Асіатской діецессы.

Стр. 19. Стихи Насона. Or. Rem, Am., 7—8.

Saepe tepent alii iuvenes, ego semper amavi;
Et, si quid faciam nunc quoque, quaeris: amo.

Стр. 20. Катуллъ несчастный и т. д. Cat. VIII:

Miser Catulle, desinas ineptire.

Стр. 20. Три фуріи: Alecto, Megaera, Tisiphone.

Стр. 21. Помпоній—старинный патриціанскій родъ, уже угасшій въ IV вѣкѣ.

Стр. 21. Грубъ и невѣжественъ. Въ сочиненіи Агреція (Agretius De orthographia) читаемъ: Alvus virorum recte dicitur, uterus mulierum, venter in utroque sexu... Lepus animal est, lepor—iucunditas voluptatis, lepos—eloquii... Instar illius rei dicere debemus, non ad instar... Memini me facere dicere debemus, non memini me fecisse, nam memini sermo est totus praeteriti temporis, qui ante factam rem in praesens revocat. (Œuvres d'Ausone, I). Обиліе сходныхъ руководствъ, напоминающихъ французскія „Ne dites pas", доказываетъ, что въ IV в. разговорная латинская рѣчь была полна ошибокъ.

Стр. 21. Варронъ, M. Terentius Varro Reatinus,—знаменитый ученый, современникъ Цицерона; Варій, L. Varius—поэтъ, другъ Горація и Вергилія.

Стр. 22. Асъ, as,—старинѣйшая римская мѣдная монета, первоначально приравнивавшаяся по вѣсу 1 фунту, но въ позднѣйшее время имѣвшая лишь $^{1}/_{36}$ своего прежняго вѣса

Стр. 22. Время пожиратель вещей. Ov. Met. XV:

Tempus edax rerum.

Стр. 22. „Тупится сошникъ"... и т. д. Стихи Sulpicii Luperci Sebasti iunioris (A. Baehrens, IV, 118):

Ferreus vomis tenuatur agris.

Стр. 22. Me miserum—О, я несчастный!

III—IV.

Стр. 26. „Хранить духъ твердый"... и т. д. Hor. Carm. II, 3:

Aequam memento rebus in arduis
Servare mentem

Стр. 27. „Я держусь эмпирической школы"... Эмпирическая школа медицины возникла въ александрійскій періодъ „Вскрытіемъ" эмпирики называли непосредственное наблюденіе; „теоремой"—сравненіе наблюдаемаго случая съ другими, описанными раньше; „эпилогизмомъ"—установленіе связи причины болѣзни съ ея проявленіями.

Стр. 29. Меретрика, meretrix,—распутная женщина, см. выше.

Стр. 29. „Гдѣ я, Гай"... и т. д., Ubi tu Caius ibi ego Caia,—древняя формула, которая произносилась при той формѣ заключенія брака, ко-

торая называлась coemtio. Feliciter, счастливо!—восклицаніе, которымъ гости на свадьбѣ привѣтствовали новобрачныхъ.

Стр. 29. Гарпіи, harpyiae,—миѳическія полу-птицы, полу-женщины; по выраженію Вергилія (Aen. III, 227—8), онѣ „contactu omnia foedant immundo".

Стр. 30. Атрей, по одному варіанту миѳа, мстилъ Ѳіесту за то, что тотъ соблазнилъ его жену. Впрочемъ, миѳъ о Атреѣ и Ѳіестѣ и ихъ взаимной мести имѣетъ очень много варіантовъ.

Стр. 31. S. D.—salutem dixit, см. выше примѣчаніе къ гл. X книги II.

Стр. 32. Тонсоръ, tonsor,—парикмахеръ; tonstrina—парикмахерская, мѣсто, гдѣ обычно собирались всѣ праздношатающіеся, чтобы обмѣняться новостями.

Стр. 33. Цикла, cyclas,—женское одѣяніе, изъ легкой матеріи, съ золотымъ шитьемъ внизу. См. выше, примѣчаніе къ гл. VII книги I.

Стр. 35. Мать сына Анхиса, т.-е. богиня Венера.

Стр. 36. Жена Клавдія—Мессалина.

Стр. 36. Актора, изображающаго страданія Октавіи или Медеи. Женскія роли въ римскихъ театрахъ обычно исполнялись мужчинами. Извѣстно, что Неронъ одной изъ своихъ лучшихъ ролей считалъ—Канаку, мучащуюся родами. (Suet. Nero, XXI: „cantavit Canacen parturientem").

Стр. 38. Три парки: Clotho, Lachesis, Atropos.

Стр. 38. Пожеланіе Катона: ceterum censeo etc.

Стр. 39. „Если что̀ боги правые могутъ". Verg. Aen. IV, 382.

Si quid pia numina possunt.

Стр. 39. По обычаю пиѳагорейцевъ... Пиѳагорейцы совѣтовали каждый вечеръ возстанавливать въ памяти все, что̀ было сдѣлано, сказано, услышано за день.

Стр. 40. „Бѣлыя лиліи". Намекъ на стихъ Verg. Aen. VI, 709—710:

candida circum
Lilia funduntur...

Стр. 40. Симмахъ ничего не добился. „Злые люди,—говоритъ самъ Симмахъ,—насъ предупредили (—имѣется въ виду депутація сенаторовъ-христіанъ,—) и въ пріемѣ намъ было отказано". Вскорѣ послѣ въ государственную казну (фискъ) были отобраны земли, посвященныя богинѣ Викторіи (De Broglie, VI, 24).

Стр. 40. Гемимонтъ, Европа, Родопія и др.—провинціи не Западной, а Восточной части имперіи. Впрочемъ, въ эпоху Граціана единство имперіи еще чувствовалось живо.

Стр. 40—41. Метеллъ и Мумій названы завоевателями перечисленныхъ провинцій, какъ римскіе полководцы во время послѣдней войны Рима съ Македоніей.

Стр. 42. Либитина, Libitina,—древне-италійская богиня смерти и погребенія.

V.

Стр. 43. „Земля, разверзнись". Sen. Oed., 867:

Dehisce, tellus!

Стр. 44. Что осуждаютъ законы имперіи. Длинный рядъ декретовъ, отъ Константина В. до Ѳеодосія В., формально воспрещаютъ магію и всѣ формы гаданія. См. Cod. Theod. IX, tit. XVI, озаглавленный: De maleficis et mathematicis et ceteris similibus, т.-е. О колдунахъ, математикахъ и имъ подобныхъ. См. выше, примѣчаніе къ гл. XIII книги I. Только по настойчивому представленію Претекстата были разрѣшены Элевсинскія таинства, въ которыхъ власть также видѣла занятія колдовствомъ или магіей.

Стр. 44. Цитерея, Cytherea,—Венера.

Стр. 45. Имена Протесилая и Лаодаміи и др., перечисляемыхъ Гесперіей, прославлены въ „Героидахъ" Овидія.

Стр. 45—46. Письмо Федры. Ov. Her. IV, 149 sqq.:

Non ego dedignor supplex humilique precari
Heu! ubi nunc fastus altaque verba? iacent!
Et pugnare diu nec me submittere culpae
Certa fui, certi siquid haberet amor:
Victa precor genibusque tuis regalia tendo
Bracchia! quid deceat, non videt ullus amans.
Depuduit, profugusque pudor sua signa relinquit.
Da veniam fessae duraque corda doma!

Стр. 46. Сынъ Тесея—Ипполитъ.

Стр. 47. Возмущеніе среди легіоновъ Британніи. „Намъ нѣтъ надобности доискиваться,—пишетъ Гиббонъ (III, 218),—какія причины вызвали возстаніе Британніи. Безпорядки обыкновенно возникаютъ отъ какой-нибудь случайности, а случилось такъ, что сѣмя мятежа упало на такую почву, которая чаще, чѣмъ всякая другая, производила тиранновъ и узурпаторовъ, и что легіоны этого отдаленнаго острова давно были извѣстны своей самонадѣянностью и высокомѣріемъ." Въ подтвержденіе своихъ словъ Гиббонъ приводитъ слова Іеро-

нима: „Britannia, fertilis provincia tyrannorum" (хотя слово tyrannus, кажется, имѣетъ здѣсь иное значеніе, чѣмъ то, которое придаетъ ему Гиббонъ) и слова Зосимы о британскихъ солдатахъ: „τῶν ἄλλων ἁπάντων πλέον εὐθαδείᾳ καὶ θυμῷ κεκομένος". De Broglie, съ своей стороны, пишетъ (VI, 48): „Gratien regnait déjà depuis six années, et on avait tiré de lui, en fait de gratifications et de largesses a peu près tout ce qu'il etait permis d'espérer, tandis qu'on pouvait se promettre des merveilles d'un prétendant nouveau, dont la bourse n'etait pas epuisée."

Стр. 48. „Si princeps" etc. Игра словъ, основанная на созвучіи имени Maximus и званія Pontifex maximus. Фразу можно перевести двояко: или—„если государь не хочетъ быть первосвященникомъ, онъ скоро будетъ верховнымъ первосвященникомъ" или—„если государь (Граціанъ) не хочетъ быть первосвященникомъ, скоро первосвященникомъ будетъ Максимъ". Этотъ каламбуръ, понравившійся современникамъ, сохраненъ намъ (по гречески) историкомъ Зосимою (Zosimi IV, 36). До Граціана всѣ императоры (не исключая и Константина В.) носили также титулъ Pontifex maximus. Зосима (ibid.) увѣряетъ, что въ 382 г. Граціанъ отказался принять поднесенное ему одѣяніе верховнаго жреца: „Quum ergo pontifices, ex more, talem Gratiano amictum adtulissent, aversatus est id, quod petebant; ratus non esse fas illiusmodi habitu christianum uti" (латинскій переводъ въ изд. Reitemeier). Впрочемъ, Авсоній (Gratiarum Actio), въ 379 г., именовалъ Граціана „potestate imperator, augustus sanctitate, pontifex religione".

Стр. 48. Нѣкій Максимъ. „Этотъ императоръ, или, вѣрнѣе, мятежникъ,—пишетъ Гиббонъ (III, 219),—былъ родомъ испанецъ; онъ былъ соотечественникомъ, боевымъ товарищемъ и соперникомъ Ѳеодосія... Уже задолго передъ тѣмъ обстоятельства заставили его поселиться въ Британніи, и я былъ бы очень радъ найти подтвержденіе слуховъ (Кемденъ), что онъ былъ женатъ на дочери богатаго лорда Кернарвонширскаго". Сократъ пишетъ кратко: „Μάξιμος ἐκ τῶν περὶ τὰς Βρεττανικὰς μερῶν ἐπανέστη τῇ Ῥωμαίων ἀρχῇ" (Socr. Hist. V, 11). Зосима утверждаетъ: „Maximus, Hispanus natione, qui Theodosii principis in Britannia commilito fuerat" (Zos. IV, 35). Пакатъ, въ панегирикѣ Ѳеодосію, говоритъ о Максимѣ презрительно, какъ о кліентѣ или слугѣ Ѳеодосія (Paneg. XII, 38, 40, 42, 45 et passim). Сульпицій Северъ увѣряетъ, что Максимъ противъ воли принялъ власть „Cum Maximum se non sponte sumpsisse imperium adfirmaret sed impositum sibi a mililibus divino nutu regni necissitatem armis defendisse" etc. (Sulp. Sev. De vita b. Mart., 20; cf. Sulp. Sev. Hist. II, 49).

Стр. 49. Сенаторы каждый день... и т. д. Ср. De Broglie (VI, 57): „A chaque séance du sénat, en jettant les yeux sur cette place vide, ils sentaient bouillonner tout ce qui restait encore de sang romain et républicain dans leurs veines."

Стр. 49. Аріане раздражены преслѣдованіями. „(Ambroise),—пишетъ De Broglie (VI, 29),—engageât Gratien à extirper partout les germes et les souches de la mauvaise doctrine". Спеціально съ цѣлью борьбы съ аріанствомъ былъ созванъ церковный соборъ въ Аквилеѣ, въ сентябрѣ 381 г., на которомъ были осуждены послѣдователи Арія. Сульпицій Северъ восторженно хвалитъ мѣры, принятыя Граціаномъ противъ аріанъ (Sulp. Sev. Hist. II, 47).

Стр. 49. Храмы, у которыхъ отняты ихъ земли. См. выше примѣчаніе къ гл. VIII книги I.

Стр. 49. Верхнее море, mare Superum,—нынѣ Адріатическое.

Стр. 49. Куклу, отполированную пемзой. Пемзой (pumex) римляне растирали тѣло послѣ бани, чтобы придать ему нѣжность и особый блескъ.

Стр. 49. Потомкомъ Констанція Хлора Юліаній могъ себя считать какъ сынъ Юліана, внука Констанція.

Стр. 51. Жрицы Круглаго храма—весталки. Круглая форма храма Весты была смутнымъ воспоминаніемъ о древне-италійскихъ круглыхъ шалашахъ, образъ которыхъ сохранился въ погребальныхъ урнахъ (Thédenat, 85). Овидій утверждаетъ, что форма храма Весты не измѣнялась въ теченіе вѣковъ (Ov. Fast. VI, 265—268):

Forma tamen templi quae nunc manet, ante fuisse
Dicitur; et formae causa probanda subest.
Vesta eadem, quae terra. Subest vigil ignis utrique:
Significant sedem terra focusque suam.

Свой обѣтъ весталки давали на 30 лѣтъ: первыя десять лѣтъ онѣ учились священнослуженію, вторыя десять лѣтъ исполняли обязанности священнослужительницъ, послѣднія десять лѣтъ учили вновь вступившихъ. Послѣ 30 лѣтъ весталки имѣли право вернуться въ частную жизнь и выйти замужъ, но рѣдко кто изъ нихъ этимъ правомъ пользовался (Thédenat, 317—319).

Стр. 56. Игрушки—Венерѣ приносили въ жертву дѣвушки, выходя замужъ.

Стр. 56. „Мы должны принести въ жертву Эскулапію пѣтуха". По разсказу Ксенофонта, то были послѣднія слова Сократа передъ смертью. Эскулапу приносили жертву выздоровѣвшіе отъ тяжелой болѣзни.

Стр. 57. Просерпина, обрѣзая волосъ... См. выше.

Стр. 57. Намія, Намія, Намія!—conclamatio, древній римскій обычай: когда кто-либо умиралъ, присутствующіе нѣсколько разъ восклицали его имя, чтобы убѣдиться, что его дѣйствительно нѣтъ въ живыхъ, закрывали ему глаза и уста и лишь послѣ того говорили ему послѣднее прости (extremum vale).

VI.

Стр. 58. Плакальщицы, praeficae, пѣвшія унылыя пѣсни (naeniae) въ честь умершаго, въ болѣе древнюю эпоху Рима были необходимыми участницами похороннаго шествія. Приблизительно послѣ эпохи Пуническихъ войнъ этотъ обычай сталъ исчезать. Въ IV в. выраженіе „плакальщица" было лишь условнымъ словомъ.

Стр. 58. Черезъ какого-то Іеронима. О. Никодимъ имѣлъ въ виду, конечно, бл. Іеронима (330—419), который въ эту эпоху былъ ближайшимъ совѣтникомъ папы Дамаса. Дамасъ, по утвержденію самого Іеронима, „говорилъ его словами".

Стр. 59. Тѣло было сожжено на кострѣ. См. ниже примѣчаніе къ словамъ погребальные обряды.

Стр. 59. Либитинаріи, libitinarii, — родъ нашего похороннаго бюро, состоявшаго при храмѣ Венеры Либитины. За опредѣленную плату либитинаріи принимали на себя всѣ хлопоты по похоронамъ, доставляли всѣ необходимые предметы (похоронное ложе, факелы и т. п.) и присылали рабовъ, выполнявшихъ все, что требовалось по обычаю: преконовъ, поллинкторовъ, веспиллоновъ, десигнаторовъ и др. (о нихъ см. ниже).

Стр. 59. Поллинкторъ, pollinctor,—рабъ, натиравшій тѣло умершаго масломъ и благовоніями.

Стр. 59. На пышно убранномъ ложѣ. Тѣло умершаго, натертое благовоніями (до нѣкоторой степени бальзамированное) и одѣтое въ лучшія одежды, выставлялось обычно въ атріи на особомъ ложѣ (lectus funebris),—ногами ко входу; на голову умершаго возлагали вѣнокъ; на тѣло и кругомъ него клались, какъ и у насъ, цвѣты. Въ комнатѣ на курильницахъ постоянно жгли ароматы. Въ вестибулѣ дома и передъ дверью вѣшали и разбрасывали сосновыя и кипарисовыя вѣтви, означавшія, что въ домѣ—покойникъ. Такое „выставленіе" тѣла умершаго (expositio) имѣло цѣлью—дать возможность попрощаться съ нимъ роднымъ и знакомымъ.

Стр. 60. Кресло консула. См. ниже примѣчаніе къ гл. VIII (къ словамъ принять и т. д.).

Стр. 61. Въ каменоломни ссылали въ наказаніе рабовъ (какъ на наши „каторжныя работы").

Стр. 61. „Будь жребій твой лучше!" Verg. Aen. VI, 545:

Melioribus utere fatis!

Стр. 61. Рабы ходили по Городу. Передъ похоронами особые глашатаи (praecones) приглашали, ходя по улицамъ, родственниковъ и знакомыхъ умершаго принять участіе въ проводахъ его.

Стр. 62. Префика — см. выше примѣчаніе къ слову плакальщицы.

Стр. 62. Десигнаторъ, designator, — вообще распорядитель; на похоронахъ,—лицо, завѣдующее всей церемоніей и особенно выносомъ тѣла изъ дома и шествіемъ къ погребальному костру или къ гробницѣ.

Стр. 62. Несли носилки... По римскому обычаю покойника слѣдовало непремѣнно къ мѣсту послѣдняго успокоенія нести на рукахъ (а не везти на лошадяхъ). Тѣло умершаго императора несли обычно сенаторы и высшіе магистраты; людей богатыхъ—родственники, кліенты, вольноотпущенники; бѣдныхъ людей—особые рабы, поставлявшіеся либитинаріями и называвшіеся веспиллоны (vespillones). Носилки, на которыхъ несли тѣло, назывались feretrum или (болѣе простыя) sandapila. Впрочемъ, въ позднѣйшую эпоху тѣло иногда и везли на особомъ катафалкѣ.

Стр. 62. Факелы и музыканты были обычными спутниками похороннаго шествія. Большею частью погребальная процессія открывалась флейтщиками, барабанщиками и трубачами. Въ позднѣйшую эпоху въ шествіи участвовали иногда актеры, распѣвавшіе речитативомъ соотвѣтствующія мѣста изъ поэтовъ. Музыка не всегда была печальной, но иногда, наоборотъ, веселой (особенно на похоронахъ лицъ молодыхъ или знатныхъ); актеры также примѣшивали иногда къ своей декламаціи комическіе жесты и разныя буффонады. За тѣломъ человѣка знатнаго несли восковыя маски (imagines) предковъ (обычно хранившіяся въ особыхъ армаріяхъ въ атріумѣ или развѣшанныя тамъ по стѣнамъ). Лица, сопровождавшія похоронное шествіе, облекались въ трауръ (черныя одежды, безъ украшеній и безъ должностныхъ знаковъ отличія); мужчины, между прочимъ, покрывали голову, а женщины шли съ непокрытой головой (что въ другихъ случаяхъ считалось для нихъ на улицѣ неумѣстнымъ).

Стр. 62. Семейныя гробницы, какъ извѣстно, были расположены вдоль большихъ дорогъ, ведшихъ изъ города. Для лицъ бѣдныхъ существовали общіе склепы, называвшіеся по своей формѣ columbaria (голубятни). Богатые люди строили такія columbaria для своихъ рабовъ.

Стр. 62. Ліея, освобождающаго... Lyaeus (т.-е. Бакхъ) значитъ „освободитель".

Стр. 63. Лахеса, Lachesis,—одна изъ парокъ.

Стр. 63. Кліо—муза исторіи.

Стр. 63. Погребальные обряды. Съ древнѣйшихъ временъ римляне пользовались и погребеніемъ тѣла покойника и сожженіемъ его на кострѣ. Уже въ законахъ XII таблицъ встрѣчаются оба термина: sepelire и urere. Къ концу республики, подъ греческимъ вліяніемъ, возобладалъ обычай сожженія на кострѣ (хотя, напр., родъ Корнеліевъ

продолжалъ упорно придерживаться погребенія). Съ эпохи Антониновъ вновь возобновляется обычай погребенія и въ IV в., не безъ вліянія христіанскихъ взглядовъ, становится господствующимъ. Древній обычай устраивать похороны ночью былъ возстановленъ Юліаномъ.

Стр. 63. Неніи — см. выше, примѣчаніе къ слову плакальщицы.

Стр. 63. Силицерній, silicernium,—похоронная трапеза, устраивавшаяся передъ самой гробницей, тотчасъ послѣ похоронъ.

Стр. 63. Bustum, rogus etc. Было нѣсколько способовъ устраивать погребальный костеръ. Bustum былъ костеръ, разложенный надъ выкопанной ямой, въ которую падали угли и прахъ покойника; rogus—костеръ, разложенный прямо на землѣ; pyra—болѣе высокій костеръ. Подобно этому было нѣсколько типовъ гробницъ. Tumulus, болѣе общее означеніе гробницы, состоялъ изъ зданія, заключающаго въ себѣ помѣщеніе для погребальныхъ урнъ и кончающагося пирамидой, конусомъ, круглой башней и т. д. Loculus называлась отдѣльная ниша въ общей гробницѣ, куда помѣщалось тѣло покойника, если его не сжигали. Conditorium былъ особый родъ tumulus'a; подземнымъ кондиторіемъ называлось строеніе, главную часть котораго составлялъ склепъ, гдѣ помѣщались тѣла покойниковъ (въ гробахъ или саркофагахъ), надземнымъ—строеніе для храненія урнъ съ пепломъ. Sarcophagus означалъ вообще каменную гробницу, въ которую полагали тѣло умершаго, обычно украшенную барельефами. Mausoleum называли особенно величественные tumulus'ы; cenotaphium—гробницу (или tumulus) пустую, поставленную въ память того умершаго, чье тѣло не сохранилось или не было найдено; cippus — невысокую (обычно четыреугольную) колонну, воздвигнутую на мѣстѣ погребенія. Sepulcrum называли преимущественно могилу въ нашемъ смыслѣ слова; puticulus—общую могилу для рабовъ.

Стр. 64. Битва у Трифана (между Синуэссой и Минтурнами) происходила въ 339 г. до Р. Х. Тибуръ, Пренестъ и нѣкоторые другіе латинскіе города должны были послѣ того уступить часть своихъ земель (одну треть) Риму. О подкупѣ народнаго трибуна Гая Бебія (Jugurtha C. Baebium tribunum plebis magna mercede parat... C. Baebius pecunia conruptus...) разсказываетъ Саллюстій (Sall. Belli Jugurth. XXXIII—XXXIV).

Стр. 65. Устринъ, ustrinum, — отдѣльное помѣщеніе для сжиганія тѣлъ, имѣвшееся при нѣкоторыхъ фамильныхъ гробницахъ. Тѣла бѣдняковъ сжигались на особо для этого назначенномъ участкѣ земли на Асквилинскомъ холмѣ.

Стр. 65. Отвративъ лицо, зажегъ и т. д. Погребальный костеръ обычно зажигалъ кто-либо изъ ближайшихъ родственниковъ покойнаго.

Стр. 69. Басилика святого Климента см. ниже примѣчаніе къ гл. VIII.

Стр. 69. Собирали прахъ въ урну. Прахъ, оставшійся послѣ сожженія тѣла, особымъ образомъ высушивали, иногда смѣшивали съ виномъ и благоуханіями, и лишь потомъ помѣщали въ погребальную урну (urna, olla ossuaria); имя покойнаго означалось или на самой урнѣ, или на той нишѣ въ склепѣ, куда урну помѣщали.

Стр. 70. Illicet, т.-е. „можете итти", отпускъ, который, по окончаніи обряда похоронъ, произносилъ жрецъ, окропивъ присутствующихъ очистительной водой.

Стр. 70. Произнести рѣчь. При похоронахъ лицъ выдающихся рѣчи обычно произносились на форумѣ, куда приносилось тѣло по пути къ гробницѣ. Въ IV в. этотъ обычай почти исчезъ.

Стр. 71. Дочь — Римъ. Roma по-латыни женскаго рода.

VII.

Стр. 72. „Велика сила привычки". Cic. Tusc. II, 17: „Consuetudinis magna vis est."

Стр. 73. Веститоръ, vestitor,—портной.

Стр. 73. Моріонъ, morio, — шутъ, постоянная роль на представленіяхъ мимовъ.

Стр. 73. Луцерна, lucerna,—лампа. Ціатъ—см. выше.

Стр. 74. Кокцина, coccina,—алое одѣяніе; гавсапа, gausapa,—косматая шерстяная матерія.

Стр. 75. Аргентаріи, argentarii, — банкиры. Система денежныхъ переводовъ на мѣстныхъ банкировъ существовала еще въ древнемъ Египтѣ и получила широкое развитіе въ эпоху имперіи.

Стр. 75. Аврей, aureus,—золотой; въ IV в.—солидъ.

Стр. 75. Внутреннее море, mare Internum, — Средиземное.

Стр. 75. Таберной называлась вообще всякая лавка; Помпоній имѣетъ въ виду свою контору аргентарія (taberna argentaria).

Стр. 75. Посѣщаю Янусъ. Разумѣется янусъ (арка, см. выше) близъ храма Кастора, гдѣ собиралась римская биржа.

Стр. 76. Кроталіи, crotalia,—серьги.

Стр. 77. Атріенсій, atriensis, — смотритель за атріемъ, рабъ — домоправитель.

Стр. 77. Клепсидра, clepsydra, — водяные часы. Клепсидры были извѣстны еще въ древнемъ Египтѣ. Въ древности славилась клепсидра при храмѣ Арсиноэ. Въ ней вода капала изъ глазъ статуетки, и съ повышеніемъ уровня воды другая статуетка подымалась и указывала часъ на колонкѣ, содержавшей опредѣленныя дѣленія; по прошествіи сутокъ

вода механически вытекала и вращала зубчатое колесо, а съ нимъ и всю колонку, подставляя указателю другія дѣленія (въ виду того, что продолжительность часовъ мѣнялась по временамъ года); полный оборотъ колонки происходилъ въ годъ. Въ Римѣ клепсидры появились во II в. до Р. Х.

Стр. 77. Армарій, armarium,—шкафъ.

Стр. 77. Тоги цвѣтныя вошли въ употребленіе лишь въ позднѣйшую эпоху имперіи.

Стр. 78. Квинарій, quinarius, — серебряная монета, полъ-денарія.

Стр. 78. Блюда были приготовлены такимъ образомъ... см. выше, примѣчаніе къ гл. III книги II. Ср. Petr. Sat. LXIX—LXX, гдѣ Тримальхіонъ такъ хвалитъ своего повара: „Volueris, de vulva faciet piscem, de ladro palumbum, de perna turturem, de coliphio gallinam".

Стр. 79. Ацетабулъ, acetabulum,—уксусница.

Стр. 79. Петавристарій, petauristarius, — гимнастъ, канатоходецъ.

Стр. 79. Sophos!—умно!

Стр. 80. Стихи ученика Сенеки, т.-е. Нерона. Светоній говоритъ объ нихъ: „carmina libenter ac sine labore composuit" (Suet. Nero, LII).

Стр. 81. Иные слоги могутъ быть либо долгими и т. д. См., напр., сочиненіе Maximi Victorini De ratione metrorum, segm. V, гдѣ говорится о первомъ слогѣ въ именахъ собственныхъ, если этотъ слогъ не дологъ по природѣ: „tales erunt syllabae, ut eas ponere volueris sive longas, sive breves." (Corpus grammaticorum lat., I).

Стр. 81. Соперничать съ Апулеемъ. У Апулея въ сочиненіи De Mundo (переводъ псевдо-аристотелева трактата) есть перечисленіе семи небесныхъ сферъ и семи планетъ: „Hic Phaenonis globus quem appellamus Saturnum; post quem Phaëthontis secundus est quem Iovem dicimus; et loco tertio Pyroeis quam multi Herculis plures Martis stellam vocant; hanc sequitur Stilbon cui quidam Apollinis caeteri Mercurii nomen dederunt; quintus Phosphorus, immo Veneris stella censetur; deinde Solis est orbis, et ultima omnium Luna."

Стр. 82. Если хочешь быть любимымъ, люби. Sen. Ep. IX, 4: „si vis amari ama".

Стр. 82. Грекулъ, graeculus,—насмѣшливое прозваніе грековъ.

Стр. 82. Римляне носятъ право на оконечности мечей — слова, приписываемыя историками не римлянину, но бренну—предводителю галловъ, сжегшихъ Римъ.

Стр. 83. Мнемонъ, μνήμων,—предсѣдатель пира.

Стр. 85. Вино возжигаетъ гнѣвъ. Sen. De ira, II, 19: „vinum incendit iram".

Стр. 85. „Въ навозной кучѣ" и т. д. Phaedr. III, 12:

In sterquilinio pullus gallinaceus,
Dum quaerit escam, margaritam repperit.

VIII.

Стр. 87. Принять подобно консулу honorem sine labore. Послѣ реформъ Діоклеціана рядомъ съ новой бюрократіей продолжала существовать старая магистратура. Избирались квесторы (какъ чисто городская, римская должность), назначались сенатомъ преторы, даже сохранялся институтъ народныхъ трибуновъ, явно утратившій всякое значеніе. Наконецъ, неукоснительно императоромъ ежегодно назначались два (иногда больше) консула, именами которыхъ помѣчались правительственные акты того года. Сенату, квесторамъ, преторамъ, народнымъ трибунамъ еще были предоставлены кое-какія, хотя и очень ограниченныя права. Званіе консула было исключительно почетное. „Въ консулатѣ,—говоритъ писатель Мамертинъ (IV в.),—почетъ пріемлется при отсутствіи какого бы то ни было труда,—in consulatu honos sine labore suscipitur" (XII Paneg. XI, 2). 1 января новые консулы, облеченные въ торжественныя, вышитыя золотомъ тоги (trabea), съ пурпурной каймой, держа въ рукѣ жезлъ изъ слоновой кости, выходили въ сопровожденіи ликторовъ на форумъ. Тамъ консулы совершали различные религіозные (чисто „языческіе") обряды и садились на курульныя кресла. Затѣмъ остальное время года консуламъ не оставалось ничего дѣлать. (B. P., 31, со ссылками на Momms. Römisches Staatsrecht, Claud. Elogia Stilich. etc.).

Стр. 88. „Среди людей всѣхъ искреннѣе..." Plin. Epist. II, 3: „scholiasticus est, quo genere hominum nihil aut sincerius, aut simplicius, aut melius."

Стр. 88. Либаній, Libanius (314 — 393) — знаменитый реторъ и писатель, другъ Юліана.

Стр. 88. Отъ нея легокъ переходъ и т. д. Sen. Contr. II, praef.: „facilis ab hac (ab eloquentia) ad omnes artes discursus."

Стр. 88. Реторика — царица вещей. Quint. I, 12: „regina rerum oratio". Реторика—доблесть. Ib. II, 20. (G. Boissier, I, livre II, ch. 2).

Стр. 88. Литература — высшая изъ доблестей. Cod. Theod. XIV, tit. I, 1: „litteratura quae omnium virtutum maxima est." Cf. XII Paneg. IV, 8: „litteras omnium fundamenta esse virtutum."

Стр. 89. Лименій заставлялъ учениковъ и т. д. Пріемы Лименія были общераспространенными въ школахъ реторовъ (см. G. Boissier, R. Pichon, B. P. etc.).

Стр. 90. Общество „Совы". См. выше, примѣчаніе къ гл. XII книги I (къ словамъ общество „Пловцовъ").

Стр. 90. Procul negotiis — вдали отъ заботъ. Hor. Ep. I, 2.

Стр. 93. Аквитанія см. выше, примѣчаніе къ гл. I книги I. Новемпопулана — провинція Віенненской діецесы, примыкавшая къ Пиринеямъ.

Стр. 93. Недавно отстроенной христіанской базилики. Рѣчь идетъ о базиликѣ св. Климента, упоминаемой бл. Іеронимомъ. Она была расположена между Латераномъ и Колисеемъ и построена на разрушенномъ святилищѣ Митры. Нынѣ стоящая на томъ же мѣстѣ церковь св. Климента построена въ XI в. (Грегоровіусъ, I, 86).

Стр. 94. Самъ Іеронимъ см. выше, примѣчаніе къ гл. VI.

Стр. 95. Этотъ евангелистъ... Намекъ на апокрифическое евангеліе Никодима, весьма распространенное на Западѣ (русскій переводъ: Вега „Книга Никодима", Спб. 1912).

Стр. 95. Пессинъ, Pessinus (Πεσσινοῦς),—городъ въ Малой Азіи.

Стр. 96. Ученіе евсевіанъ, или полуаріанъ, было основано Евсевіемъ Никомедійскимъ, который, получивъ санъ патріарха Константинопольскаго, добился, чтобы Антіохійскій соборъ 341 г. принялъ догматъ о подобосущіи Сына Отцу. Евсевіане въ тѣ годы, о которыхъ говоритъ, о. Николай не подвергались особымъ преслѣдованіямъ, такъ какъ на Востокѣ императоры покровительствовали аріанству.

Стр. 96. Работалъ въ мастерскихъ ткацкихъ и золотошвейныхъ, былъ башмачникомъ и золотыхъ дѣлъ мастеромъ, одно время пастухомъ. Все это были наиболѣе распространенные промыслы въ Малой Азіи того времени. Мы знаемъ, напр., о едва не вспыхнувшемъ мятежѣ въ Эфесѣ въ средѣ золотыхъ дѣлъ мастеровъ; намъ извѣстны названія двухъ кварталовъ (изъ общаго числа семи) въ Филадельфіи,—кварталы ткачей и башмачниковъ; галатская (т.-е. „ангорская") шерсть славилась по всей имперіи, и т. д. (Моммсенъ, V, 323—324).

Стр. 96. Валентиніане — гностическая секта, основанная во II в. Валентиномъ Александрійскимъ; позднѣе она раздѣлилась на двѣ школы — восточную и италійскую и въ IV в. еще существовала. Манихеи — секта, тоже родственная гностикамъ, основанная въ III в. персидскимъ магомъ Мани; манихейство исчезло лишь въ VI в. Донатисты — секта, возникшая въ IV в., послѣ избранія въ 311 г. карѳагенскимъ епископомъ Цециліана, которому приверженцы суровыхъ правилъ противопоставили епископа Доната; только свою „церковь святыхъ" донатисты считали истинно-христіанской церковью, требовали новаго крещенія отъ вступающихъ въ ихъ общину и во все продолженіе IV в. упорно боролись противъ правительства и господствующаго ученія. (O. Seeck, III).

Стр. 96. Иконій, Iconium (Ἰκόνιον)—городъ въ Малой Азіи.

Стр. 98. Аѳанасій (Великій) — извѣстный отецъ Церкви (298—373); Мани и Донатъ—основатели сектъ (см. выше).

Стр. 99. Статоръ, Stator, — установитель, учредитель, — обычное названіе Юпитера.

IX.

Стр. 102. Лысымъ прелюбодѣемъ былъ названъ Цезарь въ сатурническихъ стихахъ, которые, по словамъ Светонія, распѣвали солдаты во время галльскаго тріумфа (Suet. Divus Iulius, LI):

Urbani, servate uxores, moechum calvom adducimus.
Aurum in Gallia effutuisti, hic sumpsisti mutuum.

Стр. 102. Гераклейскій камень, lapis Heracleus, — магнитъ.

Стр. 102. Флавіанъ, Virius Nicomachus Flavianus (334 — 394) см. выше, примѣчанія къ книгѣ I. — Г. Буасье называетъ его истинной главою языческой партіи въ Римѣ, но говоритъ, что „Флавіанъ былъ скорѣе суевѣренъ, чѣмъ благочестивъ". Позднѣе ему суждено было сыграть очень видную роль въ борьбѣ съ христіанствомъ. До насъ дошли двѣ надписи, посвященныя Флавіану, подробно перечисляющія должности, которыя онъ занималъ. Начало одной изъ нихъ, открытой на форумѣ Траяна, гласитъ: „Nicomacho Flaviano, consulari Siciliae, vicario Africae, quaestori aulae divi Theodosi, praefecto praetorio Italiae Illyrici et Africae iterum". Другая, найденная близъ мѣста, гдѣ стоялъ на Целіи домъ Симмаха, добавляетъ еще: „viro clarissimo, pontifici maiori, consuli ordinario, historico dissertissimo". (Symm., CXII).

Стр. 103. Пієриды, pierides,—музы.

Стр. 104. Festina lente — поспѣшай потихоньку, „тише ѣдешь, дальше будешь",—поговорка Августа, сохраненная намъ Авломъ Гелліемъ, который приводитъ ее по-гречески: Ἔπεσθε βραδέως. (Aul. Gell. X, 11).

Стр. 105. Холодная зима и запоздавшая весна. Дѣйствительно въ 383 г. почти во всей имперіи былъ неурожай; не хватало хлѣба для Италіи и въ Римѣ голодали. Сторонники язычества указывали на это, какъ на явный гнѣвъ боговъ за оскорбленіе святыни. (Symm. Rel. III; G. Boissier, II, 273; De Broglie, VI, 42).

Стр. 105. О Максимѣ см. выше, примѣчанія къ гл. V.

Стр. 106. Moriamur!—умремъ!

Стр. 106. „Тотъ царь, кого не страшитъ ничто". Sen. Thiest., 388:

Rex est qui metuit nihil.

Стр. 106. „Слова не прибавляютъ храбрости". Sall. Cat. LVIII: „verba virtutem non addere (conpertum habeo)", — изъ рѣчи Катилины къ войску.

Стр. 106. „Не всегда отвага бываетъ счастливой." Liv. XXVIII, 42: „non semper temeritas est felix."

Стр. 106. „Non liquet"—„неясно", выраженіе, которое обозначали судьи буквами N L на табличкахъ при голосованіи, если не находили возможнымъ написать ни A (absolvo—оправдываю), ни C (condemno—осуждаю), т.-е. желали воздержаться отъ голосованія.

Стр. 107. Распредѣленіе должностей. Въ слѣдующемъ, 384 году Симмахъ былъ назначенъ префектомъ Города, Флавіанъ префектомъ преторіи Италіи, Претекстатъ — консуломъ (consul designatus). Діецеса Віенненская составляла часть префектуры Галлій, Африканская—Италій.

Стр. 107. Перворожденная дочь Юпитера—богиня Фортуна, primigenia, которую обычно изображали въ видѣ одѣтой женщины, опирающейся одною рукою на руль, а другой—держащей рогъ изобилія, иногда—стоящей на шарѣ. Культъ Фортуны — одинъ изъ самыхъ старыхъ, заимствованныхъ Римомъ культовъ италійскаго происхожденія (di novensidenses.)

Стр. 107. Заставилъ вмѣсто себя поститься другого. Symm. II, 53, письмо Flaviano fratri: „sed memento exacti feriis participes facere luxuriae tuae, quos tantopere laborasti consortes habere ieiunii".

Стр. 108. „Назначьте меня римскимъ епископомъ, и я тотчасъ сдѣлаюсь христіаниномъ". G. Boissier, II, 263, со ссылкой на бл. Іеронима (Contra Ioann. Hieros).

Стр. 109. Моѳонъ, μοῦθος, — рабъ, воспитанный въ домѣ своего господина (а не купленный со стороны).

Стр. 109. Императорскіе декреты. Адріанъ воспретилъ, подъ страхомъ уголовнаго наказанія, самовольное убійство рабовъ господиномъ, заключеніе ихъ въ тюрьмы (ergastula), продажу для проституціи и гладіаторскихъ игръ. Антонинъ предписалъ за убійство раба подвергать господина наказанію по lex Cornelia de sicariis. Константинъ В. приравнялъ умышленное убійство раба къ убійству свободнаго человѣка.

Стр. 110. Мудрый Катонъ, дѣйствительно, совѣтуетъ продавать „старыхъ быковъ, больной скотъ, хворыхъ овецъ, старыя повозки, желѣзный ломъ, стараго раба, больного раба и вообще все ненужное". Въ старинномъ римскомъ правѣ рабъ вполнѣ былъ приравненъ къ вещи (res mancipi), поставленъ наравнѣ съ землей, лошадьми, быками (servi pro nullis habentur, — говорили римляне). Законъ Аквилія не дѣлалъ разницы между нанесеніемъ раны домашнему животному и рабу. Ведій Полліонъ, страстный охотникъ до морскихъ муренъ, когда рабу

случалось чѣмъ-либо провиниться передъ нимъ, бросалъ его въ садокъ съ рыбами.

Стр. 111. Титъ Манлій Торкватъ казнилъ собственнаго сына... Эпизодъ этотъ римскіе историки относили къ 340 г. до Р. Х.

Стр. 112. „Отвага рѣдкимъ въ пользу" и т. д. Phaedr. V, 4:

Paucis temeritas est bono, multis malo.

Стр. 113. О Месѣ и Мамеѣ см. выше, примѣчаніе къ гл. XII книги II.

Стр. 115. „Проблистала розовой шеей". Verg. Aen. I, 402:

rosea cervice refulsit.

X.

Стр. 117. Большой Циркъ, Circus Maximus, древнее зданіе, много разъ перестраивавшееся, между прочимъ Траяномъ и Домиціаномъ.

Стр. 117. Авенцій, Aventius, былъ префектомъ Города въ 383 г., послѣ Басса (Bassus) и передъ Симмахомъ. (Symm. CXCVIII). Авенцій открыто держался старой религіи, но нѣкоторые считали его тайнымъ христіаниномъ.

Стр. 117. Бой гладіаторовъ. См. выше, примѣчаніе къ гл. VI книги I. Что гладіаторы существовали въ эту эпоху, видимъ изъ закона 367 г., воспрещающаго присуждать христіанъ въ гладіаторскія школы (Cod. Theod. IX, tit. XL, 8): „Quicunque Christianus sit in quolibet crimine deprehensus ludo non adiudicetur". Въ Римѣ гладіаторскія игры окончательно были запрещены Гонаріемъ (Ю. Кулаковскій, 69, со ссылкой на Theodoret. V, 26).

Стр. 118. Префектъ не пожалѣлъ денегъ. Позднѣе, когда игры устраивалъ Симмахъ, онъ тоже всячески старался поразить римлянъ роскошью, выписывалъ львовъ, медвѣдей, шотландскихъ собакъ (canes scotici), крокодиловъ, искалъ безстрашныхъ охотниковъ, умѣлыхъ наѣздниковъ, опытныхъ актеровъ. Symm. IV, 58, 59, 63, 72; V, 59; IX, 12. (G. Boissier, II, 172).

Стр. 118. Квадрига, quadriga,—колесница, запряженная четверней; агитаторъ, agitator,—возничій, наѣздникъ.

Стр. 118. Орнатрица, ornatrix, — рабыня, назначеніе которой было—причесывать свою госпожу; цинерарій, cinerarius,—рабъ, помогавшій орнатрицѣ (нагрѣвавшій щипцы и т. под.).

Стр. 119. Каламистръ, calamistrum, — приборъ для завивки волосъ; тутулъ, tutulus,—особая форма прически; криналы, crinales,—

шпильки; цинцинны, cincinnus,—фальшивые локоны; фронтале, frontale, — украшеніе для головы, вродѣ высокаго гребня; ампулла, ampulla,—круглый сосудъ съ узкимъ горлышкомъ для туалетнаго масла; унгвентарій, unguentarium,—флаконъ для духовъ; алуты—туфли, сдѣланныя изъ особо-размягченной кожи, называвшейся тоже aluta; фибула, fibula,—родъ аграфа, служившаго и брошью.

Стр. 120. Браккарій, braccarius,—первоначально означало портного, шившаго braca (панталоны, штаны, носить которые въ Римѣ начали не раньше II в. по Р. Х.), потомъ—вообще портного и даже портного моднаго.

Стр. 121. Картина, нарисованная сатирикомъ. Mart. De Spect. III:

Quae tam seposita est, quae gens tam barbara, Caesar,
Ex qua spectator non sit in urbe tua?
Venit ab Orpheo cultor Rhodopeius Haemo,
Venit et epoto Sarmata pastus equo;
Et qui prima bibit deprensi flumina Nili,
Et quem supremae Tethyos unda ferit,
Festinavit Arabs, festinavere Sabaei,
Et Cilices nimbis hic maduere suis.
Crinibus in nodum tortis venere Sicambri,
Atque aliter tortis crinibus Aetiopes.
Vox diversa sonat...

Стр. 122. Молитву дочери Аппія Слѣпого. Aul. Gell. X, 6. Анекдотъ относится къ пораженію римскаго флота при Дрепанѣ, въ 249 г. до Р. Х. (первая Пуническая война).

Стр. 122. Тессера, tessera, — см. выше, примѣчаніе къ книгѣ I. Здѣсь—входный билетъ (бронзовый или свинцовый).

Стр. 122. Десигнаторъ см. выше, примѣчаніе къ гл. VI. Здѣсь—распорядитель, старшій капельдинеръ.

Стр. 123. Вомиторіи, vomitoria, — входы въ циркъ; меніаны, maeniana, — ярусы, на которые дѣлились мѣста для зрителей; подій, podium,—стѣна, отдѣлявшая арену отъ зрителей; кунеи, cunei,—клины, на которые дѣлились мѣста для зрителей продольными проходами; первая мета, meta prima, — призовой столбъ на аренѣ, заканчивавшій спину (spina),—невысокую стѣну, перегораживавшую арену вдоль на двѣ половины; городокъ, oppidum,—строеніе, гдѣ помѣщались службы цирка; кавеи, caveae, — самыя скамьи для зрителей. Устройство римскаго цирка, въ своихъ главныхъ чертахъ (съ отсутствіемъ спины), сохранилось въ современныхъ испанскихъ аренахъ для „боя быковъ“.

Стр. 123. Поэта воскликнуть... Mart. De Spect. I:

Barbara Pyramidum sileat miracula Memphis;
Assiduusque iacet nec Babylona labor;
Nec Triviae templo molles laudentur Iones;
Dissimuletque deum cornibus ara frequens.
Aere nec vacuo pendentia Mausolea
Laudibus immodicis Cares in astra ferant.

Стр. 123. Стихъ Насона. Ov. Art. Am. I, 140:

Iunge tuum lateri qua potes usque latus.

Стр. 124. Ряды, гдѣ находился я. Нижній ярусъ скамей въ циркѣ былъ назначенъ для сенаторовъ; второй—для всадниковъ.

Стр. 124. Ворота помпы, porta pompae,—ворота въ „городкѣ", изъ которыхъ выходило шествіе участниковъ игръ, называвшееся pompa.

Стр. 124. Энаторы, aenatores,—музыканты, игравшіе на мѣдныхъ инструментахъ; туба, tuba, и букцина, buccina,—различные роды мѣдныхъ трубъ.

Стр. 124. Одѣтые въ цвѣта своей партіи. Первоначально поставка лошадей и возницъ сдавалась магистратами на откупъ. Позднѣе возникли два предпріятія, можетъ быть субсидируемыя правительствомъ, которыя содержали конюшни съ лошадями для бѣговъ, персоналъ возницъ, школы для нихъ и т. д. Эти предпріятія назывались factiones и различались между собою цвѣтами, въ которыя одѣвали наѣздниковъ: красная (russata) и бѣлая (albata). Въ эпоху Калигулы впервые упоминаются зеленые (prasina), при Вителіи—синіе (veneta); еще позже: пурпуровые (purpureus pannus) и золотые (auratus pannus). Въ концѣ III в. бѣлые соединились съ зелеными, а красные съ синими. Извѣстно, какое значеніе пріобрѣли партіи ипподрома въ Константинополѣ. Торжественное шествіе участниковъ состязанія передъ его началомъ (pompa) было пережиткомъ того времени, когда бѣга колесницъ составляли часть религіозно-политическихъ торжествъ. Дававшій игры магистратъ шелъ (или ѣхалъ) впередъ шествія въ тріумфальной одеждѣ, держа въ рукѣ скипетръ, украшенный орломъ; въ прежнія времена сзади него шелъ вѣнчавшій его золотымъ дубовымъ вѣнкомъ общественный рабъ. Впереди играла музыка; магистрата окружали его дѣти, друзья, кліенты; за нимъ несли статуи боговъ. (М. Ростовцевъ, въ Э. С.; Ю. Кулаковскій, I, 67).

Стр. 124. Петавристаріи см. выше, примѣчаніе къ гл. VII.

Стр. 124. Фуналы, funales,—лѣвыя пристяжныя.

Стр. 125. Маппа, mappa,—платокъ, бросая который на арену, подавали знакъ къ началу игръ въ циркѣ.

Стр. 125. Словно рядъ чудесъ. Ср. описаніе игръ амфитеатра, сдѣланное Клавдіаномъ (Claud., XVII Paneg., 290, sqq):

Tu iuga Taygeti frondosaque Maenala, Clio,
I Triviae supplex; non aspernata rogantem
Amphitheatrali faveat Latonia pompae.
Audaces legat ipsa viros, qui colla ferarum
Arte ligent certoque premant venabula nisu...
Conveniant ursi, magna quos mole ruentes
Torva Lycaoniis Helice miretur ab astris,
Perfossique rudant populo pallente leones..,
Obvia fulminei properant ad vulnera pardi...
Nec molles egeant nostra dulcedine ludi:
Qui laetis risum salibus movisse facetus,
Qui nutu manibusque loquax, cui tibia flatu,
Cui plectro pulsanda chelys, qui pulpita socco
Personat aut alte graditur maiore cothurno...
etc.

Стр. 126. Трабея, trabea,—парадная тога; трабеей называли также консульскую тогу.

Стр. 126. Крепитакулъ, crepitaculum,—музыкальный инструментъ, вродѣ погремушки, въ которомъ бренчали бубенчики (иногда серебряные и золотые).

Стр. 126. Заклады были широко развиты на состязаніяхъ колесницъ. Существовали профессіональные букмэкеры, принимавшіе заклады на опредѣленныхъ условіяхъ.

Стр. 126. Трига, triga,—тройка.

Стр. 129. Триптолемъ, по миѳу, получилъ въ подарокъ отъ Деметры запряженную драконами крылатую колесницу.

Стр. 129. Лошади, снискавшія всесвѣтную славу. Всѣ знали знаменитыхъ лѣвыхъ пристяжныхъ (funales), побѣждавшихъ по сотнѣ разъ. Испанія, Африка, Италія, Греція, Каппадокія конкурировали высотою крови и скаковыхъ качествъ своихъ конскихъ заводовъ. Каждая лошадь имѣла свое имя и свою генеалогію; сотни именъ переданы намъ разнообразными памятниками. (М. Ростовцевъ). См., напр., описаніе мозаикъ въ термахъ при домѣ Помпеана (Pompeanus), развалины которыхъ открыты близъ Константины (въ Африкѣ). Мозаика изображаетъ между прочимъ конюшни хозяина и портреты его лучшихъ лошадей, имена которыхъ подписаны: Delicatus, Pullentianus, Titas, Scholasticus. Къ изображеніямъ нѣкоторыхъ лошадей присоединены ихъ характеристики. О конѣ, названномъ Altus, говорится: „unus es et mons exultas"; о другомъ: „vincas, non vincas, te amamus, Polidoxe". (G. Bois-

sier, „L'Afrique Romaine", IV, 1). Воспроизведеніе этой мозаики см. у Duruy, VII.

Стр. 129. Наѣздники, имена которыхъ... и т. д. Искусные наѣздники составляли себѣ колоссальныя состоянія изъ призовъ и особой платы отъ партій. Имена ихъ гремѣли повсюду; всѣ знали Скорпа или Діоклета, и рядъ надписей подробно разсказываетъ намъ ихъ цирковую карьеру. (М. Ростовцевъ).

Стр. 129. Огибая обѣ меты. Бѣгъ начинался направо отъ меты и кончался у мѣста на противоположной сторонѣ, отмѣченнаго бѣлой линіей, послѣ семикратнаго обѣга spinae. (М. Ростовцевъ).

Стр. 129. Наѣздникъ взмахнулъ лѣвой рукой. Самый костюмъ возницъ указывалъ на опасность ихъ профессіи. Поверхъ короткой туники они были обмотаны ремнями, на головѣ носили гладкую кожаную шапку, ноги вплоть до сандалій также обвернуты были ремнями, все это — чтобы защитить по возможности тѣло отъ ударовъ и чтобы не имѣть такой одежды, которая могла бы за что-нибудь зацѣпиться. Вожжи привязаны были къ поясницѣ, чтобы можно было править одной рукой, а въ другой держать бичъ; у пояса висѣлъ кривой ножъ, для отрѣзыванія вожжей въ случаѣ паденія. (М. Ростовцевъ).

Стр. 130. Десульторъ, desultor,—вольтижеръ на лошади.

Стр. 132. Балтеи, baltei,—невысокія стѣны между круговыми проходами, раздѣлявшими ярусы; эти проходы назывались прецинкціоны, praecinctiones.

Стр. 133. Представленіе окончилось изображеніемъ пожара. Claud., XVII Paneg., 330:

Fida per innocuas errent incendia turres.

XI.

Стр. 134. О Ѳіестѣ см. выше.

Стр. 134. Криналь, crinalis,—шпилька.

Стр. 135. Амбросій, котораго Авенцій очень уважалъ. См. De Broglie, VI, 43.

Стр. 135. Пребываніе Амбросія въ Римѣ (на Римскомъ соборѣ 382 г.) соединено съ цѣлымъ рядомъ легендъ, сохраненныхъ въ житіи св. Амбросія, S. Ambr. Vita, p. 43, гдѣ пересказываются всѣ тѣ чудеса, о которыхъ говоритъ о. Никодимъ. (De Broglie, VI, 41).

Стр. 139. Карія—провинція Асіанской діецесы.

Стр. 140. Изреченія мудреца. Sen. De prov. III, 1; V, 8; IV, 6: „Potest (bonus vir) miser dici non potest esse".—„Ignis aurum probat miseria fortes viros".—„Calamitas virtutis occasio est."

Стр. 141. Стихи Катулла. Cat. V, 5—6:

Nobis cum semel occidit brevis lux,
Nox est perpetua una dormiendum

Стр. 141. Мысль Эврипида. Eurip. ap. Cic. Tusc. III, 25:

Reddenda terrae est terra.

Стр. 142. Термы Каракаллы славились своей роскошью. Извѣстно, что именно въ ихъ развалинахъ были открыты статуи Геркулеса Фарнезскаго, Фарнезскаго быка, Флоры, группа Цета и Амфіона и друг.

Стр. 142. Императоръ Маркъ, т.-е. Маркъ Аврелій.

Стр. 142. Отдѣльное помѣщеніе см. выше, примѣчаніе къ гл. XVII книги I.

Стр. 142. Регіоны, regiones,—части, на которыя былъ раздѣленъ Римъ. Въ каждой части былъ врачъ, состоявшій на службѣ у города.

Стр. 143. По древнему праву. Извѣстно, что въ древнѣйшемъ Римѣ жена переходила вполнѣ во власть (in manu) мужа. За нарушеніе супружеской вѣрности мужъ могъ безнаказанно убить свою жену.

Стр. 143. Изображенія предковъ, imagines maiorum,—восковыя маски, сохранявшіяся въ атріи родовитыхъ семействъ.

Стр. 144. Лишенный огня и воды—старинная формула, осуждавшая на изгнаніе: aqua et igni interdicere.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

I—II.

Стр. 149. Карръ, carrus,—родъ телѣги; о карпентѣ см. выше.

Стр. 149. Веземъ всевозможные припасы. То былъ обычный способъ путешествія лицъ богатыхъ (см. E. Speck, III § 965).

Стр. 149. Ковинъ, covinus,—дорожный экипажъ, въ которомъ путешественникъ самъ управлялъ лошадью.

Стр. 149. Пенула, paenula, — мантія безъ рукавовъ, дѣлавшаяся обычно изъ шерстяной матеріи (рѣже—кожаная) и часто снабженная капюшономъ (cucullus, кукуллъ).

Стр. 150. Не вся ли Гесперія знаетъ Гесперію? Hesperia, у поэтовъ,—Италія.

Стр. 151. Въ Умбріи. Въ IV в. Тусція и Умбрія были соединены въ одну провинцію.

Стр. 151. Въ пышныхъ покояхъ виллы. Виллы въ провинціяхъ устраивались не съ меньшей, если не большей роскошью, чѣмъ дома въ Римѣ. См., напр., описаніе виллы у Сидонія Аполлинарія и мн. др. Во многихъ виллахъ были домашніе театры. (E. Speck, III, § 863).

Стр. 151. „Прометей освобожденный" (Προμηθεὺς λυόμενος) Эсхила не дошелъ до насъ полностью ни въ оригиналѣ, ни въ латинскомъ переводѣ. Среди сохранившихся отрывковъ извѣстенъ одинъ въ латинскомъ переводѣ Цицерона (Cic. Tusc. II, 10).

Стр. 153. Общая Эринія. Verg. Aen. II, 573:

communis Erinys.

Стр. 154. Пресидъ, praeses,—общее названіе начальниковъ провинцій.

Стр. 154. Римскій тріумвиръ, т.-е. Антоній.

Стр. 155. Граціанъ получилъ извѣстіе о возстаніи Максима не въ Медіоланѣ, а въ Парисіяхъ (Парижѣ), куда онъ переѣхалъ весной 382 г.

Стр. 155. Табелларіи, tabellarii,—родъ почтальоновъ, однако не состоявшихъ на государственной службѣ.

Стр. 155. Предвидѣвшійся неурожай см. выше, примѣчаніе къ гл. IX книги III. Волненіе народа по поводу дороговизны побудило сенатъ изгнать изъ Рима иностранцевъ, за исключеніемъ актеровъ и другихъ лицъ, профессіей которыхъ было увеселеніе жителей. Авенцій собралъ наиболѣе богатыхъ гражданъ города и убѣдилъ ихъ добиться отмѣны постановленія. Эту исторію разсказываетъ Амбросій: S. Amb. De Off. min., III, 7. (De Broglie, VI, 43—44).

Стр. 156. Пентадій, Pentadius, нотарій, потомъ магистръ оффицій при Юліанѣ, нѣсколько разъ упоминается Амміаномъ Марцеллиномъ, который называетъ его vir gravis (Amm. Marc. XX, 8).

Стр. 157. Отмѣнилъ законы Авсонія. Это—не вѣрно. Граціанъ не отмѣнялъ законовъ о школахъ реторовъ, которые были имъ изданы подъ вліяніемъ Авсонія (см. примѣчанія къ книгѣ I), но дѣйствительно измѣнилъ все направленіе своей политики. (В. Р., 32—33).

Стр. 157. Такъ и съ Амбросіемъ. Анекдотъ о столкновеніи Амбросія съ Македоніемъ разсказанъ въ житіи св. Амбросія, Vita a Paul. script., p. 10 (De Broglie, VI, 45—46).

Стр. 159. Когорта, cohors,—десятая часть легіона.

Стр. 159. Ларій, Larius,—нынѣ озеро Комо.

Стр. 159. Префекта съ полнымъ легіономъ. Въ позднѣйшую эпоху командующій легіономъ назывался praefectus. Численность легіона въ IV в. опредѣляется различно; во всякомъ случаѣ она была значительно ниже, чѣмъ его численность въ предыдущія эпохи (до 6.000 человѣкъ). Ю. Кулаковскій считаетъ, что составъ тогдашнихъ пѣхотныхъ частей не превосходилъ одной тысячи человѣкъ. (Ю. Кулаковскій, I, 82).

Стр. 161. Герса, Herse, — дочь Кекропса, возлюбленная Меркурія.

Стр. 163. Меркурій, быстрый посолъ,—ἀργειφόντης.

Стр. 163. Нундина, nundina,—девятый день, когда, по старинному обычаю, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ бывали базары.

Стр. 163. Генава, Genava,—Женева.

Стр. 164. „Учись умирать". Luc. V, 364: „Disce mori".

Стр. 164. Четвертая стража ночи начиналась подъ утро.

III—IV.

Стр. 166. Деверсорій—загородный трактиръ, см. выше.

Стр. 168. Стабула, stabula, — маленькая станція на проѣзжей дорогѣ, см. выше.

Стр. 168. Комацей, Comacaeus (Comacinus),—другое, болѣе позднее, названіе озера Комо. (Egli).

Стр. 168. Отецъ боговъ и царь людей—Юпитеръ.

Стр. 168. Значекъ между преторіемъ и трибуналомъ. Римскій лагерь всегда устраивался по опредѣленному плану. Онъ дѣлился на четыре части двумя проходами, пересѣкавшимися подъ прямымъ угломъ (via principalis, via praetoria). На ихъ пересѣченіи стояло помѣщеніе (палатка) начальника легіона, преторій (praetorium) и трибуналъ (tribunal), съ котораго начальникъ держалъ свои рѣчи къ войску. Между ними ставился значекъ легіона (signum), наверху съ орломъ, крестомъ или изображеніемъ императора. Каждый легіонъ имѣлъ свой отличительный значекъ.

Стр. 170. „Дерзающимъ помогаетъ Фортуна". Verg. Aen. X, 284:

Audentis Fortuna iuvat.

Стр. 175. Рація, Raetia, — провинція, обнимавшая центральные Альпы.

Стр. 176. Гистріонъ, histrio,—актеръ.

Стр. 177. Какъ протекающая вода... Здѣсь, какъ раньше и дальше,—въ рѣчахъ Реи намеки на различные тексты Псалмовъ. Напр., пс. LVII, 8; X, 6; LXXIV, 11, и др.

Стр. 181. Полный сенатъ, Senatus plenus, т.-е. его пленарное засѣданіе.

Стр. 182. Баллиста было общимъ названіемъ для метательнаго снаряда (артиллерійскаго).

Стр. 182. Отъ отца къ сыну переходитъ ремесло воина. Въ IV в. какъ извѣстно, рядъ законовъ утвердилъ потомственное прикрѣпленіе людей къ ихъ должностямъ. Кромѣ того ряды римскаго войска въ эту эпоху пополнялись преимущественно изъ тѣхъ варварскихъ племенъ, гдѣ военное дѣло было занятіемъ наслѣдственнымъ.

Стр. 183. Наколѣнники, ocrea, покрывали низъ ноги и колѣно; они дѣлались изъ металла и поддерживались ремнями.

Стр. 187. Какъ въ древней Спартѣ... Намекъ на ευσταθία.

Стр. 187. Вспомни Великаго Александра... Этотъ извѣстный анекдотъ разсказанъ у Арріана (Arr. Epx. VI, 26), который добавляетъ: „Τοῦτο ἐγώ, εἴπερ τι ἄλλο, τὸ ἔργον εἰς καρτερίαν τε καὶ ἅμα στρατηγίαν ἐπαινῶ Ἀλεξάνδρου".

Стр. 188. Ita—такъ, да.

Стр. 188. Такъ какъ я не купался въ Эвротѣ... Намекъ на извѣстный анекдотъ объ отвѣтѣ спартанца Діонисію.

Стр. 189. Тіарой, tiara, римляне называли вообще восточные головные уборы.

Стр. 189. „Да не смущается сердце ваше". Въ Рѣчи Реи рядъ текстовъ изъ Библіи. Напр., отъ Іоанн. XIV, 1, 6; къ Римл. VIII, 1; 2 къ Коринѳ. III, 17, и др.

V—VI.

Стр. 193. Ицелонъ и Фантасъ—боги сна. Ov. Met. XI, 640—642:

Hunc Icelon superi, mortale Phobetora vulgus
Nominat. Est etiam diversae tertius artis
Phantasos...

Первый—Morpheus.

Стр. 194. Клянусь звѣздами, per sidera testor, — выраженіе поэтическое, а не разговорное.

Стр. 195. Юношу, болѣе прекраснаго, чѣмъ звѣзда. Намекъ на стихъ Горація (Hor. Carm. III, 9):

Quamquam sidere pulcrior
Ille est...

Стр. 196. Нитокрида Египетская, Νιτωκρις, — послѣдняя царица VI династіи, упоминаемая Геродотомъ (Her. II, 100, 134) и отожествляемая съ знаменитой Родопой (Rodopis). Новыя изслѣдованія установили ея точное имя Нитакри.

Стр. 197. Реты, raeti,—жители Реціи.

Стр. 198. Титанъ, Titan, у поэтовъ обычно въ значеніи Солнца.

Стр. 198. Члены братства. Въ жизни римлянъ были очень распространены коллегіи или братства, нѣчто вродѣ нашихъ обществъ или клубовъ (см. выше), часто устраивавшія, въ складчину или на деньги своего магистра („почетнаго предсѣдателя"), пиры и увеселительныя прогулки. (См. объ этомъ, напр., Ѳ. Зѣлинскій. „Изъ жизни идей", X).

Стр. 198. „Тебя, о, Ларій великій"... Verg. Georg. II, 159:

Te, Lari maxime.

Стр. 198. Смарагдиновый, smaragdinus,—изумрудный.

Стр. 198. Стихи великаго Мантуанца, т.-е. Вергилія. Verg. Georg. II, 136—139:

Sed neque Medorum, silvae ditissima, terra,
Nec pulcher Ganges atque auro turbidus Hermus
Laudibus Italiae certent, non Bactra, neque Indi,
Totaque turiferis Panchaia pinguis arenis.

Гермъ—рѣка въ Лидіи.

Стр. 199. Гдѣ стѣны будутъ изъ ясписа и т. д. Откр. XXI, 19—21.

Стр. 200. Флаккъ приглашалъ Мельпомену. Hor. Carm. III, 30:

mihi Delphica
Lauro cinge volens, Melpomene, comam.

Стр. 200. Вы всѣ сыны Божіи по вѣрѣ въ насъ. Къ Галат. III, 26.

Стр. 201. Мантика, mantica,—дорожная сумка, котомка.

Стр. 202. Эрицина, Erycina,—одно изъ именъ Венеры. Эриксъ (Eryx)—гора въ Сициліи со знаменитымъ храмомъ Венеры. Сервій объясняетъ: „Eryx Veneris et Butae filius qui occisus ab Hercule monti ex sepultura sua nomen imposuit". Пахинъ, Pachinum,—мысъ въ Сициліи, опасный для мореплавателей. Венеру, какъ рожденную изъ морской пѣны, почитали также покровительницей мореплаванія (Ἀφροδίτη θαλασσία, πελαγία).

Стр. 202. Sic erit in fatis — такъ было назначено судьбой (Ov. etc.).

Стр. 202. Ѳессалійскихъ колдуній. Ѳессалія почиталась классической страной колдуній, о чемъ говоритъ Апулей въ началѣ своего „Золотого Осла".

Стр. 202. Делосская Охотница—Діана.

Стр. 203. Подобно древнимъ сестрамъ. Орфей былъ растерзанъ бакханками.

Стр. 203. Далеко разящій богъ — Аполлонъ. Афродита всенародная—vulgivaga, πάνδημος.

Стр. 204. У древняго друга этого бога (Сатурна), т.-е. у Януса. Миѳологи разсказывали, что Янусъ далъ убѣжище Сатурну, низвергнутому съ трона Юпитеромъ и, послѣ долгихъ скитаній, на кораблѣ доѣхавшій по Тибру до Яникула. Объ этомъ разсказываетъ самъ Янусъ у Овидія (Ov. Fast. I, 235 sqq.): „Hac ego Saturnum memini tellure receptum"... etc. Вергилій тоже соединяетъ имена Януса и Сатурна (Verg. Aen. VIII, 357—358):

Hanc Ianus pater, hanc Saturnus condidit arcem:
Ianiculum huic, illi fuerat Saturnia nomen.

Стр. 204. Извѣстный стихъ. Verg. Georg, III, 284:

Fugit interea, fugit irreparabile tempus.

Стр. 204. Фламины Юпитера, flamines Diales,—жрецы Юпитера. Авлъ Геллій говоритъ, что они должны были праздновать бога каждый день (Aul. Gell. X, 15): „Dialis quotidio festatus est".

Стр. 205. Додонскій оракулъ (въ Эпирѣ), въ эту эпоху давно уже былъ только историческимъ воспоминаніемъ.

Стр. 205. Авсуція, Ausucia,—городокъ на берегу Ларія (Комо).

Стр. 206. Постоянные лагери, castra stativa, были учреждены еще Августомъ; въ IV в. всѣ войска обычно были расположены по постояннымъ лагерямъ, образовавшимъ рядъ сильно укрѣпленныхъ крѣпостей и давшимъ начало многимъ городамъ.

Стр. 206. Деревяннымъ портикомъ съ бойницами. Портикомъ, porticus, между прочимъ, называлось особое деревянное прикрытіе, обычно устраивавшееся на валу укрѣпленій.

Стр. 206. Ручная баллиста, manuballista,—маленькая баллиста, для передвиженія которой не требовалось лошадей и потому не имѣвшая колесъ (въ отличіе отъ caroballista).

Стр. 206. Недосягавшей высотой до неба. Намекъ на стихъ Вергилія Verg. Aen. IV, 89:

aequata machina caelo.

Стр. 207. Золотой домъ, domus aurea,—дворецъ Нерона.

Стр. 208. Облако, скрывающее бога. Такъ изображали явленіе боговъ Гомеръ, Вергилій и др. поэты.

Стр. 208. 3.333.333 часовъ приблизительно и прошли отъ Р. Х. до изображенный эпохи (лѣто 383 г.).

Стр. 209. Стихи Насона. Ov. Met. VIII, 608—609:

...immensa est finemgue potentia caeli
Non habet.

Стр. 210. Свободная республика продолжала существовать при власти Августа. Какъ извѣстно, Августъ формально не измѣнилъ государственнаго устройства, лишь принявъ на себя рядъ магистратуръ.

VII.

Стр. 212. Богъ Страха—Pavor.

Стр. 213. Она заговорила. Въ рѣчи Реи рядъ текстовъ изъ Новаго Завѣта. Напр., къ Римл. VII, 1—4; VI, 2; отъ Іоанн. XIV, 13; къ Галат. V, 13, и др.

Стр. 213. Грозилъ, что одинъ пойдетъ къ Гангу. „Sed solus quoque ire perseverabo", говоритъ Александръ у Квинта Курція (Quint. Curt. De rebus gest. IX, 2, 33).

Стр. 214. Величайшій изъ враговъ Рима, т.-е. Ганнибалъ.

Стр. 216. Не Царица ли я? и т. д. 1 къ Коринѳ. IX, 1—2; къ Римл. IX, 13, и др.

Стр. 216. Какъ эпирскому царю, т.-е. Пирру. Юстинъ (Iust. Hist. XVIII, 1), по поводу побѣды Пирра при Аускулѣ (279 до Р. Х.), когда царь будто бы сказалъ „Еще такая побѣда, и я погибъ", замѣчаетъ: „maiorem gloriam eius victoriae, quam laetitiam habuit".

Стр. 217. Эмиссарій, emissarius,—шпіонъ.

Стр. 219. Вѣрно описалъ Цесарь. Caes. Bell. Alex. XVIII.

Стр. 219. Не черезъ роговую дверь. Намекъ на стихи Вергилія. Verg. Aen. VI, 893—896:

Sunt geminae Somni portae, quarum altera fertur
Cornea, qua veris facilis datur exitus umbris,
Altera candenti perfecta nitens elephanto,
Sed falsa ad caelum mittunt insomnia manes.

VIII—IX.

Стр. 221. Халкохитонъ, χαλκοχίτων,—мѣдная кирасса.

Стр. 222. Круглый шлемъ съ перьями—gallea cum crista. Римляне различали нѣсколько видовъ шлемовъ.

Стр. 222. Круглый щитъ—parma; см. ниже.

Стр. 222. Испанскій мечъ—тотъ короткій мечъ, gladius, которымъ обычно были вооружены римскіе легіонаріи.

Стр. 222. Панцырь—lorica. Вегецій увѣряетъ, что послѣ Граціана въ римскихъ войскахъ панцырь носить перестали. (Гиббонъ, III, 275—276).

Стр. 223. Лучниковъ (стрѣлковъ изъ лука) въ составѣ легіона не было: метательнымъ оружіемъ служилъ дротикъ. Употребленіе луковъ возобновилось лишь съ привлеченіемъ въ римское войско германцевъ. Сбрасывать камни и т. д. было обычнымъ пріемомъ древнихъ при оборонѣ укрѣпленныхъ мѣстъ. Тріаріи, triarii,—старинное выраженіе для означенія тяжеловооруженныхъ, въ IV в. имѣвшее лишь условный смыслъ.

Стр. 223. Какъ сказалъ поэтъ. Sen. Thyest., 572:

Peior est bello timor ipse belli.

Стр. 224. Плутей, pluteus,—подвижная (на колесахъ) загородка, позади которой солдаты укрывались отъ дротиковъ, подвигаясь впередъ.

Стр. 224. Катапульта, catapulta,—орудіе тяжелый римской артиллеріи, бросавшее дроты большихъ размѣровъ. Тетива ея натягивалась

съ помощью вращенія колеса (ворота). Дальность боя катапультъ доходила до 500 метровъ.

Стр. 225. „На падшемъ доспѣхи взгремѣли"—выраженіе Гомера:

...ἀράβησε δὲ τεῦχε' ἐπ' αὐτῷ.

Стр. 225. Букцина, buccina,—военная труба.

Стр. 225. Четыреугольные щиты—scuta; см. ниже.

Стр. 225. Выкрашенные въ желтый цвѣтъ. У каждаго легіона былъ свой цвѣтъ щитовъ.

Стр. 225. Клипеи, скуты, пармулы и т. под.—разные виды щитовъ: clipeus (овальный, вышедшій изъ употребленія), scutum (четыреугольный, составлявшій обычное вооруженіе солдата), parmula (уменьшительное отъ parma,—совершенно круглый, который раньше носили всадники и легковооруженные), pelta (ѳракійскій, въ формѣ полумѣсяца). Были и другіе виды щитовъ.

Стр. 225. Гасты, пилы, ланцеи и т. д. — разные виды копій: hasta (метательное копье, которымъ прежде были вооружены первые ряды, hastati), pilum (также метательное копье, постепенно вышедшее изъ употребленія при сраженіяхъ въ полѣ и сохраненное лишь для приступовъ на укрѣпленныя мѣста), lancea (копье въ родѣ нашей пики), framea (видоизмѣненіе гасты, германскій дротикъ, съ короткимъ остреемъ), contus (длинное копье, употреблявшееся въ римской кавалеріи), sparus (охотничье копье). Были и другіе виды копій.

Стр. 226. Значекъ когорты. Отдѣльныя когорты также имѣли свои значки.

Стр. 226. Верберъ, verber,—тетива баллисты (она дѣлалась изъ сушеныхъ жилъ).

Стр. 226. Чехепаха, testudo,—старинный военный маневръ, состоявшій въ томъ, что солдаты, тѣсно сблизившись, подымали щиты надъ головой, надвигая одинъ на другой.

Стр. 227. Побѣда подъ Замой—203 г. до Р. Х.; при Тиграноцертѣ—69 г. до Р. Х.

Стр. 228. Центуріоны съ золотыми фалерами. Центуріоны были высшими начальниками въ легіонѣ послѣ претора. Фалерами, phalerae, назывались круглыя пластинки, большею частью серебряныя, съ разными эмблемами на нихъ, которыя давались военнымъ въ знакъ отличія и которыя носили на груди (родъ нашихъ крестовъ и медалей).

Стр. 228. Звукъ тубъ, tuba cornea,—сигнальный рожокъ.

Стр. 229. Таютъ, какъ воскъ отъ огня. Пс. LXVII, 3.

Стр. 229. Подобно Пріаму и Гекубѣ. Намекъ на стихи Вергилія: Verg. Aen. II, 524—525.

Стр. 230. Стихъ Тибулла. Tib. II, 3:

Hinc cruor, hinc caedes, mors propiorque venit.

Стр. 231. „Смерть есть законъ природы". Sen. N. qu. VI, 32: „Mors naturae lex est".

Стр. 233. Якулы, iaculae,—общее названіе дротиковъ, всякаго метательнаго оружія.

Стр. 235. Стала молиться. Въ молитвѣ Реи рядъ текстовъ изъ Псалмовъ. Напр., LVIII, 10; LXXII, 20; X, 6, 7, и др.

Стр. 236. Венусинскій Орфей, т.-е. Горацій (родомъ изъ Венусіи, Venusia). Намекъ на его стихи. Hor. Carm. II, 7:

celerem fugam
Sensi relicta non bene parmula.

Стр. 236. Балтей, balteus,—ремень, на которомъ носили мечъ.

Стр. 236. Какъ въ томъ мѣстѣ Тартара... Намекъ на стихи Вергилія. Verg. Aen. VI, 425—426:

Continuo auditae voces vagitus et ingens
Infantumque animae flentes...

X.

Стр. 239. Стихи „Энеиды". Verg. Aen. II, 801—803:

Iamque iugis summae surgebat Lucifer Idae
Ducebatque diem. Danaique obsessa tenebant
Limina portarum nec spes opis ulla dabatur.

Стр. 240. Урана т.-е. неба; uranos, въ этомъ смыслѣ, встрѣчается у латинскихъ писателей (Chalcid. Tim., 98).

Стр. 241. „Падубомъ чернымъ кругомъ и кустами торчащій". Verg. Aen. IX, 381—382:

(Silva fuit) late dumis atque ilice nigra
Horrida.

Стр. 243. Sequor et qua ducis adsum—слѣдую за тобой и куда ты ведешь, тамъ буду. Нѣсколько измѣненный стихъ Вергилія: Verg. Aen. II,-701.

Стр. 243. Сынъ Майи—Меркурій; исконная богиня Лація—Веста.

Стр. 245. Модиція, Modicia, — городъ на рѣкѣ Lambrus, притокѣ По.

Стр. 245. О чемъ мечталъ Тибуллъ. Tib. I, 1:

Et quodcunque mihi pomum novus educat annus
Libatum agricolae ponitur ante deo.

Стр. 245. Богъ съ опрокинутымъ факеломъ. Такъ художники изображали генія смерти.

Стр. 245. По закону сынъ колона и т. д. Преобладающей формой состоянія сельскаго земледѣльческаго населенія въ IV в. былъ колонатъ. Колоны, coloni, жившіе на арендованной землѣ, противополагались свободнымъ земледѣльцамъ (vicani propria possidentes), жившимъ на землѣ, принадлежавшей общинамъ (metrocomia) и которую не имѣли права пріобрѣтать лица, къ общинѣ не принадлежащія. Постепенно, рядомъ законодательныхъ мѣръ, колоны были прикрѣплены къ землѣ и къ своей профессіи. Законъ 332 г. воспретилъ колонамъ покидать обрабатываемые ими участки и приравнялъ уходящихъ къ бѣглымъ рабамъ, подлежащимъ насильственному возвращенію къ прежнему состоянію (Cod. Theod. V, tit. IX, 1). Колоны считались лично свободными людьми, ingenui, могли владѣть собственностью, вчинять иски, но въ то же время были „рабами земли", servi terrae. Земля безъ сидящаго на ней колона и колонъ безъ земли, которую онъ обрабатываетъ, не могли быть проданы. (Ю. Кулаковскій, I, 87—88).

Стр. 245. Препятствовалъ ревностнымъ христіанамъ разрушить святилище Цереры. Писатели говорятъ намъ (оставляя въ сторонѣ извѣстное разрушеніе христіанами храма Сераписа, сопровождавшееся уничтоженіемъ александрійской библіотеки) о цѣломъ рядѣ походовъ христіанъ на языческіе храмы. См., напр., Sulp. Sev. De vita b. Mart. XIII: „item, dum in vico quodam templum antiquissimum diruisset..."

Стр. 245. Ушли въ горы. Побѣги колоновъ съ теченіемъ времени все учащались, и императоры издавали рядъ законовъ, имѣвшихъ цѣлью удержать сельское населеніе на мѣстахъ.

Стр. 246. Такой же былъ у нихъ и т. д. Намеки на стихи Овидія о Филимонѣ и Бавкидѣ. Ov. Met. VIII:

Parva (domus), stipulis et canna tecta palustri...
Tota domus duo sunt, idem parentque iubentque...
...mensam succinta tremensque
Ponit anus; mensae sed erat pes tertius impar:
Testa parem fecit... etc.

Стр. 247. „Молви, правый старикъ"... Ibid., 695—696:

Dicite, iuste senex, et femina coniuge iusto
Digna, quid optetis?

Стр. 247. „Такъ какъ согласную прожили жизнь мы"... Ibid., 699—701:

quoniam concordes egimus annos,
Auferat hora duos eadem, nec coniugis unquam
Busta meae videam, neu sim tumulandus ab illa.

Стр. 248. Сибрій, Sibrium,—городъ на рѣкѣ Olonna (притокъ По); Агаминское Село, Agaminus pagus, — городъ западнѣе Сибрія; Эпоредія, Eporedia,—большой городъ у начала Западныхъ Альпъ, гдѣ сходились большія дороги, нынѣ Ivrea.

XI.

Стр. 249. Календы Августа, т.-е. 1-е августа 383 г. по Р. Х.

Стр. 250. Максимъ переправился съ войскомъ въ Германію вторую. Германія вторая—провинція діецесы Галлій на западномъ берегу нижняго Рейна (Рена). „(Milites),—разсказываетъ Зосима (Zos. IV, 35), — tradita illi (Maximi) cum diademata purpura, confestimque transmisso oceano, ad ostia Rheni adpulerunt."

Стр. 250. Пенинъ, Poeninus mons, — Большой Сенъ-Бернаръ. Нѣкоторые полагаютъ, что такое названіе произошло отъ перехода черезъ этотъ проходъ Ганнибала съ пунами (Egli). Римляне провели двѣ дороги черезъ Альпы: одна шла черезъ Малый Сенъ-Бернаръ, вдоль верхней Изеры и Роны, въ Ліонъ (Лугдунъ); другая черезъ Большой Сенъ-Бернаръ въ долину Роны и къ Женевѣ (Генава).

Стр. 251. Коммендатиційное письмо, litterae commendaticiae,—рекомендательное.

Стр. 252. Галльскій проливъ, fretum Gallicum, — Па-де-Калэ; Цесаріенская Флавія, Flavia Caesariensis, — провинція на юго-востокѣ Англіи.

Стр. 252. Любимымъ чтеніемъ Вибиска было и т. д. „Четверокнижіе", Τετράβιβλον, Quadripartitum, приписывалось Птоломею, конечно, неосновательно; сочиненіе по астрологіи Максима дошло до насъ, но въ немъ нельзя видѣть произведеніе учителя Юліана,—это трудъ какого-то его одноименца; Геминъ—греческій астрономъ I в. до Р. Х.; Луцій Таруцій Фирманъ (116—28 до Р. Х.) пользовался большой славой въ древности, но его сочиненія погибли; „Восемь книгъ астрономіи" Фирмика Матерна (IV в.) сохранились, и въ нихъ мы находимъ уже всѣ основныя положенія новой астрологіи; поэма Манилія (эпоха

Августа) „Astronomica" также дошла до насъ; Овидій и Апулей были извѣстны какъ приверженцы оккультныхъ знаній, въ томъ числѣ астрологіи. Манилій въ такихъ выраженіяхъ говоритъ о вліяніи звѣздъ (Manil. I, 51—55):

Singula nam proprio signarunt tempora casu,
Longa per assiduas complexi saecula curas;
Nascendi quae cuique dies, quae vita fuisset;
In quae fortunae leges quaeque hora valeret;
Quantaque quam parvi facerent discrimina motus.

Стр. 252. Нападки „Аттическихъ ночей". Имѣется въ виду разсужденіе Авла Геллія „Adversum istos qui sese Chaldeos seu genethliacos apellant" (Aul. Gell. XIV, 1). Любопытно, что въ этомъ разсужденіи Авлъ Геллій высказываетъ мысль, „что, можетъ быть, существуютъ другія планеты, о которыхъ наука еще не освѣдомлена".

Стр. 253. О двѣнадцати домахъ неба и т. д. Эти ученія, развитыя позднѣйшими астрологами (XIII—XVII в.), мы находимъ уже у Фирмика Матерна. Двѣнадцать „домовъ" неба соотвѣтствуютъ двѣнадцати знакамъ зодіака; соединенные по три они образуютъ сочетанія, соотвѣтствующія четыремъ стихіямъ: овенъ, левъ и стрѣлокъ — огню, телецъ, дѣва и козерогъ—землѣ, близнецы, вѣсы и водолей—водѣ, ракъ, скорпіонъ и рыбы—воздуху. Эрратическія звѣзды, stellae erraticae,—планеты. Въ зависимости отъ того, какія созвѣздія и планеты господствуютъ на небѣ въ часъ рожденія (или зачатія) даннаго лица, различаются „аспекты". Такъ, напр., тройной аспектъ (trigonum), при господствѣ знаковъ овна, льва и стрѣльца, дѣлящій небо на три равныя части, считается благопріятнымъ; шестерной аспектъ (quaternis) — среднимъ; квадратный аспектъ (quadrata) — несчастнымъ. Планеты также и сами по себѣ и по своему положенію, считались счастливыми, средними и губительными.—Въ III в. астрологія пользовалась даже покровительствомъ императоровъ, и астрологи, учившіе въ астрономическихъ школахъ, получали содержаніе отъ государства; въ IV в. астрологія, вмѣстѣ со всѣми тайными науками и гаданіемъ, довольно строго преслѣдовалась (см. выше).

Стр. 253. Мѣстное вино, „вино аллоброговъ", славилось во времена имперіи (нынѣ бургундское).

Стр. 353. Карты неба и т. д. Первыя изображенія небесной сферы относятся еще къ IV в. до Р. Х. Птоломей упоминаетъ о сферѣ, начертанной Гиппархомъ и т. д. Сложныя таблицы движеній планетъ были составлены Птоломеемъ и его школой. Астрономическіе инструменты, созданные древними, почти не измѣнялись до самаго изобрѣтенія телескопа.

Стр. 253. „Глянь въ лучезарную высь...“ Ennius ap. Apul. De Mundo:

Aspice hoc sublime candens, quem invocant omnes Iovem.

Стр. 253. Гороскопъ, horoscopos,—въ современномъ смыслѣ употребляетъ уже Манилій (Manil. III, 189 etc.); предиктъ, praedictum,—предсказаніе.

Стр. 254. Общій смыслъ пророчества. „Человѣкъ, родившійся подъ знакомъ Дѣвы, хорошо сложенъ, откровененъ, благороденъ, уменъ, любитъ почести. Обкраденный, онъ самъ отомститъ вору. Хранить тайнъ ни своихъ, ни чужихъ не умѣетъ. Онъ гордъ, стыдливъ въ любви, дѣлаетъ добро друзьямъ“ и т. д. (Dict. Inf., „Horoscope“).

Стр. 254. Люциферъ и Пироентъ—венера и марсъ; Венерѣ былъ посвященъ голубь, Марсу — волкъ. Аспектъ квадратный см. выше.

Стр. 255. Лугдунъ, Lugdunum, — нынѣ Ліонъ. Парисіи или Лютеція, Lutetia Parisiorum, или просто Parisii,—нынѣ Парижъ; Бельгики—двѣ провинціи діецесы Галлій, примыкавшія къ двумъ Германіямъ, граничившимъ Рейномъ.

Стр. 255. Города отворили ворота Максиму. „Галльскія арміи,—разсказываетъ Гиббонъ (III, 229),—вмѣсто того, чтобы воспротивиться наступленію Максима, встрѣтили его изъявленіями преданности“. Это мы видимъ изъ разсказа Зосимы (Zos. IV, 35); иное, какъ будто бы, вытекаетъ изъ панегирика Ѳеодосію, написаннаго Пакатомъ (XII Pan. Lat. XII, 38).

Стр. 255. Прежней столицей Галліи. Лугдунъ первоначально былъ единственнымъ городомъ въ Галліяхъ, имѣвшимъ латинскія права. Онъ одинъ получилъ постоянный гарнизонъ, какой ставили въ главныхъ городахъ. Единственный монетный дворъ на Западѣ, въ раннюю эпоху имперіи, находился въ Лугдунѣ. Пріѣзжая въ Галліи, первые императоры всегда останавливались въ Лугдунѣ. Августъ именно въ Лугдунѣ учредилъ центръ административнаго управленія Галліями. Позднѣе Лугдунъ затмили сначала Парисіи (Парижъ), потомъ Треверы (Триръ). См. Моммсенъ, V, 73—75.

Стр. 256. „Знаки, однако, даютъ“... Ov. Met. XV, 782:

Signa tamen luctus dant haud incerta futuri.

XII—XIII.

Стр. 257. Роданъ, Rhodanus,—Рона.

Стр. 257. Лига—національная мѣра разстояній въ Галліи. Во всей имперіи дороги измѣрялись римской милей (1,48 километра). Такой порядокъ существовалъ и въ Галліяхъ до конца II в.; со временъ Севера

оффиціально была введена въ трехъ Галліяхъ и обѣихъ Германіяхъ мѣра разстояній отличная отъ римской, хотя и приспособленная къ ней (именно, равняющаяся $1^1/_2$ мили — 2,22 километра), получившая національное названіе лиги. (Моммсенъ, V, 88).

Стр. 257. Вечеромъ девятаго дня передъ сентябрьскими календами—a. d. IX Kal. Sept., т.-е. 24 августа (383 г.).

Стр. 257. „Что̀ сильнѣе привычки?" Ov. Art. Am. II, 345:

...nil assuetudine maius.

Стр. 257. Ночные вигили, vigiles—стражи. Мы знаемъ, что, по примѣру Рима, въ позднѣйшую эпоху имперіи, завели вигилей Равенна и др. города.

Стр. 259. Осмотрѣть городъ, славящійся... До сихъ поръ въ Ліонѣ сохранились развалины трехъ римскихъ акведуковъ, театровъ и т. под.

Стр. 259. Граціанъ разбитъ. Зосима подробно разсказываетъ объ этой неудачѣ Граціана (Zos. IV, 35): „Ubi copiae proprius ad se invicem accessissent, ad quinque dies inter se velitationibus utebantur. Conspicatus autem Gratianus, primo Mauros equites universos discessionem fecisse ac Maximum augustum conclamasse; deinde caeteros etiam paulatim ad Maximi partes transire"...

Стр. 260. Комитъ Викторъ, сторонникъ Максима, упоминается св. Амбросіемъ (De Broglie, VI, 53, 56).

Стр. 260. Флавіемъ Граціанъ именуется въ оффиціальныхъ актахъ (Fasti).

Стр. 260. Оффиціалъ, officialis,—чиновникъ.

Стр. 261. Граціанъ держался безо всякаго величія. Св. Амбросій вспоминаетъ, въ какомъ несчастномъ положеніи тогда находился Граціанъ (Hom. in Psalm., LXI): „subito egens omnium ab ipsis quorum haereditarium fuerat sortitus obsequium, coepit urgeri..., ingruentibus in exitum, inferentibus mortem, nullo auxiliatore, nullo socio sui, nullo comite". (De Broglie, VI, 49). О внѣшности Граціана и его одеждѣ см. выше, примѣчаніе къ гл. VII книги II.

Стр. 262. Italiciana, Hispaniae, Africae—діецесы (т.-е. Италія, Пиринейскій полуостровъ, сѣверо-восточная Африка).

Стр. 262. Твоя вѣчность—обычное обращеніе къ императору.

Стр. 262. Меробавдъ и комитъ Баліонъ, Merobaudes et Balio, лица, приближенныя къ Граціану, который оказывалъ имъ большое довѣріе, упоминаются у ряда историковъ. (Напр., XII Pan. Lat. XII, 28; см. De Broglie, VI, 47). Меробавдъ былъ консуломъ этого года (Fasti; Duruy, VII, 456). О Македоніи см. выше, примѣчанія къ гл. VII книги II и къ гл. II книги IV.

Стр. 262. Принесли Евангеліе. Объ этой клятвѣ пресида на Евангеліи говоритъ св. Амбросій (Hom. in Psalm., LXI): „lavit manus, cum evangelium tangeret" (De Broglie, ibid., 49).

Стр. 263. Отцу отечества и т. д. То былъ оффиціальный титулъ Граціана: „Imperator Caesar Flavius Gratianus Augustus pater patriae Germanicus maximus Alamannicus maximus Francicus maximus Gothicus maximus". (Fasti). Въ Италіи Граціанъ считался „опекуномъ-соправителемъ" своего брата Валентиніана II.

Стр. 264. Комитатъ, comitatus,—дворъ, свита. „In comitatu,—говоритъ Авсоній (Aus. Epist. II, 34),—qui frontes hominum aperit mentes tegit..."

Стр. 264. „И Фортуна, могущая все..." Verg. Aen. VIII, 334:

Fortuna omnipotens et ineluctabile Fatum.

Стр. 265. Фидицины, fidicines, — музыканты, играющіе на струнныхъ инструментахъ. Маппы, mappae, — салфетки. Фимбріи, fimbriae,—бахрома. Лерія, leria,—золотая кайма внизу одежды.

Стр. 265. Пурпуровые сандаліи были отличительной чертой императорскаго облаченія. Лемниски, lemnisci,—ленты, прикрѣплявшіяся къ задней части діадемы (см. выше).

Стр. 266. Viri spectabiles — досточтимые мужи (титулъ). Это низшій титулъ для комита; comites consistoriani имѣли право на титулъ vir illustris.

Стр. 267. Фиды, цитары, лиры, fides, citharae, lyrae,—струнные музыкальные инструменты.

Стр. 267. Промульсидъ, promulsis,—первая часть обѣда, закуска

Стр. 267. Уловлять день—намекъ на выраженіе Горація (Hor. Carm. I, 9): „carpe diem."

Стр. 267. Лугдунъ былъ великимъ городомъ при Неронѣ. Послѣ пожара Рима 64 г. по Р. Х. жители Лугдуна прислали погорѣльцамъ денежное пособіе въ 4 милліона сестерцій.

Стр. 267. Кандидаты — члены личной военной охраны императора (см. выше).

Стр. 268. Число кубковъ, равное и т. д. — обыкновеніе той эпохи.

Стр. 268. Феркула, fercula,—третья, заключительная часть обѣда.

Стр. 268. Тибицина, tibicina,—играющая на флейтѣ.

Стр. 268. Фискъ—казна.

Стр. 268. Ареталогъ, aretalogus, — шутъ (буквально: говорящій правду).

Стр. 268. „Брось народцу хвостъ". Caudam iactare popello (бросать хвостъ, льстить народу)—поговорка.

Стр. 268. Скурра, scurra,—латинское названіе шута.

Стр. 269. Андрагаоій, Ἀνδραγάθιος, Andragaphius, магистръ конницы у Максима, родомъ съ береговъ Понта Эвксинскаго, упоминается Зосимою (Zos. IV, 35), Сократомъ (Socr. V, 11) и др.

Стр. 269. „Амбросій! Амбросій! гдѣ ты?" Объ этомъ предсмертномъ восклицаніи Граціана свидѣтельствуетъ св. Амбросій (S. Amb. De Obitu Valent.): „Tu me inter pericula requirebas; tu in tuis extremis me appellabas". (De Broglie, VI, 50).

Стр. 271. Потрясенный всѣмъ видѣннымъ. Обстоятельства гибели Граціана различными историками разсказываются различно. Пакатъ, Оросій, Зосима только говорятъ, что Граціанъ былъ убитъ по повелѣнію Максима; Зосима, по странному недоразумѣнію, переноситъ смерть Граціана въ городъ Сингидунъ, въ Месіи. Сократъ и Созоменъ противорѣчатъ имъ и другъ другу, и т. д. „Свидѣтельство Амбросія,— говоритъ Гиббонъ, — самое достовѣрное"; „testis tamen non oculatus", замѣчаетъ все же объ немъ его издатель. Наиболѣе достовѣрный разсказъ о смерти Граціана, составленный на основаніи всѣхъ разнорѣчивыхъ свидѣтельствъ, мы находимъ у De Broglie, VI, 49—50. Онъ же признаетъ достовѣрнымъ самоубійство комита Баліона, о чемъ говоритъ Амбросій, но, повидимому, полагаетъ, что Меробавдъ остался живъ. Напротивъ, Гиббонъ (III, 221), изъ своихъ источниковъ, вынесъ убѣжденіе, что Меробавдъ былъ убитъ тотчасъ послѣ убіенія Граціана.

Стр. 271. Преконы, praecones,—глашатаи, герольды.

Стр. 271. Объ участи Македонія см. De Broglie loc. cit.

Стр. 272. „На берегу лежитъ" и т. д. Нѣсколько измѣненные стихи Вергилія. Verg. Aen. II, 554, sqq:

...iacet ingens litore truncus...
...prolapsa videntem
Pergama, tot quondam populis terrique superbum
Regnatorem Asiae...

Стр. 272. Стихи Флакка. Hor. Carm. IV, 7:

Quis scit an adiiciant hodierne crastina summae
Tempora di superi?

XIV.

Стр. 274. Salve!—привѣтъ!

Стр. 274. Цесарю Великому и т. д. Оффиціальный титулъ Максима: Imperator Caesar Magnus Maximus Augustus. Впрочемъ, онъ еще нуждался въ утвержденіи другими соправителями имперіи и прежде всего Ѳеодосіемъ.

Стр. 274. Первый куріи—princeps, предсѣдатель городской думы.

Стр. 275. Славу Галльскаго краснорѣчія поддерживали реторскія школы Августодуна, Бурдигалы, Треверовъ и др. Галльскіе реторы славились на всемъ Западѣ, и Авсоній посвятилъ имъ рядъ панегириковъ въ своихъ Professores, сравнивая ихъ и съ Демосѳеномъ, и съ Квинтиліаномъ, и съ Саллюстіемъ. По словамъ Авсонія, Юліану больше славы принесъ жившій въ его время въ Бурдигалѣ реторъ Алцимій Алетій, чѣмъ скиптръ (Aus. Prof. II):

Et Iulianum tu magis famae dabis,
Quam sceptra, quae tenuit breve.

Стр. 275. Exlamatio, allocutio, sermocinatio, dissimulatio—реторическія фигуры мыслей; anaphora, epiphora, oxymoron—реторическія фигуры словъ.

Стр. 275. Diva, ave!—Божественная, здравствуй!

Стр. 276. Цингулъ, cingulum, — особый поясъ, знакъ государственной службы (см. выше).

XV.

Стр. 278. Оффиція пріемовъ, officium admissionum, состояла въ вѣдѣніи магистра оффицій; она вѣдала всю публичную жизнь императора, для чего нуженъ былъ огромный штатъ разнаго рода чиновниковъ. Чины, отправлявшіе дипломатическія порученія, назывались магистріаны, magistriani.

Стр. 280. Я служу тиранну... Авсоній въ эти годы уже дряхлый старикъ, послѣ захвата власти Максимомъ рѣшительно уклонился отъ государственныхъ дѣлъ и все время правленія Максима провелъ въ добровольномъ уединеніи. Говоря о годахъ правленія Максима, Авсоній всегда употребляетъ выраженіе „tyrannicis temporibus"; такъ смотрѣли на Максима и многіе другіе видные жители Галліи. Сходныя выраженія находимъ у Паката, но тотъ произносилъ панегирикъ побѣдителю Максима.

Стр. 280. Елена, дочь Евдды (Eudda). „Ея гробницу,—говоритъ Гиббонъ (III, 219),—и теперь можно видѣть въ Керсегонтѣ (Caersegont) подлѣ Кернаворна", но намекаетъ, что гробница эта—легендарная.

Стр. 281. Человѣкъ мало ученый. Сульпицій Северъ (De Vita b. Mart., XX) называетъ Максима: „ferocis ingenii vir".

Стр. 281. Крещеніе онъ принялъ за нѣсколько дней, какъ надѣлъ діадему. См. De Broglie, VI, 56.

Стр. 281. Принять сторону Аѳанасія. Максимъ выступилъ противъ аріанъ потому, что ихъ поддерживала Юстина, мать Валенти-

ніана II, котораго Максимъ считалъ своимъ соперникомъ (De Broglie, VI, 192, sqq).

Стр. 281. Мы переѣхали въ Треверы. Сульпицій Северъ (Sulp. Sev. Hist. II, 49) говоритъ о воцареніи Максима: „ubi Maximus oppidum Treverorum victor ingressus est..."

Стр. 281. Великолѣпный городъ. Моммсенъ говоритъ (V, 75), что „этотъ сѣверный Римъ (Треверы) получилъ городскія стѣны и бани, достойныя стоять на ряду съ городскими стѣнами римскихъ царей и съ банями императорской столицы". Авсоній, описывая Треверы, говоритъ (Ordo VI):

Lata per extentum procurrunt moenia collem,
Largus tranquillo praelabitur amne Mosella,
Longinqua omnigenae vectans conmercia terrae.

Стр. 281. Воспѣтой Авсоніемъ... Извѣстнѣйшее произведеніе Авсонія посвящено описанію Моселлы т.-е. Мозеля (см. В. Р.) Первый наставникъ Граціана—Авсоній (см. выше).

Стр. 282. Насъ посѣтилъ Амбросій. Подробности этого перваго посольства Амбросія къ Максиму мы знаемъ изъ писемъ Амбросія. Комитъ Бавтонъ былъ по происхожденію франкъ. Марцеллинъ, братъ новаго императора, служилъ при дворѣ Юстины въ Сирміи. (De Broglie, VI, 53).

Стр. 282. Объявилъ, что Юстина и т. д. Св. Амбросій пишетъ (Epist. XXIV): „ubi primum veni, cum diceres quod Valentinianus ad te quasi filius ad patrem venire deberet..." (De Broglie, Ibid., 55) De Broglie добавляетъ о Максимѣ: „en vrai parvenu, il voulait se donner la jouissance d'humilier sa victime".

Стр. 282. Любому изъ воиновъ. Milites было общее названіе всѣхъ состоявшихъ на государственной службѣ (см. выше).

Стр. 282. О мѣстныхъ реторскихъ школахъ. Граціанъ назначилъ содержаніе профессорамъ Треверъ значительно большее, чѣмъ другихъ городовъ (см. выше).

Стр. 284. Максимъ отправлялъ посольство. Это посольство было отправлено подъ вліяніемъ настоятельнаго требованія Ѳеодосія, соглашавшагося признать Максима императоромъ въ Галліяхъ, Испаніяхъ и Британніи съ тѣмъ, что во власти Валентиніана II остается Италія, Африки и Иллирія. Юстина переѣхала въ Медіоланъ тотчасъ послѣ того, какъ пришло извѣстіе о гибели Граціана. (De Broglie, VI, 51).

Стр. 284. Схватки и бои и т. д. Стихъ Гомера:

Ὑσμῖναί τε, μάχαί τε, φόνοί τ', ἀνδροκτασίαί τε.

Стр. 285. Luam Saturni etc. Названія молитвъ. См. Aul. Gell. XIII, 22: „Comprecationes deum immortalium, quae ritu Romano fiunt, expositae sunt in libris sacerdotum populi Romani et in plerisque antiquis orationibus. In iis scriptum est: Luam Saturni, Salaciam Neptuni, Horam Quirini, Iurites Quirini, Maiam Volcani, Heriem Iunonis, Molas Martis, Nerienemque Martis".

Стр. 285. Одновременно съ новымъ сенаторскимъ посольствомъ. Это именно то посольство, во время котораго Симмахъ произнесъ свою рѣчь въ защиту древней религіи (см. выше, примѣчаніе къ гл. V книги II).

Стр. 285. Привлѣтливость префекта. Симмахъ былъ въ этомъ (384) году назначенъ префектомъ Рима (см. выше).

Стр. 286. Сикулійское море, mare Siculum,—нынѣ Тирренское.

Стр. 287. Констисторій принцепса, consistorium principis,—совѣтъ высшихъ чиновъ при императорѣ. Помимо обсужденія общегосударственныхъ вопросовъ, въ консисторіи происходили торжественные пріемы посольствъ.

Стр. 287. Амбросій одержалъ верхъ. „Рѣшительное и искусное противодѣйствіе миланскаго архіепископа, лукаво пишетъ Гиббонъ (III, 283),—разстроило планы Симмаха и предохранило императора отъ обманчиваго краснорѣчія римскаго оратора". Самъ Амбросій утверждаетъ (Epist. LVII), что дѣло рѣшилъ юный императоръ, заявивъ, что онъ не можетъ отмѣнять то, что̀ постановилъ его братъ.

Стр. 288. Чисто по-римски и сурово. Ср. Aul. Gell. XIII, 21: „Romane et severe dixit".

Стр. 293. Лабаръ, labarum, — знамя съ именемъ Христа, впервые выставленное Константиномъ В.

Стр. 294. Въ лѣса и горы... Извѣстно, что язычество дольше всего держалось въ маленькихъ селеніяхъ, откуда возникло и самое названіе язычниковъ: pagani (pagus—селеніе).

Стр. 294. „Варваръ, увы, побѣдитель...." См. выше, гл. XIV книги I. Hor. Epod. XVI, 11—12:

Barbarus, heu, cineres insistet victor et Urbem
Eques sonante verberabit ungula.

Должно было пройти еще четверть столѣтія послѣ паденія Граціана до исполненія пророчества Горація. Только въ 410 г. варвары, какъ побѣдители, впервые вступили въ Римъ (Аларихъ).

Поправка. Въ предыдущемъ томѣ, въ примѣчаніяхъ, стр. 237, напечатано: „Ф. Т. Ричардсъ", надо: „Р. Гринъ".

ПРИЛОЖЕНІЕ.

(Къ главамъ III и VIII книги I, главѣ IX книги II и др.).

Сношенія, преимущественно торговыя, народовъ, живущихъ по берегамъ Средиземнаго моря, съ народами Дальняго Востока, т.-е. живущими по берегамъ Индійскаго и Великаго океана, начались задолго до возникновенія Римской имперіи. Историки относятъ первыя экспедиціи египтянъ въ землю Пунтъ, т.-е. къ побережью Бабъ-эль-Мандебскаго пролива, къ серединѣ 3-го тысячелѣтія до Р. Х., а первыя сношенія Египта съ Индіей къ эпохѣ XVIII династіи (XVIII—XVII вѣкъ до Р. Х.). Но есть нѣкоторыя основанія относить начало этихъ сношеній къ гораздо болѣе раннему времени. Впрочемъ, широкое развитіе торговыхъ сношеній Египта съ землями по Индійскому океану принадлежитъ уже греко-римскому періоду, когда Египетъ повелъ оживленную торговлю съ европейскими центрами. Съ африканскаго побережья Египетъ вывозилъ въ Европу слоновую кость, рога носороговъ, черепаху, живыхъ звѣрей, черное дерево, „миробаланъ" (растительный продуктъ), имбирь, стораксову смолу, мирру, ладанъ, драгоцѣнные камни (топазы и др.), наконецъ, рабовъ; изъ Аравіи египтяне везли въ Европу жемчугъ, коралловъ, опять мирру и ладанъ, бальзамъ, нардъ, финики; изъ Индіи — индійскую слоновую кость, жемчугъ, сахарный тростникъ, мускатный орѣхъ, рисъ, разныя пряности, имбирь (индійскій), гвоздику, шафранъ, корицу, кардамонъ, перецъ, костъ (корень одного растенія, употреблявшійся для приданія запаха масламъ), индиго, строительные матеріалы, черное дерево, индійскій дубъ, бамбукъ, драгоцѣнные камни (индійскіе алмазы и др.), далѣе хлопокъ и различныя ткани; изъ Китая—прежде всего шелкъ (какъ шелкъ-сырецъ, такъ шелковую пряжу и готовыя шелковыя ткани), затѣмъ мѣха и кожи. Съ своей стороны египтяне стали возить въ Аравію, Индію и Китай свои продукты и продукты Европы, въ томъ числѣ хлѣбъ, растительныя масла, металлы (желѣзо, мѣдь, олово и др.), произведенія текстильной промышленности, вино, ювелирныя издѣлія, стеклянныя издѣлія, раз-

личныя художественныя произведенія и т. под. Естественно, что столь обширный кругъ предметовъ торговли долженъ былъ вызвать оживленнѣйшія торговыя сношенія. И дѣйствительно, торговля Европы съ Дальнимъ Востокомъ черезъ египетскія гавани въ цвѣтущее время Римской имперіи была въ высшей степени интенсивна. Можно сказать, что Европа и Дальній Востокъ въ ту эпоху были въ постоянныхъ сношеніяхъ.

Главнымъ центромъ этой торговли была на Востокѣ Индія. Значительную часть китайскихъ товаровъ египетскіе купцы получали черезъ индійскихъ посредниковъ. Поэтому важнѣйшимъ торговымъ путемъ для египетской торговли былъ путь въ Индію. Въ древнѣйшее время египтяне довольствовались плаваніемъ вдоль береговъ (каботажнымъ), которое, конечно, было чрезвычайно медленнымъ. Съ усовершенствованіемъ судостроенія и послѣ изученія свойствъ муссоновъ египетскіе мореходы стали отваживаться на плаваніе черезъ открытое море. Есть извѣстіе, будто первымъ, рѣшившимся на это, былъ нѣкто Гиппалъ (вторая половина I в. по Р. Х.). Онъ замѣтилъ, что въ Индійскомъ океанѣ правильно чередуются два вѣтра: лѣтомъ, съ мая по сентябрь дуетъ юго-западный муссонъ, зимой, съ октября по апрѣль, муссонъ сѣверо-восточный. Выѣхавъ изъ гавани Восточной Африки лѣтомъ, Гиппалъ, пользуясь лѣтнимъ муссономъ, непосредственно достигъ береговъ Индіи; зимой онъ вернулся тѣмъ же путемъ, пользуясь противоположнымъ, зимнимъ муссономъ... Съ того времени такой способъ плаванія сталъ обычнымъ для египетской торговли съ Индіей. Постепенно выработались опредѣленныя традиціи, которымъ эта торговля слѣдовала. Были опредѣленные сроки, къ которымъ всѣ купцы собирались со своими кораблями въ извѣстныхъ гаваняхъ, чтобы совершать плаваніе цѣлой флотиліей, и были такіе же опредѣленные сроки, къ которымъ ждали купцовъ обратно. Къ этимъ срокамъ были пріурочены разные другіе морскіе рейсы, развозившіе заокеанскіе товары по Европѣ и подвозившіе европейскіе товары въ Египетъ для отправки ихъ на Дальній Востокъ.

Къ концу I в. по Р. Х. морскія торговыя сношенія Египта съ Индіей вполнѣ установились. Каждый годъ, около времени лѣтняго солнцестоянія, египетскій флотъ, въ числѣ болѣе 100 кораблей, пользуясь муссономъ, пускался въ путь черезъ океанъ и возвращался зимой, въ декабрѣ или январѣ. По берегу Краснаго моря былъ устроенъ рядъ удобныхъ гаваней, которыя были соединены хорошими дорогами съ Ниломъ. Самой южной изъ такихъ гаваней была Береника Троглодитика, оттуда дорога вела въ Коптъ (нынѣ Кебтъ), городъ, лежавшій по Нилу немного сѣвернѣе Ѳивъ. Болѣе значительной гаванью и обычнымъ пунктомъ отплытія былъ Міосъ-Гормъ (Mioshormos), соединенный дорогой съ Кенеполемъ, лежавшимъ близъ Копта. Между Береникой и Міосъ-Гормомъ была еще гавань—Левкъ (Leucos-Limen). Изъ Краснаго моря корабли, большею частью минуя островъ Діоскоридовъ (нынѣ

Сокотора), плыли прямо къ западнымъ берегамъ Индіи, причемъ на этотъ переѣздъ надо было отъ 30 до 40 дней. На Малабарскомъ берегу Индіи былъ рядъ городовъ, служившихъ центромъ торговли съ европейцами; наиболѣе обычными гаванями, куда прибывали египетскіе купцы, были Нелькинда (нынѣ Нилесвара) и Мусиръ (нынѣ Мангаторъ), но писатели I—II в. называютъ тамъ же и рядъ другихъ гаваней. Ищущіе большей прибыли направлялись иногда на сѣверъ, по Малабарскому берегу, къ устью Инда, гдѣ были важныя гавани Барбарикъ (точно мѣстоположеніе не опредѣлено) и Баригазы (нынѣ, вѣроятно, Броачъ) или на островъ Салику, раньше называвшійся Тапробаной (нынѣ Цейлонъ), гдѣ была знаменитая гавань Меоора (на южной оконечности острова, нынѣ Матара), а нѣкоторые, болѣе отважные, на сѣверъ по Коромандельскому берегу къ устью Ганга.

Эти ежегодныя поѣздки римско-египетскихъ купцовъ въ Индію довольно хорошо ознакомили съ ней римлянъ. Птоломей, Плиній, анонимный авторъ „Перипла" („Плаванія по Индійскому океану") и другіе греко-римскіе писатели временъ имперіи оставили довольно точныя описанія Индіи. Мы знаемъ, что и правительство всячески старалось поддерживать сношенія съ Индіей; цѣлый рядъ оффиціальныхъ посольствъ былъ отправленъ къ индійскимъ государямъ римскими императорами, въ томъ числѣ посольства Августа, Клавдія, Траяна, Антонина Пія, Элагабала, Авреліана, Константина В., Юліана. Индійскіе государи въ свою очередь посылали посольства въ Римъ; такія посольства принимали Августъ, Клавдій, Антонинъ Пій, Элагабалъ и др. Точно такъ же индійскіе купцы въ свою очередь пріѣзжали въ Египетъ и были тамъ не рѣдкими гостями (какъ то видно изъ сообщеній Діона Хрисостома, Элія Аристида и др.). Значительное число кладовъ римскихъ монетъ (начиная съ эпохи второго тріумвирата до послѣднихъ императоровъ), находимыхъ въ разныхъ мѣстностяхъ Индіи, также свидѣтельствуетъ объ оживленности сношеній въ I—IV в. по Р. Х. между Европой и Индіей. Въ Модурѣ (на южной оконечности Декана) существовала цѣлая римская колонія, чеканившая, повидимому, собственную монету. Можно еще отмѣтить, что въ недавнее время среди „оксиринскихъ папирусовъ" была найдена греческая комедія, дѣйствіе которой происходитъ въ Индіи, причемъ выступающіе въ комедіи индійцы произносятъ слова, оказавшіяся словами одного изъ дравидскихъ языковъ. Папирусъ относится къ эпохѣ Антониновъ.

Однако, наиболѣе отважные изъ римско-египетскихъ купцовъ-мореходовъ не довольствовались торговлей съ Индіей, но пытались распространить свои сношенія съ народами далѣе на Востокъ. Отъ Салики (Цейлона) они плыли на Золотой полуостровъ, въ Хризу (Малакка), на западные берега Индо-Китая, въ гавани Саду и Тамалу (послѣдняя въ дельтѣ Ирравади), или даже на восточные берега Индо-Китая, въ Забу

(въ Камбоджѣ) и далѣе въ Коргаоу (близъ Сайгона). Иные попадали,—иногда случайно, занесенные бурей,—на острова Зондскаго архипелага, на островъ Сатировъ (Борнео), Благого Демона (Суматра) или Ябадіу (Ява). Наконецъ, послѣднимъ предѣломъ, котораго достигали римско-египетскіе купцы, были гавани южнаго Китая, изъ которыхъ наиболѣе извѣстной была Каттигара (нынѣ или Кантонъ, или Нанкинъ, или Ханои). Хотя эти посѣщенія Китая римскими кораблями и были сравнительно рѣдкими, все же несомнѣнно, что китайскіе продукты поступали въ Европу не только черезъ индійскихъ посредниковъ, но и непосредственно черезъ руки отдѣльныхъ отважныхъ египетскихъ купцовъ.

Китайскія лѣтописи сохранили намъ свѣдѣнія о нѣсколькихъ „посольствахъ", являвшихся отъ римскихъ императоровъ къ богдыхану. Наиболѣе извѣстное изъ нихъ—посольство императора Ань-Туна, какъ его называютъ китайцы, т.-е. Марка Аврелія Антонина, въ 166 г. по Р. Х., къ императору Гвангъ-Ти, въ его столицу Ло-Янгъ (на среднемъ теченіи Гоанго). По разсказу китайскихъ лѣтописей, посольство пріѣхало моремъ изъ имперіи Та-Цинъ (Великій Римъ), высадилось въ Йи-Нанѣ (Линамѣ), было эскортировано въ столицу и принесло въ даръ сыну неба слоновые клыки, рога носорога и броню черепахи. „Съ этихъ поръ,—сообщаютъ китайцы,—начались безпрерывныя сношенія съ этой страной" (т.-е. съ Римской имперіей). Среди другихъ сходныхъ извѣстій упоминаютъ китайскія лѣтописи о прибытіи, въ 227 г., въ Кіа-Чао (т.-е. уже въ Желтое море), римскаго купца по имени Цинъ-Лунъ (т.-е. римлянинъ Лунъ). Онъ былъ представленъ высшимъ чиновникамъ провинціи, его разспрашивали „объ обычаяхъ и пѣсняхъ" его страны и отправили обратно въ Кіа-Чао, откуда онъ уѣхалъ къ себѣ на родину. Еще одно „посольство", тоже въ началѣ III в. по Р. Х., привезло императору Таи-Цу дары изъ стеклянныхъ вещей, возбудившіе удивленіе китайцевъ. Въ 284 г. новое „посольство" привезло въ даръ 30.000 свитковъ папируса. Такъ какъ римскіе источники ничего объ этихъ „посольствахъ" не говорятъ, надо предположить, что они не были оффиціальными; простые римскіе (египетскіе) купцы самовольно выдавали себя за представителей имперіи.

Во второй половинѣ III в., подъ вліяніемъ великихъ смутъ во всей имперіи, морская торговля съ Дальнимъ Востокомъ начала приходить въ упадокъ. У египетскихъ купцовъ явились опасные соперники въ лицѣ купцовъ изъ царства аксумитовъ и гомеритовъ (точнѣе химьяритовъ). Гомериты или химьяриты было одно изъ арабскихъ племенъ, жившихъ на юго-восточной оконечности Арабскаго полуострова, въ странѣ, называвшейся у древнихъ Счастливая Арабія (область Мохи и Адена). Цивилизація этого народа достигла значительной высоты еще до утвержденія римскаго владычества надъ Египтомъ. Въ столицѣ химьяритовъ, Сапфарѣ, возникли роскошныя строенія; тамъ развивались

науки и искусства. До насъ дошелъ, между прочимъ, судебникъ этого царства, составленный на греческомъ языкѣ. Химьяриты съ давнихъ поръ занимались торговлей, сухопутной и морской, и были въ сношеніяхъ съ Индіей. Противъ царства химьяритовъ, на Африканскомъ берегу (въ области нынѣшней Абиссиніи), лежало царство аксумитовъ, съ главнымъ городомъ Аксумъ,—народа, также стоявшаго на значительной культурной высотѣ. Во II в. по Р. Х. химьяриты подчинили себѣ аксумитовъ и оба царства слились въ одно. Позднѣе связь эта распалась, но потомъ возобновилась вновь, но на этотъ разъ господствующимъ явилось уже царство аксумитовъ. Въ IV в. общей столицей соединенныхъ царствъ былъ Аксумъ, и его царь именовалъ себя „Βασιλεὺς Ἀξωμιτῶν καὶ Ὁμηριτῶν καὶ τοῦ Ῥαιδᾶν" (кремль въ Сапфарѣ). Царство аксумитовъ сносилось съ Римской имперіей, какъ равное государство съ равнымъ. Констанцій, въ 356 г., обратился къ тогдашнему царю аксумитовъ Аеизану съ дружеской просьбой; въ Кодексѣ Ѳеодосія поминается посольство „ad gentem Axumitarum et Homerita(rum)". Это-то аксумо-гомеритское царство и захватило въ III в. торговлю съ Дальнимъ Востокомъ. Аксумиты стали посредниками индійцевъ и римлянъ въ ихъ торговыхъ сношеніяхъ, и непосредственная морская торговля Египта на Востокѣ упала. Однако, она не прекратилась совершенно. Мы знаемъ изъ сообщенія Вописка (Hist. Aug.), что въ концѣ III в. „(Firmus) naves quoque ad Indas negotiatorias saepe misit". Къ концу III в. относится и одно изъ римскихъ „посольствъ" въ Китай. Въ IV в. непосредственныя морскія сношенія Египта съ Индіей снова нѣсколько оживляются, и въ индійскихъ кладахъ, въ которыхъ римскія монеты III в. рѣдки, находятъ довольно много римскихъ монетъ IV в.

Независимо отъ морской торговли съ Индіей римляне вели торговыя сношенія съ Дальнимъ Востокомъ и по сухопутнымъ дорогамъ. Въ началѣ имперіи уже былъ опредѣленный путь для такой торговли (преимущественно съ Китаемъ). Этотъ путь шелъ черезъ Персію и Бактрію (черезъ нынѣшній Афганистанъ и Бухару) до Исседона Скиѳскаго (нынѣ Кашгаръ), гдѣ разъ въ году устраивалась грандіозная ярмарка. Описаніе одного путешествія, которымъ пользовался Птоломей, указываетъ слѣдующіе этапы этого пути: изъ Гіераполиса на верхній Евфратъ, оттуда черезъ Персеполь, Гекатомпилу, Бактру къ Гиссару, далѣе черезъ горную страну къ Суркхабу. Тотчасъ за горнымъ проходомъ, по этому описанію, находилась знаменитая „каменная башня" (нынѣ, вѣроятно, развалины „Дараутъ-кургана"). То была лишь одна изъ возможныхъ дорогъ, и авторъ „Перипла" указываетъ нѣсколько сухопутныхъ путей въ Исседонъ и далѣе въ Китай. Ко времени прибытія въ Исседонъ римскихъ купцовъ, туда являлись купцы китайскіе, проводившіе свои караваны черезъ Монголію. Въ Исседонѣ римское золото и римскіе товары обмѣнивались на произведенія Серединной имперіи, и такимъ обра-

зомъ ежегодно громадное количество римскихъ денегъ уходило на Востокъ.

Эта сухопутная дорога для торговли съ Китаемъ стала затруднительной во II в. вслѣдствіе усиленія царства пароянъ и ихъ враждебныхъ отношеній къ римлянамъ. На это жаловались римскіе „послы" при китайскомъ дворѣ въ 166 г. Ново-персы, въ III в., попытались-было совершенно закрыть римлянамъ пути черезъ свою страну. Нѣкоторое время сухопутная торговля Рима съ Китаемъ должна была вестись при посредствѣ промежуточныхъ народовъ. Впослѣдствіи посѣщеніе ярмарки въ Исседонѣ римскими купцами возобновилось, но все же главныя нити торговли остались въ рукахъ персовъ, и главнымъ рынкомъ китайскихъ товаровъ для римлянъ сталъ Нисибъ. Извѣстно, что еще Юстиніанъ упорно искалъ новыхъ путей для торговли съ Китаемъ. Эти поиски прекратились лишь въ 50-хъ годахъ VI в., когда византійцы научились сами разводить шелковичныхъ червей и Сирія стала покрываться плантаціями тутоваго дерева.

Цѣны на дальне-восточные товары въ Европѣ за все время Римской имперіи стояли очень высокія. Въ эпохи, когда торговля съ Индіей и Китаемъ замирала, онѣ достигали фантастическихъ размѣровъ. Во второй половинѣ III в., когда прервалась торговля сухимъ путемъ, а морская торговля временно ушла изъ рукъ египтянъ, фунтъ золота и фунтъ шелка, по свидѣтельству Вописка (Hist. Aug.) были равноцѣнны. Но всѣ усилія императоровъ ограничить употребленіе шелка въ имперіи были напрасны. Тщетно издавались законы, разрѣшавшіе носить шелковыя одѣянія лишь опредѣленнымъ классамъ лицъ,—съ каждымъ десятилѣтіемъ въ большихъ городахъ шелкъ входилъ все въ бо́льшее и бо́льшее употребленіе. Менандръ (вторая половина III в.,—эпоха особенной дороговизны шелка) говоритъ, что ни одинъ народъ на землѣ не потребляетъ столько шелка, какъ византійцы. Амміанъ Марцеллинъ (IV в.) говоритъ, что шелкъ прежде употреблялся лишь знатными людьми, а теперь имъ безудержно пользуются и самые простые („Seres conficiunt sericum, ad usus antehac nobilium, nunc etiam infirmiorum sine ulla discretione proficiens"). Въ имперіи дальне-восточные товары, по свидѣтельству Плинія, продавались по цѣнѣ въ сто разъ высшей, чѣмъ они стоили на мѣстѣ („apud nos centuplicato veneant"). Но тотъ же Плиній говоритъ, что „по самому умѣренному расчету, Арабія, Индія и Китай ежегодно похищаютъ изъ римской имперіи по сто милліоновъ сестерціевъ". Послѣ этого понятно, что нѣкоторые современные историки самое паденіе Западной Римской имперіи приписываютъ тому обстоятельству, что она разорилась, отдавъ все свое золото на Востокъ,—въ Индію и въ Китай.

(Plin. Nat. Hist., VI, XII; Amm. Marc., XXIII, 10—88; Hist. Aug., Aurel.; Хвостовъ, passim; Моммсенъ, V, 593—609; G. Ferrero, VI; Duruy, V; Ш. Диль, 540—552; R. Darest, Lois des Homérites, и др.).

СПИСОКЪ ИСТОЧНИКОВЪ.

Чтобы дать возможность желающимъ провѣрить мои цитаты и чтобы указать объемъ матеріаловъ, которыми я пользовался, я привожу здѣсь списокъ сочиненій, на которыя сдѣланы ссылки въ примѣчаніяхъ. Списокъ раздѣленъ на три части: 1) изданія античныхъ авторовъ, 2) новыя изслѣдованія, 3) справочныя изданія.

Изъ сочиненій античныхъ авторовъ важнѣйшее значеніе для меня имѣли, конечно, произведенія той эпохи, къ которой относится дѣйствіе повѣсти: историки Амміанъ Марцеллинъ, Зосима, Сократъ и др., поэты Авсоній, Клавдіанъ, Сидоній Аполлинарій (послѣдніе два нѣсколько позднѣйшей эпохи) и др., письма Симмаха, автобіографія Августина, кодексъ Ѳеодосія, Notitia dignitatum и т. под. Эти произведенія я старался читать въ ихъ наиболѣе авторитетныхъ изданіяхъ и сожалѣю, что долженъ былъ пользоваться старымъ изданіемъ кодекса Ѳеодосія, а не новымъ, вышедшимъ подъ редакціей Моммсена. Что касается другихъ произведеній, то я довольствовался тѣми изданіями, которыя были у меня подъ рукой. Читатель замѣтитъ, что иногда то были изданія, представляющія больше цѣнности для библіофила, чѣмъ для историка. Но я полагаю, что въ тѣхъ случаяхъ, когда мнѣ нужна была незначительная цитата, мои выводы не были бы опровергнуты той или иной коньектурой новаго изданія. Если я пользовался, кромѣ подлиннаго текста, переводомъ, въ спискѣ указано также изданіе этого перевода (желаніе имѣть латинскій переводъ сочиненій Зосимы заставило меня, между прочимъ, обратиться къ старинымъ изданіямъ этого историка). Когда въ примѣчаніяхъ есть ссылка на писателя, сочиненія котораго въ спискѣ не названы, это означаетъ, что я пользовался цитатой изъ вторыхъ рукъ (какъ, напр., сочиненіями св. Амбросія,—что въ примѣчаніяхъ всегда указано).

Изъ новыхъ изслѣдованій моими лучшими руководителями были де-Бролье, Г. Буассье, А. Тедена (во всемъ, что касается археологіи римскихъ форумовъ) и до сихъ поръ остающимся живымъ и „неувя-

даемымъ" замѣчательный трудъ Гиббона. Этихъ историковъ я цитирую во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣчь идетъ о исторіи, бытѣ и нравахъ IV вѣка, т.-е. эпохи, къ которой относится дѣйствіе повѣсти. Когда же мнѣ казалось полезнымъ напомнить читателямъ нѣкоторые факты изъ болѣе ранней исторіи Рима, сообщить нѣкоторыя данныя по общеримскимъ древностямъ, истолковать тотъ или другой терминъ,—я не видѣлъ надобности обращаться къ изданіямъ спеціальнымъ. Если въ какомъ-либо популярномъ сочиненіи или даже учебникѣ я находилъ правильное освѣщеніе даннаго вопроса, я довольствовался ссылкой на эту книгу. Рядъ такихъ справочныхъ изданій указанъ въ 3 отдѣлѣ списка.

Считаю долгомъ принести глубокую благодарность проф. А. І. Малеину, сдѣлавшему мнѣ рядъ цѣнныхъ замѣчаній по прочтеніи первыхъ главъ повѣсти, и П. Б. Струве, оказавшему мнѣ существенную помощь библіографическими указаніями.

Передъ названіемъ каждой книги въ спискѣ стоитъ (въ скобкахъ) сокращенное названіе, подъ которымъ она упоминается въ примѣчаніяхъ.

В. Б.

I. ИЗДАНІЯ АНТИЧНЫХЪ АВТОРОВЪ

(въ подлинникѣ и въ переводѣ).

(Aesch.). Aeschyli tragoediae. Edidit H. Weil. Bibliotheca Teubneriana.

(Agr.). Agroetius de orthographia et proprietate et differentia sermonis. Vide Œuvres complètes d'Ausone (Aus.).

(Amm. Marc.). Ammiani Marcellini quae supersunt. Accedunt auctoris ignoti de imperatoribus excerpta. Editio Tauchnitiana. Lipsiae, 1876.
Амміанъ Марцеллинъ. Исторія. Переводъ (по изданію Гардтгаузена 1874—75 г.) Ю. Кулаковскаго и А. Сонни. 3 тома. Кіевъ, 1906—1908.
Ammien Marcellin ou les dix-huit livres de son histoire. Nouvelle traduction. 3 vol. A Lyon, 1778.

(Ant. Riese). Antologia latina sive poesis latinae supplementum. Pars prior (fasciculi I—II) recensuit Alexander Riese. Lipsiae in aed. B. G. Teubneri, 1894—1906.

(Ant. Meier). Antologia veterum latinorum epigrammatum et poematum. Editionem Burmannianam digessit et auxit Henricus Meyerus. Tomi I—II. Lipsiae, 1835.

(Arr.). Arriani Anabasis et Indica. Emendavit Fr. Dübner. Reliqua Arriani et scriptorum de rebus Alexandri M. fragmenta collegit Carolus Müller. Firmin-Didot ed. Parisiis. 1877.

(Apul.). Œuvres complètes d'Apulée traduites en français (texte en regard) p. Victor Bétolaud. 2 vol. Garnier frères. Paris.
(August.). Augustini de civitate Dei. Recensuit B. Dombart. Vol. I—II. Bibliotheca Teubneriana.
La Cité de Dieu de Saint Augustin. Traduction nouvelle p. Emile Saisset. Charpentier libr. Paris, 1855.
Confessions de Saint Augustin. Bibliothèque-Charpentier. Paris.
(Aul. Gell.). Œuvres complètes d'Aulu-Gelle. Traduction française (texte en regard) p. M. Charpentier et M. Blanchet. 2 vol. Garnier frères. Paris.
(Aus.). Decimi Magni Ausonii Burdigalensis Opuscula. Recensuit Rudolfus Peiper. Bibliotheca Teubneriana.
Œuvres complètes d'Ausone. Traduction nouvelle (texte en regard) p. E.-F. Corpet. (Appendix: Agroetius de orthographia). 2 vol. C. Panckoucke éd. Paris, 1842.
(Baehrens). Poetae latini minores. Recensuit Aemilius Baehrens. Vol. I—VI. Bibliotheca Teubneriana.
(Caesar). Caesaris commentarii de bello Alexandrino. Recensuit E. Woelfflin. Bibliotheca Teubneriana.
(Carm. Priap.). Carmina priapea. Vide Petronii Satirae.
(Cat.). Q. Valerii Catulli Carmina. Recensuit Lucianus Mueller. Bibliotheca Teubneriana.
(Cic.). M. T. Ciceronis scripta. Tuscululanae disputationes, de natura deorum etc. Edidit Lucianus Mueller. Bibliotheca Teubneriana.
(Claud.). Claudii Claudiani Carmina. Recognovit Iulius Koch. Bibliotheca Teubneriana.
Œuvres complètes de Claudien traduites en français (texte en regard) p. Héguin de Guerle. Garnier frères. Paris.
(Cod. Theod.). Codicis Gregoriani et codicis Hermogeniani fragmenta. Codicis Theodosiani libri XVI. Instruxit Gustavus Haenel. Bonnae, 1837.
(Corp. Gramm.). Corpus grammaticorum latinorum veterum. Collegit auxit recensuit Fridericus Lindemanus. Tomi I—IV. Sumptibus B. G. Teubneri et F. Claudii. Lipsiae, 1831—1840.
(Eutr.). Eutropii breviarium Romanae Historiae. Recensuit Christophorus Cellarius. Cizae, 1678.
(Hist. Aug.). Historiae Augustae scriptores VI, accurante Cornelio Schrevelio. Lugduni Batavarom, 1661.
Шесть писателей исторіи о августахъ. 2 тома. Спб., 1775.
(Herod.). Исторія Геродота. Перев. Ѳ. Мищенка. 2 тома. М. 1888.
(Hor.). Q. Horatii Flacci Carmina. Recensuit Fridericus Vollmer. Bibliotheca Teubneriana.
(Hom.). Homeri Ilias. Edidit Guilielmus Dindorf. Bibliotheca Teubneriana.
(Just.). Histoire universelle de Justin extraite de Trogue-Pompée traduite (texte en regard) p. M. l'abbé Paul. 2 vol. Paris, 1774.

(Juven.). Satires de Juvenal traduites (texte en regard) p. M. Dusaulx. 2 vol. Paris. 1752.

(Liv.). Titi Livi ab urbe condita libri. Iterum recognovit Wilh. Weissenborn. Bibliotheca Teubneriana.

(Luc.). Lucain, Silius Italicus, Claudien. Œuvres complètes avec la traduction en français, publiées sous la direction de M. Nisard. Firmin Didot fr. libr. P. 1855.

(Manil.). Marci Manilii Astronomicon. Vide Mart.

(Mart.). Stace, Martial, Manilius, Lucilius iunior, Rutilius, Gratius Faliscus, Némésianus et Calpurnius. Œuvres complètes avec la traduction en français publiées p. M. Nisard. Firmin-Didot éd. Paris. 1878.

(Notitia). Notitia dignitatum. Edidit Otto Seeck. Berolini apud Weidmannos, 1876.

(Ovid.). P. Ovidius Naso. Edidit R. Ehwald. Vol. I—III. Bibliotheca Teubneriana. (Ссылки на Amores, Epist., Tristia).

P. Ovidii Nasonis Carmina. Edidit Alexander Riese. Vol. I—III. Ex off. B. Tauchnitz. Lipsiae, 1871. (Ссылки на Ars Amat., Remed., Metam.).

(XII Paneg.). XII panegyrici Latini. Recensuit Aemilius Baehrens. Bibliotheca Teubneriana.

(Petr. Sat.). Petronii Satirae et liber priapeorum. Tertium edidit Franciscus Buecheler. Berolini apud Weidmannos, 1895.

Œuvres complètes de Pétrone avec la traduction française p. Héguin de Guerle. Nouvelle éd. Garnier frères. Paris.

(Phaedr.). Phaedri Augusti liberti Fabulae Aesopiae. Recognovit Lucianus Mueller. Bibliotheca Teubneriana.

Fables de Phèdre suivies des œuvres d'Avianus, de Denys Caton, de Publius Syrus, traduites (texte en regard) p. Levasseur et J. Chenu. Nouvelle éd. Garnier frères. Paris.

(Plin.). C. Plini Secundi Naturalis Historiae. Edidit Carolus Mayhoff. Vol. I—VI. Bibliotheca Teubneriana.

(Plin. Epist.). Plini iunioris Epistulae. Recensuit C. F. W. Mueller. Bibliotheca Teubneriana.

(Porf.). Publilii Optatiani Porfyrii Carmina. Recensuit Lucianus Mueller. In aedibus B. Teubneri. Lipsiae, 1877.

(Quint. Curt.) Quintus Curtius Rufus. De rebus gestis Alexandri M. Macedonum regis. Cum supplementis Ioh. Ereinshemii. Apud H. Wetstenium. Amstelaedami 1687.

(Rut. Nam.). Claudii Rutilii Namatiani De reditu. Vide Mart.

(Sall.). C. Sallusti Crispi Catilina Iugurtha etc. Edidit Adam Eussner. Bibliotheca Teubneriana.

(Sen.). Œuvres de Sénèque le philosophe. Traduction de Lagrange. 8 vol. A Tours, an 3 de la République.

(Sen. Frag.). L. Annaei Senecae Tragoediae. Editoris C. Teuchnibnae nova impressio. Lipsiae, 1872.
Tragédies de Sénèque. Traduction française en regard, p. E. Greslon. Garnier Frères. Paris.
(Sid. Apoll.). C. Solius Apollinaris Sidonius. Recensuit Paulus Mohr. Bibliotheca Teubneriana.
(Socrat.). Socrates' Ecclesiastical History according to the text of Hussey. Clarendon Press. Oxford, 1893.
(Stat.). Papinii Statii Silvarum libri. Vide Mart.
(Suet.). C. Suetoni Tranquilli quae supersunt omnia. Recensuit Carolus L. Roth. Bibliotheca Teubneriana.
(Sulp. Sev.). Sulpicii Severi Opera omnia. Ex recensione Ioannis Clerici. Tomi I—II. Lipsiae, 1709.
Сулпиція Севера Священная Исторія. Переведена съ Латинскаго языка. Въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ лѣто 1793. (На славянскомъ языкѣ).
(Symm.). Q. Aurelii Symmachi quae supersunt. Edidit Otto Seeck. Monumenta Germaniae Historica. Berolini, 1883.
(Tib.). Albii Tibulli libri IV. Recensuit Lucianus Mueller. Bibliotheca Teubneriana.
(Bera). Bera. Апокрифическія сказанія о Христѣ. I. Книга Никодима. II. Книга Маріи Дѣвы. Спб. 1912.
(Verg.). Vergils Gedichte erklärt von Th. Ladewig und C. Scharper. Bearbeitet von P. Deuticke. 3 Bde. Berlin, 1904, 1907, 1912. (Большинство ссылокъ).
P. Vergili Maronis Opera. Edidit Albertus Forbiger. Lipsiae, 1875. (Нѣкоторыя ссылки).
(Vulg. Inschr.). Vulgärlateinische Inschriften. Herausgegeben von D-r Ernst Diehl. Bonn, 1910.
(Zos.). Zosimi Historiae graece et latine. Recensuit Io. Frid. Reitemeier. Lipsiae, 1784.
Zosimi Historia Nova. Ex recensione Friderici Sylburgii cum latina interpretatione. Cizae, 1679.

II. НОВЫЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

(P. Allard). Paul Allard. L'Art païen sous les empereurs chrétiens. Didier et C-ie. Paris, 1879.
(Anderson). The Architecture of Grece and Rome by W. J. Anderson and R. Ph. Spiers. London, 1907.
(Амфитеатровъ). А. В. Амфитеатровъ. Звѣрь изъ бездны. 3 тома. Т-во „Просвѣщеніе". Спб., 1911—1912.
(G. Boissier). Gaston Boissier. La Fin du paganisme. 2 vol. Paris, 1909.

(— Etude). Gaston Boissier, Etude sur la vie et les ouvrages de Varron. Paris, 1864.
(— L'Afrique). Гастонъ Буасье. Римская Африка. (L'Afrique Romaine) „Военно-историческій Вѣстникъ", 1911.
(De Broglie). Albert de Broglie. L'Eglise et l'Empire Romain au IV siècle. 6 vol. Librairie Perrin. Paris, 1904—1906.
(— S. Amb.). Albert de Broglie. Saint-Ambroise. Paris, 1899.
(Брюсовъ. В. Р.). Валерій Брюсовъ. Великій риторъ. Жизнь и сочиненія Децима Магна Авсонія. М., 1911.
(Burckhardt). Jacob Burckhardt. Die Zeit Constantins des Grossen. Leipzig, 1898.
(Cabanès). Docteur Cabanès. Moeurs intimes du passé. 2-ème série. La vie aux bains. Librairie A. Michel. Paris.
(R. Darest). Rodolfe Dareste. Nouvelles études d'Histoire du droit. 3-ème série. Paris, 1906.
(Ш. Диль). Шарль Диль. Юстиніанъ и византійская цивилизація. Переводъ съ французскаго. Спб., 1908.
(Duruy). Victor Duruy. Histoire des Romaines. 7 vol. Librairie Hachette. Paris, 1882—1900.
(G. Ferrero). Grandeur et décadence de Rome. Traduit de l'italien p. Urbain Mengin. Vol. V—VI. Librairie Plon. Paris, 1907—1908.
(Герье). В. Герье. Лекціи по римской исторіи (исторіографія), читанныя въ Московскомъ университетѣ въ 1893—94 г. (Литографированное изданіе).
(Гиббонъ). Эдуардъ Гиббонъ. Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи. Перевелъ В. Невѣдомскій. Части I—III. М. 1883—1884.
(Грегоровіусъ). Фердинандъ Грегоровіусъ. Исторія города Рима въ Средніе вѣка. Перевелъ М. Литвиновъ. Томы I—II. Спб. 1903.
(Р. Гринъ). Ричардъ Гринъ. Исторія англійскаго народа. Переводъ. П. Николаева. Томъ I. М., 1891.
(Хвостовъ). Михаилъ Хвостовъ. Исторія восточной торговли греко-римскаго Египта. Казань, 1907.
(Кэджори). Флоріанъ Кэджори. Исторія элементарной математики. Перевелъ И. Тимченко. Одесса, 1910.
(Кулаковскій). Юліанъ Кулаковскій. Исторія Византіи. Томъ I. Кіевъ, 1910.
(Kvičala). Johann Kvičala. Vergil-Studien. Prag, 1878.—Neue Beiträge zur Erklärung der Aeneis. Prag, 1881.
(Моммсенъ). Римская исторія Ѳ. Моммсена. Томъ пятый. Переводъ В. Невѣдомскаго. М., 1885.
(Mommsen). Th. Mommsen. Römisches Staatsrecht. Verl. v. S. Hirsel. 3 Bde. Leipz., 1871—1877.
(Numismata). Regum et imperatorum Romanorum numismata usque ad Iustinianum. Antverpiae, 1654.

(R. Pichon). René Pichon. Les derniers écrivains profanes. E. Leroux éd. Paris, 1906.
(Revue de Ph.). Revue de Philologie de littérature et d'histoire anciennes, 1911.
(Ф. Ричардсъ). См. Гринъ.
(Schanz). Martin Schanz. Geschichte der Römischen Litteratur. Vierter Teil. München, 1904.
(Schultze). Victor Schultze. Geschichte des Untergangs des griechisch-römischen Heidentums. 2 Bde. Jena, 1887.
(Seeck). Otto Seeck. Geschichte des Untergangs der antiken Welt. 3 Bde. Berlin, 1910—1911.
(Simon). Max Simon. Geschichte der Mathematik im Altertum. Verl. v. Bruno Kassirer. Berlin, 1909.
(Speck). E. Speck. Handelgeschichte des Altertums. Verl. v. F. Brandstetter. 5 Bde. Leipz., 1900—1906.
(Струве). Петръ Струве. Хозяйство и цѣна. Часть I. Спб.—Москва, 1913.
(Thédenat). Henry Thédenat. Le Forum Romain. Librairie Hachette. Paris, 1904.
(Thomas). E. Thomas. La Littérature Chrétienne. Louis-Michaud éd. Paris.
(Зѣлинскій). Ѳ. Зѣлинскій. Изъ жизни идей. Спб., 1908.

III. СПРАВОЧНЫЯ ИЗДАНІЯ.

(Dict. Inf.). Dictionnaire infernal p. Colin de Plancy. 4 vol. Paris, 1825—1826.
(Egli). J. J. Egli. Nomina geographica. Verl. v. F. Brandstetter. Leipz., 1893.
(Fasti). Fasti consulares imperii Romani. Mit Kaiserliste. Bearbeitet von Willy Liebenam. Bonn, 1910.
(Hempel). Lateinischer Sentenzen Schatz. Gesammelt von Hermann Hempel. Bremen, 1890.
(Lexique). Lexique des Antiquités Romaines. Rédigé sous la direction de R. Cagnat et G. Goyau. Librairie Thorin et fils. Paris, 1896.
(Pauly-Wissowa). Pauly's Real Encyclopädie des classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1901—1913.

Кромѣ того, въ примѣчаніяхъ есть ссылки на Библію, на Энциклопедическій словарь Брокгаузъ-Ефрона, а также отмѣченныя и не отмѣченныя цитаты изъ общеизвѣстныхъ сочиненій Фридлэндера („Картины римской жизни"), Э. Целлера („Исторія греческой философіи") и др.

СОДЕРЖАНІЕ.

Книга третья. Стр.

Глава I 3
II 13
III 23
IV 31
V 43
VI 58
VII 72
VIII 86
IX 101
X 116
XI 134

Книга четвертая.

Глава I 149
II 155
III 166
IV 179
V 193
VI 204
VII 211
VIII 221
IX 233
X 239
XI 249
XII 257

Стр.
Глава XIII. 265
XIV. 273
XV. 280

Примѣчанія.

Къ книгѣ третьей 299
Къ книгѣ четвертой 322

Издательство „Сиринъ“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Пушкинская, 10.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ И ПЕРЕВОДОВЪ

ВАЛЕРІЯ БРЮСОВА.

Полное собраніе будетъ заключать 25 томовъ. Изданіе будетъ выпускаться въ переплетахъ по спеціальному заказу издательства, печататься на бумагѣ „верже“; каждый томъ будетъ состоять изъ 16—18 печатныхъ листовъ (260—350 стр.).

СОДЕРЖАНІЕ ТОМОВЪ:

ТОМЪ 1. Юношескія стихотворенія. (1-е изданіе). Chefs d'œuvre. (4-е изданіе, значительно дополненное). Me eum esse (3-е изданіе, значительно дополненное). Въ этотъ томъ вошло около 90 стихотвореній, не включенныхъ въ собраніе „Пути и перепутья“. Портретъ автора. Предисловіе къ полному собранію сочиненій. Примѣчанія и варіанты. Спб. 1913 г. Стр. 270+XI.

ТОМЪ 2. Tertia Vigilia. (3-е изданіе, значительно дополненное).

ТОМЪ 3. Urbi et Orbi. (3-е изданіе, значительно дополненное).

ТОМЪ 4. Stephanos. Вѣнокъ. (3-е изданіе, дополненное). Всѣ Напѣвы (2-е изданіе, дополненное).

ТОМЪ 5. Зеркало Тѣней. (2-е изд., значительно дополненное).

ТОМЪ 6. Sed non satiatus. Восьмая книга стиховъ. (1-е изд.).

ТОМЪ 7. Девятая Камена. Девятая книга стиховъ. (1-е изд.).

ТОМЪ 8. Земная Ось. Первая книга разсказовъ. (3-е изданіе, дополненное 5 разсказами).

ТОМЪ 9. Ночи и дни. Вторая книга разсказовъ. (2-е изданіе, дополненное).

ТОМЪ 10. Огненный ангелъ. Повѣсть XVI вѣка. Первая часть. (3-е изданіе)

ТОМЪ 11. Огненный ангелъ. Вторая часть. (3-е изданіе).

ТОМЪ 12. Алтарь Побѣды. Повѣсть IV вѣка. Книги I—II. (1 изданіе). Спб. 1913 г. Стр. 284 + XI
ТОМЪ 13. Алтарь Побѣды. Повѣсть IV вѣка. Книги III—IV. (1-е изданіе). Спб. 1913 г. Стр. 356 + VI.
ТОМЪ 14. Юпитеръ поверженный. (1-е изданіе).
ТОМЪ 15. Драмы: Земля, Путникъ, Протесилай умершій и др. (1-е изданіе).
ТОМЪ 16. Далекіе и близкіе. Статьи и замѣтки о русскихъ поэтахъ отъ Тютчева до нашихъ дней. (2-е изданіе, дополненное).
ТОМЪ 17. Статьи біографическія. Статьи по иностранной литературѣ. (1-е изданіе).
ТОМЪ 18. Звенья. Статьи теоретическія. Статьи о театрѣ. (1-е изд.).
ТОМЪ 19. Мой Пушкинъ. Изслѣдованія и замѣтки о Пушкинѣ, біографическія, критическія и библіографическія. (1-е изданіе).
ТОМЪ 20. За моимъ окномъ. Встрѣчи, впечатлѣнія, мысли. (2-е изданіе, значительно дополненное).
ТОМЪ 21. Французскіе лирики XIX вѣка. Переводы (въ стихахъ) и характеристики. (2-е изданіе, дополненное).
ТОМЪ 22. Поль Верленъ. Собраніе стиховъ въ переводѣ и критико-біографическій очеркъ. (2-е изд., дополн.).
ТОМЪ 23. Эмиль Верхарнъ. Критико-біографическій очеркъ. Собраніе стиховъ въ переводѣ. Елена Спартанская. Драма. (2-е изданіе, дополненное).
ТОМЪ 24. Эдгаръ По. Собраніе стиховъ въ переводѣ и критико-біографическій очеркъ. (1-е изданіе).
ТОМЪ 25. Разные переводы въ стихахъ. (1-е изданіе).

Цѣна по подпискѣ на 25 томовъ при уплатѣ впередъ стоимости всего изданія—25 р. Допускается разсрочка платежа: при подпискѣ вносится 3 руб. и при выходѣ каждаго тома 1 р. 25 к., послѣдніе 2 тома—безплатно. Желающимъ получать съ доставкой книги высылаются налож. платежемъ; пересылка по дѣйствительной стоимости. Въ отдѣльной продажѣ цѣна каждаго тома 1 р. 75 к.

Подписка принимается въ конторѣ издательства „Сиринъ"
СПБ., Пушкинская, 10.

BINDING SECT. SEP 17 1971

PG
3453
B7
1913a
t.13

Briusov, Valerii IAkovlevich
Polnoe sobranie sochinenii i perevodov

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY